

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10(2)
2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
12+

Содержание

Статьи

С.В. Воробьёв. Падение «танкового короля» Исаака Зальцмана: исторические мифы и исторические факты 4

Люди. События. Факты

В.С. Пикалова, Д.В. Пикалов. Коммеморативные практики в системе советской идеологии в 1920-е гг. (на материалах истпартаов Северного Кавказа) 20

Е.Е. Красноженова. «Я знаю, что значит война». Нацистская оккупационная политика против детства (на материалах Северо-Запада РСФСР) 34

Г.Б. Тускаева, У.Ш. Тедеева, А.Ч. Хабдиева. Эвакуация из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР в годы Великой Отечественной войны 44

Этнические меньшинства в истории России

И.С. Карабулатова, А.Г. Шабамбаева, М.Ю. Никитин, Г.К. Резуанова, Г.К. Сыздыкова. Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде 52

А.Е. Жукова, О.А. Семенова, В.Ю. Шевелев. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) 66

Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит, К.А. Тишкина. Социальная помощь евреям-выселенцам в Сибири в годы Первой мировой войны 76

ВЫХОДИТ С 1926 ГОДА

ООО «ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

МОСКВА

М.В. СИНИЦЫН, И.С. КАРАБУЛАТОВА, Т.А. КАТЦИНА, Ф.Б. САУТИЕВА, К.К. КАРИМОВА. Конфликтогенность темы армянских и греческих беженцев в дискурсе СМИ периода Первой мировой войны на дореволюционном этапе.....	88
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Е.А. ШЕРШНЕВА. Государственное регулирование положения мусульманского духовенства в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.....	100
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.П. ЗИБЕРТ. Положение религиозных общин в Западной Сибири в контексте изменения вектора советской конфессиональной политики в 1920-е гг.....	110
Т.Г. НЕДЗЕЛЮК. «Лестница в небо»: сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского.....	120
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.С. ГОНЧАРОВА. Деятельность уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в национальных автономиях Сибири (на примере Хакасской автономной области).....	126
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.С. ДВОРЯНЧИКОВА. Влияние новой государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Западной Сибири в 1985–1991 гг.....	136
Н.К. БАЙГАБАТОВА, А.Ж. ТОЙБАЕВ, Г.М. ИСКАКОВА. Миграционные процессы в Казахстане в XIX – начале XX в. и их влияние на этническую структуру населения (на примере Семиреченской области).....	150
Ж.С. АУБАКИРОВА, Э.О. СТОЛЯРОВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Т.Е. ОМЫРЗАК, С.К. УАЛИЕВА. Население КАСССР в 1920–1926 гг.....	164
Г.А. САРСЕМБАЕВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА, Н.А. МАХМЕТОВА, Э.О. СТОЛЯРОВА, Ж.С. АУБАКИРОВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО. Исторические предпосылки формирования казахстанской «модели» рождаемости: середина XX – начало XXI в.....	174
Ж.С. АУБАКИРОВА, Т.Е. ОМЫРЗАК, Э.О. СТОЛЯРОВА, Г.А. САРСЕМБАЕВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Г.К. КЕНЖЕБАЕВ. Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX – начале XXI в.: противоречия и риски.....	186

Информационные технологии и Data Science

М.У. Байсаева, А.М. Гачаев, Е.В. Красавина, Ю.В. Забайкин. Интегрированные системы цифрового управления проектами как инструмент реализации стратегий компании: история и современность.....198

Сообщения

Е.А. Бабинцева, Г.О. Лукьянова. Исторические особенности сотрудничества России и Египта в сфере гидроэкологии.....216

Юньсян Гэ, Хао Цинь, Чэн Лу (автор, ответственный за переписку). Распространение моды с точки зрения маркетинга: история и современность.....222

Международное научное сотрудничество

Ян Шичжан. История распространения российской переводческой мысли в Китае.....232

Из истории культуры

Вэйхуа Чжоу. Фрески России и Китая: сравнительный анализ.....240

Миньюй Сунь, Ян Линь (автор, ответственный за переписку). Диалог между этничностью и симфонией. О композиции и развитии китайской этнической оркестровой музыки в Новую эпоху.....250

Лэ Чжань. Исследование композиции и исполнения современных фортепианных произведений в Китае.....258

Из истории религий

Юй Фучэнь. Искусство поклонения образам в Китае XVII в.....266

Рики Сапутра, Аррасийид, Махуди Ритонга, Ахмад Лахми, Шофван Карим, Ридо Путра. Религиозная умеренность с точки зрения А.Д. Айера.....280

Падение «танкового короля» Исаака Зальцмана: исторические мифы и исторические факты

С.В. ВОРОБЬЁВ

Fall of the "tank king" I.M. Salzman: historical myths and facts

S.V. VOROBYOV

Аннотация. В статье рассматриваются исторические мифы, связанные с «делом И.М. Зальцмана» 1949 г., когда он был снят с должности директора челябинского Кировского завода и исключен из рядов партии. Дается критический разбор версий причин опалы «танкового короля», возникновения и правомерности концепции «танкового дела» как причины отставки Зальцмана. Показаны механизмы мифологизации событий, связанных с разбором «дела Зальцмана» партийными органами. *Ключевые слова:* И.М. Зальцман, исторический миф, Челябинский Кировский завод, «ленинградское дело», «танковое дело».

Abstract. The paper examines historical myths related to the case of I.M. Salzman in 1949, when he was removed from the post of director of the Chelyabinsk Kirov Plant and expelled from the ranks of the Party. The paper analyses different versions of the reasons for disgrace of the "tank king". The paper also provides a critical analysis of the origin and validity of the concept of so-called "tank case" as the reason for resignation of Salzman. Finally, the paper shows the mechanisms of mythologization of events related to the investigation of the "Salzman case" by Party bodies.

Key words: I.M. Salzman, historical myth, Chelyabinsk Kirov plant, "Leningrad case", "tank case".

Мифы всегда сопровождают историю. Они рождаются из слухов, домыслов, искажения информации или целенаправленно, для создания положительного образа какого-то события или конкретной личности. Что представляет собой исторический миф? «Под историческим мифом понимается искусственная конструкция, созданная в области исторического знания, но не имеющая в себе реального исторического содержания. Говоря проще, это выдумка, укоренившаяся в историческом сознании»¹. Постепенно, в результате многочисленных повторений и воспроизведений миф закрепляется в массовом сознании и становится неоспоримой исторической истиной, историческим догматом. «Миф не столько отображает действительность, сколько ее преобразует. <...> Главное в мифе – его инструментальная сила, способность мобилизовать сторонников, демонизировать противников, дать по видимости связное и правдоподобное объяснение»² событиям прошлого. В связи с этим

опровержение и развенчание мифа в стремлении к исторической правде становятся практически непосильной задачей. Любой новый взгляд, покушающийся на устоявшуюся и общепринятую истину, знакомую картину мира, воспринимается крайне агрессивно, попадая под непримиримое осуждение и неприятие, и на этом пути непредвзятого историка ждут серьезные испытания. Но профессиональная задача историка заключается в развенчании мифов. Как писал наш выдающийся историк А.Я. Гуревич, «обществу, возможно, надобен только миф о прошлом, проблема истинности мифа его не занимает. Историк же, как член данного общества, тяготеющий к тому же мифу, вместе с тем в качестве профессионала не может не стремиться проверить его “на объективность”, “на истинность”»³.

По таким же законам формировался и миф об Исааке Моисеевиче Зальцмане – директоре Челябинского Кировского завода и нарком танковой промышленности СССР 1940-х гг. К созданию этого мифа приложил руку и сам Зальцман в конце своей жизни. В 1987 г. он написал автобиографию, в которой дал собственную трактовку событий 1949 г., когда его сняли с должности директора завода. По версии Зальцмана, в этот период ему «пришлось пережить тяжелое время», так как он был «сурово наказан по партийной линии в связи с так называемым “Ленинградским делом”». Однако он повел себя достойно в этой непростой ситуации: «Я стойко, честно оценил обстановку и не дал себя спровоцировать, несмотря на различные посулы и угрозы»⁴. О прочих причинах увольнения и исключения из партии Зальцман скромно умалчивает.

Впервые эту интерпретацию событий И.М. Зальцман привел несколько раньше – в марте 1986 г., в ответном письме челябинскому корреспонденту Р. Шнейвайсу. Он сообщал, что стал жертвой по «ленинградскому делу»: «Партийные боссы потребовали от меня написать материалы, компрометирующие руководителей Ленинграда». Но Зальцман проявил решительность, заявив: «...ничего плохого писать не собираюсь». В результате – незаслуженные обвинения в растрате государственных средств, исключение из партии и снятие с должности директора завода⁵.

Эту же версию И.М. Зальцман воспроизвел в беседе с известным корреспондентом А.А. Гервашем, на основании которой последний опубликовал в октябре 1988 г. статью в газете «Труд» под названием «Танковый нарком». Статья А.А. Герваша была приурочена к недавней смерти легендарного танкового директора и выдержана в хвалебных тонах. В статье Зальцман предстал героем, противостоящим политическим репрессиям периода позднего сталинизма, который, несмотря на все угрозы со стороны высшего руководства

Воробьев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: svorob.hist@gmail.com.

Vorobyov Sergey V. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svorob.hist@gmail.com.

страны, не стал доносить на ленинградских партийных работников. Как было написано в статье, Зальцман остался непреклонным: «Об этих людях я ничего плохого не знаю. Можете меня расстрелять, но больше мне сказать нечего»⁶. В отместку за эту позицию против Зальцмана было возбуждено дело.

Так стал формироваться культ И.М. Зальцмана (и в этом активное участие, как мы видим, принял и сам герой) как талантливого советского хозяйственного руководителя в годы Великой Отечественной войны, невинно пострадавшего в послевоенный период. Ему присваивается титул «танкового короля», впрочем, скромно позаимствованный у западных авторов⁷. В соответствии с правилами формирования культа все негативные черты личности и действия Зальцмана как руководителя затушевывались, минимизировались, переводились в разряд типичных и рядовых для партийно-советской и хозяйственной номенклатуры повседневных проявлений, в связи с чем они переставали быть столь вопиющими и неприглядными, а становились обыденными и ничего не значащими («все такие были»). В то же время заслуги абсолютизировались, выдвигались на первый план и даже преувеличивались, чтобы показать масштабность и величие фигуры Исаака Моисеевича. При этом любые попытки поставить культ под сомнение его сторонниками подвергались критике, а опалу Зальцмана объясняли удобными для них аргументами.

В то же время историки также вольно или невольно поддерживают эту мифологическую картину событий. В работах ряда исследователей с опорой на эти ненадежные исторические источники не критично рассматриваются некоторые аспекты деятельности И.М. Зальцмана, в том числе события 1949 г.

Свою трактовку причин снятия Зальцмана с должности директора завода предложил челябинский историк А.Н. Фёдоров, связав их с так называемым «танковым делом» 1949 г.⁸ Автор статьи утверждает, что репрессии против Зальцмана были связаны с кризисом в танковой отрасли⁹. По его мнению, претензии советского руководства заключались в том, что Челябинский Кировский завод, которым руководил Зальцман, сорвал план производства танков. Схожей позиции придерживаются и ряд других уральских историков¹⁰. В частности, Л.В. Шубарина отмечает, что «кризис, в котором оказалась танковая промышленность, должен был иметь своих виновников»¹¹.

В статье А.Н. Фёдорова предпринята попытка обобщить имеющуюся литературу и проанализировать документы центральных ведомств, чтобы выявить причины, ход и последствия событий 1949 г. и представить их как «танковое дело»¹².

Отправной точкой «танкового дела» стало письмо партийного работника Челябинского Кировского завода А.М. Зверева, направленное в ЦК ВКП(б). По мнению А.Н. Фёдорова, это письмо было обычным доносом¹³. Насколько справедливо это утверждение автора? Ведь донос – это, как правило, анонимное сообщение, когда автор пишет тайно, скрывая свое имя. Существует общепринятое определение доноса. Донос – «тайное обвинительное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-нибудь деятельности, поступках»¹⁴.

В юридической практике присутствует только понятие ложного (заведомо ложного) доноса. По советскому праву ложный донос – это «сообщение органу или должностному лицу, правомочному возбудить уголовное дело, заведомо ложных сведений о совершении преступления, не имевшего места в действительности, либо о совершении преступления лицом, в действительности его не совершавшим»¹⁵.

Таким образом, по своей форме письмо А.М. Зверева никак не было доносом. В нем приводились конкретные факты недостойного поведения Зальцмана. При этом Зверев ссылался на официальные приказы директора, его обвинения в адрес И.М. Зальцмана не были голословными, они «выстраивались на прочной документальной основе»¹⁶. К тому же Зверев не скрывал авторства, а подписал письмо своим именем, направив его не в «компетентные органы», а в адрес центрального партийного руководства. Он отлично понимал, что он будет и дальше работать с Зальцманом и получит от него «ответ». В итоге ответ последовал достаточно быстро. Зверев сначала был снят с должности секретаря парторганизации заводоуправления, а затем отправлен для работы на другой завод¹⁷.

А.Н. Фёдоров, говоря о причинах появления письма, выдвигает бездоказательное утверждение, граничащее с домыслом: «Трудно сказать, по своей инициативе А.М. Зверев отправил письмо в Кремль или по указанию кого-нибудь из руководителей области или даже страны»¹⁸. У Зверева были весьма значимые личные мотивы для написания письма против Зальцмана. В 1947 г. Зверев был снят Зальцманом с высокой должности замдиректора по быту и переведен парткомом завода на малозначущую должность секретаря парторганизации заводоуправления – одной из 76 первичных организаций завода. Такое карьерное падение не могло не ударить по его амбициям, и он затаил обиду. Поэтому его письмо в ЦК партии – это своего рода месть за отставку с престижной должности¹⁹. Но нельзя исключать, что Зверевым двигали не только корыстные мотивы, но и моральные убеждения, и он, как настоящий коммунист, не мог терпеть безобразий, творившихся на заводе.

Для проверки изложенных в письме А.М. Зверева фактов в отношении Зальцмана была создана специальная межведомственная комиссия, в которую вошли представители отдела машиностроения ЦК ВКП(б), Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Министерства транспортного машиностроения СССР. В нее также были включены ответственные работники Челябинского обкома ВКП(б) и парторг ЦК ВКП(б) Челябинского Кировского завода А.Г. Ульяненко²⁰. Такой состав комиссии должен был обеспечить объективность ее выводов. Комиссию возглавил завсектором отдела машиностроения ЦК ВКП(б) А.П. Панин. В целом выводы комиссии не были однозначно негативными. Ряд обвинений в адрес Зальцмана были сняты – более того, комиссия отметила положительную динамику в работе завода и не выступила с рекомендацией снять его с должности директора завода, предложив «привлечь т. Зальцмана И.М. к строгой ответственности за неправильный подбор и расстановку

кадров, грубое отношение к подчиненным и за непринятие необходимых мер борьбы с злоупотреблениями на заводе»²¹. Такая формулировка могла предполагать вынесение строгого выговора по партийной линии.

Щадящие в отношении Зальцмана выводы комиссии автор приписывает ее руководителю А.П. Панину, который пересекался с Зальцманом по работе на Урале в военный период. «Комиссия ЦК ВКП(б) оказалась лояльной к Зальцману: Панин знал его по работе в Нижнем Тагиле»²². Однако думается, что для такого утверждения нет достаточных оснований. У А.П. Панина не было повода проявлять к Зальцману благосклонность, поскольку с периодом войны у него были связаны не самые приятные воспоминания о нем.

В октябре 1942 г. вышло постановление бюро Свердловского обкома ВКП(б) «О работе завода № 183 им. Коминтерна», в котором серьезной критике подвергались руководители завода за то, что они «в сентябре месяце позорно провалили выполнение плана по выпуску машин и несмотря на свои заверения обманули Государственный Комитет Оборона»²³. Также было установлено, что «обман и факты очковтирательства со стороны руководителей завода имели место и в предыдущей практике работы завода; в мае месяце при значительном невыполнении плана завод отчитался за перевыполнение, а в последующие месяцы вынуждены были покрывать эту обманную операцию»²⁴.

За подобные действия руководство завода было строго наказано. Директор завода Ю.Е. Максарев получил выговор, а парторг С.А. Скачков – строгий выговор. Максарев и Скачков были предупреждены о том, что если они «не обеспечат выполнение плана по выпуску танков в октябре» и снова пойдут на обман, то будут исключены из партии и преданы суду²⁵. Досталось и секретарю обкома по танковой промышленности А.П. Панину. Он и первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) Е.Ф. Колышев были обвинены «в провалах работы завода» и в том, «что они не вскрыли своевременно очковтирательство и обман государства»²⁶. От них потребовали прекратить свое формальное отношение к работе завода, «навести порядок и дисциплину на заводе, повести борьбу с болтунами, очковтирателями и обманщиками государства»²⁷.

Но пикантность ситуации состоит в том, что в мае 1942 г. директором завода являлся не Ю.Е. Максарев. 1 февраля 1942 г. на эту должность был назначен И.М. Зальцман. Он оставался на ней до конца мая. 28 мая 1942 г. нарком танковой промышленности В.А. Малышев подписал приказ о возвращении И.М. Зальцмана с 1 июня на Челябинский Кировский завод и о восстановлении в должности директора завода Ю.Е. Максарева. Выполнение приказа по неизвестным причинам немного задержалось: фактически Максарев приступил к своим обязанностям 13 июня, а Зальцман в июле был назначен наркомом танковой промышленности СССР²⁸.

Поэтому именно И.М. Зальцману принадлежит «заслуга» в обмане высшего руководства страны относительно выполнения планов производства танков. Но, когда вскрылись факты мошенничества, Зальцман по своему статусу

оказался уже недостижим для областного руководства, поэтому наказаны были те, на кого распространялась компетенция Свердловского обкома партии. В свете этих событий ждать благосклонности со стороны Панина в отношении Зальцмана не приходилось. В этом плане прав А.Н. Фёдоров, отметивший, что лояльную позицию в отношении «танкового короля» заняли министерские представители в комиссии, которые из корпоративной солидарности стремились «защищать “своего”»²⁹. В этом с ним солидарен А.В. Сушков, отметивший негативное отношение министерских работников к автору письма Звереву. В письме, поданном на имя Г.М. Маленкова, они попытались его дискредитировать, указав на то, что «т. Зверев – автор записки – в 1938 г. репрессировался, и в 1948 г. ему вынесено партийное взыскание за недостойное поведение в быту»³⁰.

В итоге выводы комиссии оказались достаточно мягкими, она воздержалась от рекомендации снять Зальцмана с должности директора завода. Однако даже такой сравнительно благоприятный исход Зальцмана не удовлетворил. Он категорически не согласился с выводами комиссии А.П. Панина и отказался признать предъявленные ему обвинения³¹. Об этом в своей работе пишет и А.Н. Фёдоров: «Но когда 27 июня в Секретариате ЦК ВКП(б) стали разбирать его дело, он решительно отверг ряд предъявленных обвинений, и цеховским работникам пришлось в срочном порядке собирать дополнительный компромат»³². Правда, эту деятельность А.Н. Фёдоров оценивает весьма негативно: «После всех *махинаций* (курсив наш. — С.В.) 1 июля Секретариат ЦК ВКП(б) признал поведение И.М. Зальцмана антипартийным и постановил снять его с поста директора, а материалы о его поступках передать в Комиссию партийного контроля»³³. В связи с этим возникает вопрос: на каком основании А.Н. Фёдоров без подтверждения источниками утверждает, что работники ЦК ВКП(б) занимались махинациями, какие этому имеются доказательства? И, наконец, в чем заключались эти махинации? В фальсификации и тенденциозном подборе документов, неправомερных выводах комиссии? Автор, к сожалению, не дает ответа на этот небезынтересный вопрос.

А.Н. Фёдоров не называет конкретно тех, кто занимался, по его мнению, подтасовкой фактов, но, судя по контексту, речь шла о второй комиссии более высокого уровня, которая приступила к более основательному разбору этого дела. Соратник И.М. Зальцмана Е.В. Мамонтов так объяснял причину создания новой комиссии: «Товарищ Маленков сказал, что раз Зальцман не согласен с выводами комиссии, значит, или комиссия неправильно наша работала, или ты обманываешь. Давайте разберемся»³⁴. А.Н. Фёдоров в своей статье эту комиссию почему-то не называет и ее работу не афиширует, сведя ее деятельность к малозначимой формулировке: «цеховским работникам пришлось в срочном порядке собирать дополнительный компромат». В действительности, цеховские работники играли в комиссии второстепенную, техническую роль. Комиссия состояла из представителей высшего руководства страны: ее председателем являлся секретарь ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко, а членами –

заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов, заместитель председателя Совета министров СССР В.А. Малышев и министр транспортного машиностроения СССР И.И. Носенко ³⁵.

На самом деле, эта представительная комиссия работала очень тщательно и дотошно. Как отмечает А.В. Сушков, «создание такой комиссии свидетельствовало лишь об одном: высшее руководство стремилось, чтобы решение по “делу Зальцмана” было максимально компетентным и документально обоснованным» ³⁶. Изучив имевшиеся документы, комиссия пришла к выводу о необходимости снятия И.М. Зальцмана с должности директора завода.

Результаты деятельности комиссии Пономаренко были переданы Г.М. Маленкову, который подверг проект постановления существенной корректировке ³⁷. И в таком виде оно было внесено в протокол заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 1 июля 1949 г., а 11 июля его утвердило Политбюро. На этот временной лаг обратил внимание А.Н. Фёдоров и сконструировал на этом основании версию событий, уместившихся в этот временной промежуток. Он отметил, что обычно решение оперативного органа ЦК одобрялось его Политическим бюро в течение 3–5 дней, а при необходимости – в тот же день. Разрыв же в 10 суток означает, что баталии вокруг Зальцмана после 1 июля не стихли, а перешли на тот уровень, осветить который документально почти невозможно. Остается только предположить, что в это время Маленков давил на Малышева, вынуждая его «сдать» подопечного во избежание масштабных чисток в курируемом министерстве» ³⁸.

Версия, конечно, красивая, но, как отмечает выше сам автор, документальными источниками никак не подтверждается. К тому же зачем Г.М. Маленкову надо было давить на В.А. Малышева после 1 июля, чтобы он «сдал» Зальцмана? Ведь подпись Малышева стояла под запиской комиссии Пономаренко на имя Сталина, а также в сопроводительном письме к проекту постановления ЦК ВКП(б), переданных Маленкову 30 июня 1949 г. В этих документах была дана крайне негативная оценка деятельности директора Челябинского завода и ставился вопрос не только о снятии его с должности директора, но и о передаче материалов проверки в «КПК для привлечения к партийной ответственности» ³⁹. Таким образом, Малышев «сдал» Зальцмана еще раньше и требовать от него повторной «сдачи» не было никакого смысла.

Неоднократные правки проекта постановления Секретариата ЦК по делу Зальцмана заняли у Маленкова какое-то время. Поэтому выписка из постановления Секретариата ЦК была готова лишь 6 июля, а спустя пять дней, 11 июля, это решение утвердило Политбюро. Следовательно, эти процедуры укладываются в требуемые А.Н. Фёдоровым 3–5 дней для одобрения Политбюро решения Секретариата ЦК ⁴⁰.

Если считать Г.М. Маленкова инициатором дела Зальцмана, то возникает вопрос: почему окончательный вариант постановления, редактированием которого занимался Г.М. Маленков (по мысли А.Н. Фёдорова, главный враг

Зальцмана), оказался довольно щадящим? Если в первом варианте название постановления звучало весьма сурово: «Об антипартийном поведении директора Кировского Челябинского завода И.М. Зальцмана», то в окончательной редакции заголовок постановления выглядел вполне нейтрально: «О директоре Кировского Челябинского завода И.М. Зальцмане»⁴¹.

А.Н. Фёдоров считает очевидным, что отставка И.М. Зальцмана была связана не с теми обвинениями, которые ему предъявила комиссия, а с провалами в танковом производстве. «По сравнению с этими случаями сигнал низового партийного работника и вовсе выглядел пустяком». Но ни в постановлении ЦК ВКП(б), ни на собрании партактива Кировского завода, прошедшем 19–20 июля 1949 г., по мнению автора, этот момент по причине секретности не афишировался⁴². Более того, разговоры о неправильном подборе кадров и хамском поведении как раз и понадобились для того, чтобы закамуфлировать «танковый след» в деле И.М. Зальцмана. В связи с данным утверждением возникает вопрос: на основании каких фактов, свидетельств, доказательств сделаны столь серьезные выводы? Здесь, думается, автор в погоне за сенсацией допускает очень вольную интерпретацию источников, в которых отсутствует информация для подобных смелых выводов, не соотносящихся с научной точностью.

Результатом проблем в танковой промышленности, считает автор, и стало «танковое дело», а И.М. Зальцман оказался главным, но не единственным его фигурантом⁴³. При этом автор дает своеобразную трактовку того, почему данные события определяются как «танковое дело». Он считает, что «поскольку кадровые перестановки проходили в режиме мягких репрессий (знаковые отставки, понижение в должности, исключение из партии), то это вмешательство в работу танковой промышленности можно условно назвать “танковым делом”»⁴⁴. Возникает закономерный вопрос: если бы были более жесткие наказания фигурантов по результатам разбирательства – суд, уголовная ответственность в виде лишения свободы – то эти репрессии уже нельзя было назвать «танковым делом»?

По мнению А.Н. Фёдорова, «танковое дело» – «это административное давление» на руководителей отрасли и директорский корпус «с целью их быстрой мобилизации для решения текущих задач»⁴⁵. Однако историк утверждает, как было сказано выше, что «танковое дело» проходило в условиях секретности и никак не афишировалось⁴⁶. Возникает логическая нестыковка. Если хотели напугать и стимулировать директоров танковой промышленности, то зачем тогда камуфлировать дело? Надо было, наоборот, выдвинуть его на первый план, чтобы всем стало ясно, за что последуют серьезные наказания.

А.Н. Фёдоров считает, что наказание Зальцмана в связи с «танковым делом» почти никак не связано с фактами злоупотреблений, стилем руководства, неправильным подбором кадров, срывом плана производства тракторов, которые являлись вторичными, малозначащими и производными от «танкового дела». Здесь автор вступает в явное противоречие с самим

собой, так как в начале статьи указывает, что в рамках послевоенной конверсии производство тракторов стало одной из главных задач в послевоенный период⁴⁷.

К тому же, если главной составляющей в «деле Зальцмана» была, как утверждает А.Н. Фёдоров, танковая линия, а все остальные обвинения носили вторичный характер, то в служебной записке, поданной комиссией Пономаренко на имя первого лица государства – И.В. Сталина, танковая проблематика должна была носить приоритетный характер. От Сталина у членов комиссии не могло быть никаких секретов.

Записка занимает почти 13 страниц машинописного текста⁴⁸. В ней отражены следующие обвинения в адрес Зальцмана: недостойное поведение, недопустимые стиль и методы руководства, неправильная кадровая политика, невыполнение заводом государственных заданий и планов, служебные злоупотребления, неподобающее отношение к партийным органам, непартийное поведение. В то же время в этом ключевом по «делу Зальцмана» документе танковой проблеме отведено незначительное место – всего один абзац, в котором говорится о неудовлетворительном выполнении заводом правительственного плана по выпуску танков в 1946–1948 гг. Отмечалось, что «выпуск танков систематически срывался, значительное количество их выпущено с серьезными конструктивными и производственными дефектами», за что Зальцман в феврале 1949 г. получил выговор от Совета министров СССР⁴⁹.

Более того, в резюмирующей части записки танковая тема также не прозвучала. Зальцмана предлагалось снять с должности директора «ввиду плохого руководства... заводом и разнузданно-хулиганского, перерастающего в антисоветское поведения»⁵⁰.

Таким образом, нет никаких убедительных доказательств существования «танкового дела». Обнаруженное А.Н. Фёдоровым «танковое дело» представляется надуманной, искусственно созданной, умозрительной исследовательской концепцией, не подтверждающейся имеющимися документами.

Еще одна работа 2017 г., подготовленная кандидатом исторических наук Б.Д. Шмыровым, «Зальцман Исаак Моисеевич. Легендарный директор легендарного танкограда», носит публицистический характер⁵¹. Автор позиционирует свою работу как попытку нарисовать объективный портрет директора завода: не «создать приукрашенный лубок о “правильном” Зальцмане», а представить «сложную и насыщенную многочисленными событиями биографию» своего героя, защитив ее от той части «историков и исследователей, которые пытаются представить ее только в негативном свете»⁵².

Насколько автору удалось выдержать объективный исследовательский подход к анализу личности И.М. Зальцмана? Исследователей, дававших негативную оценку деятельности Зальцмана в бытность его директором Челябинского Кировского завода, Б.Д. Шмыров упрекает в том, что они не используют весь имеющийся к настоящему моменту массив архивных документов, «о котором историки не могли и мечтать 30 лет назад»⁵³.

Необходимо сказать, что этот упрек, мягко говоря, не совсем обоснован, поскольку те же А.В. Сушков и Н.А. Михалев в своих публикациях по теме широко привлекают материалы как региональных, так и центральных архивов (ОГАЧО, ЦДОСО, РГАСПИ)⁵⁴. Может быть, сам автор, следуя собственному призыву, обратился в своей работе к широкому кругу новых архивных источников. В конце книги им заявлена солидная архивная база исследования. Он ссылается на ряд федеральных архивов – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также на региональный архив – Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО). При этом указаны только архивные фонды, но почему-то не приведены использованные автором номера дел, что вызывает вопросы. К тому же, судя по тексту книги, в действительности автор использовал минимум заявленных архивных материалов.

Зато в качестве важного источника для реконструкции событий автор широко использует воспоминания как самого Зальцмана, так и его детей – сына Леонида Исааковича Зальцмана и дочери Татьяны Исаковны Зальцман (Штанько), а также зятя – В.И. Штанько. В источниковедении известно, что воспоминания являются весьма субъективным и тенденциозным источником, поэтому историки относятся к ним с большой осторожностью. Свойственная воспоминаниям «субъективность, если и не оценивалась открыто, как недостаток, то, во всяком случае, подразумевалась»⁵⁵.

К тому же для мемуаристов характерна абберация дальности: «мемуары отражают личность человека и историческое сознание общества в момент их написания (курсив наш. — С.В.), а не во время описываемых событий»⁵⁶. И.М. Зальцман написал свои воспоминания в конце 1980-х гг. В них он трактовал и подавал происходившие с ним события с точки зрения современной ему политической конъюнктуры периода «перестройки», когда сталинский режим осуждался как на официальном, так и на общественном уровне, и выглядеть невинной жертвой тоталитарного режима было очень выгодно. В связи с этим возникает вопрос: насколько обращение к такому источнику, как воспоминания, с учетом высокой степени их субъективности позволило автору создать объективную картину описываемых исторических событий?

В рамках концепции книги все критические стрелы в отношении своего героя автор решительно отбивает. Раздел книги, посвященный разбору дела Зальцмана, недвусмысленно озаглавлен «Позорная страница истории ЧТЗ и страны».

Автор спорит с оппонентами, которые якобы утверждали, что Зальцман при голосовании на партийных конференциях получал больше голосов «против», чем «за», и в результате пошел на фальсификацию итогов голосования⁵⁷. На самом деле, причин для спора здесь нет. Никто из историков, писавших по этой теме, в подобных неблагоприятных поступках И.М. Зальцмана не обвинял.

В действительности же партийные органы предъявляли ему претензии в том, что он в ходе голосования получал большое количество голосов «против». Например, в 1946 г., когда коммунисты Челябинского Кировского завода настраивались не избирать Зальцмана в заводской комитет, «на тайных выборах директор получил 20 % голосов “против”, больше, чем все остальные кандидаты, но в состав парткома вошел»⁵⁸. Подобная ситуация возникла в 1948 г. при выборах членов обкома, когда Зальцман снова получил большое количество голосов «против». Как отмечала комиссия А.П. Панина, «эти факты говорят о том, что вследствие неправильного отношения т. Зальцмана к людям его авторитет среди части коммунистов и трудящихся завода был подорван»⁵⁹. Таким образом, пытаясь защитить своего героя, автор создает еще один миф и, как Дон Кихот Ламанчский, борется с ветряными мельницами.

Также автор книги приходит к выводу, что Зальцман стал удобной мишенью для кремлевских чиновников по двум причинам. Во-первых, он связывает дело против Зальцмана с начавшейся в стране антисемитской кампанией по борьбе с «безродным космополитизмом» на том основании, что Зальцман был евреем по национальности. И, во-вторых, считает Б.Д. Шмыров, в связи с тем что Зальцман «работал и общался длительный период с руководством Ленинградской партийной организации», его было легко связать с «ленинградским делом», которое в то время разворачивалось в стране⁶⁰.

Что касается первого утверждения, то здесь автор некритично воспринял версию российского историка Г.В. Костырченко, который нашел антисемитский след в деле Зальцмана⁶¹. При этом автор работы напрямую не ссылается на исследования этого историка, однако его влияние на выводы Б.Д. Шмырова относительно причин репрессий в отношении Зальцмана явно прослеживается. Г.В. Костырченко избирательно подошел к имеющемуся по данной проблеме комплексу источников, акцентировав внимание только на тех, которые работали на его концепцию, а остальные, составляющие значительный документальный комплекс, оценил «как малозначительные либо как содержащие информацию, не соответствующую, по его мнению, действительности»⁶². Если подходить к вопросу непредвзято, можно увидеть, что никаких обвинений Зальцману по поводу космополитизма и «преклонения перед Западом» со стороны проверяющих предъявлено не было. Единственная претензия со стороны Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которую можно хоть как-то связать с еврейским вопросом, – это предоставление строительных материалов Московскому государственному еврейскому театру С.М. Михоэlsa, опять же за счет средств завода. Здесь можно было увидеть определенный политический мотив. Но это обвинение было предъявлено Зальцману вкуче с другими «антипартийными действиями в расходовании государственных средств» и из их ряда никак не выбивалось⁶³. Таким образом, в деле И.М. Зальцмана карта еврейства высшим партийным руководством не разыгрывалась.

Относительно второй, по мнению Б.Д. Шмырова, причины репрессий против Зальцмана – его отказа свидетельствовать против ленинградских

партийных руководителей – можно сказать следующее. Автор в своих выводах полностью доверяет автобиографии И.М. Зальцмана, в которой тот утверждал, что от него добивались дачи обличающих показаний на ленинградских руководителей, но он не пошел на сделку с совестью. Также на позицию Б.Д. Шмырова в данном вопросе, видимо, повлияли работы того же Г.В. Костырченко, в которых он придерживается этой версии опалы Зальцмана в связи с «ленинградским делом». Уязвимость данной концепции обусловлена отсутствием подтверждающей документальной базы. Дело в том, что это утверждение И.М. Зальцмана не подтверждается никакими документами. В обвинительных материалах по его делу ленинградские руководители упоминаются лишь в одном контексте: получение от Зальцмана дорогостоящего подарочного оружия, изготовленного за счет средств завода. Это обвинение в адрес Зальцмана рассматривалось как один из фактов незаконного расходования им государственных средств⁶⁴.

Все обвинения в злоупотреблении служебным положением, нецелевом расходовании бюджетных средств завода, коррупции автор выводит за скобки, так как они бросают тень на создаваемый им образ благородного героя, павшего жертвой интриг. В том, что это была интрига и что «дело Зальцмана» было сфабриковано вышестоящими партийными органами, у Б.Д. Шмырова нет сомнений. Он прямо пишет о том, что оно являлось постановкой «театра марионеток товарища Сталина» «под изрядно истрепавшимся названием “сохраним чистоту партийных рядов”»⁶⁵.

Из всех обвинений, предъявленных Зальцману Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б), Б.Д. Шмыров акцентирует внимание только на его грубом обращении с подчиненными. На самом деле, по версии Шмырова, незаслуженно обоганный «танковый король» вел себя непримиримо и позволял излишнюю грубость прежде всего в отношении лодырей и расхитителей социалистической собственности: «А что, в разговорах с любителями отдохнуть на производстве и пожить за счет государства, надо было мило улыбаться и лебезить?»⁶⁶ На каких источниках основаны данные утверждения историка, совершенно не понятно. Согласно известным документам, И.М. Зальцман не только терпимо относился к любителям пожить за счет государства, но и покровительствовал им. Да и самого его относили к таким любителям.

Б.Д. Шмыров утверждает, что целью кремлевского руководства было на примере «дела Зальцмана» продемонстрировать свое крайнее недовольство набиравшим силу региональным сепаратизмом – «союзом партийного и промышленного руководства в регионах» и жестко его пресечь⁶⁷. По всей видимости, под «союзом» автор подразумевал так называемое сращивание партийного и хозяйственного руководства. Москва, по мнению Б.Д. Шмырова, на примере Зальцмана устроила «показательную порку» в назидание другим.

Следует, однако, отметить, что для «показательной порки» наказание оказалось на удивление мягким. Зальцман был снят с должности директора завода и исключен из партии, хотя против него Комиссией партийного контроля

при ЦК ВКП(б) были собраны компрометирующие сведения очень серьезного характера: антипартийное отношение к местным партийным структурам, покровительство лицам, совершавшим злоупотребления, приписки, незаконное расходование государственных средств, злоупотребление служебным положением, недостойное поведение в быту (принуждение к вступлению в интимные отношения). Зальцману вполне могла грозить уголовная ответственность. Так, согласно ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР, за злоупотребление служебным положением его могло ждать лишение свободы на срок не менее шести месяцев, а за принуждение к половым отношениям женщин, находившихся от него в материальной и служебной зависимости, согласно ст. 154, – до пяти лет лишения свободы⁶⁸. Однако материалы проверки не были переданы в прокуратуру и уголовное дело возбуждать не стали. К тому же И.М. Зальцман остался депутатом Верховного совета СССР, не был лишен государственных наград, генеральского звания и Сталинской премии.

Автора книги удивила неправильная, на его взгляд, нумерация пунктов в выписке из протокола заседания секретариата ЦК ВКП(б), посвященно-го снятию И.М. Зальцмана с должности директора завода: «на документе указаны пункты 4, 5 вместо 2, 3, 4, что должно было быть, следуя логике. Пятерка исправлена на тройку, пункт 8 зачеркнут». Интерпретируя этот факт, автор дает волю своей фантазии. Он предполагает, что И.В. Сталин внес поправки в представленный Г.М. Маленковым черновой документ. «Вождь... посоветовал Георгию Максимилиановичу убрать из документа пункты 2, 3, 6 и 7, содержания которых автору неизвестны». Маленков исправил документ в соответствии с пожеланиями Сталина, вычеркнув ненужные пункты, «но при этом не исправил, как полагалось в таких случаях, нумерацию оставшихся». В результате получился казус с документом Политбюро ЦК ВКП(б), «решившим судьбу Исаака Моисеевича – после первого пункта, вместо второго пошел сразу четвертый, пятый, а за ним и восьмой»⁶⁹.

Но если бы Б.Д. Шмыров хотя бы немного разбирался в делопроизводственной практике и был более внимателен при анализе документа, то никакого смешного казуса он бы не увидел. Дело в том, что так пристально рассматриваемый документ – это именно выписка из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б). В делопроизводственной практике выписка – это «копия официального документа, воспроизводящая *его часть* (курсив наш. — С.В.) и заверенная в установленном порядке»⁷⁰. Выписка предоставляется в том случае, когда делать копию всего документа нецелесообразно из-за того, что большая его часть пользователю попросту не нужна.

На Секретариате ЦК ВКП(б) рассматривался проект постановления, представленный комиссией под руководством секретаря ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко. Впоследствии этот проект был подвергнут правке Г.М. Маленковым, но все семь пунктов постановления, предложенные комиссией, были им сохранены, хотя и в несколько отредактированном виде⁷¹.

После заседания Секретариата была подготовлена выписка, представлявшая ту часть постановления Секретариата ЦК ВКП(б), которая подлежала утверждению Политбюро (пункты 1, 4, 5), в том числе и вопрос о И.М. Зальцмане, с сохранением порядка нумерации пунктов исходного постановления. Собственно, об этом и говорилось в пункте 8 выписки: «Пункты 1, 4 и 5 внести на утверждение Политбюро»⁷². А вот в выписке из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 июля 1949 г. «О директоре Кировского Челябинского завода И.М. Зальцмане» нумерация пунктов уже была «правильная»: 1, 2, 3⁷³.

Таким образом, книга Б.Д. Шмырова является откровенным панегириком И.М. Зальцману. В ней автор так пишет о своем герое: «легендарный директор легендарного Танкограда», «талантливый инженер», «выдающийся организатор», «сохранил верность основным человеческим принципам», «человек с чистой совестью», «и в знак признательности всех его дел и уважения его доброго имени наша благодарная Память»⁷⁴.

Итак, в историографической традиции оценки личности и деятельности И.М. Зальцмана прослеживаются две тенденции. Одна из них связана с историографической ситуацией конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда в условиях политического плюрализма и «архивной революции» появилась возможность обращения к ранее закрытым историческим темам советской истории. Для этого периода были характерны «конъюнктурная некомпетентность»⁷⁵, радикализм оценок с неизбежными издержками и перегибами, особенно когда это касалось периода сталинизма. Все жертвы сталинского режима априори наделялись сугубо положительными качествами. Вторая тенденция стала проявляться в 2000-е гг., когда на основе нового комплекса исторических документов произошла определенная переоценка исторических взглядов предшествующего периода и возобладал менее ангажированный и более уравновешенный взгляд на события советской эпохи. На сегодняшний день эти две тенденции пока сосуществуют, но в силу эволюции исторической науки вторая из них будет постепенно занимать доминирующие позиции.

Примечания

1. МЕНЩИКОВ И.С. Миф и современное историческое знание. — Миф в истории, политике, культуре: Сб. м-лов III Междунар. науч. междисципл. конф. 2019. № 3, с. 228.
2. ЛЕРУА М. Миф об иезуитах: от Беранже до Мишле. М. 2001, с. 417.
3. ГУРЕВИЧ А.Я. История историка. М. 2004, с. 183.
4. Музей Челябинского тракторного завода. Дело персональное № 95, ф. I, р. II, п. III, инв. № 2114(а), л. 10–11.
5. ШНЕЙВАЙС Р. Как Сталина оставили без сабли. За что исключили из партии и сняли с работы первого директора Танкограда Исаака Зальцмана. — Челябинский рабочий. 2000. 25 февраля.
6. ГЕРВАШ А. Танковый нарком. — Труд. 1988. 13 октября.
7. УСТЬЯНЦЕВ С.В. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург. 2008, с. 51.

8. ФЁДОРОВ А.Н. «Танковое дело» 1949 г.: механизм решения проблем оборонной промышленности в послевоенный период. — Новейшая история России. 2017. № 4, с. 69–86.
9. Там же, с. 70.
10. ЗАПАРИЙ В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург. 2015, с. 214–218; ШУБАРИНА Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. Челябинск. 2011, с. 151–152.
11. ШУБАРИНА Л.В. Ук. соч., с. 164–165.
12. ФЁДОРОВ А.Н. Ук. соч., с. 77.
13. Там же.
14. ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1992, с. 177.
15. Большая советская энциклопедия: В 50 т. Т. 25. М. 1954, с. 357.
16. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург. 2016, с. 132.
17. Там же, с. 151, 155; ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» и замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. — Вопросы истории. 2016. № 6, с. 59.
18. ФЁДОРОВ А.Н. «Танковое дело» 1949 г..., с. 77.
19. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 131–132.
20. Там же, с. 150, 161.
21. Там же, с. 167–168.
22. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело»..., с. 60.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области, ф. 4, оп. 18, д. 16, л. 449.
24. Там же.
25. Там же, л. 451.
26. Там же.
27. Там же, л. 452.
28. УСТЬЯНЦЕВ С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 2: Уральский танковый завод № 183. Нижний Тагил. 2010, с. 54; ЕРМОЛОВ А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб. 2013, с. 170.
29. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 59.
30. Цит. по: СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 150.
31. Там же, с. 169.
32. ФЁДОРОВ А. Н. «Танковое дело» 1949 г..., с. 78.
33. Там же.
34. Цит. по: СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 170.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же, с. 187.
38. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 60–61.
39. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 185.
40. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 60.
41. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 189, 190.
42. ФЕДОРОВ А.Н. «Танковое дело» 1949 г..., с. 78–79.
43. Там же, с. 72.
44. Там же, с. 80–81.

45. Там же, с. 79, 81.
46. Там же, с. 78.
47. Там же, с. 72, 78.
48. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 118, д. 448, л. 131–143.
49. Там же, л. 133.
50. Там же, л. 143.
51. ШМЫРОВ Б.Д. Зальцман Исаак Моисеевич: легендарный директор легендарного Танкограда. Челябинск. 2017.
52. Там же, с. 9.
53. Там же, с. 11.
54. См., например: СУШКОВ А.В., МИХАЛЕВ Н.А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!». И.М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов. — Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64, с. 94–108; СУШКОВ А.В. «Зальцман чувствует себя вождем». И.М. Зальцман и Челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов. — Там же. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66, с. 78–90; СУШКОВ А.В. «Дело танкового короля» Исаака Зальцмана: золотые часы и драгоценное оружие для ленинградских товарищей. В кн.: Гороховские чтения: М-лы седьмой региональной музейной конференции. Челябинск. 2016, с. 332–334.
55. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М. 2004, с. 297.
56. Там же, с. 295.
57. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 122.
58. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело»..., с. 56.
59. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана..., с. 165.
60. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 121.
61. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М. 1994, с. 260–263.
- ЕГО ЖЕ. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Изд. 2-е, доп. М. 2003, с. 616–618.
62. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана..., с. 6.
63. Там же, с. 214
64. Там же, с. 214–215.
65. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 123.
66. Там же, с. 196.
67. Там же, с. 121.
68. Уголовный кодекс РСФСР: официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. с приложением постатейно-систематизированных материалов. М. 1948, с. 63, 79.
69. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 124
70. ГОСТ 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М. 1983, с. 4.
71. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана..., с. 186–191.
72. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1527, л. 220.
73. Там же, л. 126.
74. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 196–198.
75. ПОЛЯКОВ Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. М. 1995.

Коммеморативные практики в системе советской идеологии в 1920-е гг. (на материалах истпартов Северного Кавказа)

В.С. ПИКАЛОВА, Д.В. ПИКАЛОВ

Commemorative practices in the system of Soviet ideology in the 1920s (based on the materials of the Istparts of the North Caucasus)

V.S. PIKALOVA, D.V. PIKALOV

Аннотация. В современной России является актуальной проблема формирования гражданской идентичности, в связи с чем значительное внимание уделяется коммеморации, то есть сохранению в исторической памяти общества представлений о наиболее значимых событиях коллективного прошлого, выступающих основой преемственности поколений. В статье анализируются основные направления деятельности истпартов Северного Кавказа в процессе коммеморации значимых, с точки зрения советских властных институтов, ключевых исторических событий – Октябрьской революции и Гражданской войны. Авторы рассматривают такие способы коммеморации истпартов Северного Кавказа, как организация вечеров воспоминаний, создание выставок и музеев революции, подготовка наградных списков для чествования местных героев, переименование населенных пунктов и открытие памятников.
Ключевые слова: СССР, истпарт, советская идеология, Северный Кавказ, коммеморация, историческая память, места памяти.

Abstract. In modern Russia, the problem of the formation of civic identity remains urgent, in connection with which considerable attention is paid to the commemoration, that is, the preservation in the historical memory of society of ideas about the most significant events of the collective past, acting as the basis for the continuity of generations. The article analyzes the main directions of the activities of Istparts of the North Caucasus in the process of commemoration of the important historical events significant from the point of view of the Soviet power institutions – the October Revolution and the Civil War. The authors consider such methods of commemoration of the historical monuments of the North Caucasus as the organization of evenings of memories, the creation of exhibitions and museums of the revolution, the preparation of award lists to honor local heroes, the renaming of settlements and the opening of monuments.

Key words: USSR, Istpart, Soviet ideology, North Caucasus, commemoration, historical memory, places of memory.

В современной России актуальной остается проблема формирования гражданской идентичности, фундаментом которой является историческая память. Если в 1990-е гг. на волне деидеологизации мы наблюдали устранение государства от активного вмешательства в вопросы истории, то сегодня стала очевидной невозможность существования страны без политики памяти.

Обращение к историческим примерам политики памяти позволяет как учитывать положительный опыт, так и видеть негативные тенденции, связанные с неизбежной политизацией истории. Возможность использования политики памяти для мобилизации групповой солидарности также носит дискуссионный характер. Представляется важным, чтобы она основывалась на научной картине мира, а не на сконструированных в угоду текущей конъюнктуре исторических мифах.

Одним из ключевых направлений политики памяти государства, реализуемой для утверждения властной модели представлений о коллективном прошлом, являются коммеморативные практики как способы и мероприятия, целью которых является сохранение в массовом сознании памяти о значимых, с точки зрения власти, исторических событиях. Например, учреждение системы государственных праздников и так называемого национального календаря, фиксирующего «дни воинской славы и памятные даты»; возведение памятников; учреждение новых институциональных органов как мнемонических субъектов; регулирование доступа к архивам; финансирование исследований по определенной исторической проблематике и др.

Для большевиков такими значимыми событиями недавнего прошлого являлись история революции 1917 г. с фокусом внимания на «Октябре», приобретавшем в процессе коммеморации статус «Великого», и Гражданской войне с акцентом на «красном» фронте военно-политического противостояния.

В 1920 г. в Советской России был создан Истпарт и в дальнейшем – система региональных истпартагов, охватывающая территорию всей страны¹. Их образование в эпоху становления Советского государства и выработки его идеологических оснований демонстрирует понимание большевиками значения формирования представлений о недавнем прошлом для легитимизации своей власти в массовом сознании. Да и сами большевики не скрывали обеспокоенности уже в годы Гражданской войны публикацией литературы по революционной тематике П. Милюковым, Н. Сухановым и выходом в свет других изданий на Украине, Дону, Кубани, Ставрополье, в которых была изображена иная точка зрения на события революции 1917 г.²

Пикалова Василина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики истории и обществознания ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт». E-mail: vasklo@mail.ru; Пикалов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики истории и обществознания ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт». E-mail: swaromir@mail.ru.

Pikalova Vasilina S. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Theory and Methods of History and Social Science of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute". E-mail: vasklo@mail.ru; Pikalov Dmitry V. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Theory and Methodology of History and Social Science of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute". E-mail: swaromir@mail.ru.

С декабря 1921 г. Истпарт стал отделом ЦК РКП(б), а региональные истпарты, соответственно, – отделами губернских и областных парткомитетов³. Тем самым большевики с первых шагов у власти стремились поставить под партийный контроль в общегосударственном масштабе работу по созданию властной модели интерпретации истории революции 1917 г. и Гражданской войны со стремлением отразить в ней не только центральные, но и региональные сюжеты. Несмотря на название организации – Истпарт, образованное в духе большевистского «новояза» путем сокращения словосочетания «история партии», в сферу компетенции этой привилегированной институции входил широкий круг вопросов по истории революционного движения и Гражданской войны, однако с безусловным фокусом внимания на роли большевиков в этих процессах.

Помимо создания теоретических конструкций в форме нарратива, важным в деятельности истпартов были и конкретные коммеморативные мероприятия, которые должны были закрепить в массовом сознании эти властные модели интерпретаций. Значение работы истпартов по воздействию на массовое сознание усиливается и в связи с общеизвестным фактом, что в период 1921–1934 гг. история как самостоятельная учебная дисциплина в вузах и школах не существовала, а вместо нее было введено обществоведение, включавшее фрагментарно исторические сведения, связанные преимущественно с революционным движением.

Коммеморативные практики истпартов зарождались во время их текущей работы и включала комплекс мероприятий, например публикацию материалов в местной периодической печати, чтение публичных лекций, подготовку материалов для радио, издание научно-популярной литературы. Остановимся в рамках данной статьи на организации вечеров воспоминаний, создании выставок и музеев революции, подготовке наградных списков для чествования местных героев, переименований населенных пунктов и открытии памятников. Все эти способы наполнялись конкретным содержанием в зависимости от теоретического уровня разработки определенного историко-революционного сюжета, текущей политической ситуации в стране, эволюции идеологии. Рассмотрим их на примере работы истпартов Северного Кавказа с учетом локальных особенностей этого макрорегиона, включавшего в рассматриваемую эпоху территории современных административных единиц Ростовской области, Краснодарского края, Ставропольского края, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи.

Возможность изучения деятельности истпартов как мнемонических субъектов, осуществлявших политику памяти, базируется на концептуально-методологических подходах таких современных отечественных исследователей, как А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко⁴. Авторы убедительно показывают неизбежность существования политики памяти и ее важность как ключевого инструмента формирования идентичности. Для изучения механизма создания социальных представлений о прошлом интерес представляют

теоретические положения И.М. Савельевой и А.В. Полетаева⁵. Значение собственно советской символической политики раскрыто в работах Г.А. Бордюгова, С.Ю. Малышевой, М. Рольфа⁶.

Наибольшая активность в реализации различной коммеморативной деятельности связана с праздничными мероприятиями, значимыми с точки зрения формирования новой советской идентичности. После прихода большевиков к власти был начат процесс создания нового праздничного календаря. На краевом, губернском, а затем и окружном уровне создавались специальные комиссии для проведения праздников, в которые входили сотрудники местных истпартаов. Для трансляции официальной идеологии истпарты использовали различные способы участия в юбилейных торжествах, посвященных годовщинам Октябрьской революции и местным юбилеям утверждения советской власти. Попытка коммеморации революции 1905 г. в связи с ее 20-летним юбилеем не привела в последующие годы к включению этой «памятной» для большевиков даты в календарь советских праздников, но в реалиях середины 1920-х гг. выполнила функцию легитимизации в массовом сознании прихода к власти большевиков путем попытки удревить их участие в истории революционной борьбы.

В 1920-е гг. истпартами была инициирована масштабная кампания по сбору воспоминаний о революционном движении и Гражданской войне у людей, лояльных к большевистской власти, которая являлась не только способом получения новых источников личного происхождения, но также была одним из ключевых направлений в комплексе коммеморативной деятельности советской власти и, соответственно, являлась инструментом конструирования новой модели исторической памяти.

Изучение данного способа коммеморации позволяет рассмотреть механизм создания представлений о прошлом, ввиду того что в системе истпарта были выработаны разнообразные методики сбора воспоминаний. Если до революции 1917 г. мемуаристика была уделом интеллектуалов, то в 1920-е гг. к написанию воспоминаний стремились привлечь «широкие народные массы» с максимальным включением в этот процесс провинции. Апелляция к событиям недавнего прошлого, активными участниками или свидетелями которого были люди не только в центре, где традиционно «творится история», но и в местных локальных сообществах, способствовала утверждению в сознании значимости каждого в строительстве нового мира.

Локальные практики коммеморации при общих формах реализации отличались как интенсивностью осуществления, так и разным содержанием, зависящим от специфики конкретного региона и его места в истории революции и Гражданской войны. Так, в рамках укрупненного в 1920-е гг. Северо-Кавказского края и функционирования краевого и окружных истпартаов их работа при наличии общих черт все же не была одинаковой. Например, нельзя не учитывать различия промышленного г. Ростова-на-Дону с дореволюционным рабочим движением и аграрные Терек и Ставрополье с преимущественно казачье-крестьянским населением.

Такой способ коммеморации, как вечера воспоминаний, применялись всеми истпартами Северо-Кавказского макрорегиона. В фондах истпартов сохранились не только сведения о времени, месте проведения вечеров воспоминаний, количестве выступавших и присутствовавших, но зачастую протоколы и стенограммы, анализ которых позволяет увидеть масштабы работы.

Особенно активно такие собрания проводились Донским истпартом в г. Ростове-на-Дону в клубах и на промышленных предприятиях, а этот опыт ставился в пример истпартам всей страны ⁷. Так, только с 9 сентября по 12 октября 1922 г. прошли восемь вечеров воспоминаний в городе. Вечер на тему «Советская власть на Дону в 1918 г.» был проведен в октябре 1922 г. в столовой главных мастерских Владикавказских железных дорог, на нем для 100 слушателей с воспоминаниями выступили восемь человек. Там же был организован вечер на тему «О ноябрьской стачке в Ростове в 1902 г.», где для 200 собравшихся выступали семь человек. На вечере в депо Ростовского трамвая об «Октябрьской революции» собрались около 40 чел. и выступили 11. В театре железнодорожных мастерских станции Тихорецкой о «Ноябрьской стачке 1902 г. в Тихорецкой» выступали 15 докладчиков, а присутствовало 300–350 рабочих и служащих. В Нахичеванском партийном клубе на вечере «Октябрьская революция на Дону» для 60 собравшихся выступали девять человек и т.д. ⁸

При анализе стенограмм и протоколов вечеров воспоминаний можно реконструировать и специфику подобных мероприятий по формированию новой модели исторической памяти. Как правило, на них выступали сотрудники местного истпарта, которые давали идейные установки для всего мероприятия. Они рассказывали о важности фиксации воспоминаний о революционных событиях. Это было необходимо в первые годы работы истпартов, потому что утверждало в сознании значимость как тематики из недавнего прошлого, находившейся в фокусе внимания, так и самих личных свидетельств для реконструкции событий на локальном уровне. На собраниях сотрудниками истпартов зачитывались заранее подготовленные доклады-воспоминания. Слово для воспоминаний также представлялось самим участникам событий. С учетом того что слушателями были не только активные участники и свидетели революции и Гражданской войны, но и молодое поколение, значение вечеров воспоминаний в системе коммеморативной деятельности истпартов было шире, нежели только сбор воспоминаний.

Анализ стенограмм показывает, что на многих таких вечерах шел открытый диалог, возникали дискуссии и в целом царил атмосфера воодушевления, которая должна была стимулировать участников впоследствии зафиксировать личные воспоминания и передать их в истпарт. Для этого на предприятии, где проводилось собрание, выбирали активиста из числа рабочих – уполномоченного истпарта, который должен был собирать воспоминания и историко-революционные материалы у рабочих и передавать их в местный истпарт. Также для помощи в написании воспоминаний оставляли специально разработанные вопросы ⁹.

Собранные после таких собраний воспоминания содержали идеологемы и представления, сформированные под влиянием как услышанных выступлений, так и в целом пропаганды того времени. Так, после вечера воспоминаний в апреле 1925 г. на чугунолитейном заводе имени И. Ченцова (до революции – «Товарищество Лели и Ко») один из участников, который был назначен на этом предприятии уполномоченным Донского истпарта, Т. Дубинко, написал свои воспоминания. В них мало фактической конкретной информации, отражающей специфику революционных событий в г. Ростове-на-Дону, а больше интерпретаций и пропагандистских клише, характерных для середины 1920-х гг.

Центральной идеей этих воспоминаний является высказанное автором убеждение, что он с первых же дней свержения царя понимал, что «помещики и капиталисты без сопротивления своих благ жизненных не отдадут рабочим и крестьянам», а потому «путь кровавый требует жертв», который необходимо было пройти «через трупы с оружием в руках». Автор утверждал о наличии у него чувства уверенности в «неотвратимости победы социалистической революции» уже с первых дней февральских событий 1917 г. Т. Дубинко написал и о проходившем 9 марта 1917 г. по инициативе группы большевиков собрании рабочих завода, на котором якобы был дан наказ члену Совета рабочих депутатов о необходимости довести пролетарскую революцию до победного конца, добиваться прекращения империалистической войны, немедленного созыва Учредительного собрания, экспроприации земли, восьмичасового рабочего дня¹⁰, то есть тех ключевых программных лозунгов, которые были характерны для большевистской пропаганды последующих месяцев революционного 1917 г.

Этот пример показывает, что для многих участников таких вечеров было важнее не оставить правдивую информацию о фактах революционного прошлого, а обозначить свое место в новой системе общественных отношений путем демонстрации значимости своей роли в событиях, находящихся в основании нового мира.

Однако вечера воспоминаний первых лет работы истпартов, проведенные не в таком промышленном центре, как г. Ростов-на-Дону, а, например, в аграрном Прикумском уезде Терской губернии, отличались меньшим количеством идеологических штампов. На организованном там вечере, приуроченном к шестой годовщине Октября в 1923 г., участники откровенно говорили о непонимании ими в революционном 1917 г. задач местного Совета, отсутствии большевистской парторганизации после Февральской революции¹¹. Таким образом, локальная специфика уже в рамках макрорегиона Северного Кавказа и время организации вечера воспоминаний также накладывали отпечаток на их содержание. Кроме того, как показывает изучение дальнейшей истории работы истпартов в 1930-е гг., такие «откровения» в условиях установления единой власти И.В. Сталина и ужесточения идеологического содержания интерпретации истории партии были уже не только невозможны, но и опасны.

Существенной проблемой при сборе воспоминаний являлась неграмотность или малограмотность многих участников и свидетелей революции

и Гражданской войны. В этом случае сотрудники истпарта интервьюировали респондентов по специально разработанным анкетам. Такие анкеты определяли, что следует вспоминать, тем самым выступая инструментом конструирования властной модели исторической памяти. Учитывая, что воспоминания собирались только у людей, лояльных к новой власти, создавалась изначально большевистско-центристская модель интерпретации истории революционно-процесса начала XX в. и Гражданской войны.

Вечера воспоминаний проходили независимо от праздничных мероприятий, но больше всего их было проведено именно в связи с очередными юбилейными датами, в том числе местного значения. Для активизации этой работы Терский истпарт, например, давал указания всем райкомам партии округа о необходимости в честь пятилетия со дня восстановления советской власти на Тереке организовать вечера воспоминаний на предприятиях, в клубах, избах-читальнях, «красных уголках». На них должны были выступать участники революционного движения в регионе со своими личными воспоминаниями, подготовленными заранее по разработанной схеме ¹².

Вечера воспоминаний обязательно следовало проводить и в честь десятилетия годовщины советской власти на Северном Кавказе в 1930 г. На них должна была освещаться не только история утверждения советской власти на Северном Кавказе, но также история Красной армии и Первой конной армии ¹³. Появление в рекомендованной для освещения на вечерах воспоминаний тематики об истории Первой конной армии отражает новое идеологическое наполнение этого способа коммеморации. Оно связано с началом формирования образа И.В. Сталина как гениального организатора победы большевиков в Гражданской войне, заложенного в опубликованной в газете «Правда» в декабре 1929 г. статье К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия» ¹⁴.

Инструментом формирования новой модели исторической памяти было и непосредственное вмешательство истпарта в содержание собранных воспоминаний. Одним из многочисленных примеров может быть предписание сотрудников истпарта в г. Армавире, откровенно говоривших о необходимости проверки и обработки полученных воспоминаний участников Гражданской войны «в смысле точности и правдивости фактов, изложенных в материалах путем дополнений, изменений, смотря по существу вопроса» ¹⁵.

Одним из способов коммеморации было награждение почетными грамотами местных участников революционного движения и Гражданской войны. Чествование именно местных героев становится обязательным атрибутом празднования очередных годовщин Октябрьской революции. Источником для установления их имен, как правило, были собранные истпартами воспоминания. Истпарты составляли списки участников борьбы за советскую власть, на основе которых и вручались грамоты ¹⁶. Это могли быть не только грамоты, но и подарки, как в г. Эссентуки Терского округа, где красные партизаны получили в честь десятилетия Октябрьской революции ценные вещи – револьвер «Маузер» с кавказским поясом, теплую фуфайку, отрез на белье, часы, пиджак и пр. ¹⁷

Погибшим в Гражданской войне большевикам, имена которых выявлялись в результате поисковой работы истпартов, устанавливали памятники.

На основе мемуарного материала определяли также то, какую роль сыграли в революционных событиях отдельные предприятия или населенные пункты. Впоследствии в соответствии с данными истпартов их награждали высшими советскими наградами или присваивали новые имена в честь местных героев революционной борьбы. Так, на заседании наградной комиссии при краевом исполнительном комитете Северо-Кавказского края в январе 1928 г. по представлению истпарта ВЦИК было решено, какие именно села, станицы и предприятия макрорегиона должны быть награждены орденами Красного Знамени или Красным Знаменем¹⁸. В сознании местных жителей такие почетные награды должны были закрепить особый статус малой родины в строящемся новом мире.

Местные же юбилеи служили поводом для того, чтобы обратить внимание на состояние уже созданных мемориалов. Так, в преддверии празднования десятилетия советской власти на Тереке, намеченного на март 1930 г., местный исполком выражал обеспокоенность, что памятники «борцам за революцию» никем не охраняются, разрушаются и безнаказанно уничтожаются. Поэтому для увековечения «отдельных эпизодов и памяти героев для истории» давались указания райисполкомам и горсоветам о необходимости приведения в порядок всех братских кладбищ, где были похоронены жертвы Гражданской войны, благоустройства личных могил бойцов. При наличии возможности следовало установить на этих местах монументы или памятные доски. Также подлежали реставрации все установленные ранее памятники и было организовано наблюдение за их сохранностью. Кроме того, рекомендовалось переименовать населенные пункты, где проходили значимые эпизоды Гражданской войны¹⁹.

В 1920-е гг. в данном способе коммеморации стремились использовать имена именно местных героев революции и Гражданской войны. С учетом того что одним из ключевых назначений любого памятника является привлечение внимания, такой способ коммеморации был важен для трансляции идеологии и формирования идентичности.

Полученные истпартами в результате мероприятий по сбору воспоминаний персональные интерпретации были посвящены отдельным фрагментам революционных событий, из которых еще предстояло воссоздать картину прошлой социальной реальности. Многие воспоминания издавались на страницах местной периодической печати и в сборниках истпартов. Особенно интенсивно их публиковали в 1920-е гг., что было связано с нехваткой популярных статей по исторической тематике при необходимости выполнять задачи пропаганды ключевых историко-революционных идей. Такие публикации были удобным способом популяризации новой идеологии, так как сложный и противоречивый историко-революционный процесс предстал в упрощенной форме через призму личного переживания.

Одной из форм коммеморативной деятельности истпартов было создание выставок и музеев по истории революции, открытие которых старались приурочить

к годовщинам революционных событий. Анализ информации источников об их открытии и работе, трудностях выделения финансирования и помещений позволяет реконструировать масштабы работы и поиск способов максимального включения всей территории страны в систему идеологического воздействия.

Первые такие выставки на Северном Кавказе стали создавать в 1922 г. к пятой годовщине Октябрьской революции. Необходимость их открытия определялась указаниями из Москвы, однако первоначально это были лишь общие установки, не конкретизировавшие методике их организации. На местах же, как правило, отсутствовали опыт музейно-выставочного дела и материальные возможности. Поэтому в зависимости от имевшихся ресурсов в разных местностях Северного Кавказа они создавались в региональных дореволюционных музеях, архивных бюро, рабоче-крестьянских клубах, избах-читальнях, рабочих дворах. Одни выставки после создания функционировали в течение нескольких лет, другие же довольно скоро закрывались.

Например, в г. Пятигорске в 1922 г. истрпартом была создана выставка в одной из комнат «Рабочего Дворца». Ее особенностью было то, что «первобытные древности» эпохи неолита соседствовали с прокламациями большевистской партии 1917 г., так как материалы по истории революционных событий были размещены рядом с предметами из коллекции археологических раскопок²⁰. В г. Краснодаре в 1922 г. выставка была создана в большом зале здания архивного бюро под названием «выставка-музей истории Революции на Кубани»²¹. В г. Ставрополе в октябре 1924 г. была устроена историко-революционная выставка в Ставропольском народном музее им. Праве²². На ней были представлены архивные материалы преимущественно бывшего жандармского управления, а также документы, относящиеся ко времени Гражданской войны²³.

В г. Ростове-на-Дону истрпартом к 20-летию юбилею революции 1905 г. был создан Северо-Кавказский краевой музей революции. Анализ архивных материалов позволяет увидеть, с какими трудностями приходилось сталкиваться местным истрпартам при создании подобных музеев даже на краевом уровне. Несмотря на то что краевой комитет РКП(б) считал его создание «ударной задачей»²⁴, основной проблемой было выделение помещения для музея, ведь в реалиях середины 1920-х гг. невозможно было не только рассчитывать на отдельное здание, но и просто найти свободное пространство в имеющихся учреждениях. Крайком партии неоднократно принимал постановления о выделении помещения в здании местного Делового клуба²⁵. Вместо обещанных сначала четырех, а затем двух комнат истрпарт для открытия музея занял в итоге в Деловом клубе лишь одну комнату, где проводил подготовительные работы по разбору историко-революционного материала, который должен был составить экспозицию. Но и после его подготовки для распределения по витринам места для этих стендов все еще не было²⁶.

В целях популяризации работы выставок информация о них публиковалась в местной периодической печати, где обязательно подчеркивалось их культурно-воспитательное значение²⁷. Проводились организованные экскурсии учащихся, рабочих,

крестьян, советских и партийных работников²⁸. Посещение подобных выставок включало население в систему пропаганды идеологии, значимым компонентом которой была интерпретация исторического прошлого с позиции власти.

Празднование десятилетнего юбилея Октябрьской революции способствовало активизации пропагандистской работы истпартов. Если в первые годы работы историко-революционных выставок и музеев еще не было четких установок из центра по методике сбора, систематизации и экспонирования местного материала, то к десятилетнему юбилею Октябрьской революции истпарты получили подробные инструкции.

Структура выставки должна была включать пять разделов. Первый из них должен был быть посвящен характеристике старого режима, второй – отражать события Февральской революции, третий и четвертый – освещать события Октябрьской революции и Гражданской войны, в пятом разделе следовало представить достижения социалистического строительства. Изобразительные средства должны были ярко демонстрировать руководящую роль пролетариата с обязательным отражением значения его политического союза с крестьянством. ВКП(б) необходимо было представить как организующую силу пролетарского авангарда²⁹. Такая логика расположения материалов должна была приводить к мысли о закономерности прихода большевиков к власти и о значении современных достижений социалистического строительства.

Задачей региональных музеев революции было освещение местной истории, поэтому события, происходившие в столице, должны были быть введены в экспозицию только для связи местных фактов революционного движения с центральными. По замыслу, экспонирование именно местного материала должно было воздействовать на зрителя, чтобы он не только понял, но и почувствовал особенности борьбы за социализм и от местных фактов перенес это осознание до всесоюзного и международного масштаба. Давались и конкретные рекомендации по типу экспонируемого материала, среди которого ключевую роль для воздействия на массы должны были играть подлинные остатки революционного прошлого – оружие, знамена, подпольные типографские станки, предметы революционеров, фотографии, рукописи, печатные документы. Также следовало подготовить карты и диаграммы, а для «обобщения разрозненных образов» необходимо было использовать картины, портреты и рисунки³⁰.

Открытие выставок и музеев революции предвляла большая работа истпартов по розыску и подготовке местных материалов, которые должны были отражать историю революционного движения в регионе. Именно они, как уже говорилось, должны были составлять основу экспозиции. Однако по запросам местных музеев необходимые материалы также печатал и высылал после создания Музей революции СССР. Среди них были, например, бесплатные и подлежащие оплате плакаты и диаграммы³¹.

К десятилетию Октябрьской революции в Северо-Кавказском крае были открыты на основе выставок музеев революции в Ставрополе, Таганроге, Владикавказе, Новороссийске³². Эти музеи не имели финансирования, а их организацией занимались

сами сотрудники истпартов, совмещавшие работу в местных архивных органах или агитпропах. Конечно, и наименование «музей» было достаточно громким, так как, по сути, это и были выставки. Однако установка центра на создание именно музеев революции и желание сотрудников истпартов скорее отчитаться о проделанной работе привели к появлению в 1927 г. именно этого названия.

В самой же столице края – г. Ростове-на-Дону, несмотря на круглую дату «Октября», музею революции из бюджета не было выделено финансирование³³ и секретариатом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было принято постановление о временном закрытии музея революции, который в дальнейшем предполагалось открыть вновь³⁴. Уже в 1928 г. секретариат крайкома постановил выдать истпарту для работы музея 1 тыс. руб.³⁵ Однако только после решения проблемы с помещением музей был открыт в начале 1929 г.³⁶ Неоднократное рассмотрение вопроса о необходимости создания музея революции секретариатом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) свидетельствует о том значении, которое ему придавалось партаппаратом для пропаганды советской идеологии, но в то же время – о невозможности решить проблему финансирования в условиях расстановки приоритетов при существовавших экономических трудностях 1920-х гг. Ведь даже сами сотрудники местных истпартов в первое десятилетие их работы зачастую занимали несколько должностей и получали заработную плату по другим местам трудовой деятельности.

Работа по созданию музея революции в г. Пятигорске также активно началась с 1927 г., когда была создана комиссия по организации празднования десятилетия Октября по Терскому округу. Она публично обращалась к населению с просьбой сдавать документы, лозунги, листовки, приказы, брошюры, фотографии³⁷. Местное видение возможности содержательного наполнения визуального ряда для воздействия на массовое сознание демонстрирует план подготовки ее разделов. Так, первый раздел – «Образцы старинных рукописей» – должен был быть представлен экспонатами, отражавшими развитие письменности с 1597 по 1900 г. и распространение книгопечатания с 1700 по 1924 г. Далее следовал раздел по экономике в сравнении с дореволюционным развитием. Самым объемным являлся раздел по истории революционной борьбы, отдельно в нем должна была найти отражение деятельность местного героя революции большевика Г. Анджиевского, казненного белыми после взятия г. Пятигорска в 1919 г.³⁸ Имя его как павшего борца за советскую власть использовалось и в других коммеморативных мероприятиях местного значения. Первый бюст Г. Анджиевскому в Пятигорске был установлен уже в 1924 г. После его разрушения в 1936 г. был сделан новый бюст.

Вследствие финансовых трудностей музей революции в г. Пятигорске смогли открыть только в 1929 г. Так как заведующий местного архивного бюро был уполномоченным истпарта, то он и занимался организацией музея, разместив его в здании самого архива. Специального финансирования музей не получил, и только в 1931 г. Пятигорским горсоветом ему была выделена небольшая номинальная сумма в 31 руб. в месяц³⁹.

Сложным остается вопрос о степени влияния коммеморативной деятельности на массовое сознание и рецепцию советской идеологии. Хотя власть стремилась включить в систему идеологического воздействия все население региона, коммеморация имела различную успешность реализации в городах и сельской местности. Например, в Терском округе Северо-Кавказского края, согласно сводке ОГПУ, в праздновании восьмой годовщины Октябрьской революции в 1925 г. принимало участие до 65 % населения городов, однако крестьянство во всех районах округа продемонстрировало безразличие к мероприятиям. Казачьи станицы оказывали пассивное сопротивление, отказываясь от участия в новых советских торжествах. Во время праздничного митинга в станице Наурской Терского округа председатель райисполкома в своей речи обратил внимание на незначительное количество казаков. Ответом ему стали слова председателя сельсовета – беспартийного казака, что «наше гордое казачество никогда не пойдет на эти могилы и не ходило, так как в них зарыты красноармейцы, которые в свое время расстреливали нас»⁴⁰. В соседней станице Ищерской на могиле убитых в Гражданской войне красноармейцев неизвестные вымазали грязью памятник⁴¹.

Интенсивность использования одних коммеморативных практик в 1930-е гг. снижается, другие же наполняются новым идеологическим содержанием. Так, вечера воспоминаний, да и сам сбор воспоминаний перестали играть такую роль, как в 1920-е гг. Одной из причин было то, что они могли давать противоречивые сведения в обновленной модели исторической памяти, где центральной фигурой в соответствии с новыми идеологическими предписаниями должен был являться И.В. Сталин. Эти изменения отразились и на работе музеев революции. Как свидетельствуют источники, до 1932 г. на местных выставках и в музеях революции никто не проверял содержание экспонируемого материала на соответствие идеологическим установкам. В 1930-е гг. они уже тщательно инспектировались, и экспозиции впоследствии изменялись в соответствии с предписаниями.

Таким образом, система истпартов являлась институтом власти для трансляции идей о том, какие сюжеты в истории являются важными и как следует представлять прошлое. Произошло не только изъятие из поля общественной видимости воззрений, отличных от властной позиции, но и героизация событий братоубийственной Гражданской войны. Организация вечеров воспоминаний в первые годы работы истпартов была обусловлена необходимостью сбора источников для воссоздания в дальнейшем большевистско-центристской картины недавнего прошлого. Однако постепенно такие собрания, наряду с выставками и музеями революции, все больше превращались в инструмент воздействия на массовое сознание в целях закрепления в нем ключевых интерпретаций истории революции и Гражданской войны. Локальные «места памяти» формировала и новая топонимика региона, когда населенные пункты получали имена красных героев Гражданской войны, установленные в результате поисковой деятельности истпартов, а также повсеместно открывавшиеся им памятники.

Значение работы истпартов в 1920-е гг. определялось необходимостью создания пантеона именно местных красных героев революции и Гражданской войны для включения жителей регионов и этнических окраин в систему идеологического воздействия при формировании новой советской идентичности и создании исторического мифа, демонстрирующего существование всенародной поддержки большевиков даже в отдаленных уголках страны.

Примечания

1. КЛОПИХИНА В.С. Политика памяти как инструмент реализации советской идеологии в 1920–1930 годы (по материалам истпартов Северного Кавказа) / Под науч. ред. д-ра ист. наук, проф. Т.А. Булыгиной. Ставрополь. 2018.
2. Ко всем членам партии (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). М. 1920, с. 4.
3. От Истпарта. — Пролетарская революция. 1922. № 4, с. 363.
4. МИЛЛЕР А.И., МАЛИНОВА О.Ю., ЕФРЕМЕНКО Д.В. Политика памяти и историческая наука. — Российская история. 2018. № 5, с. 128–140.
5. САВЕЛЬЕВА И.М., ПОЛЕТАЕВ А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М. 2008.
6. БОРДЮГОВ Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М. 2010; МАЛЫШЕВА С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань. 2005; РОЛЬФ М. Советские массовые праздники. М. 2009.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 70, оп. 2, д. 126, л. 12.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), ф. 12, оп. 3, д. 1326; Хроника Бюро Истпарта. Донское бюро. — Пролетарская революция. 1922. № 11, с. 236.
9. ЦДНИРО, ф. 12, оп. 3, д. 1320, л. 3.
10. Там же, л. 25–26.
11. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), ф. 50, оп. 4, д. 345, л. 1–7.
12. РГАСПИ, ф. 70, оп. 2, д. 362, л. 55.
13. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. р-1161, оп. 1, д. 1432, л. 34.
14. ВОРОШИЛОВ К. Сталин и Красная армия. — Правда. 1929. 21 декабря. № 301, с. 3.
15. РГАСПИ, ф. 70, оп. 2, д. 31, л. 2.
16. ЦДНИРО, ф. 12, оп. 1, д. 356.
17. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах: Сб. док-тов / Под ред. Т.А. Булыгиной. Ставрополь. 2009, с. 619.
18. ГАНИСК, ф. 50, оп. 3, д. 2, л. 102.
19. ГАСК, ф. р-1161, оп. 1, д. 1432, л. 6.
20. РГАСПИ, ф. 70, оп. 2, д. 359, л. 119.
21. Государственная архивная служба Краснодарского края: К 85-летию создания. Краснодар. 2005, с. 97.
22. ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 141, л. 11.
23. Власть Советов. 1924. 12 ноября. № 1371, с. 3.
24. ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 173, л. 5.
25. Там же, д. 176, л. 2.
26. Там же, л. 12.
27. Там же, л. 117, 119.

28. Кубано-Черноморский истпарт. — Пролетарская революция. 1924. № 4, с. 290.
29. Юбилейные выставки по Октябрю. — Там же, 1927. № 7, с. 282–283.
30. Там же.
31. Центр документации новейшей истории Краснодарского края, ф. 2830, оп. 1, д. 14-а, л. 13–17.
32. ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 825, л. 8.
33. Там же.
34. Там же, д. 554, л. 4.
35. Там же, д. 728, л. 6.
36. Работа Крайистпарта Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) за 1929 г. — Пролетарская революция. 1929. № 11, с. 305.
37. ГАСК, ф. р-1161, оп. 1, д. 999, л. 5.
38. Там же, д. 928, л. 91.
39. ЦДНИРО, ф. 319, оп. 1, д. 3, л. 6–9.
40. Голоса из провинции..., с. 315–316.
41. Там же.

«Я знаю, что значит война». Нацистская оккупационная политика против детства (на материалах Северо-Запада РСФСР)

Е.Е. КРАСНОЖЕНОВА

“I know what war means”. Nazi occupation policy against childhood (based on the materials of the North-West of the RSFSR)

E.E. KRASNOZHENOVA

Аннотация. В статье рассматривается нацистская оккупационная политика в отношении детей и подростков на Северо-Западе РСФСР в период Великой Отечественной войны. Для ее анализа использованы как официальные документы (акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, опросные листы граждан, вернувшихся с принудительных работ, отчеты, докладные записки, сводки, донесения и другие документы командования партизанских подразделений и отдельных партизан о положении в оккупированных районах), так и воспоминания детей и подростков. В статье показаны факты преступлений нацизма, ставшие выражением жестокой карательной политики против детей и подростков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад РСФСР, Ленинградская область, военное детство, оккупация, преступления, голод, карательные операции, угон в Германию, чрезвычайные комиссии, воспоминания, документы.

Abstract. The article shows the Nazi occupation policy towards children and adolescents in the North-West of the RSFSR during the Great Patriotic War. For its analysis, official documents were used (acts of district and village commissions to investigate the atrocities of the Nazi invaders, questionnaires of citizens who returned from forced labor, reports, memorandums, summaries, reports and other documents of the command of partisan units and individual partisans on the situation in the occupied areas), as well as the memories of children and adolescents. The article shows the facts of the crimes of Nazism, which have become an expression of a cruel punitive policy against children and adolescents.

Key words: Great Patriotic War, North-West of the RSFSR, Leningrad region, military childhood, occupation, crimes, famine, punitive operations, deportation to Germany, emergency commissions, memoirs, documents.

Оккупация Ленинградской области была длительной, она продолжалась с августа 1941 до середины 1944 г. Еще до начала войны параллельно с разработкой захватнических планов в Берлине были подготовлены детальные инструкции по осуществлению долговременной оккупации России, ее деиндустриализации, уничтожению крупных городов, сокращению численности

населения. Предусматривалось полное разорение северо-западных областей России сразу же после их захвата, исключавшее возможность возобновления там активной хозяйственной деятельности.

30 марта 1941 г. на заседании высшего командного состава вермахта Гитлер декларировал, что в войне против Советского Союза борьба будет вестись «на уничтожение» и что это будет «истребительная война в полном смысле этого слова». Общую стратегию поведения немецких войск подтвердил А. Розенберг за несколько дней до нападения, заявив, что одной из главных целей вторжения является захват средств производства и сырья, необходимых для немецкой военной машины, независимо от последствий, к которым такое разграбление могло привести. Выполнение этих планов должно было привести к голодной смерти миллионов людей¹. Основой для проведения такой политики стала разработанная Гитлером теория необходимого жизненного пространства для немецкого народа, предусматривавшая расширение географических границ Германии за счет восточных территорий Чехии, Польши и СССР, теория о «расовом превосходстве» немецкой нации над другими народами, в число которых входили и восточные славяне².

Оккупационный режим на территории Северо-Запада России имел свои особенности. Относительная стабильность фронта и отсутствие активных боевых действий способствовали формированию здесь устойчивой системы местного оккупационного управления.

Многочисленную группу документов об оккупации территории Северо-Запада РСФСР составили акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, хранящиеся в архивах. Акты комиссий основывались на многочисленных показаниях очевидцев. Отдельным видом документов стали опросные листы граждан, вернувшихся с принудительных работ. В них содержались сведения о месте и характере работ, условиях содержания. В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) хранятся материалы Ленинградского штаба партизанского движения (ф. Р-116 А), в том числе расследований, проведенных партизанскими соединениями. В партизанских документах не только показан размах антифашистской борьбы на Северо-Западе РСФСР в 1941–1944 гг., но и представлены мероприятия оккупационных властей против гражданского населения, в том числе против детей и подростков. Фонд содержит отчеты, докладные записки, сводки, донесения и другие документы командования партизанских подразделений и отдельных партизан о положении в оккупированных противником районах. Особую группу партизанских документов составляют

Красноженова Елена Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». E-mail: eleena@inbox.ru.

Krasnozhenova Elena E. – doctor of sciences (History), professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: eleena@inbox.ru.

докладные записки о положении в городах и деревнях региона, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками. Еще одна группа архивных материалов – документы личного характера, письма и воспоминания жителей. Воспоминания отражают малоизвестные бытовые подробности жизни населения в условиях оккупации.

К концу 1941 г. во всех регионах Северо-Запада России, занятых немецко-фашистскими войсками, была введена карточная система распределения продуктов, хотя реальную картину продовольственного обеспечения населения в годы оккупации полностью восстановить сложно. Дети попадали в категорию иждивенцев, а те из них, кто учился, – в категорию безработных. В обоих случаях их предполагалось обеспечивать в зависимости от имеющихся запасов продовольствия. Ситуацию можно реконструировать на примере отдельных городов. Так, в Слуцком районе Ленинградской области иждивенцам полагалось всего 150 г хлеба. Необходимо отметить, что карточки получали только дети работавших граждан или состоявших на бирже труда³.

Дети-сироты, беспризорные оставались за пределами системы продовольственного снабжения и были вынуждены попрошайничать, грабить и т.д. «Особенно плохи дети: бледные, худые, шейки как ниточки»⁴. Население питалось мхом, рябиной, подбирало у немецких кухонь отбросы. За выкапывание овощей на огородах нацисты арестовывали, били плетями и даже вешали. Среди повешенных были не только взрослые, но и дети. Так, очевидец Курновский видел двух мальчиков 10–12 лет, повешенных на Гатчинском рынке. Г. Новиков свидетельствовал, что немец застрелил мальчика лет десяти, подошедшего к окну попросить милостыню⁵. Мирные граждане, в том числе дети, уничтожались «за желание уехать в Ленинград», «за попытку перейти линию фронта», «за связь с партизанами»⁶. Недостаточные нормы продовольствия вынуждали людей искать нелегальные пути заработка. Взрослые, а часто и дети торговали на черном рынке одеждой, другими вещами.

На территории оккупированных районов повсеместно грабили местное население. Факты грабежа, изъятия продовольствия, одежды и предметов первой необходимости описаны как в официальных документах, так и в воспоминаниях детей и подростков. Ф.А. Лунев, житель с. Лезье Мгинского района Ленинградской области, вспоминал: «Мама выменяла мне у немца сапоги за обручальное кольцо. Носил я их недолго, по пути с работы разул другой немец. Зимой нельзя было появиться в валенках, тоже отнимали»⁷. В акте Мгинской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков отмечалось, что «в 1942 году в дер. Перовоз Тосненского района Ленинградской области немецко-фашистские войска у населения все продукты питания и скот отобрали, вследствие чего от истощения умирало в сутки 5–8 человек»⁸.

Деятельность немецких войск и приказы руководства были направлены на массовое уничтожение гражданского населения, подавление сопротивления, полное подчинение захваченных земель. О карательной политике нацистов,

нацеленной на уничтожение мирного населения, свидетельствуют документы о положении в оккупированных районах Северо-Запада России. Жертвами карательных операций оккупантов становились и дети. В каждом населенном пункте нацисты оставили жуткие следы преступлений против детства. Так, в феврале 1944 г. каратели выловили в лесах скрывающихся жителей дер. Пустошка, Жбаны, Кругли и других и учинили массовый расстрел. Ф.П. Кукленко, которому удалось убежать, сообщал, что 26 февраля 1944 г. жители деревень Нового сельсовета были обнаружены в лесах немецкими карателями. Около 75 чел. было выведено на поляну для расстрела. «Я бежал из-под расстрела в лес, а мою жену Кукленко Ульяну, 32 лет, сыновей Василия, 13 лет, Николая, 11 лет, Егора, 8 лет и Сергея, 1 года, расстреляли со всеми гражданами»⁹.

В протоколах Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных финнами на территории пос. Песочный Парголовского района Ленинградской области, имеются свидетельства проживавшей здесь Марии Ульяновны Ковалевой. В них сообщалось следующее: «Возвращаясь с работы 3 октября 1943 года, я попала под обстрел, который вели финны по нашему поселку. Подбегая к своему дому, я увидела своего сына Виктора 3 лет. Сын играл у дома и осколком снаряда ему ранило руку и грудную клетку. От полученных ран он скончался... Финны обстреливали наш поселок на протяжении всей войны, хотя никаких военных объектов ни в самом поселке, ни рядом с ним расположено не было»¹⁰.

Подобные факты имели место на всей оккупированной территории Северо-Запада РСФСР. Так, в акте Мгинской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о преступлениях фашистов соержались следующие эпизоды: «В ноябре месяце 1941 года, женщина с 3 малолетними детьми проходила по пос. Мга, в это время через Мгу пролетал самолет, на который мальчик показал рукой, что заметил немецкий патруль и из автомата застрелил всех 4, т. е. мать и 3 детей»; «В ноябре месяце 1941 года расстреляли 14-летнего Каштанова Василия Михайловича, труп которого 3 суток лежал на улице, так как немцы не разрешили убирать. Причина расстрела неизвестна»; «В феврале месяце 1942 года неизвестно за что расстреляли гражданку Сосину, у которой осталось 7 человек детей, один из которых грудной»; «Осенью 1941 года из Невдубстрога в гор. Петрокрепость немцы на автомашине привезли 30 человек детей 6-8-летнего возраста и пустили в город заниматься нищенством, впоследствии эти дети умерли от истощения»¹¹.

Жестокость оккупационной политики ощутили на себе и еврейские дети. Вместе со взрослыми они направлялись для постоянного проживания на территорию гетто, где отсутствовали элементарные условия существования. Свои действия оккупанты мотивировали необходимостью защитить население от «еврейской опасности». Акции переселения сопровождались массовыми убийствами, которые совершали германские солдаты. На территории Псковского округа Ленинградской области на «Голубой даче»

в Невеле в 1941 г. фашисты устроили гетто, куда в течение месяца сгоняли из города и района всех выявленных евреев. Всего там оказалось более 800 чел., в основном женщины, дети и старики¹². В июле 1942 г. партизанская газета «Порховская правда» писала: «Теперь в Порхове евреев не стало, ни взрослых, ни малолетних: все они расстреляны в лесу близ совхоза “Полоное”. Грудных детей палачи одной рукой держали над головой, а другой в упор расстреливали из пистолета»¹³.

Сразу же после освобождения Пскова Чрезвычайная комиссия собрала свидетельства о массовом уничтожении, наряду с евреями, цыган. Как было зафиксировано в ее докладе, «свидетель Александра Кузнецова из деревни Моглино лично видела, как весной 1942 г. возле деревни был расстрелян 21 чел. – цыгане и евреи, причем в их числе были старики, женщины и дети. Свидетель Мария Пиманова рассказала о расстреле 30 советских граждан – цыган и евреев»¹⁴.

Надежда Федорова была очевидцем многочисленных расстрелов мирных граждан, она рассказала, что в 1942 г. одна заключенная цыганка только что родила ребенка и по приказанию начальника лагеря немецкого офицера Шнайдера и его помощника офицера Бинька она вместе с ребенком была отведена к одной из могил, где были погребены ранее расстрелянные, и на ее глазах новорожденный ребенок был застрелен, а сама она была немедленно направлена на дорожные работы¹⁵.

В акте Пустошкинской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников показана страшная картина уничтожения гражданского населения: «Когда стали слышны выстрелы и производился расстрел евреев (расстреливали их партиями), то дети стали разбегаться, а взрослые плакали, падали в обморок, на убежавших детей немцы напускали заранее взятых с собою собак, собаки догоняли убежавших детей, сваливали их в снег и подтаскивали к месту расстрела. Кроме этого, часть детей были сброшены в могилу живыми»¹⁶.

Известными местами массовых казней гражданского населения на территории Северо-Запада стали дер. Жестяная Горка Батецкого района, Бычково и Починок Белебёлковского района Новгородского округа Ленинградской области, Красуха Порховского района Псковского округа, Большое Заречье Волосовского района и многие другие населенные пункты, уничтоженные немецко-фашистскими оккупантами вместе с жителями.

В тяжелом положении оказались воспитанники детских учреждений. Детские дома систематически проверялись немцами на наличие еврейских детей и инвалидов. В дер. Торковичи Оредежского района в феврале 1944 г. перед отступлением немцы подожгли помещение детского дома с находившимися в нем воспитанниками. Было сожжено 20 малолетних детей, 10 детей замерзло на улице. Подростков старших возрастов гитлеровцы угнали в Германию¹⁷.

Воспитанники Лужского детского дома были угнаны на работы в Эстонию. В.В. Лебедева, работавшая в нем воспитателем, отмечала: «Немецкие изверги угнали в декабре 1943 г. детей и подростков из детского приюта, где

я работала. Дети были вшивые, грязные, полуголые, в летней одежде, всего 36 человек»¹⁸.

Уже в начале 1942 г. началась кампания по вывозу рабочей силы в рейх, сначала добровольная, а потом принудительная. Массовый угон населения тыловых районов группы армий «Север» рассматривался как важнейшее средство укрепления тыла под Ленинградом. Нацисты проводили облавы на улицах, рынках, вокзалах, церквях, угрожали расстрелом родственников, устраивали ночные налеты на дома и квартиры. В каждом населенном пункте велся учет рабочей силы (профессия, стаж, возраст, пол и пр.). Все граждане, отправляемые на работу в Германию, проходили медицинский осмотр. Колонны людей по 1–1,2 тыс. чел. отправлялись на запад, из некоторых районов жителей вывозили железнодорожным транспортом. Из Красногвардейска, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тыс. мирных жителей¹⁹.

В 1942 г. вербовка в рейх затронула преимущественно детей старшего школьного возраста. В апреле 1942 г. вышел приказ Заукеля о мобилизации гражданских квалифицированных работников и работниц в возрасте от 15 лет для использования их на работах в Германии, в сентябре 1942 г. проводилась акция по вербовке «восточных работниц», девушек и женщин от 15 лет. Когда в конце 1942 г. стало понятно, что все акции по добровольному набору рабочей силы в Германию провалились, немецкие власти сделали ставку на принудительную мобилизацию подростков и молодежи. Давалось разрешение на применение всех возможных средств, включая «специальные» мероприятия. Под последними понимали принудительные депортации, проведение облав и зачисток населенных пунктов, жители которых подозревались в связях с партизанами. Таким образом, начиная с весны 1943 г. проводился принудительный вывоз детей старшего школьного возраста на принудительные работы в Германию, наряду со взрослым населением.

Население угонялось в Германию и целыми семьями. «Ваша семья в составе: жена Иванова Екатерина Ивановна, дочь Галина и сын Валерий – в период оккупации района вывезена в немецкое рабство» – такой ответ получил военнослужащий Н.И. Иванов на запрос о судьбе его родных, проживавших в дер. Папоротно Полистовского сельсовета Белебёлковского района Ленинградской области²⁰. Подобный ответ получил и военнослужащий М.М. Макаров: «Залучский РК ВКП(б) Новгородской области сообщает Вам на Ваш запрос от 13/Х-[19]44 года, что Ваша семья, т.е. жена Макарова Татьяна Михайловна и двое детей во время оккупации района в 1942 году эвакуирована немцами в немецкий тыл, судьба их неизвестна»²¹. Только в первых двух эшелонах со Старой Руссы было отправлено на принудительные работы в Германию свыше 2 тыс. чел.²²

Насильственный угон сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. Известны случаи, когда сжигались целые деревни с жителями из-за отказа отправиться в Германию. Самое памятное место - Большое Заречье,

уничтоженное в октябре 1943 г. Когда нацисты ворвались в дер. Ровняк Пожеревицкого района, они согнали крестьян на площадь и заявили, что те должны отправиться на работу в Германию. Крестьяне наотрез отказались ехать. Гитлеровцы схватили Александра Павлова, Ивана Тимофеева, 14-летнего Ивана Павлова, 12-летнего Александра Николаева и Николая Николаева и всех пятерых расстреляли. Остальных загнали в машины и увезли²³. Немецкий карательный отряд сжег дер. Сево Навережского сельсовета Пожеревицкого района. Мирных жителей, выбегавших из горевших домов, каратели расстреливали в упор. В результате дикой расправы было убито и сожжено 86 мирных жителей деревни, в том числе 27 женщин и 45 детей от 3 мес. до 15 лет²⁴.

Сопrotивляясь принудительной отправке в Германию, многие сказывались больными, поддельвали паспорта, вписывали в них несуществующих детей, скрывались у родственников, уходили в леса. Достаточно активно в Ленинградской области действовали партизанские отряды. Партизаны проводили операции по спасению детей, переводили их в безопасные места, в тыл. В лесных лагерях даже были организованы школы. Дети писали: «Нас встретили очень хорошо, вымыли в бане, потом накормили. Дали печенья, молока, творога. Мы спим на койках с чистыми простынями»²⁵.

Идеологическая обработка подрастающего поколения осуществлялась в образовательных учреждениях оккупированных районов. В оккупированных районах Ленинградской области немецко-фашистские захватчики разграбили 215 школ²⁶. Так, до оккупации Порховского района Ленинградской области в нем насчитывалось свыше 100 школ. В начале 1941/42 учебного года захватчики открыли в районе 20 начальных и одну среднюю школу²⁷.

В оставшихся школах преподавались математика, русский и немецкий языки, Закон Божий. Из-за нерегулярной работы школ значительная часть детей оставалась неохваченной школьным обучением. Большое количество детей школьного возраста из-за отсутствия одежды, дальности расстояния и истощения школы не посещало²⁸. Идеологическая обработка подрастающего поколения происходила и через печать. В период оккупации в газетах и журналах были рубрики, адресованные подросткам и молодежи²⁹. В периодической печати проводилась мысль о необходимости скорейшего спасения детей, испорченных большевиками и их системой воспитания начиная с ясельного возраста.

Апофеозом нацистской репрессивной политики на оккупированных территориях стала система концентрационных лагерей. Существовали и лагеря, где содержались преимущественно женщины с детьми. В частности, печально знаменит Вырицкий детский лагерь. Эти и более мелкие лагеря густой сетью покрывали Ленинградскую область. Их было более десятка, и в каждом содержалось 1–5 тыс. чел. Кормили узников отвратительно: «Три раза в день выдавали похлебку, заболтанную мукой, иногда с кусочком протухшей конины. Было принято сначала съедать жидкость – это было первое, потом густоту – второе, а на третье сосали маленький кусочек хлеба, как конфетку»³⁰. Питание в лагерях не обеспечивало даже

голодного существования. В лагерях давали по 200 г хлеба в день и по литру супа из картофельной шелухи и затхлой муки³¹.

Жестоко уничтожались военнопленные и гражданское население в лагере у дер. Моглино Псковского района Ленинградской области. Расстрелы женщин, детей, стариков продолжались в течение всего периода оккупации района. Так, на местности, замаскированной мелким кустарником от проходящего недалеко шоссе Псков – Рига, южнее дер. Моглино, на площади размером 50x100 кв. м было обнаружено 10 ям-могил. В них найдены трупы мужчин, женщин и детей. Возраст погибших – от 2–3 мес. до 60 лет. Главным судмедэкспертом Ленинградского фронта профессором А.П. Владимирским были исследованы эксгумированные близ Моглино погибшие, в том числе 41 ребенок. На большинстве тел обнаружены переломы костей черепа от удара тяжелыми, твердыми и тупыми предметами или же от удара головой обо что-то твердое. Часть детских трупов имела огнестрельные повреждения. При этом, по мнению эксперта, черный цвет волос, почти одинаковый на всех трупах, подтверждает показания свидетелей о расстрелах здесь советских граждан – евреев и цыган³².

Чтобы приблизиться к пониманию социально-психологической сущности явления военного детства, необходимо обратиться к воспоминаниям детей – узников концлагерей. Бывшая узница Вера Андреевна Бордюкова сразу же после освобождения Гатчины от фашистских захватчиков в январе 1944 г. вспоминала: «Мне никогда не забыть гатчинского концлагеря смерти, когда с четырьмя детьми была брошена туда в ноябре 1941 года. Там было уже около 1 000 таких же мирных жителей, как и я. В ноябрьский день сидели мы под дождем и своим дыханием согревали детей. Люди на глазах умирали от голода, холода и нечеловеческих условий»³³. Подобное можно прочесть в «Акте о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине Ленинградской области в период временной оккупации»: «Баракы в лагерях были без стекол, не отапливались, на нарах не было никаких подстилок, зимой заключенные замерзали»³⁴.

Массовый террор, осуществлявшийся захватчиками в отношении детей, был заранее продуманной преступной политикой нацистского государства. В годы войны на оккупированных территориях СССР были уничтожены сотни тысяч советских детей, которые становились жертвами карательных операций, совершаемых немецко-фашистскими войсками и их союзниками, использовались оккупантами на принудительных работах и угонялись в Германию. Отсутствие продовольствия и постоянные грабежи местного населения, приводившие к голоду, вызвали необходимость поиска пищи, ставшего ведущей стратегией выживания детей и подростков в условиях оккупации. Преступления нацизма стали выражением жестокой карательной политики геноцида детей и подростков, многие из которых лишились не только детства, но и жизни.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; this work has been supported by the grants the St. Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022.

1. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. м-лов: В 7 т. Т. 3: Военные преступления и преступления против человечности / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М. 1958, с. 557.
2. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КАРАБУЩЕНКО П.А., ПОЛЯКОВА М.В. Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941–1945 гг.). — Вопросы истории. 2019. № 3, с. 175–181.
3. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России. — Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4 (69), с. 51–57; ЕЕ ЖЕ. Военное детство на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.). — Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35), с. 167–172.
4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. Р-116 А, оп. 2, д. 35, л. 42.
5. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-7021, оп. 30, д. 241, л. 5.
6. Там же, л. 3–4.
7. ИВАНОВА И.А. За блокадным кольцом: Воспоминания. СПб. 2010, с. 459.
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. Р-9421, оп. 1, д. 170, л. 1–8 об.
9. Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. Р-1691, оп. 8, д. 10, л. 1–22.
10. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ), ф. Р-407, оп. 1, д. 141, л. 20–20об.
11. ЦГА СПб, ф. Р-9421, оп. 1, д. 170, л. 1–8об.
12. Непокоренная земля Псковская. 1941–1944: Док-ты и м-лы. Псков. 1964, с. 56, 66.
13. КОВАЛЕВ Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М. 2004, с. 250.
14. ГАПО, ф. Р-903, оп. 3, д. 126, л. 66–67.
15. Там же.
16. Там же, ф. 7095, оп. 9, д. 4, л. 4–6.
17. ЛОГАВ, ф. Р-1249, оп. 1, д. 169, л. 81.
18. Там же, д. 6а, л. 64 об.
19. КОВАЛЕВ Б.Н. Ук. соч., с. 107.
20. Государственный архив новейшей истории Новгородской области, ф. 123, оп. 3, д. 24, л. 11.
21. Там же, ф. 180, оп. 3, д. 86, л. 6.
22. Государственный архив Новгородской области, ф. Р-1793, оп. 1, д. 31, л. 38.
23. ШЕВЕРДАЛКИН П.Р. Зверства немецко-фашистских оккупантов на ленинградской земле. — Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М. 1965, с. 95–106.
24. ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2, д. 5305, л. 236.

25. Там же, л. 239.
26. ЛОГАВ, ф. Р-1249, оп. 1, д. 169, л. 79.
27. ЦГАИПД СПб, ф. Р-116 Л, оп. 2, д. 36, л. 90об.
28. Там же, л. 28об.
29. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КУЛИНОК С.В. К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах. — Новейшая история России. 2020. № 10 (3), с. 609–621.
30. ЦГА СПб, ф. 9421, оп. 1, д. 84, л. 7–8.
31. ЛОГАВ, ф. Р-1249, оп. 1, д. 169, л. 79–85.
32. ГАПО, ф. Р-903, оп. 3, д. 126, л. 66–67.
33. ЦГА СПб, ф. 9421, оп. 1, д. 84, л. 7–8.
34. Там же.

Эвакуация из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР в годы Великой Отечественной войны

Г.Б. ТУСКАЕВА, У.Ш. ТЕДЕЕВА, Л.Ч. ХАБЛИЕВА

Evacuation from the frontline to North Ossetia during the Great Patriotic War

G.B. TUSKAYEVA, U.SH. TEDEEVA, L.CH. KHABLIEVA

Аннотация. В статье рассматривается эвакуация гражданского населения и промышленных предприятий из прифронтовой полосы в Северную Осетию в годы Великой Отечественной войны. Эвакуационные мероприятия стали приоритетной задачей государства. На основе анализа материалов Центрального государственного архива РФ – Аляния раскрывается ряд аспектов деятельности партийных и государственных органов власти СОАССР по организации этого процесса.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, гражданское население, материальные ресурсы, промышленный потенциал.

Abstract. The article discusses the evacuation of civilians and industrial enterprises from the frontline to North Ossetia during the Great Patriotic War. Evacuation measures have become a priority task of the state. Based on the analysis of the materials of the Central State Archive of the Russian Federation, a number of aspects of the activities of the party and state authorities of the SOASSR on the organization of this process are revealed.

Key words: evacuation, Great Patriotic War, civilian population, material resources, industrial potential.

Современные методологические подходы к изучению истории Великой Отечественной войны определили круг дискуссионных тем, которые нуждаются в более глубоком анализе. Одной из них является проблема эвакуации производительных сил и гражданского населения в тыловые районы, ставшая важнейшей стратегической задачей, напрямую связанной с выживанием страны в чрезвычайных и экстремальных условиях военного времени. Ее необходимо было решить в короткие сроки, развернуть в глубоком тылу производство оружия, боеприпасов и техники для нужд фронта и спасти миллионы людей от гибели¹. Законодательной базой для организации этого процесса стали Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. № 1740-7488 «О создании Совета по эвакуации», Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 5 июля 1941 г. № 1825-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время»,

Постановление ГКО СССР от 26 сентября 1941 г. № 7150 «Об организации Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации»². Эта законодательная база стала основой организации процесса эвакуации населения и обслуживания его в пути следования, приема, размещения, хозяйственного устройства на новом месте. Специальные структуры были созданы как в местах эвакуации, так и в местах расселения эвакуируемых.

До конца августа - начала сентября 1941 г. размещением и обустройством эвакуированного населения занимались местные органы власти. Затем были созданы специализированные коллегиальные органы, занимавшиеся учетом, расселением и бытовым обустройством прибывающих, текущей работой по организации эвакуационных пунктов, обеспечению их работниками, трудовым и бытовым обустройством. Но иногда назначался один уполномоченный.

Следует отметить, что не все перемещенные лица из прифронтовых районов в тыл относились к категории «эвакуированное гражданское население», получение этого статуса строго регламентировалось. Эвакуированные (лица, прибывшие из прифронтовой полосы и командированные в область, если территория их постоянного проживания была занята врагом) имели право на определенные льготы, например обеспечение жильем, работой, особо нуждающиеся могли получить единовременную материальную помощь. Они отправлялись в эвакуацию со своими предприятиями. Военнослужащие – персонал тыловых госпиталей, курсанты военных учебных заведений – не относились к категории «эвакуированное гражданское население», но на членов их семей этот статус распространялся. Заключение перемещенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей, которые попали под амнистию после прибытия, получали статус эвакуированных, но на них не распространялись льготы. Эвакуированными не считались перемещенные поляки и депортированные народности. Все эвакуированное население можно поделить на две группы: «организованное население» (эвакуированные рабочие и служащих различных организаций и учреждений) и «беженцы» (те, кто самостоятельно покинули места своего проживания, а также вывезенные из крупных городов в военно-политических целях, чтобы разгрузить их от «лишнего» населения, как в добровольном, так и принудительном порядке). Перемещением «организованного населения» занимались Совет по эвакуации, отраслевые наркоматы.

Тускаева Гуара Батразовна – кандидат исторических наук, доцент ФБГОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия». E-mail: guara.tuskaeva@yandex.ru; Тедеева Ульяна Шотаевна – кандидат исторических наук, доцент ФБГОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия». E-mail: tedeeva76@mail.ru; Хаблиева Лариса Черменовна – кандидат педагогических наук, доцент ФБГОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.А. Хетагурова». E-mail: lara6715@yandex.ru.

Tuskayeva Guara B. – candidate of historical sciences, associate professor, North Ossetian State Medical Academy. E-mail: guara.tuskaeva@yandex.ru; Tedeeva Ulyana Sh. – candidate of historical sciences, associate professor, North Ossetian State Medical Academy. E-mail: tedeeva76@mail.ru; Khablieva Larisa Ch. – candidate of pedagogical sciences, associate professor of the North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. E-mail: lara6715@yandex.ru.

Северная Осетия стала одним из регионов, куда направились промышленные предприятия и гражданское население из прифронтовой полосы страны: предприятия цветной и черной металлургии. Перед республиканскими органами власти стояла задача по размещению эвакуированных и по организации скорейшего выпуска продукции³. 3 октября 1941 г. Совет Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР принимает постановление № 742 о создании Управления по эвакуации населения при СНК СОАССР. Уполномоченным был назначен И.П. Абаев (начальник Переселенческого отдела), которого 21 ноября 1941 г. сменил И.П. Драгоценко (первый заместитель Председателя СНК республики)⁴. В соответствии с Постановлением СНК СОАССР от 21 ноября 1941 г. № 825 «О мероприятиях по обслуживанию эвакуированного населения, прибывшего из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР» необходимо было организовать тщательный учет и регистрацию прибывающего эвакуированного населения. Местные органы власти занимались расквартированием прибывших, обеспечивали их питанием, медицинской помощью, решали вопросы трудоустройства. Организационную помощь оказывали ответственные сотрудники, прикрепленные к городским и районным администрациям⁵. Эвакуация шла с большими трудностями. Эшелоны с людьми имели преимущественное право в продвижении на железнодорожных станциях, за исключением воинских эшелонов⁶.

В августе 1941 г. в Северную Осетию прибыло 1 128 чел., в октябре 1941 г. – 200 вагонов с беженцами из Славянска, Ясиноватой, Ворошиловграда, Кагановича, Ростова, Ейска (9 100 чел.). Всех эвакуированных разместили по районам республики⁷. Эвакуированных из индустриальных центров – 10 998 чел. – разместили в г. Орджоникидзе. Например, работники вагоноремонтного завода им. Кагановича (954 чел.), рабочие и служащие завода «Укрцинк» (130 чел.), сотрудники Северо-Донецкой железной дороги (130 чел.), рабочие Харьковского протезного завода (79 чел.) пополнили ряды промышленных рабочих⁸. По мере наступления противника на центральные регионы страны усиливался и поток эвакуированных в Северную Осетию⁹. Среди беженцев были люди разных национальностей, политических взглядов и вероисповедания (389 амнистированных польских граждан¹⁰, 259 испанских политэмигрантов, которым предоставили жилплощадь в г. Орджоникидзе на ул. Армянская, Гибизова, Горького, Лермонтова, Маркуса, Осетинская, Ростовская, Советов (Миллера), Томаева, Фрунзе, Ч. Баева. Эти центральные улицы города находились недалеко от католического костела и еврейской синагоги. Частично их разместили в Ардоне, Дигоре, Беслане¹¹. Национальный состав польских граждан был весьма пестрым: 297 евреев, 87 поляков, два украинца, один русский, один белорус и один чехословак¹². Но основная масса прибывавших в СОАССР – это советские граждане¹³. Помимо рабочих промышленных предприятий, в республике разместили сотрудников Донецкого индустриального института¹⁴, Ростовского НИИ (17 чел.)¹⁵. Эвакуированные прибывали организованно по железной дороге и в частном порядке. Например, из прибывших в Северную Осетию с 10 октября по 5 ноября 1941 г. 1 002 чел. прибыли

в организованном порядке, а 640 – в частном¹⁶. По распоряжению Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны от 25 ноября 1941 г. № 12 эвакуированные сотрудники Геофизической обсерватории Управления Гидрометеослужбы СКВО были размещены в здании Радиокomiteта СОАССР по ул. М. Горького, 28¹⁷. Среди эвакуированных в республику организаций и предприятий были артели «Ростпромметалл», «Красный Бондарь», «Красный Кузнец», «Красный Обувщик», «Красный Гвоздильщик» – всего 167 чел.; 87 сотрудников госпиталей; работники Северо-Донецкой железной дороги им. Кагановича; железной дороги им. Ворошилова; техникума Народного комиссариата путей сообщения; сотрудники военных складов г. Ростова; завода «Укрцинк» г. Константиновка; ФЗО Юго-Донецкой железной дороги¹⁸, рабочие и служащие эвакуированного вагоноремонтного завода при ст. им. Л.М. Кагановича из Донбасса, разместившиеся на базе Орджоникидзевского вагоноремонтного завода¹⁹ (Табл. 1 и 2). Работники ВРЗ им. Кагановича и ВРЗ им. Кирова г. Орджоникидзе за короткий срок организовали работу цехов по выпуску военной продукции, в частности наладили производство кавалерийских сабель. На базе Харьковского протезного завода стали изготавливать ленчики для седел, а с декабря 1941 г. литейно-механический цех завода стал производить гранаты РГД-33 и прицелы для минометов М-50.

С большим трудом местным властям удавалось решить жилищную проблему прибывавшего в республику эвакуируемого населения. Под жилье отводились малоприспособленные нежилые помещения – клубы, театры, школы, людей расселяли в землянках, бараках и подвалах. Например, в г. Алагире предстояло разместить свыше 4 тыс. чел.²⁰ Хроническая нехватка жилой площади решалась через ее «уплотнение». В г. Орджоникидзе в 1942 г. на одного человека приходилось не более 3 кв. м жилой площади. Всего к 1 августа 1942 г. в Северной Осетии было размещено 21 235 чел. эвакуированного населения прифронтовой полосы²¹. Местные партийно-государственные органы организовали деятельность по обеспечению их жильем, дровами, работой, хлебными карточками. Особо нуждающимся выделялась единовременная материальная помощь²². Только в октябре-ноябре 1941 г. эвакуированные получили 2 тыс. предметов верхней одежды, 2 тыс. пар взрослой и 900 пар детской обуви. 5 070 особо нуждающихся семей в конце 1941 г. получили единовременную денежную помощь в размере 600 тыс. руб.²³

Отметим, что эвакуированные предприятия в кратчайшие сроки начинали выпуск военной продукции, работая на нужды фронта. Благодаря эвакуации культурных учреждений, удалось сохранить многие культурные ценности. Таким образом, партийно-государственным органам СОАССР удалось по мере возможности решить бытовые и социальные вопросы эвакуированных: обеспечить жильем, питанием, трудоустроить, оказать материальную и финансовую поддержку, предоставить медицинскую помощь. Эвакуация проходила в условиях активных военных действий и была связана с большими потерями. Она потребовала огромных усилий населения страны, исключительной четкости, слаженности и оперативности в работе партийных, советских и хозяйственных организаций.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Таблица 1 ²⁴

Численные сведения о гражданах, эвакуированных из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР (вторая половина 1941 – начало 1942 г.)

Наименование республики, области, города	Евреи	Русские	Украинцы	Осетины	Армяне	Испанцы	Белорусы	Поляки	Греки
Москва	120	321	18	226	16		3	4	11
Ленинград	18	41	6	28	1				
Азов		7							
Амвросиевка			5						
Анапа		8			2				
Армения		9		5					
Архангельск								2	
Белград		3	3						
Белосток		2	9	7					
Белоруссия	177	43	6	6			67		
Бельск		3							
Бельцы	8								
Бендеры	16								
Бессарабия	457	65	19		7		2		
Бобруйск									
Брянск	9	11							
Буйнакск		4							
Варшава	10								
Витебск	8	4							
Владимир				2					
Владими́ро-Во́лыньск		3							
Вознесенское			8						
Во́лыньск		3	4						
Воронеж		27	32	4					
Ворошиловград	2	107	89		3		3	3	
Ворошиловск				1					
Винница	30		8					1	
Выборг		3	1						
ГССР				5					
Гомель	35	6		5					
Горловка			12	5					
Даг. АССР			3						
Донбасс	223	278	286	3	4				2
Донецк	25		3						
Днепропетровск	106	29	82						4
Драгович								1	
Евпатория	48	28	5				1	3	
Ереван		9							
Житомир	208		21						
Жмеринка	4								
Западная Белоруссия		10							
Западная Украина	49	55	43	15				4	
Запорожье	66	52	48	10					1
Ижевск					4				
Карело-Финская АССР	12	8	9	1					1

Продолжение таблицы 1

Каганович		39	71						
Калуга		7							
Каменец-Подольск		5				3			
Каунас			3						
Кандалакша				1					
Керчь	35	24	19						
Киев	421	40	88	9	3	1	3	6	3
Кировоград	7	18	7					1	
Кишинев	248	23	6		7				
Ковель			3						
Константиновка		29							
Краматорск			2						
Краснодар	23	117	14	8					
Краков								1	
Кривой Рог	36	5	9						
Кременчуг	11								
Крым	929	594	107	27	14		3	10	17
Курск		29	8						
Латвия	6	19	3						
Литва	12	24	6	6			1		
Лодзь									
Луцк		10							
Львов	42	27	8	14					
Макеевка	4								
Малоарсланец		2							
Мариуполь	17	7							4
Мелитополь	2		7						
Минск	37	6							
Могилев		1							
Молдавия	357	64	7	5					
Мурманск	7	18	3	13			5		
Николаев	39	9	23						
Новгород		14					4		
Новороссийск	9	11		4	6				
Новочеркасск		38	3					2	
Одесса	304	117	73	8					1
Орел	10	7							4
Очаков		1							
Павлоград		4	1						
Подольск	24	3		47					
Полесье			2						
Полоцк		3	5						
Полтава	63	14	40						
Польша	56							4	
Приморск				4					
Проскурово	10								
Псков				2					
Рига				6					
Рогатин					4				
Ростов-на-Дону	612	1384	161	77	70	144	21	21	
Рязань		8							
Севастополь		56	13	3					
Симферополь	120	48					4		
Славянск			1	1					

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Продолжение таблицы 1

Смоленск		43	2						
Сочи		2							
Сталинград	14	13							
Сталино (Донецк)	158	181	120				11	6	6
Ст. Сталинская		48							
Сталинск			57	13			4		
Таганрог	15	79		2	2			2	7
Таллинн		26							
Тирасполь	8	7	1						
Ст. Тихорецкая		5							
Тула		11							
УССР	767	324	158	39	2			3	4
Феодосия	6	7	1						
Хабаровск				2					
Харьков	119	48	35	6	3				
Херсон	34			2					
Химки		1							
Черкасы	3								
Чернигов		8	12						
Черновцы		6							
Чернореченск			1						
Чкаловская		3							
Шахты		11		2					
Эстония		12					3		
Ялта		24	11		4				
Ярославль				9					
Всего	6 196	4 823	1 811	633	152	145	138	70	69
14 037									

Отдельные народы:

Айсоры – 9 (Ленинград).

Ассирийцы – 4 (Ленинград).

Башкиры – 1 (Смоленск).

Грузины – 34 (Москва – 3, Рязань – 1, Львов – 3, Ростов-на-Дону – 2, Бессарабия – 10, Ленинград – 5).

Китайцы – 1 (Ростов-на-Дону).

Латыши – 16 (Крым – 1, Ростов-на-Дону – 5, Киев – 1, Западная Украина – 1, Сталино – 3, Новочеркасск – 3, Винница – 2).

Литовцы – 7 (Крым – 2, Литовская ССР – 5).

Молдаване – 7 (Молдавская ССР – 2, Западная Украина – 5).

Мордовцы – 6 (УССР – 3, Ростов-на-Дону – 3).

Немцы – 22 (Дубна – 4, Харьков – 3, Краснодар – 2, Ростов-на-Дону – 7, Чернигов – 2, Кишинев – 3, Сталинск – 1).

Татары – 36 (Крым – 16, Симферополь – 2, Донбасс – 1, Евпатория – 10, Ростов-на-Дону – 1, Анапа – 3, Сталинск – 3).

Французы – 1 (Новочеркасск).

Черкесы – 1 (Ростов-на-Дону).

Чехи – 1 (Ростов-на-Дону).

Всего: 14 174 чел.

Таблица 2²⁵

Список предприятий, эвакуированных в Северо-Осетинскую АССР на 21 марта 1942 г.

№ п/п	Наименование предприятия	Кол-во чел.	Примечание
1	Артель «Ростпромметалл»	101	
2	Артель «Красный бондарь»	2	
3	Артель «Красный кузнец»	43	
4	Артель «Красный обувщик»	19	
5	Артель «Красный гвоздильщик»	2	
6	Артель «Испанских политэмигрантов»	129	
7	Госпиталя	87	
8	Северо-Донецкая ж/д им. Кагановича	175	
9	ж/д им. Ворошилова	51	
10	НКПС – техникум	174	
11	Техническая школа – Ростов	65	
12	Военный склад – Ростов	57	
13	Орджоникидзевская ж/д	27	
14	ВРЗ им. Кагановича – Донбасс	954	
15	З-д «Укринк» – Константиновка	120	
16	ФЗО Южн.Донецк. ж/д	35	
17	Разные приехавшие коллективы	529	
18	БМК	34	/в Беслане/
	Всего:	1 204	

Примечания

1. БАТЫРОВ А.Е. Эвакуация в Северную Осетию в 1941–1942 гг. — Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1.
2. РСФСР – фронту. 1941–1945: Док-ты и м-лы. М. 1987.
3. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А), ф. 204, оп. 1, д. 21.
4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А), ф. 629, оп. 2, д. 40, л. 23–24.
5. ЦГА РСО-А, ф. 629, оп. 2, д. 41, л. 48–51.
6. БАТЫРОВ А.Е. Ук. соч.
7. ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 1429.
8. ХАБЛИЕВА Л.Ч. Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны: Сб. док-тов и м-лов. Владикавказ. 2020.
9. БАТЫРОВ А.Е. Ук. соч.
10. ЦГА РСО-А, ф. 629, оп. 1, д. 6, л. 6–6об.
11. Там же, д. 12, л. 23.
12. Там же, л. 23–29.
13. Там же, л. 8–9.
14. Там же, д. 25, л. 1.
15. Там же, д. 12, л. 30.
16. Там же, д. 15, л. 6–8.
17. Там же, д. 8, л. 15.
18. Там же, д. 12, л. 35.
19. Там же, л. 11–22.
20. Там же, д. 15, л. 61.
21. Там же, д. 24, л. 107.
22. Там же, оп. 2, д. 53, л. 12–14.
23. Там же, оп. 1, д. 63, л. 14.
24. Там же, д. 12а, л. 434.
25. Там же, д. 21, л. 10.

28–29 октября 2022 г. на базе Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин) состоялась Третья международная научная конференция «Этнические меньшинства в истории России». Организатором мероприятия выступил Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа ЛГУ им. А.С. Пушкина. В работе конференции приняли участие исследователи из России, Беларуси, Грузии, Казахстана, Узбекистана. В докладах были представлены результаты изучения исторического прошлого различных этнических групп (цыгане, немцы, евреи, болгары, калмыки, вепсы и пр.).

Информационную поддержку конференции обеспечил журнал «Вопросы истории».

УДК 93/94

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48

Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде

И.С. Карабулатова, А.Г. Шабамбаева, М.Ю. Никитин, Г.К. Резуанова, Г.К. Сыздыкова

Bukharian Jews and Tobolsk Bukharians on the territory of the south of Western Siberia and the Kazakh steppe in the 17th – 19th centuries: adaptive practices of avoiding conflicts in the merchant environment

I.S. KARABULATOVA, A.G. SHABAMBAYEVA, M.YU. NIKITIN, G.K. REZUANOVA, G.K. SYZDYKOVA

Аннотация. Авторы рассматривают процессы расселения бухарских евреев в Tobolsk губернии и их роль в становлении тобольских бухарцев юга Западной Сибири. Материал представляет особый интерес для понимания истории и аналитической интерпретации процессов переселения и адаптации в иноэтноконфессиональной среде. Отмечается роль бухарских евреев в становлении субэтнической группы – тобольских бухарцев, которые стоят особняком среди сибирских татар. Авторы полагают, что конфессиональная идентичность у бухарских евреев трансформировалась под влиянием местных сибирских татар и казахов, усилив мусульманский компонент как признак принадлежности к тюркскому миру.

Ключевые слова: бухарские евреи, Tobolsk губерния, Сибирь, тобольские бухарцы, Шелковый путь, Казахская Степь, Центральная Азия, этнокультурная идентичность, юрты.

Этнические меньшинства в истории России

Abstract. The authors consider the processes of settlement of Bukharian Jews in the Tobolsk province and their role in the formation of the Tobolsk Bukharians of the south of Western Siberia. The material is of particular interest for understanding the history and analytical interpretation of the processes of resettlement and adaptation in a non-ethnic and confessional environment. The role of Bukharian Jews in the formation of a subethnic group – the Tobolsk Bukharians, who stand apart among the Siberian Tatars, is noted. The authors believe that the confessional identity of Bukhara Jews was transformed under the influence of local Siberian Tatars and Kazakhs, strengthening the Muslim component as a marker of belonging to the Turkic world.

Key words: Bukhara Jews, Tobolsk province, Siberia, Tobolsk Bukharians, Silk Road, Kazakh Steppe, Central Asia, ethno-cultural identity, yurts.

Вопрос о взаимодействии еврейской культуры с другими этноконфессиональными группами Сибири ¹, Центральной, Средней Азии ² и Казахстана ³ представляет особый интерес ввиду наличия лакун относительно специфики культуры и жизни бухарских евреев ⁴. Мы видим наложение нескольких мифологем ⁵, циркулирующих в общесовременном контексте: Сибирь и Азия ⁶, евреи ⁷, татары ⁸, иудаизм ⁹, ислам ¹⁰.

В XIX в. в Тобольске проживало 50,8 % всего еврейского населения губернии, в том числе 408 чел. (54,8 %) самозанятого населения, из них 342 мужчины и 66 женщин ¹¹. Однако отдельные показатели по видам деятельности демонстрируют приоритет удельного веса тобольской еврейской общины перед остальными этническими группами. Так, в учебно-воспитательной среде были заняты девять человек, в то же время восемь евреев несли службу в вооруженных силах. В полиграфической отрасли Тобольска 13 из 18 полиграфистов были евреями (72,2 %), а из держателей питейной торговли – четверо из шести (66,6 %), 21 из 31 занимались устройством, ремонтом, содержанием жилья и строительными работами (61,6 %), 28 из 33 занятых извозом (84,8 %, в том числе одна женщина) ¹².

Карабулатова Ирина Советовна – доктор филологических наук, профессор, заместитель руководителя лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета ГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», эксперт кафедры машинного обучения и цифровой гуманитаристики ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)». E-mail: radogost2000@mail.ru; Шабамбаева Анара Габдулбариевна – преподаватель кафедры истории, аспирант НАО «Торайгыров университет» (Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова). E-mail: tor12@psu.kz; Никитин Максим Юрьевич – аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет». E-mail: 5183836@gmail.com; Резуанова Галияпану Кабиевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры казахского и русского языков НАО «Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина». E-mail: grezuanova@kazatu.kz; Сыздыкова Гульнар Кузановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Высшей школы образования ТОО «Международный университет Астана». E-mail: gulnar1302@mail.ru.

Karabulatova Irina S. – doctor of philology, professor, deputy head of the laboratory of machine learning and semantic analysis of the Institute for Advanced Research on Artificial Intelligence and Intelligent Systems of Lomonosov Moscow State University, professor of the department of foreign languages of the philological faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, expert of the department of machine learning and digital humanities of the Federal State Educational Institution "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)". E-mail: radogost2000@mail.ru; Shabambayeva Anara G. – lecturer of the Department of History, postgraduate student of the NAO "Toraihyrov University" (S. Toraihyrov Pavlodar State University). E-mail: tor12@psu.kz; Nikitin Maxim Yu. – post-graduate student of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Voronezh State Pedagogical University". E-mail: 5183836@gmail.com; Rezuanova Galiyapanu K. – candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the department of Kazakh and Russian Languages, National Educational Organization "Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin". E-mail: grezuanova@kazatu.kz; Syzdykova Gulnar K. – candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the Higher School of Education, Astana International University LLP. E-mail: gulnar1302@mail.ru.

Вместе с тем история бухарских евреев и сибирских бухарцев довольно запутанна, поэтому в своем исследовании мы намерены разъяснить некоторые ее обстоятельства в условиях юга Западной Сибири и Казахстана (бывшая Тобольская губерния) в XVII–XIX вв. в контексте поиска и выработки способов ухода от этносоциокультурных конфликтов в условиях иноэтноконфессионального окружения. Насильственная исламизация евреев привела к тому, что перешедшие в ислам евреи были вынуждены перебираться из еврейских поселений в мусульманскую часть. Однако при внешнем конфессиональном переходе такие евреи продолжали тайно придерживаться своих традиций¹³.

Кроме того, свою лепту внесла реализация так называемой «Записки о дозволении поселенным в Сибири евреям вступать в брак с женщинами Калмыцкого города» 1817 г.¹⁴, хотя она лишь зафиксировала те процессы, которые уже протекали в Сибири.

Мы полагаем, что этносоциокультурный конфликт возникает как психоэмоциональный ответ на противоречия толкований поступающей извне информации, максимально ярко проявляясь в социокультурной коммуникации межэтнического, межконфессионального диалога, торговли, выявляя точки конфликтности в общении, поскольку разница в этносоциокультурных стереотипах поведения провоцирует то, что обозначено учеными как речевой конфликт¹⁵, коммуникативный конфликт¹⁶, лингвокогнитивный конфликт¹⁷.

Население Сибири сформировалось в результате принудительно-добровольной колонизации и миграций. При этом отсутствие крепостного права предопределило появление таких черт сибирского характера, как свободолюбие, открытость, доброжелательность, сглаженность противопоставления «свой-чужой» по отношению к пришлым, готовность принять в свой социум представителей самых разных народов, в том числе евреев, которые находились за пределами иудейских общин¹⁸.

Актуальность заявленной темы обусловлена также тем, что систематизированные этнографические исследования локальных групп бухарских евреев, которые раскрывали бы специфику их адаптации в конкретной этносоциокультурной среде, приведшую к трансформации в различных формах идентичности и ассимиляции, разрозненны¹⁹. При этом исследователи априори исходят из постулата об однородности бухарских евреев как в прошлом, так и в настоящем, хотя объективные данные свидетельствуют о приобретении региональных черт каждой локальной группой бухарцев в новых локусах пребывания, что требует дополнительного рассмотрения и специального погружения в тему.

Настоящее исследование опирается на анализ архивных и опубликованных документов и источников и собственную интерпретацию аналитических изысканий предшественников, благодаря чему возможно моделирование предлагаемой реконструкции адаптационных практик толерантной коммуникации и ухода от конфликтов у бухарских евреев на юге Западной Сибири и Казахской степи.

Социально-экономические контакты Шелкового пути способствовали расширению коммуникации между разными народами, формируя новые поведенческие этностереотипы²⁰. В результате мы имеем обозначения бухарских

Этнические меньшинства в истории России

евреев в Сибири и сибирских бухарцев (с конкретизацией локуса: тобольские бухарцы, томские бухарцы и т.д. — *И.К., А.Ш., М.Н., Г.Р., Г.С.*), причем зачастую речь идет об одной и той же субэтнической группе, поскольку, как уточняет З.А. Тычинских, «статус бухарца / бухаретдина в конце XVI–XVII в. определял прежде всего принадлежность к торговому сословию, являясь, таким образом, этносоционимом»²¹, но не по этнической или конфессиональной принадлежности. Это замечание нам представляется существенным, поскольку путаница, связанная с определением бухарцев и как иудеев, и как мусульман характеризует, с одной стороны, недостаточную проработку вопроса, а с другой – выработку бухарцами коммуникативных способов ухода от конфликта в силу социальной принадлежности к толерантному «торговому люду».

Исследователи старались обойти данную проблему в силу социальной стигматизации еврейского вопроса, вопросов вероисповедания и смены этноконфессиональной принадлежности в социуме, рассматривая такие темы как потенциально опасные для общества, конфликтогенные, деструктивные и разрушительные²².

Войны и социально-экономические конфликты, природные катаклизмы и эпидемии всегда ведут к резкой смене мировоззренческой парадигмы, при этом деструктивно-конфликтогенному вербально-невербальному поведению²³ отводится одна из основных ролей в эволюции общества как некоего живого организма. Разрушительный механизм, как правило, четко поляризует оценочность суждений и поступков, которые характеризуют как взаимоотношения человека с самим собой, организуя речеповеденческие стратегии внутриличностного конфликта, так и взаимоотношения с обществом.

Проблема бухарских евреев или сибирских бухарцев, несмотря на присутствие внутриличностного конфликта, лежит в социальной плоскости, поскольку ярко отражает революционную пассионарность деструктивного вербально-паравербального поведения данной этносоциальной группы, маркированной различными социальными стигмами, что актуализирует чувство вины у самих бухарцев вследствие смены внешней идентичности и у окружающего сообщества из-за социального прессинга бухарских евреев, повлекшего за собой трансформацию устоев.

Мы говорим о революционной пассионарности деструктивного вербально-паравербального поведения в рамках «хорошо-плохо», потому что в таком поведении актуализируются привычные бинарные способы освоения действительности. Однако само наличие позиции «плохо» воспринимается в обществе как катастрофа, что негативно влияет на понимание таких сложных социальных феноменов, как деструктивность в коммуникативных стратегиях, приводящая к смене различных форм идентичности, отказу от устаревших стереотипов, поиску более гибких видов социального поведения, направленных на успешное выживание в агрессивной и/или недружелюбной среде.

Гибридная этноконфессиональная идентичность купцов и торговцев как представителей возвратной бизнес-миграции ранее рассматривалась нами в аспекте отражения транскультурного конфликта на примере дневниковых записей Афанасия Никитина в его знаменитом «Хождении за три моря»²⁴. Поэтому мы считаем, что призывы к уничтожению девиации и деструкции, по меньшей мере, иллюзорны, поскольку само генерирование деструктивных реалий различными социальными институтами, органами, структурами, отдельными персонами происходит посредством определенных стратегий и технологий. Исследователи видят в этом прессинг и противоречие²⁵, но на самом деле перед нами действенный механизм обеспечения этнической витальности²⁶, в котором деструкция аккумулирует итог взаимодействия социокультурных и природных условий функционирования социума, а также экзистенциальных и индивидуальных аспектов социальности человека.

Детализированная интроспекция А. Никитина за собственным языковым, социокультурным поведением, включая конфессиональную атрибуцию, позволяет нам говорить о достаточно гибком отношении к этносоциокультурным поведенческим стереотипам в среде купечества в ситуации маятниковой (возвратной) миграции в период Средневековья. Так, А. Никитин абсолютно спокойно рассуждает о позиционировании себя не как православного христианина, а мусульманина в Индии, поскольку это позволяет ему получить более выгодные условия для торговли²⁷, но при этом горячо переживает потерю ориентиров для соблюдения православного календаря и необходимость реального соблюдения исламского канона²⁸.

Купец понимает, что избежать конфликтов в жизни невозможно, поскольку пока человек осознает себя и мир, он вступает либо в монолог, либо в диалог с окружающей его действительностью. Аналогично могли поступать и бухарские евреи, оказавшиеся в исламском окружении Сибири, что повлекло за собой поиск путей ухода от конфликтов по маршруту торговли Шелкового пути. Эта гипотеза подтверждается материалами переписей Тобольской губернии, согласно которым, в результате экстралингвистических социально-экономических факторов русский именованник обогатился фамилиями новокрещенных «сибирских инородцев»²⁹, поскольку это было довольно распространенной практикой. Так, в Тюмени был известен Агишев Андрей Дементьевич – татарский толмач из мишарей³⁰, а его современные потомки уже идентифицируют себя как русские.

Появление искаженных вариантов записей в документах приводило к разного рода бюрократическим и юридическим ошибкам: Апшанов Салут Атшанович (ок. 1784 г. – ?) – сын казака Атшанова А.А. (1799), Асланин – Арсланин, Ачекматов Майтмас – Азикматов Маатмас, Ижболдин Дмитрий Григорьевич – Ишболдин³¹. Процессы взаимодействия татарской и русской антропонимических систем Тобольской губернии наглядно иллюстрируют процесс нагнетания деструкции в сибирском обществе. Однако при фиксации на письме в силу фонематических особенностей русского и татарского языков возникала инвариантность

Этнические меньшинства в истории России

написания: Сайфуллин – Сейфуллин – Сайфулин – Сифулов – Сефулов – Сефуров. Особенно актуален вопрос конфликтности для деловой коммуникации в сфере торговли³², поскольку купец становился не просто торговцем, но и дипломатом, переводчиком, журналистом своего времени. В связи с этим мы наблюдаем вариативность фиксации у представителей торгового сословия. Как правило, для облегчения коммуникации купцы использовали имена, которые были привычны для местного жителя. Вместе с новыми именами зачастую указывались в скобках и старые (исконные) имена, а также этносоциальная принадлежность, что позволяло в ряде случаев установить факт описки: «тобolsкой татарская голова Черкас Александров (1601 г., Верх.)»³³ В числе этносоциальных маркеров использовались суффиксы -енин/-анин (башкирянин, бухаренин), -итин/-етин (москвитин, бухаретин), -ец (бухарец).

В русских летописях XI в. упоминался кочевой народ хазар-берендеев, который уже к XII в. стал полуоседлым, однако этноним «берендеи» сохранился в собственных именах. В дозорной книге 1623 г. по Тобольску упоминается «починок новоприбылого Ивашка Пермитина Берендея»³⁴. Позже от этого прозвища были образованы фамилии Берендеев, Барандеев, Барандин, например: «Ивашко Берендѣев»³⁵ (Тоб.); «бобыл(ь)ской сынъ Иван Иванов сын прозвищѣ Барандин» (1710 г., Тоб.)³⁶.

Бухарские евреи шли проторенным путем хазар-берендеев, поэтому нет ничего удивительного в том, что древний этноним «хозары» / «хазары» отмечается в антропонимии Тобольской губернии. В древнерусском языке был известен этноним «козаре» («козар», который производят от тюркского «сахар» – «бродить, спасаться бегством»). Сравним: «Федька Казаринов, казак» (1598 г.)³⁷, «Сидорко Казаринов» (1669 г., Тюм.)³⁸, «Максимко Фролов Казаринов», крестьянин (1671 г., Тюм.)³⁹, «во дворѣ казачей сынъ Семен Иванов сынъ Казаринов» (1701 г., Тюм.)⁴⁰, «Григорей Максимовъ сын Казарин», крестьянин (1704 г., Тюм.)⁴¹, «Иван Сидор Лука Кириловы дѣти Казариновы» (1709 г., Верх.)⁴², «крестьянин Федоръ Иванов сынъ прозвищѣ Казаринов» (1710 г., Тоб.)⁴³, «Игнатей Дмитриев сын Казариновы» (Тюм.)⁴⁴. При этом слово «Казарин» могло употребляться как этноним с последующим переходом в свод личных имен. Например: Казарин Давид Александрович Морхинин, XIV в. (Вес. 130)⁴⁵; подьячий Казарин Федоров (1593 г., Владимир)⁴⁶. «Казарин», «Казаринов» была и остается одной из самых частотных русских фамилий как в Тобольской губернии, так и в современной Тюменской области и граничащих с ней северных областях современного Казахстана, ранее входившего в границы Тобольской губернии и/или граничившего с ней. Тюменские фамилии: Казаринов Алексей Иванович – конный казак; Казаринов Василий – пеший казак; Казаринов Сидор – конный стрелец (1650); Казаринов Федор Исакович – конный стрелец (1646)⁴⁷. Фамилия сначала принадлежала известному дворянскому роду. В 1531–1532 гг. был постельничий Михаил Казарин⁴⁸ – сын Алексея Васильевича Буруна⁴⁹ – одного из сыновей Василия Глебовича Сорокоумова⁵⁰. В Северном Казахстане патронимы «Хазаров» и «Казарин» встречаются как

в русском антропонимическом поле, так и в казахском: Андрей Хазаров (Петропавловск), Абдул Хазаров, Амир Хазаров (Петропавловск). В с. Ново-Павловском Петропавловского уезда Акмолинской области (1877) числились Казарин Никифор – «казак отставной», Казарин Иван – «казак внутренне-служащий», Казарин Алексей – «малолеток», Казарин Еким – «малолеток», Казарин Митрофан – «малолеток», Казарин Гордей – «малолеток», Казарин Тимофей – «малолеток». Все они были записаны как великороссы⁵¹. Как указывают ономасты, фамилии Козарин/Казарин/Казаринов образованы от этнонимов «козаре / хазары»⁵².

С XVII в. сибирские тюрки активно смешивались с бухарцами (в основном узбеками и таджиками) и частично с тобольскими и заболотными татарами⁵³. Позже часть их фамилий в связи с изменением вероисповедания и сменой имени (чаще, чем фамилии) влилась в русскую антропонимическую систему региона. Например, выходцы из Бухары имели фамилии с корневой морфемой -бухар-: Бухарцев – Бухаров – Бухарсков – Бухаровский – Бухарских. Они могли встречаться даже одной семье, например: Бухарцев (Бухарских) Илья Петрович; Бухар(ская)ова Екатерина Андреевна (24.11.1813 – ?) – дочь крестьянина Бухар(ског)ова А. (1813), Бухар(ская)ова (Ромицина) Акулина Петровна – ямщицкая дочь (1812), жена крестьянина Бухар(ског)ова Андрея (с 19.05.1812 – 1813)⁵⁴.

Как отмечает Т. Емельяненко⁵⁵, «внешняя» идентичность у бухарских евреев довольно подвижна, что мы наблюдаем у представителей торгового класса других эпох, это стыкуется с конструктивистскими теориями, нацеленными на преодоление оппозиций (прежде всего, «свой-чужой») в осмыслении различных аспектов реальности, которые традиционно воспринимаются в антагонизме их целостности. Мы полагаем, что недостаточно трактовать этноконфессиональный переход лишь с точки зрения антропоцентризма и/или социоцентризма. Уход от внешнего конфликта и процесс этноконфессионального перехода хорошо видны на примере дневниковых записей купца Афанасия Никитина.

Как свидетельствуют записи А. Никитина, для купцов, осуществлявших торговлю между различными странами и регионами с разными религиозными приоритетами, было важно мирно сосуществовать в рамках той мировоззренческой парадигмы, которая главенствовала в конкретном социуме, демонстрируя умелое сочетание «своих» и «чужих» стереотипов в речевой практике, использование вариативных моделей интеракции в речевом сознании купца как гражданина мира с расширенными рамками собственной идентичности. Так, не будучи мусульманином, А. Никитин постился так же, как и остальные мусульмане, соблюдая рамадан, что позволяло ему входить в категорию «свои» при торговле с мусульманами.

Купеческий прагматизм заставлял православного купца А. Никитина соблюдать и другие требования, предъявляемые к мусульманину: паломничество в Мекку, через территорию которой нельзя возвращаться на Русь

Этнические меньшинства в истории России

(«А на Мякьку пойти, ино стати в вѣру бесерменьскую, заньже христиане не ходят на Мякьку вѣры дѣля, что ставят в вѣру») ⁵⁶, раздача садака (милостыни), совершение намаза, произнесение «шахады» (слова «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - посланник Божий») ⁵⁷. Следует отметить, что такое двойственное поведение свойственно и современным мигрантам ⁵⁸. «К концу XIX в. бухарцы мало чем отличались от сибирских татар, совершенно забыли свой язык, обычаи, ассимилировались и слились с сибирскими татарами» ⁵⁹.

Иными словами, деструкция является характеристикой поздней зрелости и старости общества, поэтому возникающие стратегии этноконфессионального и/или социокультурного перехода напитывают каждый социум соответствующей энергетикой, которая пронизывает все социальное поле, побуждая человека к развитию. Следовательно, адаптационные практики ухода от этносоциокультурных конфликтов в контексте социального бытия человека являются частью системы общественного контроля, направленного на нивелирование субъектности с подчинением общепринятым нормам и правилам.

О смешанном формате идентичности среди бухарского купечества писал и казахский этнограф Ч.Ч. Валиханов, подчеркивая, что бухарские евреи в смутное время восстаний отделились от кокандцев, организовав торговлю по собственным правилам ⁶⁰. На эти же черты социального поведения указывает и Р. Рахманалиев ⁶¹, описывая вынужденность изменения форматов этносоциокультурной практики под влиянием прессинга внешних обстоятельств.

Нам представляется вполне реальным такое следование «двойным стандартам» и в среде бухарских евреев, позиционировавших себя в Казахской степи и татарской Сибири как бухарцев-мусульман. Некоторые исследователи пишут, что для бухарских евреев одним из главных правил было следование общечеловеческим нормам, поэтому уровень нравственности среди бухарских евреев был настолько высок, что они сами жестоко наказывали себя за провинности ⁶². Этнографы подчеркивали наличие большой культурной дистанции между европейскими и бухарскими евреями ⁶³.

Формирование социальной страты тобольских бухарцев на основе проникновения и расселения выходцев из азиатского региона в Сибирь активно обсуждается в научной среде ⁶⁴, при этом отдельные исследователи делают акцент на исламской составляющей первых сибирских бухарцев в Сибири в конце XIV в. ⁶⁵, что представляется нам не совсем корректным.

Тобольск был ключевым городом торговых путей, соединяющих европейскую часть России со Средней Азией и Китаем, таких как Большой Чайный путь и Великий Шелковый путь. В переписи населения Тобольска, проходившей в последней четверти XVII в., были указаны 74 юртовских бухарца и 57 бухарцев, приехавших для торговли. Примечательно, что почти 30 юртовских бухарцев назвали в качестве места своего рождения Тобольск. Кроме того,

17 чел. указали, что родились в Казани, и только четыре бухарца отметили Туркестан как свою родину, а трое сообщили, что они родом из Карачина. Царские привилегии также способствовали расселению бухарцев на территории Сибири. Современники полагали, что бухарские евреи устремлялись в Россию и Сибирь вследствие притеснений со стороны местного мусульманского населения⁶⁶. Однако мы полагаем, что ведущим был мотив освоения новых территорий и новых рынков сбыта.

Некоторая часть бухарских мигрантов уже в первой половине XVII в. выбрала местом жительства Тобольск, закрепив за собой постоянные жилища. Другие бухарские евреи осели в Атбасаре, Петропавловске (Казахском), Красноярске, Ишиме, Омске, Семипалатинске, Таре, Ирбите, Тобольске, Тюмени, Томске, Ялуторовске и Усть-Каменогорске. Расселение бухарцев по направлениям торговых путей было дисперсным, большими и малыми группами или поодиночке; основные волны миграции пришлось на XVII–XIX вв.⁶⁷ Как указывают многие исследователи, уже в XVI–XVIII вв. Тобольск, Тюмень и Тара стали признанными центрами торговли с разросшимися бухарскими анклавами. Закономерно, что самая многочисленная колония бухарцев располагалась в центральной части Тобольска, где бухарцы составляли ядро так называемой татаро-бухарской слободы. В таблице приведены сведения о распределении тобольских бухарцев по населенным пунктам с указанием численности, по данным IV и IX ревизий (составлено нами по Н.А. Томилову⁶⁸. — И.К., А.Ш., М.Н., Г.Р., Г.С.).

Этнические меньшинства в истории России

Таблица

Распределение тобольских бухарцев по населенным пунктам с указанием численности (по данным IV и IX ревизий)

Населенный пункт Тобольской губернии (юрты)	Численность населения		Примечание
	1782 г.	1850 г.	
Абызовские	30	12	-
Агитские	-	42	Вагайский район
Араповские	9	10	Тобольский район
Аремзянские	5	44	Тобольский район
Ашлыкские	1	27	Вагайский район
Баишевские	8	1	Тобольский район
Байгаринские	46	57	Тобольский район
Балахлейские	3	17	Аромашевский район
Батмянские	-	84	-
Бегишевские	36	35	Вагайский район
Бергельские	158	145	-
Будалинские	42	44	Тобольский район
Вагайские	140	213	Вагайский район
Варваринские	57	96	Ярковский район
Епанчинские	137	160	Тобольский район
Заостровные	13	9	-
Иртышатские	85	149	Тобольский район
Истятские	1	16	-
Ишеевские	2	12	-
Иштаманские	102	139	Тобольский район
Катангуйские	-	67	-
Кильмаметские	67	159	Вагайский район
Кобятские	4	6	Вагайский район
Комаровские	131	262	-
Куларовские	10	3	Вагайский район
Кызылбаевские	14	23	-
Липовские	9	-	-
Медянские	92	165	Тобольский район
Миримовские	80	230	-
Надцинские	11	-	Тобольский район
Новые	2	33	Аромашевский район
Пушняцкие	50	34	Тобольский район
Ренчиковых	-	19	Вагайский район
Сабачкинские	2	8	-
Салинские	70	49	Вагайский район
Саусканские	120	305	-
Сузгунские	17	30	Тобольский район
Суклемские	42	67	Тобольский район
Супринские	2	15	Вагайский район
Тарханские	1	12	-
Таутамашевские	-	31	-
Тачимовские	76	117	-
Тяшевские	-	40	-
Тоболгуринские	3	41	Тобольский район
Тобольск	7	68	-
Турбинские	58	9	Тобольский район
Уткарминские	68	77	Аромашевский район
Чебургинские	2	21	Тобольский район
Чертгоройские	7	34	Аромашевский район
Шамшинские	53	35	Тобольский район
Всего:	1 873	3 272	

Благоприятный социальный климат по отношению к бухарским евреям, переселившимся в Сибирь, способствовал увеличению численности этой субгруппы. Весь XVII в. регион прирастал бухарскими евреями, благодаря объявленным царским правительством преференциям для переселенцев Сибири, что обеспечивало привилегированное положение бухарских купцов среди коренного населения. В отчетных документах 1698 г. представители царской администрации описывали положение бухарцев следующим образом: «живут многие годы на льготе и землями владеют, и промыслами всякими промышленяют, и в вере их бусурманской им свобода, и утеснения и обид им никаких нет»⁶⁹. Исследователи относят возникновение первых поселений тобольских бухарцев к периоду правления сибирского хана Кучума. Так, по свидетельству Г.Ф. Миллера, «приезда с Кучумом и Ахмет Гиреем многих бухарцев положил начало поселению в Сибири этого народа. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки переехали в Сибирь много позднее, только в русское время»⁷⁰.

Бухарские евреи делали пространство вокруг себя комфортным для торговли, поэтому вместе с караванами на сибирскую землю потянулись не только купцы, но и ремесленники, устроители гостиничного дела, земледельцы и т.д. Благодаря бухарским и хивинским караванам, по торговым направлениям доставлялись в Сибирь высококачественные ткани (шелк, хлопок, шерсть, войлок), а также различные фрукты, специи и т.д.⁷¹

По данным IV ревизии (1782 г.), количество бухарцев в Тобольске составляло 1 873. Спустя столетие только в Тобольском округе стало проживать 3 272 бухарца, а общая численность сибирских бухарцев в Тобольской губернии составила 9 051 чел. По данным VIII и X ревизий в XIX в., по материалам Н.А. Томилова и С.Н. Корусенко, на 1834 г. количество тобольских бухарцев составляло 3 156 чел., в 1858 г. – 3 422 чел. и в 1897 г. – 3 308 чел.⁷² Эти цифры опровергают заверения чиновников о якобы быстром приросте бухарского населения в Сибири, но вполне вписываются в картину маятниковой деловой миграции того времени. Царское правительство осуществило беспрецедентный «бизнес-проект» по привлечению бухарцев из благоприятного южного климата на постоянное жительство в Сибирь. Для этого создавались льготные условия в отношении торговли и перемещения по стране: бухарские купцы могли свободно и беспощадно ездить из Сибири в любые города России. Именно эти преференции стали главной мотивацией для формирования оседлого населения среди местных тюркских кочевых племен; ядро местной элиты трансформировалось с усилением бухарского компонента, структурируя этносоциальный состав Сибири⁷³.

Вместе с тем начало XIX в. стало знаковым для бухарских переселенцев, поскольку в Тарском, Тобольском и Тюменском округах были организованы Бухарские волости, прямо указывающие на проживание в них выходцев из азиатского региона, что способствовало организации упорядоченной социальной жизни⁷⁴. Другие населенные пункты тоже стали обнаруживать тенденцию формирования смешанного состава населения. Наиболее лояльно относились к бухарцам в населенных пунктах, где население уже имело смешанный с бухарцами этносоциальный состав: Юрты Исеневские, Иртышатские, Тачимовские, Саусканские, Епанчинские, Вагайские, Уткарминские, Кильмаметские, Иштаманские, Медяньские. Подавляющее большинство названных поселений располагалось вдоль караванного пути, в непосредственной близости от Тобольска (см. таблицу. — И.К., А.Ш., М.Н., Г.Р., Г.С.).

Стратегии мирного сосуществования с другими народами способствовали тому, что к середине XIX в. бухарцы были зафиксированы в качестве жителей в 48 населенных пунктах Тобольского округа, в том числе в самом Тобольске. Однако, несмотря на выраженную тенденцию ассимиляции с местным населением, оставались и чисто бухарские селения – Юрты Комаровские (Комарау) и Миримовские (Коллар).

Этнические меньшинства в истории России

К концу XIX в. численность бухарских евреев в Тобольской губернии стабилизировалась, отмечались небольшие колебания то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения вследствие естественных демографических процессов. Первая всеобщая перепись (1897 г.) зафиксировала численность бухарцев в Тобольской губернии на отметке в 11 307 чел., при этом общее количество бухарских евреев в тот же период в Западной Сибири составило 11 601 чел.⁷⁵

Мы можем констатировать, что бухарский компонент весьма силен в сибирско-татарском субэтнотипе, что позволяет выделить его среди других народов Сибири, подчеркивая миролюбие и толерантность в этнонациональном характере бухарских евреев. Спокойное и мирное сосуществование с сибирскими татарами и сибирскими казахами, отсутствие межнациональных конфликтов, расширение интеграции сибирских населенных пунктов в социально-экономическую жизнь России привели к отмене льгот, которые ранее предоставляло царское правительство бухарским евреям, что в итоге заметно снизило миграционные потоки переселенцев из Средней Азии в Сибирь. В результате анализа процессов адаптации бухарских евреев в условиях Сибири они, согласно указу 1834 г., были приравнены к остальным оседлым сибирским инородцам, а потому обязывались к уплате «подымной подати» с каждого дома в размере 10 руб. Этот указ провел черту, разграничивающую бухарских евреев и сибирских бухарцев. После 1834 г. сибирские бухарцы не просто утратили свои привилегии, а стали уже заниматься торговлей лишь на общих основаниях, наравне с другими российскими подданными.

Таким образом, бухарские евреи и сибирские бухарцы выработали этнопсихолингвистические стратегии ухода от социокультурного конфликта в купеческой среде, что позволило им успешно интегрироваться в сибирский социум и оказывать влияние на геополитику как внутри страны, так и за ее пределами.

Примечания

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ № 22–18–20109 «Разработка информационно-аналитической системы по изучению культурно-исторического потенциала социальной помощи в Енисейской Сибири» (Карбулатова И.С.).

1. ШАЙДУРОВ В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб. 2013.
2. КАГАНОВИЧ А. О евреях-мусульманах, проживавших в Туркестанском крае. По архивным материалам. В кн.: Евреи в Средней Азии. Прошлое и настоящее. СПб. 1995, с. 116–132.
3. МАСЛЮЖЕНКО Д.Н., ТАТАУРОВ С.Ф. Сибирь и государства Средней Азии и Казахстана. В кн.: Тюменское и Сибирское ханства: Коллективная монография. Казань. 2018, с. 98–106.
4. ГОНЧАРОВ Ю.М., ШАЙДУРОВ В.Н. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX - начала XX в.: компаративный анализ адаптационных практик общин «вне черты». — Вестник Томского гос. ун-та. История. 2021. № 71, с. 155–161.
5. KARABULATOVA I.S., FEDOROVA E.A., SAYFULINA F.S. A Linguo-Mythological Space of the Toponym “Siberia” in Contemporary Slavonic Linguistic Consciousness. — World Applied Sciences Journal. 2014. No. 30 (9), p. 1134–1138.
6. KARABULATOVA I.S., SAYFULINA F.S. Mytholinguistic Interpretation of Sacral Toponym Astana in Sociocultural Practice of the Siberian Tatars. — Asian Social Science. 2015. Vol. 11, No. 5, p. 303–310.
7. ЕМЕЛЬЯНЕНКО Т.Г. Некоторые черты этнического самосознания бухарских евреев: автореферат. — Историческая этнография. СПб. 2008. Вып. 3, с. 173–181.
8. АКХМЕТОВА В.З., КАЛИЕВ В.Н., КАРАБУЛАТОВА И.С., БАЗАЛИНА Е.Н., СКАЧКОВА Л.В. The Cognitive Analysis of Turkic Ethnonyms “Kazakh” and “Tatar” in the Linguistic Space of the Russian frontier in the context of ethno-confessional dialogue. — Opción. 2018. Año 34. No. 85, p. 1509–1526.
9. ОРЕХОВА Н.А. Еврейские общины на территории Енисейской губернии: XIX – начало 30-х гг. XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск. 2007.
10. FAYZULLINA G.CH., KARABULATOVA I.S., FATTAKOVA A.A., ERMAKOVA E.N., SAYFULINA F.S. The Anthropomorphic Dolls-Patrimonial Idols of Attanay and Their Place in the Language Picture World of the Siberian Tatars. — The Social Science. 2016. No. 11, p. 4448–4456.

11. SHAIDUROV V. Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (as Illustrated in the Example of Siberia). — *Bylye gody*. 2016. Vol. 41. No. 3, p. 666–674.
12. ШАЙДУРОВ В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX в. (Приложения): Дисс. ... докт. ист. наук. Т. 2. Барнаул. 2016.
13. НОСОНОВСКИЙ М.И. Бухара, Самарканд и далее: Очерки по истории бухарских евреев и других еврейских общин Востока. Нью-Йорк. 2005.
14. Цит. по: ШАЙДУРОВ В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб. 2013, с. 22–23.
15. АРГЕНТОВА Т.Е. Психология конфликта. Кемерово. 2006.
16. ТРЕТЬЯКОВА В.С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы. — *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 1 (292), с. 279–282.
17. KARABULATOVA I.S., AIPOVA A.K., BUTT S.M., AMIRIDOU S. Linguocognitive Conflict of Digital and Pre-Digital Thinking in Online Educational Discourse during the Pandemic: Social Danger or a New Challenge? — *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2021. No. 14 (10), p. 1517–1537.
18. ШАХЕРОВ В.П. Формирование городской среды Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: Дисс. ... докт. ист. наук. Иркутск. 2012.
19. LEVIN Z. From Local to Global: Transformations of Bukharan Jewish Community Organization in the Twentieth Century. — *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42. No. 2, p. 321–335.
20. КАРАБУЛАТОВА И.С., АХМЕТОВА Б.З., КОЙШЕ К.К. Крах Казахского ханства и Российской империи в лингвоментальной картине мира степных кочевников: на материале романа-трилогии И. Есенберлина «Кочевники». В кн.: Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Т. 3. М. – Уфа – Ростов н/Д, 2015, с. 39–43.
21. ТЫЧИНСКИХ З.А. О некоторых особенностях формирования группы тобольских бухарцев в XVI–XIX веках. — *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2021. Т. 20. № 3: Археология и этнография, с. 113.
22. ГАУНОВА Д.Х. Стигматизация как форма проявления социального маркирования. — *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 7, с. 284–290.
23. НИКИТИН М.Ю., УСТЬЯНЦЕВА А.Д., БОРОДИНА Н.В. Лингвоконфликтность современного массмедийного дискурса России. — *Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире*. 2021. № 4, с. 81–90.
24. КАРАБУЛАТОВА И.С. Транскультурный конфликт и отражение трансформации личности трудового мигранта в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. В кн.: Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: М-лы IX междунар. науч.-практ. форума: В 2 т. / Под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. 2017, с. 140–145.
25. МАЛАХОВ В.С., ЛЕТНЯКОВ Д.Э. Религиозная политика постсоветских государств: между «эффектом колеи» и «правильностью». — *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4, с. 163–175.
26. НОСОНОВСКИЙ М.И. Ук. соч.
27. НИКИТИН А. Хождение за три моря Афанасия Никитина / Подготовка текста М.Д. Каган-Тарковской и Я.С. Лурье, пер. Л.С. Семенова, коммент. Я.С. Лурье и Л.С. Семенова. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб. 1999, с. 28.
28. Там же, с. 103.
29. КАРАБУЛАТОВА И.С. Луна и солнце тюркского имени: метаморфозы личных имен. Тюмень. 2011.
30. Там же.
31. Там же.
32. НИКИТИН М.Ю., ШЕХИ Э. Проблемы лингвоконфликтности иноязычного онима в современной международной бизнес-коммуникации. В кн.: *Пространство в языке и культуре: Сб. м-лов круглого стола. Ханты-Мансийск*. 2021, с. 85–87.
33. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 256, к. 47, л. 39.
34. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 214, кн. 3, л. 102; кн. 1207, л. 93.
35. Там же, кн. 860, л. 260б.
36. Там же, кн. 1317, л. 553об.
37. ОР РГБ, ф. 256, к. 47, л. 5.
38. Государственный архив Тюменской области (ГАТО), ф. И 47, кн. 783, л. 5.

Этнические меньшинства в истории России

39. Там же, кн. 711, л. 13.
40. Там же, кн. 518, л. 7.
41. Там же, кн. 609, л. 1об.
42. РГАДА, ф. 214, кн. 1149, л. 68об.
43. Там же, кн. 1317, л. 602.
44. ГАТО, ф. И 47, кн. 3144, л. 3.
45. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии / Предисл. В.И. Буганова. М. 1974, с. 130.
46. ОР РГБ, ф. 303, кн. 571, л. 1.
47. КАРАБУЛАТОВА И.С., ГУЗЕНКО С.В. Ассимилятивные процессы в тюменской антропони- мии. В кн.: Ономастика Поволжья: М-лы XIII междунар. науч. конф. Ярославль. 2012, с. 86–89.
48. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, с. 250.
49. Там же, с. 325.
50. Там же, с. 330.
51. КАРАБУЛАТОВА И.С. Луна и солнце тюркского имени..., с. 102.
52. БАСКАКОВ Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. 1993, с. 136.
53. ГИЛЬФАНОВА Ф.Х. Антропонимия тобольских и тюменских татар середины XVIII–XIX вв.: к проблеме этнической истории: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 1999.
54. КАРАБУЛАТОВА И.С. Луна и солнце тюркского имени..., с. 102.
55. ЕМЕЛЬЯНЕНКО Т. Бухарские евреи Нью-Йорка: особенности адаптации. — Антропологиче- ский форум. 2019. № 43, с. 41–60.
56. НИКИТИН А. Ук. соч., с. 28.
57. КРЕСТЬЯНОВА Е.Н. Культурология. Кинель. 2017.
58. GABDRAFIKOV I.M., KARABULATOVA I.S., KHUSNUTDINOVA L.G., VILDANOV KH.S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. — Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol. 6. No. 3. Supplement 4. May 2015, p. 213–223.
59. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб. 1891, с. 41.
60. ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. Избранные произведения. М. 1986, с. 105.
61. РАХМАНАЛИЕВ Р. Империя тюрков. Великая цивилизация: тюркские народы в мировой истории с X в. до н.э. по XX в. н.э. М. 2009.
62. ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М. 2019.
63. БЕЙЛИ Ф.М. Миссия в Ташкент / Пер. А. Михайлова. М. 2013, с. 154.
64. КЛЮЕВА В.П. Бухарские общины в Сибири (конец XVI – начало XIX в.). В кн.: Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень. 2001, с. 77–85.
65. ГАРИФУЛЛИН А.С., ПАВЛИНОВА Р.Н., РУДЕНКОВ Д.В., СТАРОСТИН А.Н. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность: Монография. Казань. 2020.
66. ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. Ук. соч.
67. КОРУСЕНКО С.Н. Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на приме- ре сибирских бухарцев). — Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2016. № 2 (10), с. 198.
68. ТОМИЛОВ Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – пер- вой четверти XIX вв. Томск. 1981, с. 91–94.
69. ЗИЯЕВ Х. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент. 1968, с. 75.
70. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. М. 1999. Т. 1, с. 610.
71. МАСЛЮЖЕНКО Д.Н., ТАТАУРОВ С.Ф. Ук. соч., с. 98–106.
72. КОРУСЕНКО С.Н., ТОМИЛОВ Н.А. Демографическая и географическая характеристики. В кн.: История и культура татар Западной Сибири: Коллективная монография / Под ред. З.А. Ты- чинских. Казань. 2015, с. 39.
73. SHAIUROV V. Op. cit.
74. КОРУСЕНКО С.Н. Ук. соч.
75. ТЫЧИНСКИХ З.А. Ук. соч., с. 109–121.

Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений)

А.Е. ЖУКОВА, О.А. СЕМЕНОВА, В.Ю. ШЕВЕЛЕВ

Issues of the school hygiene in the second half of the 19th – early 20th centuries in St. Petersburg (on the example of Jewish educational institutions)

A.E. ZHUKOVA, O.A. SEMENOVA, V.YU. SHEVELEV

Аннотация. В статье рассматривается санитарно-гигиеническое состояние школ во второй половине XIX – начале XX в. на примере еврейских хедеров и Талмуд-Тора в Санкт-Петербурге. Основываясь на материалах периодической печати, историко-статистических данных и архивных документах, авторы приходят к выводу, что вопросы, которые вызывали наиболее острые дискуссии, были едины для всех учебных заведений, вне зависимости от их национальных особенностей. Затронутые в периодической печати темы можно разделить на два блока: организация образовательного процесса и вытекающие отсюда проблемы со здоровьем у детей; требования к помещениям учебного заведения. **Ключевые слова:** санитария, гигиена, здоровьесбережение, евреи, учебные заведения, Санкт-Петербург.

Abstract. The article examines the sanitary and hygienic condition of schools in the second half of the 19th – early 20th century on the example of Jewish heders and Talmud Torah in St. Petersburg. Based on periodicals, historical and statistical materials and archival documents, the authors conclude that the issues that caused the most acute discussions were the same for all educational institutions, regardless of their national characteristics. The topics covered in the periodical press could be divided into two blocks: the organization of the educational process and the resulting health problems in children; requirements for the premises of the educational institution.

Key words: sanitation, hygiene, health protection, Jews, educational institutions, St. Petersburg.

«Гигиена в детском саду и школе – важный фактор сохранения здоровья и обеспечения безопасности детей. Здоровые дети лучше концентрируются на процессе обучения, впитывая новые знания»¹, – гласит рекламный слоган одного из популярных брендов чистящих средств. Низкий уровень санитарно-гигиенического состояния большинства образовательных и воспитательных учреждений еще раз показывает нам, что вопросы школьной гигиены в России остаются актуальными².

Однако исторически аспекты санитарно-гигиенического характера в сфере образования всегда оставались в тени более глобальных вопросов, особенно

Этнические меньшинства в истории России

на государственном уровне. Более того, в многонациональной Российской империи на первый план выходили совсем иные задачи – урегулирование так называемого «национального вопроса», который на протяжении всей истории России в той или иной мере требовал внимания. Проблема особых функций системы образования в условиях полиэтничности населения воспринималась государством как предмет государственной национальной политики, направленной на профилактику сепаратизма, еще в конце XVIII в. Следующие два столетия характеризовались поиском организационных решений, которые сделали бы инородческие и иноверческие образовательные учреждения инструментом реализации национально-политических целей государства³.

Со второй половины XIX в. в российском обществе стал проявляться особый интерес к санитарно-гигиеническим проблемам, поддержанию и сохранению физического здоровья детей, что не могло не затронуть различные национальные группы. Одним из наиболее сложных для Российской империи был еврейский вопрос, в данном случае представлявший собой целый комплекс проблем, связанных со спецификой расселения еврейского населения, особенностями его менталитета и традиций, государственной политикой в сфере образования и множеством частных инициатив, направленных на формирование национальных учебных заведений.

В современной отечественной историографии активно исследуются темы, касающиеся гигиены, санитарии и здоровьесберегающих практик по отношению к детям в учебных заведениях. Историки, медики и педагоги в своих статьях акцентируют внимание на санитарно-бытовых условиях помещений, заболеваемости обучающихся, санитарных правилах, применяемых к образовательному учреждению, и т.д.⁴

Вопросы, связанные со светским и религиозным образованием евреев на территории Российской империи, исследовали И.В. Баркусский⁵, Ю.Г. Матушанская⁶, Н.Б. Галашова⁷ и В.А. Левин⁸. В работе Б.И. Предигер рассмотрены учебно-воспитательные, учебно-педагогические, социально-правовые, политические и этнические нормы, национальная политика и законодательство в

Жукова Анастасия Евгеньевна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: sstasja@yandex.ru; Семенова Ольга Александровна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: ivanova.olga.al@mail.ru; Шеелев Виталий Юрьевич – заведующий отделом по работе с молодежью, старший преподаватель кафедры педагогики и педагогических технологий ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: v.shevelev@lengu.ru.

Zhukova Anastasia E. – research assistant of the Research and Educational Center of historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University. E-mail: sstasja@yandex.ru; Semenova Olga A. – research assistant of the Research and Educational Center of historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University. E-mail: ivanova.olga.al@mail.ru; Shevelev Vitaliy Yu. – head of the Youth Department, senior lecturer of Department of Pedagogy and Pedagogical Technologies, Pushkin Leningrad State University. E-mail: v.shevelev@lengu.ru.

сфере образования еврейских детей⁹. Эволюция еврейской общины и ее гражданско-правовое положение представлены в работах В.Н. Шайдурова¹⁰.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать санитарно-гигиеническое положение школ, их влияние на здоровье детей на примере еврейских учащихся во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге.

Основными источниками для написания статьи стали периодическая печать («Учитель», «Народное образование») и историко-статистические материалы. Сведения о еврейских училищах Санкт-Петербурга удалось найти в документах из фондов Российского государственного исторического архива (ф. 487. Царскоесельское дворцовое управление МИД; ф. 733. Департамент народного просвещения; ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий)¹¹.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время бурных экономических, политических и социальных преобразований в Российской империи. Изменения, происходившие в стране в этот период, коснулись и повседневной жизни населения в целом, и сферы образования в частности. На страницах периодической печати шли дискуссии по вопросам организации обучения и развития системы образования, обсуждались новые методы преподавания и т.д. Наиболее острой была тема охраны здоровья учащихся, их физического и психического состояния, развития болезней из-за неудовлетворительного санитарно-гигиенического состояния школ.

Дети евреев до 1844 г. учились в общих и частных учебных заведениях или дома, без всякого надзора со стороны Министерства народного просвещения¹². Частные еврейские учебные заведения делились на категории: талмуд-торы – религиозные училища для бедных и сирот; хадаримы, или хедеры, – училища для вольноприходящих, открываемые домашними учителями; ешиботы – учебные заведения, дающие высшее талмудическое образование¹³. В системе общего образования еврейские дети теряли связь со своей религиозной идентичностью. Поэтому необходимость в школах, в которых вместе с общеобразовательными предметами преподавались бы иврит и иудаизм, была очевидной. С 1844 г. были учреждены особые казенные училища двух видов: первого разряда, соответствующие приходским училищам, и второго разряда – губернские училища¹⁴. Их основной целью было разрушение традиционного еврейского образования. Ю.Г. Матушанская отмечает в своей статье следующее: «Они должны были, по мнению правительства, заменить хедеры и устранить влияние Талмуда. В них около половины часов было отведено на изучение еврейских предметов, а остальное время – на изучение русского языка, истории и географии России, а также арифметики»¹⁵. Стоит отметить, что тогда же активно стали открываться частные женские еврейские училища¹⁶.

Для того чтобы, например, открыть хедер, необходимо было выполнить следующие условия: учитель должен был закончить казенное училище и получить диплом, который давал право преподавать; для обучения должно было быть

Этнические меньшинства в истории России

выделено отдельное, просторное, чистое, светлое, отопливаемое, достаточно сухое и не ветхое помещение с деревянными полами; площадь классной комнаты должна была составлять не менее 3 куб. сажений¹⁷; световая поверхность окон – не менее 1/10 части поверхности пола; для очистки воздуха в окнах должны были быть предусмотрены форточки¹⁸.

Однако из тезисов доклада Л.Л. Рохлина на съезде Общества русских врачей следует, что на самом деле «немногочисленные исследования санитарного состояния хедера констатируют факт крайне неприглядной, антигигиенической обстановки хедеров, способной оказывать губительное влияние на здоровье подрастающего еврейского поколения. Еще более скудные сведения о физическом развитии и болезненности учащихся в хедерах позволяют думать об интенсивном участии хедера в деле влияния на физическое развитие еврейских детей школьного возраста в сторону уклонения от нормы»¹⁹.

Член Совета министра народного просвещения А.Ф. Постельс после осмотра еврейских училищ отмечал «бледность и хилость громадного большинства еврейских детей». «На лицах еврейских детей, – писал он в своем отчете, – говоря вообще, не видно той детской свежести, которая так заметна у детей христиан того же возраста; они большей частью бледны и хилы, мышцы мало развиты. Причина тому преждевременное напряжение детей учением, теснота жилищ, душливая атмосфера в хедерах, где дети страдают до поступления в училища, и наконец у многих недостаток в питательной пище»²⁰. В других фрагментах отчета А.Ф. Постельс неоднократно описывал крайнюю нищету учащихся, отсутствие обуви и верхней одежды, что, в частности, становилось причиной пропуска занятий.

Подобные сведения содержатся и в отчетах еврейского училища Бермана: «Обстановка Талмуд-Торы в 1874 г. состояла из 13 парт, 2 учительских столов, 4 ветхих стульев и стенных часов... Дети должны были ходить <...> в одежде, далеко не соответствующей сезону и здешнему суровому климату, и просиживать с утра до вечера по большей части не евши»²¹. Организацию питания, как правило, брали на себя благотворители. В еврейских училищах Санкт-Петербурга обед состоял из супа, говядины и хлеба²². С 1871 г. детям стали покупать одежду и обувь, опять же на пожертвования. Родители детей были настолько бедны, что не могли их обеспечить даже предметами первой необходимости²³.

Важно отметить, что тема школьной гигиены и санитарии во второй половине XIX – начале XX в. активно обсуждалась в периодической печати, что привлекало внимание общества и властей к трудностям в этой сфере. Проблемы, которые вызывали наиболее острые дискуссии, были едины для всех типов образовательных учреждений, без различия по национальному признаку, который лишь вносил специфические черты для тех или иных групп.

Обсуждавшиеся в периодической печати вопросы можно разделить на два блока: организация образовательного процесса и вытекающие отсюда проблемы со здоровьем у детей; требования к помещениям учебного заведения.

Многие авторы статей отмечали, что современная школа оказывает пагубное влияние на здоровье учеников, во многом как раз из-за дисбаланса в соотношении

времени, затрачиваемого ребенком на процесс обучения, и времени, выделенного на отдых. Так, указывалось, что из-за нагрузки, не соразмерной возрасту ребенка, «прежняя свежесть, бодрость и цветущее здоровье детей сменяется вялостью, истомленностью и болезненностью»²⁴; что, «промучив детей несколько часов в классе, их отпускали домой с огромным количеством заданных уроков, выучивание которых поглощало большую часть остального времени»²⁵. Педагогическая мысль рубежа XIX–XX вв. подчеркивала, что «если же отрока, вместо предоставления ему свободы действовать и двигаться, заставить сидеть целыми часами, да еще в четырех стенах, в дурном воздухе, при недостаточном свете, то тем самым конечно будут нарушены, т.е. ослаблены отправления дыхания, кровообращения, пищеварения»²⁶.

Естественно, это не могло не сказываться на физическом, психическом, умственном здоровье детей. Сидение по шесть-восемь уроков в школе, а затем еще и над домашними заданиями влекло за собой развитие различного рода недугов, таких как искривление позвоночника, довольно распространенное у детей и подростков в конце XIX – начале XX в. Это нередко приводило к нарушениям работы спинного мозга, центральной нервной системы, внутренних органов, дыхания, кровообращения, заболеваниям щитовидной железы, расстройствам пищеварения, потере аппетита. Было замечено, что «у детей, подверженных этой болезни (сколиоз. — А.Ж., О.С., В.Ш.), уже в 13–17 лет величина дыхания уменьшается на 1/3, а в некоторых случаях и наполовину; другими словами, дыхательная деятельность, составляющая самое первое условие здоровой жизни, при этом в высшей степени нарушается»²⁷. Из-за физического несовершенства многие юноши и девушки не подходили под принятые в то время каноны красоты. В большинстве случаев от этого недуга страдали девушки. В 1860-е гг., по статистике, из 100 чел. с искривленным позвоночником на девушек приходилось 80–84 %²⁸. Для девушек искривление позвоночника сулило в будущем еще и проблемы с вынашиванием и рождением детей.

Долговременное пребывание за партой в школе и дома часто приводило к развитию болезней легких. Необходимость поддерживать для чтения, письма, рисования наклон тела вперед, сжатие живота, нарушение работы диафрагмы, отсутствие возможности совершать глубокий вдох (считалось, что дыхание ученика должно быть тихим, едва заметным) не позволяли легким работать в полную силу. Грудные мышцы также не могли нормально развиваться в подобных условиях. Это становилось одной из причин распространения легочной чахотки, золотухи, воспалений горла, груди и других легочных заболеваний среди учащихся²⁹. Также считалось, что «неполное вдыхание задерживает обратное течение крови из шейных сосудов к груди, куда она должна вернуться»³⁰, что, в свою очередь, приводило к частым головным болям, кровотечениям из носа и «школьному зубу» у учеников.

Искривление позвоночника вообще считалось одной из угроз вырождения человечества, в педагогической периодической печати появлялись разного рода советы по профилактике данного заболевания. Чаще всего встречались следующие рекомендации: уменьшить количество часов, отведенных на обучение;

Этнические меньшинства в истории России

обеспечить активный отдых между уроками, на которых ученики вынуждены неподвижно сидеть за партой; давать ученикам возможность выбора наиболее удобной для себя позы сидения за партой; учителя должны стараться в течение урока задействовать разные органы чувств учащихся, проводить гимнастические упражнения, следить за осанкой учеников; должны обязательно присутствовать спинки на школьных стульях и скамейках и подставки для ног у школьных столов, если ученики еще не могут достать ногами до пола, и т.д. Распространенные во второй половине XIX в. учебные столы и скамейки вынуждали учеников читать, писать и рисовать, низко наклоняясь, а чем хуже было освещение в классе, тем большую нагрузку испытывали глаза учеников. Это приводило к усиленной деятельности глазных мышц, повышению внутриглазного давления в задней части глазного яблока, нарушению кровообращения³¹.

Эксперты призывали не забывать о важности размеров школьной мебели – она должна была быть подобрана сообразно возрасту и росту учеников. Чтобы ребенок мог сидеть за столом в удобном для себя положении, высота столешницы должна была едва доходить до уровня груди ученика и иметь небольшой наклон к переднему краю. Тогда локоть и предплечье могли находиться в естественном положении, а рука могла свободно писать. Таким образом, организм должен был расходовать меньше энергии, что, в свою очередь, повышало бы работоспособность. Отмечалось, что «далеко отстоящие высокие столы очень благоприятствуют развитию сколиозы»³².

Важным аспектом санитарно-гигиенического состояния школьного класса являлось обеспечение здоровья глаз и сохранение зрения. Во второй половине XIX – начале XX в. считалось, что для профилактики переутомления глаз необходимо избегать очень яркого, колеблющегося света, а при занятиях письмом, чтением, рисованием – соблюдать дистанцию между глазами и поверхностью стола, не допускать проведения занятий во время сумерек, а также постоянно переводить фокус с близких предметов на дальние и наоборот. Журнал «Народное образование» призывал: «Ученику не надо позволять держать тетрадь и книгу от глаз ближе как на 30-35 сантиметров (7-8 вершков) и к этому необходимо следить, чтобы он сидел совершенно прямо»³³.

Такие болезни, как близорукость, дальнозоркость, астигматизм, также были распространены среди учеников в конце XIX – начале XX в.: «Никогда еще со времени существования школ близорукость не была так сильно распространена... Явление это приписывали сначала мелкой печати и плохой бумаге учебников, но хотя нельзя отрицать, что при издании этого рода книг вовсе не обращается внимание на глаза учащихся... Однако замечаемую слабость глаз следует преимущественно приписать продолжительному чтению и письму при солнечном и ламповом освещении и, кроме того, сочувственному действию, производимому на зрительный орган, при сидячем положении тела, брюшной полостью»³⁴; «на 10 060 учащихся 17,1 % приходится на долю детей с ненормальным зрением»³⁵.

Главным решением этой проблемы педагогическая общественность считала сокращение количества часов, которые дети находятся в сидячем положении, количества учебных предметов и объемов задаваемых домашних заданий.

В статье «В охрану здоровья в школе» отмечалось: «Действительно, нет лучших средств и усилить, и породить болезненное расположение тела и духа, как средства, употребляемые в настоящее время в гимназиях. Эти средства суть: многочисленность учебных предметов, многочисленность учебных часов и многочисленность задаваемых на дом уроков»³⁶.

Для евреев ситуация осложнялась тем, что традиционные национальные принципы воспитания предполагали, говоря современным языком, активное раннее развитие (но исключительно умственное): еврейских детей рано учили грамоте и всей «книжной премудрости». Лишь только ребенок достигал того возраста, когда можно было приниматься за обучение, ему начинали «вбивать в голову Талмуд, и он просиживает в школе над ученьем по целым дням, так что наконец корпенье над книгами превращается у него в привычку»³⁷. Отсутствие продуманного режима учебы и отдыха, а также недостаток физической активности и минимальных упражнений «хотя бы в виде верховой езды или охоты», считавшихся для евреев «неприличными», способствовали развитию разных болезней, таких как «геморрой, золотуха, чахотка и глазные, которые передаются евреями по наследству их дальнейшим потомкам»³⁸.

Л.Я. Берман призывал по-новому организовывать обучение в еврейских училищах. Важнее всего, считал он, сократить количество учебных часов. Когда открыли первые училища, учебный день начинался в девять утра, а заканчивался в шесть вечера, к 1880-м гг. ему удалось установить окончание уроков к трем часам (по пятницам учились до 12 часов)³⁹. После первого урока был перерыв в пять минут, после второго – 10 мин., после третьего – 40 мин. и после четвертого – пять минут. Эти правила можно считать революционными в еврейском образовании, так как многие родители привыкли, что их дети целый день были в хедерах, и были твердо убеждены, что «чем дольше занимаются дети, тем больше пользы и успеха, упуская при этом вред от утомления, истощения и напряжения умственных сил»⁴⁰.

В воспоминаниях профессора Л.Г. Лойцянского также подтверждается это положение: «Мать много занималась моим дошкольным образованием. В четыре года я уже читал и писал, знал наизусть много стихотворений, разбирался в первых арифметических действиях»⁴¹. Общая проблема перегрузок детей в школах в случае с евреями усугублялась слишком ранним началом обучения в ущерб физическому развитию и здоровью ребенка.

Другой темой, регулярно поднимавшейся на страницах прессы, было соответствие необходимым нормам помещений учебных заведений. Немаловажную роль в вопросах гигиены играло само здание школы. Первое, на что нужно было обращать внимание, – это место постройки. Здание должно было находиться в стороне от других строений, чтобы свежий воздух и солнечный свет не имели препятствий. Поэтому не рекомендовалось строить школы на узких, густонаселенных улицах. Также считалось нежелательным возводить здание школы на влажной и болотистой почве, так как это могло приводить к появлению плесени и, как следствие, развитию у учащихся болезней органов дыхания (туберкулез, астма, пневмония и т.д.).

Этнические меньшинства в истории России

При строительстве школы призывали учитывать стороны света, направление движения солнца и розу ветров для создания наиболее благоприятного микроклимата в классах. Немаловажное значение имел и строительный материал. Наиболее подходящим в то время считались хорошо высушенное дерево, кирпич, гранит и известняк. Эти материалы меньше остальных были подвержены воздействию плесени, а также обладали необходимым уровнем теплоизоляции, что позволяло зимой и летом поддерживать оптимальную температуру. Величина классной комнаты, естественно, напрямую влияла на количество учеников, которые в ней могли обучаться, и на скорость проветривания. «В самом обыкновенном классе, помещающем 30–40 человек учеников, воздух после самого добросовестного проветривания оказывается через 10–15 минут уже значительно испорченным, т.е. вредным для здоровья»⁴².

Во второй половине XIX – начале XX в. приемлемый объем классного помещения должен был составлять не менее пяти кубометров или полукубической сажени на человека, «да и то под условием более или менее правильной вентиляции»⁴³. Но, к сожалению, для подавляющего большинства школ данное требование было невыполнимым.

Рациональное устройство туалетов в школе также являлось одной из самых трудных задач по обеспечению необходимых санитарно-гигиенических требований. «Отхожие места – вместо того, чтоб стоять на известном расстоянии от здания школы, – обыкновенно находятся стена об стену с ним и часто стоят открытыми»⁴⁴, что, конечно, не могло не сказываться на качестве воздуха в классном кабинете. Для уменьшения пагубного влияния застоявшегося воздуха на здоровье детей учителям рекомендовалось проветривать классы на каждой перемене и несколько раз во время урока.

В существовавших санитарно-гигиенических условиях школ во второй половине XIX – начале XX в. были распространены такие болезни, как скарлатина, корь, краснуха, оспа, холера, коклюш, дифтерит, дизентерия, падучая болезнь, чесотка, заушница, вши. Передаче и распространению инфекций способствовали тесные помещения, превышение норм численности учеников, пренебрежение правилами гигиены. Некоторые болезни при отсутствии правильного лечения и должного ухода могли стать причиной развития хронических заболеваний, таких как болезни глаз, ушей, суставов, легких, почек и сердца.

Относительно размещения учебных заведений в помещениях, удовлетворяющих требованиям гигиенистов, существовала еще одна проблема: далеко не во всех случаях у школ имелись собственные здания. Здесь с особыми трудностями могли столкнуться частные учебные заведения, в том числе еврейские. В качестве примера приведем Училище для еврейских мальчиков, открытое Л.Я. Берманом в 1864 г., и аналогичное училище для девочек (открыто в 1866 г.), которые обрели собственное здание лишь в 1897 г., а до этого располагались в совершенно «мало-приспособленном помещении»⁴⁵.

Л.Л. Рохлин предлагал ряд мер, которые могли бы улучшить санитарное состояние школ. Он писал, что хедеры, как и любое учебное заведение, должны подчиняться санитарному надзору врачей и что необходимо издавать санитарно-гигиенические брошюры о способах устройства школ⁴⁶. Однако

на деле обеспечение всех необходимых условий и приведение как помещений школ, так и собственно учебного процесса в соответствие с рекомендациями гигиенистов не всегда было возможным. Одной из основных проблем было отсутствие финансовых возможностей, поскольку часто национальные учебные заведения открывались по инициативе частных лиц и требовались пожертвования или кредиты для постройки школьных зданий в соответствии со всеми нормами.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в России проблемам санитарно-гигиенического состояния учебных заведений, организации системы обучения и вытекающим отсюда недостаткам физического развития детей уделялось много внимания. Соответствующие вопросы активно обсуждались в периодической печати. Положение еврейских детей как в общеобразовательных школах, так и в национальных учебных заведениях во многом было схожим с остальным населением Российской империи, но имело определенную специфику, выражавшуюся в раннем начале обучения и более явном дисбалансе между физическим и умственным развитием, обусловленном традициями воспитания. Несмотря на это, открытые в 1860-х гг. в Санкт-Петербурге еврейские училища пытались соответствовать современным санитарно-гигиеническим нормам и не боялись перемен, в отличие от традиционных хедеров.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00421. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

1. URL: <https://www.domestos.com/ru/nasha-missiya/our-projects/uluchsheniye-gigieni.html>
2. ТАПЕШКИНА Н.В. Гигиеническое воспитание детей и подростков: история и современность. — Здоровье населения и среда обитания ЗНиСО. 2017. № 3 (288), с. 43. Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. – Российское образование. Федеральный портал. URL: <https://edu.ru/documents/view/29467/>
3. ВЕРЕМЕНКО В.А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. — История повседневности. 2017. № 2 (4), с. 79–106; ЕЕ ЖЕ. Профилактика инфекционной заболеваемости в средних открытых учебных заведениях России в конце XIX – начале XX в. — Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: М-лы междунар. науч. конф.: В 2 т. (г. Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.). СПб. 2018, с. 163–169; ТАПЕШКИНА Н.В. Ук. соч.; ВАЛИТОВ А.А., ТОМИЛОВ И.С., ФЕДОТОВА Д.Ю. Санитария и школьная гигиена в учебных заведениях Тобольской губернии в конце XIX в. — Гигиена и санитария. 2016. Т. 95. № 3, с. 273–280; ВАЛИТОВ А.А., СУЛИМОВ В.С., ТОМИЛОВ И.С., ЕРЕМЕЕВА О.И., ФЕДОТОВА Д.Ю. Деятельность Министерства народного просвещения по улучшению школьных санитарно-гигиенических норм в первые годы XX века. — Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26. № 5, 4. Т а м же. с. 367–370; ПОНОМАРЕВА В.В. Роль закрытых женских институтов Марииинского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX – начало XX в.). — Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2013. № 2, с. 124–136.
5. БАРКУССКИЙ И.В. Еврейское образование и «духовные проблемы рационализма» в эпоху Николая I. — Тирош: Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2020. № 20, с. 208–230.
6. МАТУШАНСКАЯ Ю.Г. Светское и религиозное образование евреев в Российской империи. — Вестник КГЭУ. 2016. № 2 (30), с. 164–174.
7. ГАЛАШОВА Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск. 2006.

Этнические меньшинства в истории России

8. ЛЕВИН В.А. Очерк истории еврейского школьного образования в дореволюционном Петербурге. — Еврейская школа. 1993. № 1, с. 74–86.
9. ПРЕДИГЕР Б. Книжные люди: евреи в системе образования Российской империи в XIX – начале XX века. М. 2018.
10. ШАЙДУРОВ В.Н., ГОНЧАРОВ Ю.М. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: компаративный анализ адаптационных практик общин «вне черты». — Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71, с. 155–161; ШАЙДУРОВ В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб. 2013; ЕГО ЖЕ. Евреи и цыгане Сибири: к вопросу о военных кантонистах 1830-х – 1850-х гг. — Вопросы истории. 2021. № 3, с. 143–151.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 491; д. 18; ф. 733, оп. 190, д. 98; ф. 487, оп. 4, д. 534.
12. ВОРОНОВ А.С. Историческо-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год, составленное по поручению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа тайного советника М.Н. Мусина-Пушкина. СПб. 1854, с. 272.
13. Там же, с. 274.
14. Там же, с. 273.
15. МАТУШАНСКАЯ Ю.Г. Ук. соч., с. 168.
16. Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.: Сб. док-тов и м-лов. СПб. 2022, с. 52–73.
17. Приблизительно 14 кв. м.
18. ФАЛЬБОРК Г.А. Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских. СПб. 1903, с. 54.
19. РОХЛИН А.Л. К характеристике санитарного состояния хедера (еврейской начальной вероисповедной школы): Положение доклада. — Справочный листок X-го Съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1907. № 1, с. 24.
20. Сборник в пользу начальных еврейских школ. СПб. 1896, с. 499–500.
21. ЛЕВИН В.А. Ук. соч., с. 75.
22. БЕРМАН Л.Я. Санкт-Петербургские еврейские училища: Отчет за первые пятнадцать лет их существования 1865–1880. С прил. прихода-расход. вед. за последующие четыре года (1880–1884). СПб. 1885, с. 15.
23. Там же, с. 14.
24. Гигиенические условия воспитания. — Учитель. 1865. № 9, с. 316.
25. Там же, с. 317.
26. Основные положения школьной гигиены. — Народное образование. 1897. № 7, с. 21.
27. Вредные влияния школы. — Учитель. 1869. № 15, с. 475.
28. Гигиенические условия воспитания. — Там же, 1865. № 10, с. 363.
29. В охрану здоровья в школе. — Там же, 1866. № 2–3, с. 101.
30. Вредное влияние школы. — Там же, 1869. № 14, с. 442.
31. Там же, с. 441.
32. Вредные влияния школы..., с. 476.
33. Основные положения школьной гигиены..., с. 26.
34. В охрану здоровья в школе..., с. 101–102.
35. Вредные влияния школы..., с. 440.
36. В охрану здоровья в школе..., с. 98.
37. Народы России: Этнографические очерки. СПб. 1878, с. 391–392.
38. Там же.
39. БЕРМАН Л.Я. Ук. соч., с. 38, 98.
40. Там же, с. 38.
41. ЛОЙЦЯНСКИЙ Л.Г. Из моих воспоминаний: записки профессора-политехника. СПб. 1998, с. 15.
42. Основные положения школьной гигиены..., с. 20.
43. Там же, с. 19.
44. Там же, с. 23.
45. ГЕССЕН В.Ю. К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины. От первых евреев до XX века. СПб. 2000, с. 168–171.
46. РОХЛИН А.Л. Ук. соч., с. 24.

Социальная помощь евреям-выселенцам в Сибири в годы Первой мировой войны

Т.А. КАТЦИНА, Л.Э. МЕЗИТ, К.А. ТИШКИНА

Social assistance to the Jewish evicted to Siberia during World War I

T.A. KATTSINA, L.E. MEZIT, K.A. TISHKINA

Аннотация. В статье рассмотрены региональные особенности правительственной и общественной поддержки евреев, высланных в административном порядке в Сибирь из прифронтовых районов западных окраин Российской империи в годы Первой мировой войны. Акцентируется внимание на особенностях дефиниций «беженец» и «выселенец». Отмечено, что выселенцы, за редким исключением, не вызвали сочувствия у местного населения, но в то же время способствовали активизации еврейских общин. Статья основана на документах и материалах письменного происхождения, как малоизвестных опубликованных, так и архивных, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, беженцы, выселенцы, социальная помощь, еврейские общественные организации.

Abstract. The article reveals regional peculiarities of government and public support of the Jewish evicted by an administrative procedure from front-line areas of the West of the Russian Empire to Siberia during World War I. It draws attention to the particularities of terms "refugee" and "evacuee". It is noted that with minor exceptions, evacuees did not arouse compassion in local people, but at the same time they contributed to activation of Jewish communities. The article is based on relatively unknown published written documents and papers as well as on archival records which are mostly introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: World War I, Siberia, refugees, evacuees, social assistance, Jewish public communities.

Участие России в Первой мировой войне вызвало внутри страны массовое бегство (по мнению исследователей, оно могло затронуть от 6¹ до 15 млн чел.²), основную часть которого составили выходцы с западного фронта военных действий. Основопологающим документом, регламентирующим различные стороны этого явления, стало Положение об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 г., согласно которому, беженцы – это «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»³. Под это определение попадали самые разнообразные элементы: лица, добровольно покинувшие приграничные губернии, не пожелавшие оставаться на линии фронта или оккупированных территориях; жители территорий, принудительно

Этнические меньшинства в истории России

«очищаемых» по распоряжению властей при отступлении русских войск; семьи служащих гражданских и тыловых военных учреждений, эвакуированных на восток; выселенные из прифронтовых территорий отдельные этнические группы, рассматриваемые военным командованием как диверсионный потенциал противника и его резерв в случае отступления русских войск⁴. Как пишет группа авторов, «превращение термина “беженец” в зонтичный детерминировалось самой логикой войны, уже к осени 1915 г., во-первых, перемешавшей все названные выше людские потоки и, во-вторых, за их масштабностью выдвинувшей на первый план вопрос о том, что теперь делать со всей этой многочисленной разноплеменной человеческой толпой?»⁵

В силу субъективных (оценочных) факторов политические и общественные деятели того времени⁶ испытывали затруднения при разграничении в общей массе беженцев, высылаемых по приказу властей, от тех, кто спасался от войны или погромов, приняв такое решение добровольно. Российский революционер-меньшевик, историк и публицист Л.Е. Гальперин писал: «Категории “беженец” и “выселенец” так перемешаны, разделить их так трудно, положение обеих групп так тяжело, что совершенно бесцельно и несправедливо было бы вдаваться в тонкости разграничения»⁷. Между тем принадлежность к категории «беженец» давала право на социальную помощь, порядок которой определял ряд законоположений военного времени⁸. К тому же закон⁹ уточнял, что лица, выселенные под надзор полиции, к числу беженцев не относятся.

Необходимо заметить, что за массой выдворенных в Сибирь в административном порядке лиц разных национальностей из Галиции (австрийских подданных), а из районов военных действий – русских подданных, о которых так много писали в 1915 г., закрепился термин «выселенцы»¹⁰. Данное понятие представлялось самоочевидным, и каких-либо специальных дефиниций ему не давали. Проблема заключалась в том, что лица, отправляемые в определенную местность, снабжались проходными свидетельствами (особыми удостоверениями личности, выдававшимися полицией на время пути), ставившими

Катцина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики социальной работы ФГБУ ВО «Сибирский федеральный университет», докторант кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: katsina@list.ru; Мезит Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ФБУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева». E-mail: mezit@yandex.ru; Тишкина Ксения Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской части ФГБУ ВО «Сибирский федеральный университет». E-mail: ksetishkina@mail.ru.

Kattsina Tatyana A. – candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and Methods of Social Work, Siberian Federal University; doctoral candidate of the Department of National History of Altai State University. E-mail: katsina@list.ru; Mezit Ludmila E. – candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of national history of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. E-mail: mezit@yandex.ru; Tishkina Ksenia A. – candidate of historical sciences, researcher of the research department of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Siberian Federal University”. E-mail: ksetishkina@mail.ru.

их в положение административно ссыльных¹¹. В свою очередь, обычными и «нормальными» условиями административно ссыльных был постоянный и бдительный полицейский надзор: периодические явки в полицию для проверки, прикрепление к месту водворения, местами – получение и отправление даже простой корреспонденции через полицию, полная зависимость от усмотрения урядника или стражника¹².

В публикациях последних лет беженство времен Первой мировой войны рассматривается не только как миграционная проблема, но и как сложное явление, имеющее свою структуру и количественные параметры¹³, этническое измерение¹⁴, проблемы адаптации и интеграции с принимающим сообществом¹⁵. Внимание исследователей привлекают вопросы поддержки социального благополучия беженцев через призму специфических форм помощи, всевозможных гуманитарных инициатив и организационных структур¹⁶. Разработка отдельных вопросов вынужденной миграции населения в годы Первой мировой войны осуществляется и в региональном (в данном случае сибирском) измерении¹⁷. Богатую палитру реалий российского беженства 1914–1922 гг. представили уральские историки Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев, С.А. Пьянков¹⁸, уделившие также большое внимание отечественной и зарубежной историографии по феномену беженства. В частности, они отмечают, что «встраивая помощь беженцам в модель / модели российской благотворительности, современные исследователи вплотную подошли к тому, чтобы позиционировать беженство как особую гуманитарную проблему, предполагавшую решение комплекса неведомых доселе задач (обеспечение не только продовольствием и предметами первой необходимости, но и жильем, медицинской помощью, работой и т.д.)»¹⁹.

Неравнозначное отношение властей к различным этническим группам перемещенных лиц серьезно осложняло проблему интеграции последних, поскольку в иерархии «надежных» и «подозрительных национальностей» они занимали разные места. В самом ее низу находились евреи и немцы, подозревавшиеся в политической нелояльности и «шпионстве» и в этой связи ставшие жертвами откровенно дискриминационной политики²⁰. Как пишет А.Ю. Бахтурина, в отношении лиц, которые подозревались в шпионаже в пользу Австро-Венгрии (особенно это касалось евреев), принимались репрессивные меры: выселение в отдаленные районы России, взятие заложников, запрещение передвижения в пределах генерал-губернаторства и др.²¹ В 1914–1915 гг. было административно выслано 1 962 чел.; в 1915 г. взято 554 (по другим данным – 700) заложников (как правило, ими были предприниматели, директора банков, городские головы); «объявлялось, что евреи берутся в заложники, поскольку по их доносам австрийские власти преследовали русинов за сотрудничество с российскими властями»²².

Принудительная миграция евреев в России характеризуется в современной историографии не только как крупнейшая (количество евреев, выселенных с постоянного места жительства, варьирует от 200 до 600 тыс. и даже до 1 млн чел.²³) за время Первой мировой войны, но и как престоупная²⁴.

Этнические меньшинства в истории России

Статья посвящена проблеме обеспечения жизненных потребностей беженцев, имеющей особое звучание для современного социума. Исследуется малоизученный вопрос социального вспомоществования евреям, высланным в административном порядке в Сибирь из прифронтовых районов западных окраин Российской империи в годы Первой мировой войны. В этом контексте решаются две взаимосвязанные задачи: 1) дается общая характеристика положения евреев, высланных в Сибирь в имперский период Первой мировой войны; 2) выявляются региональные формы и практики социальной помощи в отношении этой специфической категории.

В методологическом отношении исследование опирается на междисциплинарный подход, основу которого составили принципы современной версии теории модернизации²⁵ и связанный с ней социальный подход к изучению исторических процессов. Они дополнены положениями пространственно ориентированного и акторного подходов²⁶, концепцией о парадигмах (моделях) социальной помощи²⁷. Важной составляющей комплексного подхода являются представления исторической антропологии²⁸, позволившие обозначить материальное положение высленцев и стратегии их выживания.

В этой связи большое значение приобрели источники, раскрывающие социально-психологические характеристики участников процесса помощи, преломление истории в личности и ее духовном мире, отражающие взаимоотношения людей с государственными и общественными структурами (письма, обращения, заявления, жалобы, материалы обследований), отложившиеся в архивных фондах, и близкие к ним по характеру письма в местные газеты и журналы («Сибирь», «Иркутская жизнь», «Вестник Приенисейского края», «Вестник сибирских евреев», «Новый путь»). Использовались утвержденные верховной властью тексты законодательных актов, регламентирующие положение беженцев в годы Первой мировой войны, делопроизводственная документация (организационная, распорядительная, текущая, отчетно-информационная), связанная своим происхождением с деятельностью местных отделений Всероссийского союза городов, обществ пособия бедным евреям.

Высленцы стали прибывать в Сибирь осенью 1914 г. сначала небольшими группами, а с апреля 1915 г. (после отступления русской армии) – целыми партиями²⁹. Основанием для высылки служило обвинение в шпионаже или содействии военному противнику, распространении неблагоприятных для русской армии слухов. Многие были арестованы по ложным доносам личных врагов или самоуправления местной административной власти³⁰. Нередки были случаи, когда военно-полевой суд оправдывал ранее осужденных, но через несколько дней их выслали в Сибирь уже по решению административного суда³¹.

Первоначально высленцев направляли в Томскую губернию (Западная Сибирь), где водворяли главным образом в наиболее глухие и отдаленные пункты Нарымского края. В январе 1915 г. в край отправили 1 тыс. высленцев, тогда как за 1914 г. их количество не превысило 200³². К марту 1917 г. всего так называемых ссыльных высленцев в Нарымском крае и прилегающей к нему

Молчановской волости насчитывалось до 3,5 тыс., количество евреев среди них не превышало 1 тыс.³³ Почти половина всех евреев, высланных из разных мест в распоряжение томского губернатора и помещенных им в Нарымском крае и прилегающем к нему районе, состояла из галицийских евреев³⁴. Среди выселенцев были люди разных профессий (адвокаты, купцы, промышленники, земледельцы, ремесленники, рабочие) и возрастов, в том числе 70-летние «дряхлые старики» и дети 10–12 лет³⁵.

Весной и летом 1915 г. направление высылки сместилось в Енисейскую губернию, а осенью 1915 г. – в Иркутскую. Прибывали выселенцы за свой счет под конвоем или по проходным свидетельствам без конвоя, а также по этапу в Томскую, Красноярскую и Иркутскую тюрьмы, где оставались в среднем на месяц³⁶. Затем конвойным порядком их направляли в распоряжение уездных исправников. Губернские власти, ссылаясь на специальное циркулярное распоряжение, намеренно устанавливали местом жительства выселенцев отдаленные пункты Енисейской (Енисейский уезд, Туруханский край) и Иркутской (Киренский, Верхоленский, Нижнеудинский, Балаганский уезды) губерний³⁷. «Вестник сибирских евреев» по этому поводу писал: «Если с большой тяжестью и можно было бы примириться с точкой зрения властей на фронте, преследовавших очистку фронта от, по их мнению, нежелательного элемента, то совершенно отказываешься понимать, чем руководились сибирские губернаторы, водворяя ссыльных в глухие углы Нарымского и Туруханского края <...> где содержание их обходится в крупную сумму, а для надзора за ними содержится кадр стражников»³⁸.

Практика выселения «неблагонадежного элемента» создала такой порядок, при котором и администрация, и комитеты по оказанию помощи беженцам, и даже те власти, которые выдавали постановления о выселении в Сибирь, не имели возможности своевременно оценить степень опасности, представляемой теми или иными выселяемыми. Постановления о выселении, в которых содержались мотивы и проступки, вызвавшие его, направлялись отдельно от высылаемых. Часто вслед за ними поступало уведомление о прекращении обвинений, послуживших причиной выселения. Все это препятствовало правильной классификации выселенцев и создавало определенную путаницу. Были случаи возвращения из ссылки лиц, уже прошедших до пункта назначения и вынесших на себе все ужасы тюремного пути³⁹. По мнению уполномоченных Всероссийского союза городов, 75 % сосланных в Иркутскую и Енисейскую губернии никакой опасности для государства не представляли⁴⁰.

Большинство прибывавших в ссылку производили крайне тяжелое впечатление своей беспомощностью, не знали русского языка. После пяти-шести месяцев тюремного «путешествия» они оказывались в совершенно чуждой им обстановке. Зброшенные небольшими группами в переполненные ссыльными глухие таежные села, где на какой-либо заработок не могли рассчитывать и вполне трудоспособные лица, при существующей дороговизне жизни выселенцы, среди которых было немало стариков, женщин, самостоятельно высланных

Этнические меньшинства в истории России

детей, много людей до ссылки вполне обеспеченных и никогда не бедствовавших, остро «нуждались во всем»⁴¹. Но, приходя в ссылку с определенным клеймом, они, за редким исключением, не вызвали сочувствия у местного населения⁴². Издание «Новый путь» приводит факт антивыселенческих беспорядков, имевший место в одном из сел Иркутской губернии (З[наменке]) в конце июня 1916 г. Причем положение в селе, куда было водворено 150 выселенцев-евреев, оказалось так серьезно, что ради предотвращения погрома выселенцы вместе с местными евреями обратились с телеграфными ходатайствами к высшей администрации края и губернии «принять энергичные меры для спасения 250 человек, которым готовится резня»⁴³.

Чрезвычайно тяжелым оказалось положение 319 евреев⁴⁴, сосланных в пострадавший от неурожая (1915 г.) Енисейский уезд, где и «за деньги невозможно было достать хлеба»⁴⁵. При ограниченных продовольственных запасах выселенцы становились непосильным бременем для местного населения»⁴⁶.

Выселенцы, как административно ссыльные, имели право на ежемесячное государственное пособие. Например, в Иркутской губернии оно варьировало от 8,6 до 9,5 руб., но при тогдашней дороговизне жизни этой суммы было явно недостаточно⁴⁷. Большинство выселенцев пособие не получали, невзирая на свои многочисленные ходатайства и прошения. Даже единичным «счастливым» пособие задерживалось на два-три (Верхоленский уезд), а иногда на шесть-восемь (Енисейский уезд) и больше месяцев⁴⁸.

Вопрос о положении выселенцев из районов военных действий был особо рассмотрен на совещании общественных и национальных организаций Восточной Сибири, проходившем 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. На нем присутствовали управляющий канцелярией иркутского генерал-губернатора, чиновники от иркутского губернского и переселенческого управлений, помощник заведующего Восточным районом передвижения переселенцев, вся иркутская городская управа во главе с городским головой. Были представители комитетов помощи беженцам из гг. Ачинска, Красноярска, Мысовска, Верхнеудинска, Читы, Нерчинска, с. Усолье, Читинского областного, Иркутского губернского комитетов, Иркутского епархиального, Иркутского еврейского комитетов помощи беженцам. Активное участие в совещании приняли сами беженцы (23 чел.), осевшие в Иркутске. Делегировали своих уполномоченных организации, которые так или иначе были связаны с решением беженской проблемы: Мысовский дамский кружок, Нижнеудинский отдел Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, Красноярское и Енисейское общества пособия бедным евреям; Канский и Красноярский отделы Всероссийского союза городов; Иркутский отдел Российского общества Красного Креста; Иркутское латышское общество «Дзимтене»; Иркутский отдел Польского общества помощи жертвам войны⁴⁹.

Представитель Енисейского общества пособия бедным евреям, получившего разрешение властей официально сноситься с евреями-выселенцами и помогать им, произвел сильное впечатление на собрание своим рассказом об ужасающем положении выселенцев в Енисейском уезде⁵⁰. Под влиянием

этого рассказа и доклада представителя Иркутского комитета Всероссийского союза городов В.Г. Дистлера⁵¹ совещание единогласно приняло резолюцию о выселенцах, в которой признало за ними право на государственную и общественную помощь, необходимость селить их не в глухих деревушках, а в городских и сельских центрах и, наконец, предложило дела русских подданных пересмотреть, а австрийских подданных, по возможности, вернуть на родину⁵².

Однако по прошествии восьми месяцев после совещания общественность Сибири с горестью констатировала, что ни одно из упомянутых постановлений съезда не было претворено в жизнь⁵³.

Енисейское общество пособия бедным евреям⁵⁴ стало, по сути, первой организацией, в которую обращались выселенцы-евреи по прибытии в одноименный уезд. В начале лета 1915 г. в связи с нарастанием потока выселенцев, их большого скопления и «ужасного положения»⁵⁵ несколько человек еврейской общины г. Енисейска обратились к губернатору с просьбой разрешить наладить общение с выселенцами для оказания материальной поддержки. В обращении было указано, что оборванные, голодные люди, оставленные без всяких средств, обречены на верную смерть⁵⁶. Заметим, что, по сведениям начала 1916 г., среди лиц, высланных в Енисейский уезд под гласный надзор полиции не по суду (432), количество евреев составило 112, из них доля нуждавшихся в экстренной помощи (финансовой или вещевой) достигла почти 68%⁵⁷.

С 20 августа 1915 г., после того как разрешение было получено, маленькая горсточка людей, не располагавшая большими средствами, на легальных основаниях приступила к организации помощи выселенцам. Было сформировано хозяйственное правление Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде, которое действовало совместно с местным Обществом пособия бедным евреям. На нужды выселенцев-евреев был использован весь запасной капитал (500 руб.), скопленный Енисейским обществом пособия бедным евреям за предшествующие 10 лет⁵⁸. От сбора членских взносов за сентябрь и октябрь 1915 г. поступило в общей сложности более 300 руб.; была обложена вся местная, довольно бедная община⁵⁹. Специальные уполномоченные Енисейского еврейского общества объезжали весь Енисейский уезд, занимавший тысячи верст, сперва для регистрации выселенцев и установления их нужды, затем для снабжения их деньгами, теплой одеждой, постелью и бельем. Нужно заметить, что генерируемая Обществом помощь была строго ограничена направленностью на евреев⁶⁰. В то же время польские, латышские организации, зарегистрированные в Восточной Сибири, могли оказывать поддержку представителям иных национальностей и этнических групп⁶¹.

Из докладов, сделанных уполномоченными по возвращении из ближайших волостей Енисейского уезда, выяснилось, что нужда выселенцев «настолько огромна, что покрыть ее своими средствами и силами не представляется возможным»⁶². Была получена помощь от еврейских комитетов Красноярска (200 руб.) и Иркутска (500 руб.), а главным образом от Петроградского еврейского

Этнические меньшинства в истории России

комитета помощи жертвам войны (15 тыс. руб.)⁶³. Из Минусинска от купца Г.М. Вильнера поступило 236 руб., причем из этой суммы в соответствии с его же волеизъявлением 130 руб. были высланы на нужды выселенцев в Нарымский край и 100 руб. – в г. Енисейск⁶⁴. На эти средства выселенцам-евреям оказали помощь: денежную на общую сумму 2 940 руб., вещевую (6 151 руб.), продовольственную (319 руб.)⁶⁵.

Хозяйственное правление Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам-евреям в Енисейском уезде закупало все необходимые материалы и сдавало их в работу, благодаря чему достигалась сравнительная дешевизна. Часть одежды была сшита бесплатно некоторыми дамами – участницами Енисейского общества пособия бедным евреям. Еще раз подчеркнем, что для того чтобы обслужить тот или иной район Енисейского уезда, уполномоченным приходилось проехать от 900 до 2 000 верст с затратой времени от 19 до 30 суток. Ситуация осложнялась нехваткой людских и материальных ресурсов, распутицей. Поэтому в отдаленные и труднодоступные районы (Туруханский и Ангарский края) жизненно необходимые выселенцам теплые вещи пересылали по почте или передавали через частных лиц. В начале ноября 1915 г. в эти районы было доставлено денежной и вещевой помощи на общую сумму 6 675 руб., девяти освобожденным заложникам для выезда на родину выдано пособие на общую сумму 275 руб.⁶⁶

Наряду с этим, уполномоченные Енисейского общества помощи бедным евреям встречали каждую проходящую в Енисейск партию выселенцев и снабжали ее всем необходимым⁶⁷. Схожую работу проводило Красноярское общество помощи бедным евреям. Так, оно оказало помощь 75 высланным евреям, находившимся в пересыльной тюрьме: обеспечило их теплой одеждой на сумму 533 руб.; организовало доставку горячего питания два раза в неделю, расходуя на это от 10 до 12 руб.⁶⁸

При организации помощи существовали не только организационные и финансовые проблемы, но и морально-психологические. Так, на страницах политической, литературной и экономической газеты «Сибирская жизнь» читаем: «Как ни ужасно положение беженцев поляков, – положение беженцев и выселенцев евреев еще хуже. Польские беженцы подкармливаются хоть солдатами. Еврейские же беженцы лишены и этой возможности, потому что религия запрещает им есть “трефное” (то есть не разрешенное религиозными обрядами. — Т.К., А.М., К.Т.)»⁶⁹. Енисейское общество помощи бедным евреям из «соображений морального свойства» не стало открывать питательный пункт для выселенцев, поскольку сочло безнравственным кормить евреев в отдельной комнате с некоторым уютом, в то время как выселенцы других национальностей должны получать питание в тюремном помещении⁷⁰.

Практически безрезультатными оказались усилия общественников, направленные на то, чтобы добиться прекращения высылки в Енисейский уезд и выплаты казенного пособия лицам, высланным административным порядком⁷¹. Тем не менее, невзирая на трудности, с которыми была сопряжена работа местных общественных организаций с выселенцами, они оберегали их от физической

деградации. Примечателен и следующий факт. Уже после крушения Российской империи в Томске по инициативе прибывших из Нарыма ссыльных евреев (свыше 400 чел.) состоялось чествование уполномоченного центрального комитета Еврейского общества помощи жертвам войны для Томской губернии М.А. Лурия. «Вестник сибирских евреев» отмечал, что в выражениях собравшихся, проникнутых большой теплотой, слышался доминирующий мотив, выделявший проявленное покойным к ним участие из ряда обыкновенной филантропии: «Не благодетелем был для них М[атвей] А[льбертович], а отцом любящим и страждущим за них, в лучшем смысле этого слова»⁷². Помимо материальной поддержки, весьма существенной, немалой его заслугой была забота по удовлетворению религиозных и культурных нужд выселенцев. Не располагая большими возможностями, ссыльные евреи «решили хотя бы чем-нибудь конкретно выразить свою признательность М.А. Лурии и собрали между собой 115 руб. для увековечения его имени на страницах золотой книги еврейского национального фонда и посадки на имя М.А. Лурии и его уважаемой супруги Е.М. Лурии, делавшей с ним заботу о них, пять деревьев в лесу д-ра Герцля в Палестине»⁷³.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, «Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности» (Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит) и при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60009 «Сибирская общественность и организация помощи жертвам войн начала XX века» (К.А. Тишкина).

Russian Science Foundation, No. 22-18-20109. URL: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20109/>; “Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific and Technical Activities”; RFBR, No. 19-39-60009 “Siberian public and organization of assistance to victims of war of the early XX century”.

1. GATRELL P.A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington—Indianapolis. 1999, p. 3.
2. МИХАЛЕВ Н.А., ПЬЯНКОВ С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи; численность, размещение, состав. — Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49), с. 103.
3. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. 2-е изд., доп. М. 1916, с. 2 (2-я паг.).
4. КАТЦИНА Т.А. Выселение русских подданных еврейского происхождения из прифронтовых районов в Восточную Сибирь в годы Первой мировой войны (1914 – сентябрь 1917 г.). В кн.: Этнические меньшинства в истории России: М-лы Второй междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 5–6 ноября 2021 г.). СПб. 2021, с. 78.
5. СУРЖИКОВА Н.В., МИХАЛЕВ Н.А., ПЬЯНКОВ С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): Монография. Екатеринбург—Челябинск. 2021, с. 7.
6. Законы и распоряжения о беженцах..., с. 1–7; 9–11 (2-я паг.); Руководящие положения по устройству беженцев. Пг. 1916. [1].
7. Законы и распоряжения о беженцах..., с. 2 (2-я паг.).
8. См.: Беженцы и выселенцы: Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского Союза городов. М. 1915, с. 1; Новая ссылка (из Нарымского края). — Сибирь. 1915. 11 января, с. 2; ОПАЛЬНЫЙ Б. Выселенцы. — Иркутская жизнь. 1915. 15 декабря, с. 2.
9. ГАЛЬПЕРИН Л.Е. Обязательное призрение и помощь беженцам. — Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5, с. 529.

Этнические меньшинства в истории России

10. Отчет Томского еврейского комитета помощи жертвам войны (4 сентября 1915 – 1 октября 1916 г.). Томск. 1917, с. 13; ТОНОГОНОВ А. Енисейск. — Вестник сибирских евреев. 1917. 1 мая, с. 8.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 9–10.
12. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 216, оп. 1, д. 37, л. 3–3об.; БОБРОВСКИЙ А. В атмосфере бесправия. — Новый путь. 1916. № 32, с. 24.
13. GATRELL P. Op. cit.; КУРЦЕВ А.Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. — Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3 (13), с. 82–92; ЕГО ЖЕ. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917). — Вопросы истории. 1999. № 8, с. 98–113.
14. ЗААТИНА М.А. Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны: по материалам прессы (июль – октябрь 1914 года). — Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 118, с. 30–35; ЕЕ ЖЕ. Применение чрезвычайных мер по сбору средств для оказания помощи беженцам на примере введения самообложения еврейского населения Российской империи в период Первой мировой войны (лето 1914 – осень 1915 гг.). В кн.: Проблемы истории и историографии: Сб. докладов межвуз. науч. конф. СПб. 2015. Т. 3, с. 132–138; КОЛГОЧИХИНА А.А. Деятельность Общества вспомоществования бедным семействам евреев, участвующих в войне, и бедствующему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий (1915–1916). — Клио. 2015. № 4 (100), с. 159–163; НАМ И.В. Польские беженцы Первой мировой войны. В кн.: Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Омск. 2015, с. 274–284; ТИШКИНА К.А. Еврейские организации Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн и проблема еврейских беженцев. — Научный диалог. 2020. № 5, с. 465–481; ШАЛДА В. Латышские беженцы в России и революции 1915–1921 гг. В кн.: Россия и Балтия: [сборник] / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Вып. 2: Эпоха перемены (1914–1924). М. 2002, с. 60–87. УТГОФ В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 2003.
15. ЖВАНКО А.М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків. 2012; КАНАЕВ И.Н. Тамбовская контрразведка: контроль за беженцами и выселенцами в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. — Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 10 (102), с. 254–257; КАТЦИНА Т.А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири. — Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. 2013. № 4 (26), с. 219–222; ШАЙДУРОВ В.Н., ГОНЧАРОВ Ю.М. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: сравнительный анализ адаптационных практик общин «вне черты». — Вестник Томского гос. ун-та. История. 2021. № 71, с. 155–161.
16. ТУМАНОВА А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М. 2014; БЕЛОВА И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания. — Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2013. № 12, с. 51–62.
17. ЩЕТИНИНА А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.). — Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–2 (56); РОСТОВ Н.Д., ГОРЕЛОВ Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны. — Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17), с. 86–89; TISHKINA K. A. Employment of Refugees in Siberian Cities during the First World War. — *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (3), p. 1542–1551.
18. СУРЖИКОВА Н.В. МИХАЛЕВ Н.А., ПЬЯНКОВ С.А. Ук. соч.
19. ИХ ЖЕ. Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий. — Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (20), с. 142.
20. Там же, с. 24.
21. БАХТУРИНА А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны: Монография. М. 2000, с. 192–193.

22. URL: <http://www.ejwiki.org/wiki>
23. LOHR E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I. — *Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 3 (July), p. 404–419; ЕГО ЖЕ. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Пер. с англ. В. Макарова. М. 2012, с. 163.
24. ТУМАНОВА А.С. Ук. соч., с. 225.
25. ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции. — *Проблемы истории России*. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001, с. 217–246.
26. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург. 2016; ПОБЕРЕЖНИКОВ И.А. Фронтирная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации. — *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4 (61), с. 72–80.
27. СТУДЁНОВА Е.Г. Социальная помощь. М. 2018.
28. ПОРШНЕВА О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург. 2005; РЕПИНА Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 2009.
29. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 10; Сибирь. 1914. 30 декабря, с. 3.
30. Война и евреи. Дело о шпионстве. Выселение. Иркутск. 1915, с. 54; РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 1–4, 28об., 31–32.
31. Там же, л. 1–4.
32. Сибирь. 1915. 11 января, с. 2.
33. Евреи административно ссыльные в Нарымском крае. — *Вестник сибирских евреев*. 1917. 25 марта, с. 12.
34. Там же, с. 13.
35. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 14; Евреи административно ссыльные в Нарымском крае. — *Вестник сибирских евреев*. 1917. 25 марта, с. 13.
36. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 1–4, 28об., 31–32; *Иркутская жизнь*. 1915. 15 декабря, с. 2.
37. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 11; ГАИО, ф. 216, оп. 1, д. 3, л. 25.
38. Евреи административно ссыльные в Нарымском крае..., с. 13–14.
39. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 1; *Иркутская жизнь*. 1915. 15 декабря, с. 2; Сибирь. 1915. 11 января, с. 2.
40. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 12.
41. Там же, л. 16–19; Сибирь. 1916. 13 августа, с. 2; Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. — *Вестник Приенисейского края*. 1916. 17 июля, с. 13.
42. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 7–8.
43. БОБРОВСКИЙ А. В атмосфере бесправия. — *Новый путь*. 1916. № 32, с. 25.
44. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, с. 13.
45. РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 8; Сибирь. 1915. 25 ноября, с. 1.
46. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск. 1916, с. 89.
47. KATSINA T.A., MEZIT L.E. Between the Front Line and the Rear: The Position of the Jewish Evacuees of the First World War in Eastern Siberia in the Russian Empire. — *Annales Universitatis Arulensis. Series Historica*. 2019. No. 23 (1), p. 87.
48. Ibidem.
49. Совещание о беженцах. — Сибирь. 1915. 22 ноября, с. 2; Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев..., с. I–IV (1-я pag.), 3–4 (2-я pag.).
50. Б. Г-н. Евреи в Сибири. — *Новый путь*. 1916. № 1, с. 34.
51. Совещание о беженцах..., с. 2.
52. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев..., с. 89.
53. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны..., с. 12; А.К. Выселенцы в Верхотенском уезде. — Сибирь. 1916. 13 августа, с. 2.
54. Учреждено в 1906 г. еврейской общиной.

Этнические меньшинства в истории России

55. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны..., с. 13.
56. ТОНОГОНОВ А. Енисейск. — Вестник сибирских евреев. 1917. 1 мая, с. 8.
57. Подсчитано по: Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 595, оп. 10, д. 45, л. 230–242 об.
58. ОРЕХОВА Н.А., КОФМАН Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.). В кн.: Евреи Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Вып. 5 (27). Красноярск. 2009, с. 151.
59. КАТТСИНА Т.А., МЕЗИТ Л.Е. *Op. cit.*, p. 94.
60. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, с. 14.
61. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев..., с. 21; РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 49, л. 9.
62. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны..., с. 14.
63. Там же, с. 34.
64. ОРЕХОВА Н.А., КОФМАН Я.М. *Ук. соч.*, с. 152.
65. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны..., с. 15.
66. Там же, с. 14; Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев..., с. 2.
67. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны..., с. 14.
68. ГАКК, ф. 595, оп. 50, д. 4724, л. 40.
69. Там же.
70. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев..., с. 30.
71. Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны..., с. 14.
72. Торжество у ссыльных. — Вестник сибирских евреев. 1917. 1 июня. № 5, с. 6.
73. Там же, с. 7.

Конфликтотенность темы армянских и греческих беженцев в дискурсе СМИ периода Первой мировой войны на дореволюционном этапе

М.В. СИНИЦЫН, И.С. КАРАБУЛАТОВА, Т.А. КАТЦИНА, Ф.Б. САУТИЕВА, К.К. КАРИМОВА

Conflictogenicity of the topic of Armenian and Greek refugees in the media discourse of the World War I period at the pre-revolutionary stage

M.V. SINITSYN, I.S. KARABULATOVA, T.A. KATTSINA, F.B. SAUTIEVA, K.K. KARIMOVA

Аннотация. Авторы впервые вводят в научный оборот материалы газет Северного Кавказа и Закавказья периода Первой мировой войны на русском и армянском языках. Авторы ставят проблемы этнопсихолингвистического спектра в исследовании вынужденной военной миграции, что дает понимание внутреннего переживания военного мигранта, беженца, в хронотопе. В статье акцентируется внимание на вербальных маркерах личностного профиля вынужденного военного мигранта, отраженных в прессе того времени.

Ключевые слова: вынужденный военный мигрант, конфликтотема, дихотомия, Первая мировая война, армяне, греки, русские, турки.

Abstract. The authors for the first time introduce into scientific circulation the materials of newspapers of the North Caucasus and Transcaucasia of the period of the First World War in Russian and Armenian. The authors pose the problems of the ethnopsycholinguistic spectrum in the study of forced military migration, which gives an understanding of the inner experience of a military migrant, a refugee in chronotope. The authors focus on the verbal markers of the personality profile of a forced military migrant, which was reflected in the press of that time.

Key words: forced military migrant, conflictoteme, dichotomy, World War I, Armenians, Greeks, Russians, Turks.

Метамоделирование закономерностей структурно-семантической организации дискурса СМИ¹ в период Первой мировой войны и интенциональное содержание компонентов², определяющих его интегральные признаки, обусловлены факторами времени и пространства, методологическими доминантами и особенностями национальной лингвистической³ и исторической традиции⁴.

Экспертиза армянских, русских, турецких СМИ рассматриваемого периода показывает поступательный рост экспрессивной, эмоционально окрашенной лексики, встроенной в фактологический контекст исторических событий, что помогает понять вербально-паравербальный механизм этнотравмы греков

Этнические меньшинства в истории России

и армян в Первую мировую войну, оказывающей отрицательное воздействие на межкультурный диалог ⁵ до сегодняшнего времени ⁶. Это позволяет говорить о конфликтогенном эхе этнотравмы ⁷.

Внутреннее ощущение этнотравмы фиксируется как воспроизводимое посттравматическое стрессовое расстройство на уровне этнической принадлежности и этнической памяти ⁸. Царское правительство обращалось к другим государствам с просьбой оказать помощь вынужденным переселенцам, военным беженцам из Армении и Греции. В этой связи показательна телеграмма министра иностранных дел России С.Д. Сазонова послу в Вашингтоне Б.А. Бахметьеву от 21 ноября 1915 г. № 5774, в которой описывается крайне тяжелое положение западных армян: «Соблаговолите попросить американское правительство уполномочить своего посла в Константинополе оказать нам содействие в оказании помощи армянам, посланным в район Багдадской железной дороги и Месопотамии. Моргентау будут

Синицын Максим Владиславович – младший научный сотрудник лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант ФГБУН «Институт Всеобщей истории РАН». E-mail: m.v.sinitsyn@gmail.com; Карабулатова Ирина Советовна – доктор филологических наук, профессор, заместитель руководителя лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета ГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», эксперт кафедры машинного обучения и цифровой гуманитаристики ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)». E-mail: radogost2000@mail.ru; Катцина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики социальной работы Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». E-mail: katsina@list.ru; Саутиева Фатима Белановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики начального образования ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». E-mail: fbilan@mail.ru; Каримова Камар Кабиденевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай-хана. E-mail: gulnar1302@mail.ru.

Sinitsyn Maksim V. – junior researcher at the Laboratory of machine learning and semantic analysis of the Institute for Advanced Research on Artificial Intelligence and Intelligent Systems of Lomonosov Moscow State University, postgraduate student of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: m.v.sinitsyn@gmail.com; Karabulatova Irina S. – doctor of philology, professor, deputy head of the laboratory of machine learning and semantic analysis of the Institute for Advanced Research on Artificial Intelligence and Intelligent Systems of Lomonosov Moscow State University, professor of the department of foreign languages of the philological faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, expert of the department of machine learning and digital humanities of the Federal State Educational Institution "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)". E-mail: radogost2000@mail.ru; Kattsina Tatiana A. – candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and Methodology of Social Work of the Law Institute, Siberian Federal University. E-mail: katsina@list.ru; Sautieva Fatima B. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education, Ingush State University. E-mail: fbilan@mail.ru; Karimova Kamar K. – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages. E-mail: gulnar1302@mail.ru.

предоставлены денежные суммы, которые посол должен будет потратить в соответствии с желанием армянского Патриарха. Необходимо принять все меры предосторожности, чтобы турки не брали деньги и не покупали товары у армян. Также желательно скрыть от Османского правительства, что эта помощь исходит от России, чтобы избежать новых преследований армянского населения»⁹.

Армяне пытались убежать от войны, устремляясь главным образом на земли современных Сирии, Ирака, Турции и Ирана, что способствовало формированию для следующих поколений поведенческого стереотипа тревожности, преследования, оказывающих непосредственное влияние на социальное и индивидуальное здоровье каждого члена общества Кавказско-Закавказского региона¹⁰. Дипломатические круги царской России осознавали уникальную специфику этнокультурных механизмов народов Кавказа и пытались смягчить последствия геноцида, воздействие которого сравнимо с эпидемией.

Канцелярия Главного комитета по устройству беженцев на Кавказском фронте получила к 1 января 1916 г. следующие сведения о количестве беженцев:

«В Эриванской губернии: 105.000 (31.037 мужчин, 33.653 женщин, и 40.310 детей).

В Елисаветопольской губ.: 9.500 (1.779 м., 3.951 ж. и 3.770 д.).

В Тифлисской губ.: 7.400 (1.818 м., 2.122 ж. и 3.160 д.).

В Черноморской губ.: 2.300 (1.122 м., 898 ж. и 280 д.).

В Ставропольской губ.: 6.200 (1.657 м., 2.473 ж. и 2.070 д.).

В Терской области: 3.500 (810 м., 1.100 ж. и 1.590 д.).

В Кубанской обл.: 10.000 (2.446 м., 3.624 ж. и 3.930 д.).

В Карсской обл.: 24.000 (7.809 м., 9.201 ж. и 6.990 д.).

В Батумской обл.: 12.000 (2.500 м., 3.500 ж. и 6.000 д.).

В Бакинской губ.: 2.900 (900 м., 1.000 ж. и 1.000 д.).

Всего беженцев – 182.800 человек, из коих мужчин – 51.873, женщин – 61.522, детей – 69.400.

Согласно сведениям, сообщенным уполномоченным Союза городов, теперь на Кавказе 164.000 беженцев, из коих 100.716 в Эриванской губернии, 11.840 в Елисаветопольской губ., 7.660 в Тифлисской губ., 1.360 в городе Тифлисе, 11.000 в Карсской области, 900 в Бакинской губ., 12.000 в Алашкертской долине и 20.000 в Персии»¹¹.

Вынужденная военная миграция относится к спорной категории, поскольку одни исследователи включают вынужденных мигрантов вследствие войн в классификатор мигрантов¹², другие же полагают, что миграция подразумевает добровольное перемещение, поэтому беженцы, как вынужденные мигранты, не могут быть включены в реестр мигрантов как таковых¹³.

Во время Первой мировой войны¹⁴, по примерным подсчетам, погибло около 10 млн чел., получили ранения и инвалидность примерно 20 млн. Именно в этот период появился термин «геноцид» как преднамеренное массовое уничтожение народов. В Первую мировую войну народами, которые подверглись

Этнические меньшинства в истории России

преднамеренному и планомерному уничтожению, были армяне, греки, евреи, поляки. Они уничтожались физически, испытывали психологическое давление со стороны Османской и Германской империй, а также Австро-Венгрии¹⁵, что вызывало стойкие нарушения в психоэмоциональной сфере¹⁶. Масштабы вынужденной военной миграции были столь обширны, что российский министр земледелия и землеустройства А.В. Кривошеин в июле 1915 г. определил этот феномен следующим образом: «Из всех тяжких последствий войны это явление самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое... По всей России расходятся проклятья, болезни, горе и бедность... Великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели»¹⁷.

В конце XIX и начале XX в. против хамидовского режима, кроме турецкоподданных народов, выступали и многочисленные молодые турецкие деятели, обучавшиеся в Европе. Из созданных ими партий была известна партия «Единение и прогресс» (*осман. İttihat ve Terakki*, тур. İttihat ve Terakki 'Иттихад ве терраки'), или «Молодая Турция». К сожалению, лозунги младотурок о демократии, равенстве наций и их борьба против султана Абдул-Хамида II вызвали интерес в армянских, арабских, болгарских, греческих, еврейских политических кругах¹⁸, которые пытались сотрудничать с младотурками против общего врага – султана Хамида II¹⁹. В июле 1908 г. младотурки во главе с офицерами Ниази и Энвером организовали государственный переворот и захватили власть при поддержке определенных политических сил армянского, греческого, болгарского и других народов, находившихся под юрисдикцией Османской Турции. На этот процесс повлияла и греческая мечта о реализации «великой идеи», когда турецкие лидеры мнений греческого происхождения того времени делали в прессе такие заявления: «Османская империя – это наша мать, а Греция – наша сестра»²⁰. Публичное обесценивание образа этнической родины и собственной картины мира приводило к протестным настроениям в греческом сегменте османского общества, поскольку вступало в противоречие с архетипическими представлениями о себе и других, а также с самоидентификацией личности.

В этот период лингвоинформационные шаги в СМИ были направлены на внедрение образа конституционной монархии, благодаря чему впоследствии были проведены парламентские выборы, в результате которых армяне получили 10 мест в парламенте²¹. С одной стороны, это был период раздачи обещаний, с другой – время надежд и ожиданий. Новое правительство обещало равенство всех народов и свободу личности. По сути, эта смена власти в Турции произошла по сценарию «цветной революции», как сейчас назвали бы такое развитие событий. И, придя к власти на волне популистских лозунгов, младотурецкое правительство Талаата-паши и Энвера-паши начало проводить почти ту же националистическую политику, что и султан Хамид II.

Как позже заявил в прессе Талаат-паша, «в Турции мы можем говорить о равенстве перед законом только тогда, когда завершится тюркизация всех слоев населения... В нашей стране нет другой нации, кроме османской, нет армянской нации. В Турции есть только одна нация – османская»²².

При этом русские консулы неоднократно поднимали вопрос о необходимости сохранения этноконфессиональной идентичности болгар, греков, армян на территории Османской империи, о подготовке на государственном уровне большого количества педагогов и просто образованных людей из этнических меньшинств как в самой Османской империи в местах наибольшего скопления представителей этих диаспор, так и на территории России²³. Однако их призывы не были услышаны. Царская Россия, имея в своем составе самые разные народы, проводила политику последовательного формирования национальных элит из «инородцев», лояльных к властям, путем сохранения языка, культуры, посредством политики «мягкой силы», как это было на ее окраинах²⁴. В противовес российской стратегии Османская империя взяла курс на полную ассимиляцию и денационализацию народов, проживавших на ее территории.

В 1911 г. Конгресс младотурок, который состоялся в Салониках буквально через год после выступления Талаат-паши, принял следующую резолюцию: «Рано или поздно должна быть проведена полная тюркизация всех нетурецких элементов. Этого нельзя достичь только путем убеждения, мы также должны использовать силу армии»²⁵. Таким образом, шла четкая поляризация по оси «свой-чужой», что усиливало конфликтогенные настроения в обществе с доминированием агрессии против «чужих»²⁶ и повышало уровень негативного вербального воздействия на общество.

Закономерно, что спустя некоторое время после начала войны к тайному договору от 2 августа 1914 г. к Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии, Италии присоединилась Турция, объявлявшая ранее о своем нейтралитете²⁷. 10 октября Турция разрешила немецким военным кораблям «Гёбен» и «Бреслау» пройти через Босфорский пролив, а 29–30 октября 1914 г. было организовано нападение германо-турецкого флота на русские черноморские порты. В ответ на этот шаг Российская империя 1 ноября 1914 г. объявила войну Османской империи, военные действия с которой начались как на Кавказском и Балканском фронтах, так и в Черном море. Российско-турецкое противостояние поставило в тяжелое положение разделенных греков и армян. Около 2,5 млн западных армян, которые жили на территории Османской империи, оказались перед дилеммой – участвовать в войне или нет²⁸.

У армянских политических партий по данному вопросу также не было единого мнения. 14 сентября 1914 г. в газете «Закавказская речь», издававшейся в Тифлисе, в редакторской колонке было высказано мнение о необходимости проведения Армянского национального конгресса: «По мнению многих армянских деятелей, мечты о возрождении Армении никогда не были так близки к осуществлению, как сейчас, когда Турция находится накануне вступления в европейскую войну»²⁹.

Однако, в отличие от предыдущих русско-турецких войн, на этот раз турецкое правительство издало приказ о призыве армян в армию³⁰. Более того, министр внутренних дел Талаат-паша официально предложил партии «Дашнакцутюн» организовать добровольческое движение в турецкой армии против русских. Осенью 1914 г. в Эрзуруме Талаат-паша начал переговоры с известным деятелем партии «Дашнакцутюн»

Этнические меньшинства в истории России

Рубеном Тер-Минасяном. Армянские политические партии категорически отвергли предложение турок, что, в свою очередь, обострило армяно-турецкие отношения. В этой связи тяжелым было и положение восточных армян, поскольку царские власти также стали призывать в свою армию армян для участия в войне. Впоследствии около 300 тыс. западных армян были призваны в ряды турецкой армии, а 200 тыс. восточных армян надели военную форму Российской империи.

Однако «в начале 1915 г., после первых поражений оттоманского государства, все армянские солдаты были удалены из турецких рядов и собраны в рабочие батальоны», чтобы строить дороги и укрепления. Одновременно «декретом было предписано разоружение всего армянского гражданского населения в империи»³¹.

Пресса того времени четко поляризуется по оси дихотомии «мы–они», при этом широко используется экспрессивно окрашенная лексика, речевое манипулирование с эвфемизацией³², обесцениванием³³, метафоризацией³⁴, с акцентом на стратегиях мягкого и жесткого кодирования в синтаксических конструкциях³⁵, что приводит к повышению градуса конфликтности³⁶ и в конечном итоге – к трансформации самой поведенческой матрицы реципиента такого дискурса. Акцент при этом смещается к освещению таких тем, как военные события и военные действия; прогнозика военных сценариев с детализацией элементов; мирное население и беженцы в зоне военных действий; вооружение, его применение и результаты; участники военных действий, воинские части и подразделения, их настроения; локализация военных действий; интерпретация военных атрибутов и символов; реинтерпретация архетипов этнокультуры. С помощью вербально-невербальных средств воздействия (газетная статья, листовка, рисунок, фотография, фоторепортаж, кинодокументалистика и т.п.) производится преднамеренное когнитивное искажение информации³⁷ в целях моделирования запланированной поведенческой реакции у реципиентов такого дискурса с последующим ее закреплением³⁸.

Например, во втором номере «Армянского вестника» за февраль 1916 г. приводятся статистические данные (список городов и округов с количественными данными) результатов турецких бесчинств в отношении армян, взятых из вышедшей в Софии армянской газеты «Айастан» (арм. «Армения»): по данным доклада, «составленного в последнее время на основании достоверных фактов, количество армян, убитых, выселенных, обращенных в ислам, в общей сложности составляет 835 600 человек из 29 населенных пунктов, таких как Кесария, Амасия, Эрзурум, Битлис, Муш и др.»³⁹ В этой связи примечателен так называемый дневник Талаат-паши, который был издан в Турции Муратом Бардакчи в 2009 г. Указанное в этом дневнике количество выселенных армян (см. табл.), по свидетельству Талаата, как минимум в два раза превышает число, принятое сегодня официальными турецкими властями⁴⁰. Сухое перечисление цифр убитых создает тот образ действительности, который востребован аудиторией, позволяя продвигать лозунги о необходимости войны и пр. Следует отметить, что использование статистических данных в СМИ исследователи относят к одному из самых распространенных приемов манипуляции⁴¹. Как правило, цифра выступает символом объективности выводов, означает, что аргумент обоснован, проверен⁴².

Таблица

Количество армян, выселенных из Западной Армении, по данным дневника Талаат-паши ⁴³

Наименования вилайетов и санджаков	Переселенное население, чел.
Вилайет Анкара	47 224
Вилайет Эрзурум	128 657
Вилайет Адана	46 031
Вилайет Битлис	109 521
Вилайет Алеппо	34 451
Хюдавендигар	66 413
Вилайет Диярбекир	61 002
Вилайет Сиваса	141 592
Вилайет Трапезунд	34 500
Вилайет Мамурет-уль-Азиз	74 206
Санджак Измит	54 370
Санджак Джаник	26 374
Санджак Кария	8 290
Санджак Карахисар	7 327
Санджак Кайсери	47 647
Санджак Мараш	27 101
Санджак Нигде	5 101
Вилайет Конья	4 381
Итого:	924 158

В статье «Беженцы. Поездка в Арцап-Мусунский район через Чингиль» корреспондент «Армянского Вестника» Г. Ш[ирмазьян] довольно нейтрально описывает жизнь беженцев из Западной Армении: «Выехав из Эчмиадзина через Игдырь в Арцап и Мусун для ознакомления с положением беженцев в пограничных селах Турции, я по дороге посетил село Маркара – на левом берегу исторического Аракса. Здесь обосновалось до 880 беженцев, и через это село проходили беженцы, направляющиеся в Эчмиадзин. Здесь же в конце октября прошлого года была устроена стоянка для беженцев, эвакуируемых из сел Сурмалинского уезда на ту сторону Аракса. В Маркаре эвакуируемые беженцы получали на питательных пунктах Московского Армянского Комитета хлеб и горячую пищу. Отсюда эвакуируемых беженцев перевозили к железной дороге станции Эчмиадзин, где был устроен карантинный пункт, откуда они уже расселились по селам Эчмиадзинского уезда» ⁴⁴. Далее автор повествует о жизни западноармянских беженцев, размещенных в селах Восточной Армении: «Дугах, Гюлиджа, Хачлу, Омарбек, Карашейх – вот те села Мосунского района, в которых размещены беженцы. Дугах – большое село, в котором размещено около 900 беженцев, из них мужчин 361, женщин 443. Из всего количества мужчин здоровых только 156, т.е. меньше половины. Единственным подспорьем служит сохранившаяся в небольшом количестве скотина: быков 174, коров 139, телят 12, буйволов 39, овец 200, коз 49, лошадей 29, ослов 62. Следующее за Дугахом село Гюмидуна, где до 500 беженцев, большая часть которых больные. В селе Хаглу до 200 беженцев. Села Омарбек и Карашейх расположены в опасном месте, под ущельем, где живут курды, которые не раз пытались нападать на села. Все села на ночь охраняются зинворами (дружинниками)» ⁴⁵.

Этнические меньшинства в истории России

Некоторые исследователи даже утверждали, что армянская резня, устроенная турками, – это отчасти результат воздействия этоса разрушения (этоса, рожденно-германской военной доктриной XIX в. и особенно доктриной «малых войн», отработанной в колониальных войнах), который одобрял полное уничтожение потенциально враждебного населения⁴⁶.

В дискурсе СМИ мы наблюдаем лингвоинформационные шаги, которые направлены на усиление манипулем⁴⁷ в контексте трансформации поведенческих матриц как отдельного индивидуума, так и смены социальных парадигм в обществе. Анализ манипулем демонстрирует кластеризацию образов для трансформации восприятия информации. Приоритет лексики с негативной доминантой активизирует работу правого полушария, ответственного за отрицательные эмоции, что активизирует поиск и применение нестандартных шагов в поведении реципиентов. Однако некоторые исследователи считают, что такой дискурс усиливает вербально-паравербальный поведенческий стереотип жертвы⁴⁸.

В свою очередь, это привело к построению не до конца осознанных параллелей с преследованием египтянами древних евреев, что подчеркивало богоизбранность армян в их собственном самосознании⁴⁹. Эта виктимность поддерживается корреспондентами из разных стран. Так, немецкий профессор Нипаш сообщает о резне в Рас-эль-Айне каравана, состоящего исключительно из женщин и детей: «Резням обычно предшествовали ужасные жестокости»⁵⁰.

Как правило, ранее тезаурус газетных текстов и документов, касающихся армян, был связан с несколькими волнами миграции из Западной Армении в Восточную во время Крымской (1853–1856) и русско-турецкой войн (1877–1878). Это повторение давления со стороны представителей Османской империи выработало механизм социальной адаптации армян к конфликтной стрессовой ситуации изгнания и потери дома, что является, на наш взгляд, универсальным психофизиологическим механизмом сохранения витальности индивида в условиях агрессивной внешней среды⁵¹.

Такое мощное агрессивное воздействие обусловлено поиском границ допустимого в журналистской этике, в связи с чем исследователи акцентируют внимание на «речевой антикультуре СМИ»⁵², что может быть связано как с подвижностью и конформизмом личностных морально-этических принципов журналиста, так и с социально-государственным заказом. Любое описание реальности субъективно вследствие особенностей психоэмоциональной сферы человека и его эволюционно подкрепленного опыта, поэтому акцентуация на потенциальной опасности, конфликте возвращает в реципиенте агрессию, резонерство, склочность, маниакальность, депрессивность, суицидальность, выученную беспомощность, формируя различные устойчивые формы девиантного поведения. Таким образом, формируются созависимые отношения «преследователь – жертва – избавитель» в треугольнике Карпмана⁵³, при котором само участие в драматическом конфликтном треугольнике держит людей в постоянном напряжении, фрустрации, «во лжи, в чувстве вины и стыда, нездоровой таинственности, пристрастии к кризису, хаосу и манипуляции»⁵⁴.

На лингвистическом уровне альтруизм избавителя поддерживается использованием ярких психоэмоциональных образов: «многострадальная Армения», «судьба

плачевна», «камни вопиют о помощи», «ужасное горе», «обреченные на голодную смерть», «молящие о спасении», «беженцы», «заклеймить убийство», «расстрелянные или вырезанные “товарищами” – турками», «благородная цель». Эти обороты активно использовал Л. Ошеровский при обращении к теме трагедии турецких армян: «Судьба многострадальной Армении так трогательна и так плачевна, что камни вопиют о помощи. Мы не можем остаться равнодушными при виде такого ужасного горя, при виде людей, обреченных на голодную смерть и молящих о спасении... Ныне перед нами встает большая благородная цель – помочь армянским беженцам. Мы не можем успокоиться до тех пор, пока не разрешена эта важная и настоятельная задача. Следует особенно заклеить убийство тысяч армянских солдат, занятых на постройках дорог и расстрелянных или вырезанных своими “товарищами” – турками»⁵⁵. Нагнетание жертвенного образа сопровождается внедрением директивы «большая благородная цель – помочь армянским беженцам», где под помощью понимается необходимость участия России в войне против турок. Такой же алгоритм использовался при описании судьбы болгар в Балканских войнах против турок в XIX в.⁵⁶ Однако, исходя из того же треугольника Карпмана, участники могут меняться ролями – жертва может выступать в образе праведного преследователя по отношению к спасателю. Отсюда и взаимное разочарование участников созависимых отношений, которое вызывает гнев у спасателя, возмущение у жертвы и обиду у преследователя на геополитическом уровне.

Лингвоконфликтогенность дискурса СМИ использует образы – активаторы конфликта, которые усиливаются путем использования образов – пролонгаторов конфликта, в результате чего общественное сознание подготавливается к неизбежности конфликта как такового, поскольку «любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами»⁵⁷. В журнале «Армянский Вестник» за 1916 г. указывается: «Мировая война еще раз обратила внимание всего цивилизованного мира на армянский народ, который теперь гибнет в Турции за свое стремление к европейской культуре и за свою преданность державам согласия. < . . . > Но широкие слои русского общества и до сих пор мало знакомы с армянами, с их прошлым, с их культурой, и нет в России ни одного органа на русском языке, посвященного < . . . > армянской общественно-политической и национальной жизни, отражению нужд и потребностей армян»⁵⁸.

Разнообразие конфликтогенности в военно-пропагандистском дискурсе СМИ Первой мировой войны использует психологические защитные механизмы созависимых участников, когда долгое время сдерживаемая душевная боль вырывается наружу, порождая конфликт в чистом виде.

В статье Н. Огановского «Спокойный ужас» депрессивные настроения с акцентуацией на вызов сопереживания и гнева моделируются с поступательным нагнетанием все более плачевных картин: «Еще палящее здесь на юге августовское солнце обливает огненными лучами армию беженцев, расположившуюся бесконечными таборами вдоль пыльного тридцативерстного пути от Игдыря до Эчмиадзина на потрескавшихся от зноя опустелых печальных полях Араратской долины; сгрудившуюся в огромную, тесно сжатую кучу из десятков тысяч измученных,

Этнические меньшинства в истории России

изголодавшихся сверхчеловеческой силы людей, в полууголенной монастырской роще, вокруг академических зданий, на каменных плитах, на сырой горячей земле. Смотрит солнце, как в этом колоссальном человеческом муравейнике, на три четверти состоящем из старух, стариков, детей, беззвучно умирают у горячих котлов с пищей люди, которые от голода, истощения и болезней уже не могут поднять головы, не могут проглотить куска хлеба; как санитары берут из рук оцепенелых от горя матерей почерневшие скелетики мертвых младенцев, с бессильно болтающимися головками и относят их на край рощи, туда, где возле приготовленных братских могил – длинных и широких рвов, лежат ряды трупов, зашитых в холст... Тысячи больных, собранных в так называемом «санатории», мечутся, стонут в тяжелом бреду, переживая кошмары панического бегства с родины; между ними неслышно двигаются белые фигуры сестриц-доброволиц, а рядом спокойно, равнодушно бронзовые старухи ищут насекомых в головах у детей или ловят их в бесчисленных складках своих одежд, превратившихся за месячное путешествие в груды свалывшихся, истлевших лохмотьев... И все наружно спокойны!»⁵⁹

Вместе с тем лингвоконфликтность является неотъемлемой чертой дискурса СМИ, что предопределено самой задачей СМИ – формировать и поддерживать интерес у целевой аудитории, поскольку повышенное внимание к явлениям, несущим опасность, определено самой прагматикой жизни. Однако нельзя забывать, что, играя роль, социум всегда проигрывает, поскольку невозможно выиграть в заведомо конфликтном драматическом треугольнике, все позиции в котором используются для того, чтобы либо причинять боль, либо отрицать боль; либо закреплять ложь, либо обличать ее; либо вызывать чувство стыда, либо испытывать чувство собственной неполноценности; либо закреплять чувство вины и «нездоровое чувство любви», либо отторгать собственную ответственность за происходящее. В результате эти поведенческие сценарии на этносоциокультурном уровне передаются следующему поколению, заставляя детей снова и снова проживать каждую роль участника конфликта. Таким образом, конфликтность дискурса СМИ, с одной стороны, может инициировать деструктивные поведенческие черты как на индивидуальном, так и на глобальном уровне, а с другой – может иллюстрировать имеющиеся аномалии самого текста, открывая новые грани в тех образах, которые характеризуются, казалось бы, незыблемостью в фоновых знаниях, составляющих этносоциокультурную картину мира человеческой цивилизации, что, в свою очередь, требует организации социальной помощи и социального контроля.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109 Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности (Карабулатова И.С., Катцина Т.А., Сеницын М.В.). URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>

1. БУДАЕВ Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил. 2011.
2. БОРИСОВ Е.В. Проективность значения: взаимодействие интенционала и экстенционала имени. — Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 321.
3. ИВАНОВ А.И. Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М. 2005.

4. ВДОНИНА Ю.Р. Особенности формирования образов Первой мировой войны в исторической памяти советского общества в 1930-е гг. В кн.: Исторические исследования: М-лы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань. 2016, с. 50–53.
5. АСАДОВ С.Д. Миф о «Великой Армении». Баку. 1999.
6. O'NEILL L., FRASER T., KITCHENHAM A., MCDONALD V. Hidden Burdens: A Review of Intergenerational, Historical and Complex Trauma, Implications for Indigenous Families. — *J. Child Adolesc. Trauma*. 2018. No. 11, p. 173–186.
7. OSIPOV G., KARABULATOVA I., SHAFRANOV-KUTSEV G., KONONOVA L., AKHMETOVA B., LOSKUTOVA E., NIYAZOVA G. Ethnic Trauma and Its Echo in Today's Mental Picture of the World among the Peoples of the Post-Soviet States: An Interethnic Conflicting Discourse Unfolding in Russian's Ethnolinguistic Information Space. — *Central Asia and Caucasus: Journal of Social and Political Studies*. 2016. No. 17 (2), p. 87–94.
8. СУКИАСЯН С.Г., ТАДЕВОСЯН М.Я. Посттравматические стрессовые расстройства: медицинская и социально-психологическая проблема в Армении. — *Российский психиатрический журнал*. 2010. № 5, с. 59–69.
9. URL: <https://genocide.ru>
10. KARABULATOVA I.S., EBZEEVA JU.N., POCHESHKOV N.A. Tolerance Problems in the Context of the Repressed Caucasians' Ethno-Trauma Transformation as «Light» and «Darkness». — *Terra Sebus*. 2017. Vol. 9, p. 447–459.
11. Армянский вестник. 1916. № 1, с. 1.
12. САБЕННИКОВА И.В. Российская эмиграция (1917–1939). М.—Берлин. 2015.
13. КОРОБОВ А.А. Миграционные процессы и конфликты в этнополитических отношениях. Саратов. 2005.
14. Войну 1914–1918 гг. стали называть Первой мировой войной только после начала Второй мировой войны в 1939 г. До этого были в обиходе такие названия, как «Великая война» и «Мировая война». См: ДЖЕНКИНС Ф. Великая и священная война, или Как Первая мировая война изменила все религии / Пер. А. Шуралёва. М. 2019.
15. SARKISSIAN A., SHARKLEY J.D. Transgenerational Trauma and Mental Health Needs among Armenian Genocide Descendants. — *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. No. 18 (19), p. 10554.
16. ЦЫГАНКОВ Б.Д., БЫЛИМ А.И. Психические нарушения у беженцев и их медико-психологическая коррекция: Руководство для врачей. Ставрополь. 1998.
17. Цит. по: ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Ход и настроения армии и тыла в кампаниях 1914–1916 гг. — *Военно-исторический журнал*. 1993. № 10, с. 62.
18. СУБАЕВ Р.Р. Идеология греческого национального движения в Младотурецкой революции: ирредентизм и имперско-федералистский эллинизм. — *Славянский альманах*. 2016. Вып. 3–4, с. 120–137.
19. SHIPP E. The Committee of Union and Progress and World War I. — *The Student Researcher: A Phi Alpha Theta Publication*. 2017. Vol. 2. Art. 6.
20. ΔΡΑΥΟΥΜΗΣ Γ. Προκήρυξη στους σκλαβωμένους και στους έλευθερωμένους “Έλληνες, 1908, Σ. 4–5.
21. MELKONYAN S.S. History of Armenia. Yerevan—Hayagitak. 1998, p. 174.
22. КИРАКОСЯН. ДЖ.С. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван. 1971, с. 85–86.
23. ФРОЛОВА М.М. Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе и на ниве школьного образования (Адрианонополь, Варна, Битола, 50–60-е гг. XIX в.). — *Славянский альманах*. 2014. № 1–2, с. 44–60.
24. ГОНЧАРОВ Ю.М., ШАЙДУРОВ В.Н. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: компаративный анализ адаптационных практик общин «вне черты». — *Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История*. 2021. № 71, с. 155–161.
25. КИРАКОСЯН Дж. С. Ук. соч., с. 82.
26. KARABULATOVA I.S., LYAUSHEVA S.A., NAGOY A.A., ROZHKOVA A.A., STUDENIKINA E.S. The Problem of “OUR/OTHERS” in the Discourse of Intercultural Communication and the New Challenges of Globalization and Migration. — *Interciencia Journal*. 2018. No. 43 (8), p. 177–192.
27. TRUMPENER U. Turkey's Entry into World War I: An Assessment of Responsibilities. — *The Journal of Modern History*. 1962. No. 34 (4), p. 369–380.
28. ХОМИЗУРИ Г.П. Социальные потрясения в судьбах народов (на примере Армении). М. 1997.
29. Закавказская речь. 1914. 14 сентября. № 209.
30. СУБАЕВ Р.Р. Вступление Турции в Первую мировую войну. — *Славянский альманах*. 2014. № 1–2, с. 142–160.

Этнические меньшинства в истории России

31. MANDELSTAM A.N. *Le Sort de L'Empire Ottoman*. Lausanne—Paris. 1917.
32. ЛАГУТКИНА М.Д., КАРАБУЛАТОВА И.С. Эвфемизмы в современном манипулятивном дискурсе СМИ. — Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4 (44), с. 454–463.
33. НАЗАРОВА Т.П., МОРОЗОВА Н.В. Цели и причины Первой мировой войны в дискурсе Российской центральной печати (1914 г.). — Манускрипт. 2019. № 7, с. 35–38.
34. КОТОВ Б.С. Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны). — Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 1.
35. KARABULATOVA I.S. The Manipulation of the Public Consciousness through Russian Press Coverage of Events around the Paris Peace Conference, 1918–1920. — *The Paris Peace Conference (1918–1920) and Its Aftermath: Settlements, Problems, Perceptions*. Edited by Sorin Arhire and Tudor Roşu. London. 2020, p. 209–227.
36. НИКИТИН М.Ю., УСТЬЯНЦЕВА А.Д., БОРОДИНА Н.В. Лингвоконфликтогенность современного массмедийного дискурса России. — Вестник РСОУ. Сер.: Человек в современном мире. 2021. № 4, с. 81–90.
37. LIN Y., KARABULATOVA I.S., SHIROBOKOV A.N., BAKHUS A.O., LOBANOVA E.N. Cognitive Distortions in the Reflection of Civic Identity in China: on the Material of Russian-Language Media of East and Western. — *Amazonia Investiga*, 2021. No. 10 (44), p. 115–125.
38. KARABULATOVA I.S., KATTSINA T.A. Features of the Manipulative Style of the Siberian Press. — *Terra Sebus*. 2021. Vol. 13, p. 289–315.
39. Армянский вестник. 1916. № 2.
40. АНУМЯН М.В. Документы судебных процессов над младотурками 1919–1921 годов по данным османской прессы. Ереван. 2011.
41. НАВАСАРТЯН А.Г. Цифровая информация как средство манипуляции в современной прессе. — Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1, с. 213–219.
42. ВИНОГРАДОВА С.А. Манипулятивный характер числительных в рекламном дискурсе. — *Мир науки, культуры, образования*. 2010. № 6 (25), с. 24–27.
43. BARDAKÇI M.T.P. Metrukleri: Sadrazam Talaat Paşa'nın özel arşivinde bulunan Ermeni tehciri konusundaki belgeler ve hususi yazımlar [The Remaining Documents of Talaat Pasha: Documents and Important Correspondence Found in the Private Archives of Sadrazam Talaat Pasha about the Armenian Deportations]. Istanbul. 2008.
44. Армянский вестник. 1916. № 2.
45. Там же.
46. Россия и Первая мировая война: М-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб. 1999.
47. LAGUTKINA M.D., KARABULATOVA I.S., SAVCHUK I.P., ONINA S.V., NURGALIEVA M.E. Siberia as a Trigger of Geopolitical Conflictogenic Media Discourse. — *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2021. No. 14 (10), p. 1436–1454.
48. SARKISSIAN A., SHARKLEY J.D. Op. cit.
49. СТЕПАНЯНЦ С.М. Роль религиозного фактора в осуществлении геноцида армянского народа в 1915 году. — Вестник РУДН. История России. 2008. № 3 (13), с. 93–98.
50. MANDELSTAM A.N. Op. cit., p. 245–272.
51. RUAN YU., KARABULATOVA I.S. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). — *Bulye Gody*. 2021. No. 16 (3), p. 1501–1510.
52. КОПНИНА Г.А. О речевой антикультуре в СМИ. — *Медиалингвистика*. 2013. № S2, с. 41–45.
53. ДЕМИДОВА Т.А., СОЙКО В.В. Использование концепции С. Карпмана для исследования зависимых отношений. — *Таврический журнал психиатрии*. 2017. № 1 (78), с. 33–37.
54. МАЛЕЙЧУК Г.И. Особенности психотерапевтической работы с клиентами с зависимой структурой личности. — *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2012. № 2.
55. ОШЕРОВСКИЙ А.Я. Трагедия армян-беженцев. Пятигорск. 1915.
56. ГУСЕВ Н.С. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование. — *Славянский альманах*. 2014. № 1–2, с. 123–133.
57. СЕНЯВСКАЯ Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. 2006, с. 62.
58. Армянский вестник. 1916. № 2, с. 1.
59. Там же, № 1.

Государственное регулирование положения мусульманского духовенства в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

П.К. ДАШКОВСКИЙ, Е.А. ШЕРШНЕВА

State regulation of the position of the Muslim clergy in the Yenisei province in the second half 19th – early 20th centuries

P.K. DASHKOVSKIY, E.A. SHERSHNEVA

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния органов государственной власти на мусульманское духовенство Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание авторы уделяют взаимоотношению мулл Енисейской губернии с мусульманскими общинами региона. Однако с увеличением в регионе указных мулл была отмечена тенденция их неприятия со стороны представителей мусульманского вероисповедания. На основе анализа архивных материалов сделан вывод, что огромную роль в решении многих вопросов, касавшихся мусульманского духовенства в губернии, играли губернские власти. Большое значение для жизни общин имело Оренбургское магометанское духовное собрание, которое являлось, по сути, государственным органом.

Ключевые слова: мулла, мусульманское духовенство, Енисейская губерния, государственно-конфессиональная политика, Сибирь.

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of state authorities on the Muslim clergy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The authors pay special attention to the relationship of the mullahs of the Yenisei province with the Muslim communities of the region. However, with the increase in the number of registered mullahs in the region, there was a tendency for them to be rejected by representatives of the Muslim faith. Based on the analysis of archival materials, it is concluded that the provincial authorities played a huge role in solving many issues concerning the Muslim clergy in the province. The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, which was essentially a state body, was of great importance for the life of communities.

Key words: mullah, Muslim clergy, Yenisei province, state-confessional policy, Siberia.

Российское государство на протяжении нескольких столетий складывалось как поликонфессиональное и полиэтничное образование. В его состав входили народы, исповедующие разные религии. Одним из наиболее значимых религиозных направлений по количеству приверженцев стал ислам. Во второй половине XIX в. мусульмане были второй по численности последователей религиозной группой в Российской империи. Согласно данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., из 130 млн чел., проживавших в стране, 14 млн составляли последователи исламской традиции¹. Появление различных этнических и религиозных групп в составе государства требовало от правительства решения весьма актуальных вопросов, а именно правового положения данных групп в государстве и взаимодействия с ними.

Этнические меньшинства в истории России

Особое внимание правительство уделяло именно мусульманским народам, проживающим в империи. Начиная с середины XVI и до конца XIX в., с расширением территориальных границ Российского государства, в его состав постепенно входили народы, исповедующие ислам. В связи с этим вопрос включения исламских институтов в административную и правовую систему страны становился весьма актуальным. Народы, исповедовавшие ислам в Российской империи, не были расселены равномерно. В частности, в Сибири проживало около 1 % всех мусульман Российской империи, при этом больше всего - на территории Томской и Тобольской губерний. В Енисейской губернии, по данным Первой всероссийской переписи населения, проживало 0,9 % всего населения Сибири, исповедующего ислам². Однако, несмотря на относительную немногочисленность мусульман, вопрос правового регулирования жизни мусульманских общин в этом регионе являлся весьма актуальным.

Наиболее значимым событием в жизни мусульманских народов империи стало создание в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания³. С появлением этого органа был решен главный вопрос для имперской власти, а именно реализация принципов государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин большинства регионов страны, в том числе контроль за их деятельностью. Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания распространялась на всю территорию России, за исключением Крыма и Кавказа. Одной из главных задач данного органа стал контроль за духовными лицами мусульманского вероисповедания⁴. Проблема роли мусульманского духовенства в жизни приходской общины была весьма актуальной для российского правительства. Сам термин «мусульманское духовенство» носит условный характер, так как в исламе нет особого духовного сословия. К мусульманскому духовенству относятся профессиональные служители культа, знатоки исламского права, руководители мусульманских общин, а также главы религиозных общин, орденов и братств. В Российской империи права и обязанности мусульманского духовенства определялись светским законодательством. В связи с этим многие юридические вопросы относительно мусульманского духовенства в государстве оставались непроработанными. Мусульманское духовенство не являлось официально выделенным сословием, соответственно, все права и обязанности мусульманских мулл были должностными, а не наследственными⁵. При этом мусульманское духовенство не было однородным, поэтому вопрос о взаимоотношениях между самими представителями духовенства также был весьма значимым. В связи с этим в обязанности Оренбургского магометанского духовного собрания входило решение споров между духовными лицами на основе мусульманского права (шариата). Однако, поскольку указанное учреждение являлось государственным органом, в его обязанности также входило выстраивание

Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru; Шершнева Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: D2703@yandex.ru.

Dashkovskiy Petr K. – doctor of historical sciences, professor, head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru; Shershneva Elena A. – candidate of historical sciences, associate professor of the department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: D2703@yandex.ru.

взаимоотношений с другими институтами имперской власти и управления в целях отстаивания интересов уммы⁶.

Важной задачей магометанского духовного собрания было продвижение основных политических интересов государства. Созданный как государственный орган для контроля за мусульманским духовенством, он должен был следить за исполнением священнослужителями своих духовных обязанностей. При этом само мусульманское духовенство должно было служить примером и образцом поведения для прихожан. Священнослужитель должен был осознавать всю ответственность, возлагаемую на него как государством, так и самой общиной⁷. Однако Оренбургское магометанское духовное собрание не всегда контролировало нравственность духовных лиц и четкое соблюдение ими религиозных обрядов. Оно считало своей задачей в первую очередь контроль за благонадежностью подведомственных ему приходо-в. Оренбургское магометанское духовное собрание следило за назначением духовных лиц, среди которых, в частности, не должно было быть иностранных граждан⁸.

Во второй половине XIX в. выборы на должность приходского священнослужителя стали носить многоступенчатый характер. Кандидатуру рассматривали не только члены общины и Оренбургское магометанское духовное собрание, но и государственные органы. В обязанности мусульманского священнослужителя входило не только религиозное, но и моральное руководство общиной. Кроме того, он должен был следить за соблюдением религиозной традиции и передачей ее подрастающему поколению⁹. Община выбирала самого, на ее взгляд, достойного кандидата, а кроме того, проверку проводили полицейские органы. Для этого опрашивались члены мусульманской общины и должностные лица общественного самоуправления. Все собранные сведения передавались в губернскую администрацию¹⁰. Такая сложная система допущения к выполнению духовных обязанностей мусульманским духовенством объяснялась выполнением государственных функций, в числе которых были судебные и нотариальные. В целом мусульманское духовенство рассматривалось правительством как инструмент воздействия на прихожан. Привлечение священнослужителей к решению многих вопросов, связанных с жизнью общины, ставило их в зависимое положение от государства¹¹.

Особого внимания со стороны правительства требовало мусульманское население Енисейской губернии и духовенство, выполнявшее свои обязанности при местных общинах. Основная доля мусульманского населения Енисейской губернии формировалась за счет притока ссыльных, о чем свидетельствуют половозрастная диспропорция мусульман в регионе, а также отсутствие у них долгое время мечетей и духовенства¹². Во второй половине XIX в. территория Енисейской губернии начала пополняться преимущественно переселенцами. Согласно данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., мусульмане-переселенцы составляли 60,75 % коренного населения губернии, исповедующего ислам. Появление переселенцев оживило религиозную жизнь в регионе. С конца XIX в., благодаря переселенцам, в губернии появляются первые мечети¹³. К началу XX в. в Енисейской губернии насчитывалось 13 мечетей¹⁴.

Религиозная жизнь общин данного региона также контролировалась Оренбургским магометанским духовным собранием: оно принимало экзамены у духовных лиц, а также должно было следить за их благонадежностью и нравственностью. Лишь в содействии с губернскими властями производилось назначение духовных лиц в мусульманские приходы и осуществлялась их деятельность.

С увеличением численности мусульманского населения в Восточной Сибири и, в частности, в Енисейской губернии возрастала потребность и в мусульманском духовенстве. Мулла являлся духовным лидером общины. Как правило, он выбирался

Этнические меньшинства в истории России

из наиболее образованной части мусульманского прихода. Мусульманское духовенство должно было регулировать духовную жизнь общины, опираясь на нормы шариата. При этом задачей муллы было выстраивание отношений членов общины с представителями власти. В рассматриваемом регионе во второй половине XIX – начале XX в. отмечалась нехватка духовных лиц, поэтому на должность муллы назначались мало-мальски грамотные представители общины¹⁵. Мусульмане Енисейской губернии искали любую возможность получить муллу для обеспечения своих религиозных потребностей. Так, мусульмане г. Енисейска обращались к министру внутренних дел с просьбой назначить им для исполнения религиозных нужд ссыльного муллу, проживавшего в г. Енисейске¹⁶.

Сложности с выборами и назначением мусульманского духовенства приводили к разного рода конфликтам внутри религиозной общины. Возникавшие раздоры очень часто касались денежных вопросов и брачных контрактов, что негативно влияло на духовную жизнь общины. Особенно ярко проблема проявлялась при необходимости собраться в мечети или на кладбище для совершения совместной молитвы. В этих случаях как само духовенство, так и прихожане, втянутые в конфликт, пренебрегали правилами ислама и даже могли мешать совершению ритуала. Споры также касались назначения на духовные должности представителей какой-то одной семьи. По мнению прихожан, это было лоббированием интересов части прихода. Возникшие конфликты могли носить затяжной характер и приводили к постоянным жалобам в органы власти и духовного управления¹⁷.

Несмотря на нехватку лиц духовного звания, мусульманским общинам Енисейской губернии не удавалось избегать подобного рода конфликтов. Так, в 1887 г. было подано прошение в Енисейское губернское правление от мусульман г. Енисейска об отстранении от должности енисейского указного муллы с требованием предать его суду за противозаконные действия. Затем судебным следователем по Енисейскому округу Енисейской губернии был подан запрос в Енисейское губернское правление о предоставлении копий с приговора об избрании крестьянина Казанской губернии Свяжского уезда Ульяновской волости Ахмета Сафа Тазетдинова на должность енисейского имама и распоряжения Губернского правления, утверждающего его в этой должности¹⁸. В Российской империи получали императорский указ о назначении на духовную должность только после решения мусульманского прихода о его избрании большинством членов общины¹⁹. В избрании духовного лица участвовали представители всей общины, независимо от сословной и этнической принадлежности. Такая мера была не случайной, так как мусульманское духовенство полностью обеспечивалось самим населением. Однако финансовое содержание муллы членами общины делало его зависимым от прихожан²⁰.

В своем обращении в Губернское правление мусульмане г. Енисейска указали, что почитают Тазетдинова как духовное лицо. Однако они обвиняли его в вымогательстве денег. При этом своих обязанностей он, по их мнению, не исполнял, так как, приходя в мечеть, они его там не заставляли по несколько дней. В заявлении было также указано, что татарская община, состоявшая из ссыльных, не выбирала данного муллу. Среди обвинений в отношении муллы Тазетдинова указывалось также, что сам он не отличается безупречным поведением и находится под гражданским судом по делам, не связанным с его духовными обязанностями. Членами общины сообщалось, что Тазетдинов был выбран на эту должность после смерти своего отца, который честно исполнял обязанности муллы и был достойным законоучителем. Сам же Тазетдинов не оправдал доверия, возложенного на него со стороны общины²¹. Представители общины не случайно среди своих жалоб на муллу указывали, что он находится под гражданским судом: выявление судимости

у кандидата являлось основанием для отказа в утверждении на должность. Следует, однако, отметить, что община не всегда была единодушна в своем выборе. В такие моменты наступал период затяжных разбирательств и обвинений избранного кандидата в неблагонадежности и безнравственности²². Подобная ситуация, по всей видимости, сложилась с муллою Тазетдиновым. Такой вывод можно сделать из текста жалобы в Губернское правление. В ней верующие сначала указали, что данного муллу они не выбирали, а затем подтвердили, что он был ими избран после смерти своего отца, так как они возлагали на него большие надежды. Жалоба от мусульман г. Енисейска была отправлена в Оренбургское магометанское духовное собрание. Данный орган также был оповещен о том, что Тазетдинов заключает браки между мусульманами и христианами²³.

В свое оправдание Ахмет Сафа Тазетдинов подал председателю Енисейского губернского правления в 1889 г. прошение, в котором указывал на возводимую на него клевету. Справедливость слов муллы Тазетдинова подтверждалась сообщением Оренбургского магометанского духовного собрания, направленным в Енисейское губернское правление, где уточнялось, что, согласно результатам проведенного расследования, все претензии к мулле Тазетдинову являются необоснованными²⁴.

Подобного рода разбирательства являлись делами государственной важности. Правительство стремилось всячески контролировать деятельность мусульманских мулл. В связи с этим была разработана официальная процедура утверждения духовных лиц на должности. Оренбургское магометанское духовное собрание следило, чтобы духовные обязанности в приходах не исполняли лица, не утвержденные на данную должность. Кроме того, Оренбургское магометанское духовное собрание старалось убеждать мусульман, чтобы они не признавали духовных лиц, не прошедших процедуру утверждения, и отказывались от их услуг. Самих же исполняющих обязанности священнослужителей, не прошедших процедуру официального утверждения, следовало отстранять от исполнения духовных обязанностей. Если же мусульманин продолжал исполнять их, его надлежало отдать под суд²⁵.

Важным было требование к благонадежности кандидатов на должность муллы. Оценивалась их лояльность к власти и всем принимаемым законам. Данное требование объяснялось еще и тем, что муллы являлись должностными лицами. В их обязанности входило ведение актов гражданского состояния, переписка с государственными органами, предоставление сведений по требованию полиции и других органов власти²⁶. Полицейское управление также требовало от кандидатов на должность муллы предоставить подписку о непринадлежности к каким-либо противозаконным обществам и сектам. Важным условием при избрании муллы являлась оценка его личных и нравственных качеств. Коран запрещает употребление алкоголя и курение табака. Соответственно, если духовное лицо было замечено за такими занятиями, его могли отстранить от должности. Кроме того, муллу могли на время отстранить, если за ним замечали злоупотребление должностными обязанностями или их несоблюдение²⁷.

В связи с такой требовательностью к лицам духовного звания следствие по жалобам на их безнравственное поведение и неблагонадежность часто длилось не один год. Такая ситуация отмечалась и в Восточной Сибири, что как раз подтверждается делом по доносу на муллу г. Енисейска Тазетдинова. К данному делу были подключены как губернские органы, так и Оренбургское магометанское духовное собрание, и длилось оно два года.

Случаи жалоб на мусульманских мулл со стороны прихожан не были единичными. В 1896 г. губернским управлением рассматривалось дело по жалобе крестьянина Казанской губернии о привлечении к ответственности красноярского муллы

Этнические меньшинства в истории России

Хамитова за неправильное ведение метрических книг. Все собранные сведения, а также отношение Оренбургского магометанского духовного собрания были направлены Енисейскому губернскому прокурору. Крестьянин в своем обращении жаловался на муллу, что тот умышленно не вносит в метрические книги данные о калыме при заключении брака. В свою очередь, прокурором был сделан запрос о наличии в г. Красноярске мусульманского прихода, а также о том, состоит ли в нем муллою Хамитов, кем и когда он туда был назначен и кем конкретно ведутся метрические книги. На данный запрос Губернским управлением был дан ответ, что прихода в г. Красноярске не числится, соответственно, и никаких метрических книг Оренбургским магометанским духовным собранием туда не высылалось²⁸. Следует отметить, что разрешение на постройку мечети в г. Красноярске было получено мусульманской общиной только в 1907 г.²⁹

Представители мусульманского духовенства, подчинявшиеся Оренбургскому магометанскому духовному собранию, согласно утвержденному закону, в случае нарушения своих обязанностей подлежали суду и взысканию со стороны духовного начальства. Однако если было совершено преступление, не касающееся его духовных обязанностей, священнослужитель подлежал светскому суду³⁰. Губернские власти тем не менее всегда были в курсе всех вопросов, связанных с жалобами на мусульманское духовенство. Несмотря на то что право отстранения от духовной должности, а также лишение духовного сана за несоблюдение обязанностей мусульманским священнослужителем передавались в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания, осуществление этих прав было возможно только через губернские власти. При этом региональные власти также не имели права отменять решений Оренбургского магометанского духовного собрания³¹. Таким образом, Оренбургское магометанское духовное собрание находилось в тесном сотрудничестве с губернскими органами власти при решении всех вопросов, касавшихся организации духовной жизни мусульманских приходов.

Мусульмане направляли жалобы в губернские органы не только на муллу, но и на Оренбургское магометанское духовное собрание. В 1895 г. енисейским губернатором была направлена в Оренбургское магометанское духовное собрание жалоба от енисейского мещанина Зинура Кудова на неправильные действия Оренбургского магометанского духовного собрания и имама г. Енисейска Тазитдинова по делу о разводе просителя с женой. Губернатор потребовал предоставить подробные сведения по данному делу. Оренбургским магометанским духовным собранием, в свою очередь, была предоставлена копия из журнального постановления о решении по делу³². К рассмотрению данного дела о бездействии Оренбургского магометанского духовного собрания в отношении нарушений енисейского имама Ахмета Сафу Тазитдинова при совершении развода были привлечены как губернские власти, так и Департамент духовных дел иностранных исповеданий. В результате проведенного расследования 5 июля 1896 г. из Департамента духовных дел иностранных исповеданий енисейскому губернатору ответили, что просителем не доказаны противоправные действия духовного лица при производстве дознания в бракоразводном процессе. В связи с этим Оренбургское магометанское духовное собрание при рассмотрении дела также не нарушило гражданский закон. На основании результатов расследования жалобу было решено оставить без внимания, о чем и следовало сообщить просителю³³.

Не случайно дело по жалобе на имама касалось и Оренбургского магометанского духовного собрания. При получении жалоб на приходское духовенство Оренбургское магометанское духовное собрание зачастую ограничивалось лишь замечаниями или вовсе не рассматривало жалобы³⁴. Губернские же власти также не всегда

были готовы принимать активное участие в разрешении споров между мусульманским духовенством и членами прихода. Так, в 1894 г. в Правительствующий сенат была направлена жалоба мусульман г. Енисейска на енисейское губернское начальство, которое оставило без внимания их жалобу о неисполнении своих служебных обязанностей имамом мечети города. Однако Сенат им также отказал, так как все прошения имели очередность подачи в разные инстанции. Сенат оставил данную жалобу без внимания, поскольку она была подана в нарушение последовательности рассмотрения нижестоящими государственными структурами, как предусмотрено законом³⁵.

Отметим, что некоторые дела передавались на рассмотрение Оренбургского магометанского духовного собрания без вмешательства со стороны губернских властей. В таких случаях губернские органы руководствовались действующим законодательством. Так произошло при рассмотрении в 1894 г. на заседании Енисейского губернского правления дела о привлечении к уголовной ответственности указного имама за нанесение побоев в качестве наказания жене. Руководствуясь ст. 1230, 1231 и 1234 Устава Департамента духовных дел иностранных исповеданий, данное дело передали на рассмотрение в Оренбургское магометанское духовное собрание³⁶.

К началу XX в. требования со стороны государства к представителям мусульманского духовенства ужесточились. Следить за нравственностью и добропорядочностью духовенства по-прежнему должно было Оренбургское магометанское духовное собрание. Управление мусульманскими приходами оставалось неизменным с момента создания Оренбургского магометанского духовного собрания. Однако к началу XX в. начинает проследиваться тенденция существенного ослабления связи Оренбургского магометанского духовного собрания с приходами. Такое отношение было связано с постоянным посредничеством уездных, волостных и губернских институтов во всех вопросах, связанных с жизнью мусульманской уммы. Сложившиеся обстоятельства требовали от Оренбургского магометанского духовного собрания все больших усилий для контроля за жизнью мусульман. Разделение на несколько муфтийатов (Оренбургский, Таврический и Закавказский) осложняло выстраивание общей позиции с центральной властью. Такое положение дел привело к тому, что в начале XX в. на мусульманских форумах поднимался вопрос о реформировании системы духовного управления мусульман России³⁷.

Муфтий М. Султанов видел необходимость в обновлении Оренбургского магометанского духовного собрания. Главной задачей всех реформ стала разработка нормативных документов, регламентирующих деятельность духовных лиц, подведомственных Оренбургскому магометанскому духовному собранию. Именно разработка четких правил и норм должна была уберечь их от ошибок, а также жалоб на них со стороны прихожан и самих духовных лиц друг на друга. В мае 1892 г. был выпущен циркуляр Оренбургского магометанского духовного собрания «Разъяснение всем духовным лицам округа относительно ведения метрических книг и об обязанностях духовных лиц». Документ разъяснял обязанности приходского духовенства. В нем также перечислялись основные служебные обязанности духовного лица, случаи правонарушений при совершении разводов, бракосочетаний, регистрации актов гражданского состояния, а также ведении метрических книг. Целью данного акта было воздействие на социальное поведение мусульманского духовенства и контроль за их деятельностью³⁸. Нормативно-правовая деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания не ограничилась выпуском одного циркулярного распоряжения. В 1901 г. был издан циркуляр «О ведении метрических книг». Позднее вышел ряд сборников циркулярных распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. Были разработаны формы документов и образцы текстов

Этнические меньшинства в истории России

для регистрации рождения, смерти, бракосочетания и развода. Деятельность приходского духовенства оказалась полностью законодательно регламентирована, как на внутриобщинном уровне, так и на государственном³⁹.

По закону период службы мусульманского духовенства никем не ограничивался. Как правило, свои обязанности утвержденный священнослужитель исполнял до конца жизни. Однако представители общины могли по разным причинам инициировать отстранение муллы от должности⁴⁰. С 1888 по 1892 г. длилась переписка об отстранении от должности имама мечети г. Енисейска. Мусульманами этого города было подано прошение в губернские органы об отстранении от должности указного имама за недобросовестное поведение. Прихожане указывали на проступки имама, на то, что он намеренно устраивал разводы, ссоря супругов, и обвинял их в том, чего они не совершали. Кроме того, в жалобе отмечалось, что сам имам находился под судом за оскорбление должностных лиц. Были также отмечены и безнравственные действия имама относительно исполнения мусульманского закона, а именно отказ с его стороны совершать богослужение пять раз в день, а также нанесение побоев и оскорблений членам общины⁴¹. Сам имам объяснял сложившуюся ситуацию личной неприязнью со стороны просителей. Ходатайство об отстранении его от должности, по его мнению, подали мусульмане неблагонадежного поведения, которые сами не исполняли обряды и не чтити Коран. Кроме того, как указал имам, один из возмутителей спокойствия в приходе уже несколько лет незаконно сожительствовал с русской женщиной⁴². Данная переписка продолжалась и в 1892–1893 гг.⁴³ Однако после проведенного расследования прошение прихожан не было удовлетворено.

В 1916 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание была подана жалоба на имама Минусинской мечети, который якобы открывал ее только раз в неделю. Кроме того, в жалобе указывалось, что имам не увещевал прихожан, прогонял их из мечети, а во время намаза ходил с женой в театр. Отмечалось также, что имам всячески развращал молодежь и незаконно заключал браки. Представители Оренбургского магометанского духовного собрания обратились в Минусинское уездное полицейское управление с просьбой о содействии в получении от имама объяснительной по заявленным обвинениям. Минусинское уездное полицейское управление ответило сообщением, что имам находится в действующей армии, в связи с чем объяснительная с него пока не может быть получена⁴⁴. Не случайно среди жалоб на приходских мулл встречалось обвинение в незаконном заключении браков. Несмотря на то что закон запрещал браки с несовершеннолетними, приходские муллы игнорировали этот запрет. При этом высшая духовная власть в лице муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания зачастую не обращала внимания на подобного рода нарушения со стороны приходского духовенства. В делах о заключении и расторжении браков муллы пользовались инструкцией, составленной муфтием А. Сулеймановым. Согласно этой инструкции, вступление в брак могло быть только добровольным. В метрические книги при этом должны были вноситься все сведения о брачующихся и сумма калыма⁴⁵.

Оренбургское магометанское духовное собрание беспокоила проблема участвовавших во второй половине XIX в. жалоб на мусульманское духовенство. Еще в 1879 г. муфтием было организовано собрание, на котором обсуждался этот вопрос. В итоге был выпущен циркуляр, который предписывал ахунам и имамам объехать подведомственные им приходы в целях проверки удовлетворенности в них поведением мулл⁴⁶. Особое внимание следовало уделять тем приходам, за которыми числилось не одно духовное лицо либо имелись потенциальные претенденты на эту должность. Поскольку мусульманское духовенство не оставалось в стороне от доносов и жалоб как на единоверцев, так и на лиц, занимавших духовные должности, имамы

обращались к губернским властям за поддержкой в смещении своих соперников на духовные должности⁴⁷.

Таким образом, во второй половине XIX в. наметилась тенденция увеличения количества мусульманских приходов на территории Енисейской губернии, а вместе с тем и количества духовных лиц мусульманского вероисповедания. Однако вмешательство государства в организацию религиозной жизни мусульманских общин, а также назначение на духовные должности способствовали развитию внутриобщинных конфликтов. Российское правительство, создавая Оренбургское магометанское духовное собрание, видело своей задачей установление системы контроля за мусульманами Российской империи. При этом указные имамы должны были стать государственными чиновниками, отстаивающими позиции имперской власти в среде верующих. Задачей Оренбургского магометанского духовного собрания становился отбор и контроль за деятельностью приходских мулл. Однако, как мы видим, появление в Енисейской губернии указных мулл и имамов не обеспечило спокойствия в мусульманских общинах. Само же мусульманское духовенство испытывало на себе двустороннее давление – как со стороны правящих кругов, так и со стороны самого прихода, который избирал его на данную должность. Вмешательство государства в духовные дела общины отмечается и в подаче жалоб на духовных лиц. По всем вопросам, касавшимся неблагонадежного поведения лиц духовного звания, мусульмане вынуждены были обращаться в губернские органы, которые, как правило, проводя расследования совместно с Оренбургским магометанским духовным собранием, оставляли их ходатайства без внимания. В этой связи, как было отмечено и самим Оренбургским магометанским духовным собранием, между мусульманским духовенством и общинами во второй половине XIX – начале XX в. возникло непонимание и недоверие.

Примечания

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ (проект № 20-59-44004) и гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

1. РЕДКОЗУБОВ А.Д. Ислам в Российской империи. — Humanity Space. International Almanac. 2015. Vol. 4. No. 5, p. 989.
2. БРЮХАНОВА Е.А., НЕЖЕНЦЕВА Н.В., ЧЕКРЫЖОВА О.И. Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года. — Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4, с. 140.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. СПб. 1830, с. 1107.
4. МАВЛЮТОВА Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. — Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4, с. 175–176.
5. УСМАНОВА Д.М., МИХАЙЛОВ А.Ю. Ислам и православие в поздней имперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань. 2014, с. 43–44.
6. ЮНУСОВА А.Б. Мусульманское самоуправление в России. — Россия и мусульманский мир. 2011. № 8, с. 29.
7. ДЕНИСОВ Д.Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века). — Вестник ОГУ. 2012. № 5, с. 144.
8. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 3: Трансформация уммы в XIX–XXI вв. / А.П. Ярков, И.Б. Гарифуллин и др. М. 2015, с. 16.
9. МАВЛЮТОВА Г.Ш. Ук. соч., с. 178.

Этнические меньшинства в истории России

10. ДЕНИСОВ Д.Н. Ук. соч.
11. ДАШКОВСКИЙ П.К., ШЕРШНЕВА Е.А. Снижение авторитета духовенства в мусульманских общинах Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи в XIX в. — Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4, с. 242.
12. БРЮХАНОВА Е.А., НЕЖЕНЦЕВА Н.В., ЧЕКРЫЖОВА О.И. Ук. соч., с. 141; ЯРКОВ А.П., СТАРОСТИН А.Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень. 2021, с. 198.
13. ЯРКОВ А.П., СТАРОСТИН А.Н. Ук. соч., с. 47, 199.
14. СТАРОСТИН А.Н., ПАВЛИНОВА Р.Н. Мечети и имамы Восточной Сибири и Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX века: попытка социоисторического анализа. — Ислам в Сибири: вызовы времени: Сб. докладов междунар. науч. конф. Омск. 2016, с. 64.
15. Там же, с. 67–68.
16. Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв.: Сб. м-лов и док-тов / Сост. Р.Р. ИСХАКОВ. Казань. 2012, с. 201–203.
17. КРУЗ Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. 2020, с. 129.
18. Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 595, оп. 16, д. 1463, л. 1–3об.
19. ЮНУСОВА А.Б. Ук. соч., с. 28–29.
20. УСМАНОВА Д.М., МИХАЙЛОВ А.Ю. Ук. соч., с. 44.
21. ГАКК, ф. 595, оп. 16, д. 1463, л. 6–9.
22. ДЕНИСОВ Д.Н. Ук. соч.
23. ГАКК, ф. 595, оп. 16, д. 1463, л. 20–20об.
24. Там же, л. 25.
25. МАВЛЮТОВА Г.Ш. Ук. соч., с. 176–177.
26. ДЕНИСОВ Д.Н. Ук. соч., с. 145–146.
27. БАКИЕВА Г.Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX – начале XX в. В кн.: Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв. Казань. 2011, с. 16, 18.
28. ГАКК, ф. 595, оп. 2, д. 5415.
29. ЯРКОВ А.П., СТАРОСТИН А.Н. Ук. соч., с. 199.
30. МАВЛЮТОВА Г.Ш. Ук. соч., с. 180.
31. КРУЗ Р. Ук. соч., с. 115.
32. ГАКК, ф. 595, оп. 21, д. 270, л. 1–2.
33. Там же, л. 4.
34. БАКИЕВА Г.Т. Ук. соч., с. 19.
35. ГАКК, ф. 595, оп. 14, д. 11902.
36. Там же, оп. 2, д. 4940; Свод законов Российской империи. Т. 11. СПб. 1857, с. 223–224.
37. ЮНУСОВА А.Б. Ук. соч., с. 29–30.
38. ЗАГИДУЛЛИН И.К. КАЗЫЙ Р. ФАХРЕТДИН и регламентация обязанностей приходского духовенства на рубеже XIX–XX вв. — Эхо веков. 2021. № 3, с. 16–17.
39. Там же.
40. МАВЛЮТОВА Г.Ш. Ук. соч., с. 177.
41. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), ф. 295, оп. 3, д. 11835, л. 34–37.
42. Там же, л. 39–41об.
43. Там же, д. 13084.
44. Там же, оп. 6, д. 3916.
45. БАКИЕВА Г.Т. Ук. соч., с. 20–21.
46. ДАШКОВСКИЙ П.К., ШЕРШНЕВА Е.А. Ук. соч.
47. КРУЗ Р. Ук. соч., с. 131, 134.

Положение религиозных общин в Западной Сибири в контексте изменения вектора советской конфессиональной политики в 1920-е гг.

П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.П. ЗИБЕРТ

The situation of religious communities in Western Siberia in the context of changes in the vector of Soviet confessional policy in the 1920s

P.K. DASHKOVSKIY, N.P. ZIBERT

Аннотация. В статье рассматривается государственно-конфессиональная политика Советского государства в Западной Сибири в 1922–1929 гг. на примере взаимодействия органов власти с неправославными религиозными общинами. В работе использованы малоизвестные в научных кругах документы уполномоченных Совета по делам религиозных культов и Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР, хранящиеся в фондах Исторического архива Омской области и Государственного архива Алтайского края. Полученные результаты позволяют заключить, что последовательная и системная работа в сфере государственно-конфессиональной политики на рассматриваемой территории на протяжении 1920-х гг. не проводилась.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, СССР, Западная Сибирь, религиозные общины.

Abstract. The article examines the state-confessional policy of the Soviet state in Western Siberia in 1922–1929 by the example of the interaction of authorities with non-Orthodox religious communities. The work used documents little known in scientific circles of the authorized representatives of the Council for Religious Cults and the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR, stored in the funds of the Historical Archive of the Omsk region and the State Archive of the Altai Territory. The results obtained allow us to conclude that consistent and systematic work in the field of state and confessional policy was not carried out in the territory under consideration during the 1920s.

Key words: state-confessional policy, USSR, Western Siberia, religious communities.

К моменту окончания Гражданской войны в Западной Сибири функционировало множество религиозных общин различной направленности. При этом, несмотря на свободу совести, декларируемую Конституцией РСФСР 1918 г.¹, а также изданную Наркомюстом РСФСР Инструкцию о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых от 15 апреля 1923 г., в которой все религиозные общины уравнивались в правах, отношение к ним было неоднозначным. В целом в наиболее выигранном положении оказались верующие, не имевшие

Этнические меньшинства в истории России

в пользовании молитвенных зданий с большим количеством материальных ценностей и потому не представлявшие интереса для органов государственной власти, занятых на тот момент реализацией Декрета об изъятии церковных ценностей². Этот факт, а также акцент государственно-конфессиональной политики начала 1920-х гг. преимущественно на Русской православной церкви, позволили, в частности, протестантским общинам не только укрепить свои позиции в обществе, но и сохранить, а в ряде случаев и увеличить численность своих последователей. Так, выросла посещаемость протестантских собраний в Томской, Алтайской и Новониколаевской губерниях. По всей вероятности, привлекательность протестантского вероучения для местного населения была связана не только с особенностями этого религиозного учения и жизненным укладом протестантов, но и с обрушившимися на православную церковь административными репрессиями³. Кроме того, увеличение численности протестантских общин было обусловлено возможностью альтернативной службы для верующих, относившихся к некоторым протестантским деноминациям. После принятия ряда декретов, направленных на частичное или полное освобождение членов таких общин от воинской обязанности, значительное количество молодежи призывного возраста объявило себя антимилитаристами. Более того, по сведениям Т.К. Никольской, было зафиксировано несколько случаев, когда все население деревни объявляло себя верующими пацифистами, в том числе участники Первой мировой войны и офицеры, ранее награжденные георгиевскими крестами за личное мужество⁴.

Перечисленные обстоятельства привели к тому, что численность евангельских христиан-баптистов в Сибири на протяжении 1924–1926 гг. увеличивалась примерно на тысячу человек в год. Так, например, в течение 1924 г. крещение приняли 1 039 чел., в 1925 г. – 1 207, в 1926 г. – 1 187⁵. Во многих губерниях Западной Сибири количество последователей протестантских общин было значительным даже по официальным данным. В частности, по сведениям Алтайского губкома ВКП(б), на территории Алтайской губернии в 1925 г. числилось 1 226 евангелистов, 1 101 евангельский христианин-баптист, 111 адвентистов седьмого дня, 242 духовных христианина, 416 католиков, 119 лютеран, 820 мусульман. Для сравнения следует отметить, что в это же время в Алтайской губернии насчитывалось 121 210 православных верующих, 43 103 верующих обновленческой церкви и 6 434 старообрядца⁶. Переход значительного количества крестьян в протестантизм не остался без внимания со стороны государственных органов. В результате сложившейся ситуации в конце 1922 – начале 1923 г. во всех регионах Сибири сотрудниками ГПУ-ОГПУ совместно

Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; Зиберт Наталья Петровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: zibert.natalya1@mail.ru.

Dashkovskiy Petr K. – doctor of historical sciences, professor, head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; Zibert Nataliya P. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: zibert.natalya1@mail.ru.

с представителями местных партийных органов были проведены мероприятия, направленные на снижение количества евангельских церквей⁷. Итогом данной работы стало появление значительного количества нелегально функционирующих протестантских общин. Одновременно в Сибири была развернута широкая агентурная сеть искусственно внедряемых в общины осведомителей, сформированная из вербованных верующих либо сотрудников ГПУ. Так, в одном только Славгородском уезде Алтайской губернии в 1921 г. работало около 400 секретных сотрудников. При этом случаи вербовки прихожан подтверждаются многочисленными фактами саморазоблачения последних. Например, в марте 1925 г. П.А. Пестелев признался собранию баптистов в том, что являлся секретным сотрудником, передававшим сведения о деятельности общины Иркутскому ОГПУ⁸.

В рассматриваемый период публичное проявление религиозности не влекло за собой какого-либо наказания со стороны органов власти или публичного порицания. На государственном уровне не принимались законодательные акты, реализация которых могла бы напрямую ограничить функционирование религиозных общин, а в Конституции РСФСР, вышедшей в мае 1925 г., еще допускалась свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды⁹. Согласно Инструкции участковому надзирателю, утвержденной Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР 17 ноября 1923 г., участковому надзирателю (современный участковый уполномоченный полиции) предписывалось пресекать деятельность лиц, занимавшихся знахарством, гаданием и ворожбой, не допускать размещения предметов религиозного культа и совершения религиозных обрядов в государственных учреждениях и помещениях, предназначенных для общественного пользования. При этом, согласно ст. 52 данной инструкции, участковый надзиратель не должен был препятствовать совершению религиозных обрядов, если они не нарушали общественного порядка и не сопровождалась посягательством на права граждан¹⁰. Таким образом, в рассматриваемый период основным инструментом в борьбе с религией являлись многочисленные постановления идеологического характера. Предполагалось, что формирование нового быта и антирелигиозная пропаганда приведут к изменениям в сознании людей и вытеснят из их жизни религиозную составляющую. Однако такой подход к государственно-конфессиональной политике очень быстро показал свою неэффективность. По всей видимости, новое руководство страны понимало, какие важные функции выполняет религия в жизни общества. В таком случае появление в начале 1920-х гг. новой гражданской обрядности можно объяснить не только желанием большевиков наглядно показать в аллегорической форме окончание прежней жизни и начало новой, советской¹¹, но и стремлением найти систему ценностей, на которой в дальнейшем могло бы строиться общество. Религия, помимо регулятивной и компенсаторной функций, традиционно выполняла и культурную, которая особенно проявлялась у неправославного инородческого населения, вынужденного, в силу своей немногочисленности, прилагать дополнительные усилия для сохранения самобытности. Кроме того, на территории Западной Сибири существовала традиция престольных праздников¹², в основе которой лежали коммуникативные и интегрирующие функции религии. Входящие в церковный приход населенные пункты связывались в единое общество престольными праздниками, каждый из которых традиционно отмечался в том или ином поселении. Церковный приход не только объединял и регламентировал жизнь населения, но и усиливал власть традиций

Этнические меньшинства в истории России

и общинных порядков в патриархальном обществе, а престольные праздники имели принципиальное значение для формирования образа родной деревни в сознании ее жителей¹³. Таким образом, расчет на смещение ценностных ориентиров в обществе путем внедрения альтернативных обрядов и традиций оказался неверен, прежде всего, вследствие неоднозначного отношения населения к проводившимся мероприятиям, противоречившим традиционному быту. Если молодежь, поддерживаемая партийными органами и общественными организациями, восторженно относилась к проводимой антирелигиозной работе, то настроение старшего поколения колебалось от пассивного до откровенно враждебного. Сохранились многочисленные свидетельства негативного отношения жителей деревень к комсомольской антирелигиозной работе¹⁴. В результате искусственное навязывание новых гражданских праздников и обрядов привело к параллельному существованию двух систем праздничной культуры – традиционной религиозной обрядности и системы новых государственных праздников¹⁵.

Аналогичная ситуация складывалась в регионах, где доминирующее население исповедовало ислам. Местные партийные деятели указывали на необходимость разрушения сельской общины, традиционной связанной с уммой, а также на значительное влияние, оказываемое имамами на семейный уклад и повседневную жизнь населения. Примечательно также, что в 1922 г. в Юртах Иртышатских (Тюменская губерния) была разрешена постройка мечети, что, по мнению властей, свидетельствовало о желании населения исповедовать «привычное, доставшееся от предков»¹⁶.

Параллельно с идеологической велась работа по ослаблению экономической мощи церкви. Перемены во всех сферах жизни общества, постепенное формирование сети образовательных, медицинских и социальных учреждений вызывали постоянную потребность в свободных помещениях. В результате религиозные общины, лишенные имущественных и земельных прав декретами «О земле»¹⁷ и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹⁸ и при этом располагавшие зданиями, предназначенными для богослужебных целей, привлекали повышенное внимание местных органов власти не только отличающейся от советской идеологией, но и в силу материальной заинтересованности последних. Например, владевшие молитвенными зданиями неправославные общины наравне с православными приходскими обязывались сдавать материальные ценности государству в рамках кампании по изъятию церковных ценностей. При этом в зданиях синагог, мечетей и костелов Западной Сибири, как правило, хранились малоценные предметы. Так, в г. Таре Омской губернии комиссии по изъятию ценностей не удалось обнаружить никаких ценных предметов в помещениях синагоги и мечети, а из католического костела были изъяты серебряное распятие с подставкой и небольшая лампадка¹⁹. Томский костел также не располагал ценностями, поэтому в ходе проводившейся кампании была изъята только одна золотая кадильная лодочка. Помимо этого, у томской католической общины было отобрано подсобное хозяйство – «ксендзова заимка», которая располагалась за городом²⁰.

Большинство верующих Западной Сибири встретили данную кампанию негативно. Так, верующие Томского костела были вынуждены дать согласие на изъятие ценностей только под действием угроз со стороны органов государственной власти. Были зафиксированы немногочисленные волнения среди православных верующих

Ново-Николаевской, Омской и Алтайской губерний. В г. Барнауле распространялись церковные воззвания со скрытым реакционным смыслом²¹. В Алтайской губернии были зафиксированы многочисленные случаи ограбления церковных зданий партизанами из числа старообрядцев, похищавших из приходов серебряные ризы и прочие ценные предметы. Подобные настроения фиксировались и в других частях Сибири. Так, в соседних Красноярской и Иркутской губерниях некоторые православные верующие решили не сдавать ценности, а заменить их вещами, продуктами и самообложением²².

Здания, принадлежавшие религиозным общинам, вызывали у местных органов власти не меньший интерес. Значительная часть молитвенных помещений перешла на баланс местной власти в результате перепрофилирования конфессиональных школ в национальные. В рамках данной политики школами 1-й ступени стало большинство мусульманских школ Тобольского округа²³. В Барнауле после выхода постановления президиума Алтайского губисполкома от 10 ноября 1920 г. «О распущении всех молитвенных домов» здание мечети в районе элеватора было полностью отдано под мусульманскую советскую школу. При этом вплоть до 1924 г. на втором этаже этого здания мусульманская городская община продолжала исполнение религиозных обрядов.

В 1924 г. Президиумом ВЦИК была разработана инструкция, согласно которой, преподавание мусульманского вероучения было возможно только в мечетях и после согласования с губернскими властями. Вместе с тем в молитвенных учреждениях запрещалось изучение светских дисциплин²⁴. По этой причине лишилась помещения мусульманская сад-городская община г. Барнаула, в 1923 г. отдавшая здание своей мечети, располагавшейся в сад-городе (микрорайон современной нефтебазы), под школу²⁵. При этом, несмотря на старания советской власти, в национальных школах нередко сохранялась религиозная составляющая. В качестве примера можно отметить татарские национальные школы, расположенные в окрестностях Томской области, в которых преподавались основы ислама²⁶.

В целом мусульманская общественность неодобрительно отнеслась к запрету преподавания религиозного вероучения в государственных и частных общественных заведениях, усматривая в этом политику русификации мусульманского населения. Члены образованного в марте 1917 г. Центрального мусульманского социалистического комитета выступали против централизации образования и отстаивали право народов на образование с учетом национальных традиций²⁷.

Следует отметить, что еще в конце XIX – начале XX в. неправославное население Сибири негативно относилось к строительству православных храмов на своих территориях, воспринимая это как покушение на свой религиозный и традиционно-бытовой уклад²⁸. Так, старообрядческое население дер. Санниково, Бажево, Чесноковка Белоярской волости покинуло свои дома после того, как было объявлено о строительстве православного храма в дер. Санниково. В с. Ворониха Боровской волости (современный Ребрихинский район Алтайского края) представители старообрядческой общины разрушили дома переселившихся к ним крестьян православного исповедания. Даже в 1920-е гг. священник единоверческой церкви с. Екатерининского (современный Третьяковский район Алтайского края) отмечал враждебное отношение верующих своего прихода к православным. Периодически фиксировались конфликты

Этнические меньшинства в истории России

из-за строительства православных храмов на территориях традиционного проживания неправославного инородческого населения, а также в местах компактного расселения переселявшихся из Центральной России протестантских групп²⁹. В условиях немногочисленности протестантских культовых зданий национальная школа стала своего рода культурно-просветительским центром, позволявшим сохранять родной язык, своеобразный уклад жизни, национально-бытовые и национально-культурные традиции, поэтому начавшиеся трансформации образовательной системы были неодобрительно встречены немецким населением региона. В то время как украинцы, белорусы, представители народов Поволжья (мордва, башкиры, удмурты и др.), проживавшие на Алтае, обучали своих детей в русскоязычных образовательных учреждениях (до 1918 г. в том числе в церковно-приходских школах), национальные школы немцев, латышей, эстонцев, татар изначально были конфессиональными и, помимо преподавания общих предметов, готовили будущих членов религиозной общины³⁰. Таким образом, декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый большевиками, шел вразрез с менталитетом некоторых народов, проживавших на территории Западной Сибири.

В сложившихся условиях некоторым религиозным общинам все же удавалось успешно отстаивать свои интересы, ссылаясь на законы, принимавшиеся советскими властями в начале 1920-х гг. Например, к 1926 г. попечительский совет Первой соборной мечети г. Томска на основании постановления Президиума ВЦИК СССР от 9 июня 1924 г. и инструкции НКВД «О преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей» добился открытия религиозной мусульманской школы при мечети, учащиеся которой изучали текст Корана и арабский язык³¹. Кроме того, закон «Об обязательной военной службе», вышедший в январе 1925 г., позволил верующим с религиозными убеждениями, не допускающими военной службы, заменить ее альтернативной³². В то же время немецкой общине Томска не удалось сохранить свою национальную школу, являющуюся единственной в городе. Несмотря на сформировавшийся педагогический коллектив и готовность родителей учеников поддерживать школу материально 10 сентября 1924 г. губернский отдел народного образования принял решение исключить немецкий язык из учебного плана школы как необязательный предмет, а 25 сентября 1924 г. было решено разделить учебное заведение на школы первой и второй ступени, в результате чего немецкая национальная школа прекратила свое существование³³.

Передача церковных зданий под образовательные учреждения нередко преподносилась как воля трудящихся и сопровождалась соответствующей агитационной кампанией в местной прессе³⁴. В г. Барнауле местная община лютеран добровольно отказалась от использования молитвенного здания, объяснив свое решение невозможностью содержать его в силу малочисленности религиозной группы³⁵. В небольших населенных пунктах молитвенное здание могло быть переоборудовано под школу под предлогом отсутствия религиозных общин. Например, по этой причине в 1923 г. была открыта школа в бывшем молитвенном здании, расположенном в с. Усть-Кокса Ойратской автономной области³⁶.

Важные изменения в сфере государственно-конфессиональной политики начались с 1927 г., после прошедшего XV партийного съезда ВКП(б), на котором в качестве одной из ближайших задач было заявлено «полное обезбоживание страны».

К этому времени на рассматриваемой территории функционировало значительное количество религиозных групп, многие из которых по разным причинам осуществляли свою деятельность тайно. Так, например, в Томской губернии под давлением местных властей только одна община из двух, уклонявшихся от регистрации, смогла выполнить все требования и пройти необходимую процедуру, в то время как вторая продолжила свою деятельность нелегально. В Алтайской губернии тайно функционировала община иоаннитов³⁷. Кроме того, не афишировать свои религиозные убеждения предпочитали мусульмане³⁸.

Вопреки стараниям властей, в 1928 г. усиление религиозных настроений отмечалось в Канском, Новосибирском и Томском округах Сибирского края³⁹. К этому времени в Сибири осуществляли свою деятельность восемь временных и 16 постоянных благовестников⁴⁰. В качестве центров развития протестантского движения в Сибири указывались Омская, Алтайская и Семипалатинская губернии⁴¹. В отчете Сибирского бюро ЦК РКП(б), составленном в 1928 г., в качестве основных характеристик протестантских общин Сибири отмечается антисоветская направленность последних, отказ подчиняться новой власти, уклонение от налоговых выплат и военной службы⁴². При этом следует учитывать, что к концу 1920-х гг. в Сибири по-прежнему отсутствовала четкая и отработанная система контроля за религиозной жизнью населения. Например, очень обрывочны и фрагментарны данные горсовета г. Омска о численности различных религиозных общин (табл. 1)⁴³.

Таблица 1

Численность неправославных религиозных общин г. Омска в 1927–1928 гг. (по данным Исторического архива Омской области)

Наименование общины	Год		
	1926	1927	1928
Евангелическо-лютеранская община	Нет сведений	87	56
Община евангельских христиан-баптистов	Нет сведений	Распалась	
Община молокан	89	Нет сведений	Группы объединились, 211
Отделившаяся община молокан	Нет сведений	151	
Община евангельских христиан-баптистов	186	198	229
Еврейская община при новой синагоге	Нет сведений	87	80
Еврейская община при старой синагоге	Нет сведений	Нет сведений	108
Мусульманская община при Первой соборной мечети	Нет сведений	Нет сведений	205
Мусульманская община при Второй соборной мечети	297	203	251
Мусульманское Кривошеково-Игнатовское общество	Нет сведений	Нет сведений	63
Римско-католическая община	Нет сведений	63	50

Данные, представленные в табл. 1, позволяют сделать вывод об отсутствии единой тенденции увеличения или уменьшения количества членов той или иной религиозной общины в рассматриваемый период. Если в одних общинах численность верующих к 1928 г. уменьшалась, то в других она возрастала⁴⁴. Кроме того, следует отметить, что изменение количества верующих в ту или иную сторону не сопровождалось увеличением или уменьшением количества культовых зданий в Омске в 1926–1928 гг. (табл. 2)⁴⁵.

Этнические меньшинства в истории России

Таблица 2

Количество культовых зданий, функционирующих в г. Омске в 1926–1928 гг.

Количество культовых зданий	Год		
	1926	1927	1928
Синагога	2	2	2
Мечеть	2	2	2
Римско-католический костел	1	1	1
Лютеранская церковь	1	1	1
Молитвенный дом евангельских христиан-баптистов	1	1	1

Из табл. 2 видно, что, несмотря на некоторые колебания численности религиозных общин, количество культовых зданий, функционировавших в г. Омске на протяжении 1926–1928 гг., оставалось неизменным. Тем не менее уже к концу 1920-х гг. стали происходить изменения в административном аппарате, курировавшем вопросы религиозной жизни населения в СССР. Методы антирелигиозной работы постепенно пересматривались советским правительством. В начале 1929 г. при Президиуме ВЦИК была создана Постоянная комиссия по вопросам культов, отделы которой были образованы во всех регионах страны⁴⁶. Опыт прошедшего десятилетия показал необходимость совершенствования законодательной базы в сфере государственно-конфессиональной политики. В итоге в 1929 г. был подписан ряд законодательных актов, определяющих государственно-конфессиональные отношения, основным из которых стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»⁴⁷, регламентирующее создание и функционирование религиозных общин. Именно на его основе в дальнейшем строилась вся государственно-конфессиональная политика Советского государства.

В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была изменена ст. 4 Конституции, в результате чего «свобода религиозной пропаганды» оказалась под запретом⁴⁸. С этого момента верующее население страны потеряло возможность публично пропагандировать свои религиозные убеждения, а его права сводились исключительно к удовлетворению своих личных религиозных потребностей. В том же году было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР», обязавшее все тюрко-татарские народы перейти на латиницу⁴⁹. Таким образом предполагалось усилить отрыв мусульманского населения от арабской культуры и ускорить его сближение с другими народами СССР⁵⁰.

Подводя итоги, следует отметить, что на протяжении 1922–1929 гг. государственно-конфессиональная политика большевистской власти в отношении различных религий была неодинаковой. В первые годы после Гражданской войны государственные органы власти Западной Сибири сосредоточили все внимание на Русской православной церкви, в то время как прочие конфессии существовали при меньшем давлении со стороны государственных органов. На рассматриваемой территории наиболее благополучная ситуация складывалась в протестантских общинах, не располагавших значительным материальным имуществом и потому не представлявших на определенном этапе интереса для большевиков. Это, в свою очередь, приводило к стабилизации численности, а в ряде мест Западной Сибири – и к некоторому увеличению количества верующих протестантских деноминаций. Неудавшаяся попытка

уничтожить Русскую православную церковь закончилась усилением административного давления и ужесточением мер, принимаемых государством в отношении всех действующих конфессий в стране и регионе, что привело к появлению на территории Западной Сибири большого количества незарегистрированных религиозных групп, вышедших из-под контроля органов советской власти. Таким образом, со второй половины 1920-х гг. политика большевиков в отношении религии начинает приобретать репрессивный характер, и после принятия в 1929 г. ряда правительственных постановлений в сфере государственно-конфессионального законодательства религиозные общины, функционировавшие в стране, в том числе на территории Западной Сибири, стали в большой степени зависеть от органов власти Советского государства.

Примечания

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ (проект № 20-59-44004) и гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

1. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). — Известия ВЦИК. 1918. 19 июля. № 151 (прекратила действие).
2. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг.: Док-ты и м-лы / Отв. сост. А.И. Савин. Новосибирск. 2004, с. 19; НИКОЛЬСКАЯ Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. 2009, с. 63, 84.
3. Государственный архив Алтайского края (КГКУ ГААК), ф. Р. 2, оп. 4, д. 24, л. 7.
4. НИКОЛЬСКАЯ Т.К. Ук. соч., с. 64.
5. ВЕЙС А.И. Некоторые штрихи из истории евангелизации Сибири. — Сибирские нивы. 2007. № 1 (58), с. 25–28.
6. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998 гг.) / Отв. сост. Н.И. Разгон. Барнаул. 1999, с. 331.
7. Советское государство..., с. 19; ЖЕЛНОВАКОВА М.Ф. Методы борьбы советской власти с протестантизмом в 1920–1980-х гг. на примере Иркутского региона. — Вестник ИрГПУ. 2010. № 3 (43), с. 203–207.
8. ЖЕЛНОВАКОВА М.Ф. Ук. соч.
9. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утв. постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.). — Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 26 мая. № 118 (прекратила действие).
10. Инструкция участковому надзирателю. — Деятельность участковых уполномоченных милиции на Алтае (1917–1941 гг.): Сб. док-тов / С.В. Моисеев, М.О. Тяпкин. Барнаул. 2019, с. 25–30.
11. ЖИДКОВА Е.М. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной. — Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4, с. 408–429.
12. ЩЕГЛОВА Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008, с. 141–142.
13. Там же.
14. КГКУ ГААК, ф. Р. 2, оп. 6, д. 196, л. 20об; д. 186, л. 12–12об.
15. ДЕМЧИК Е.В., БОРОВЕЦ Н.К. Досуг советской семьи в 20–30-е годы XX века (на материалах Алтая). В кн.: История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: М-лы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Бийск, 21–23 июня 2018 г.). Бийск. 2018, с. 71–73.
16. ЯРКОВ А.П. О месте религии в повседневной жизни мусульман Сибири и Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. В кн.: История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии..., с. 57–60.
17. О земле. В кн.: Наследие. Вып. 1. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века). Ч. II: XX – начало XXI века. М. 2010, с. 24.
18. Об отделении церкви от государства и школы от церкви. В кн.: Наследие. Вып. 1. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века). Ч. II: XX – начало XXI века..., с. 25–26.

Этнические меньшинства в истории России

19. ПОМЫТКИНА В.А. Утраченные святыни: об изъятии церковных ценностей из церквей города Тары в 1922 году. В кн.: Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: М-лы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию восстановления советской власти в Сибири. Омск. 2019, с. 184–188.
20. ХАНЕВИЧ В.А. Сибирские ксендзы в 1920–30-х гг. (к истории католической церкви в Сибири). — Труды Томского Государственного Объединенного Историко-Архитектурного музея. Т. 9. 1996, с. 192–209.
21. КГКУ ГААК, ф. Р. 2, оп. 3, д. 37, л. 8, 14.
22. ДАШКОВСКИЙ П.К., ЗИБЕРТ Н.П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул. 2020, с. 42.
23. БАКИЕВА Г.Т. Образование у сибирских татар с 1918 по 1930 г.: задачи, проблемы, итоги (по материалам Тобольского уезда). — Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35), с. 133–141.
24. URL: <http://idmedina.ru/books/school-book/?3480>
25. КРИВОНОСОВ Я.Е. 100 лет со времени регистрации Барнаульского мусульманского общества. — Барнаульский хронограф, 2009 г. Календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул. 2008, с. 105–107.
26. ЛУКИЕВА Е.Б., ОКУШОВА Г.А. Образовательная и культурно-просветительская работа среди томской мусульманской общины в 20–30-е гг. XX в. В кн.: Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность. Томск. 2008, с. 122–143.
27. БОРЗЕНКО И.Л. Национальная школа тюркских народов Алтая. — Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2005. № 5–3, с. 174–178.
28. СТЕПАНСКАЯ Т.М. Образ храма в культурном ландшафте Алтая. Барнаул, 2015, с. 63.
29. Там же, с. 63–65.
30. БОРЗЕНКО И.Л. Становление национальной школы на Алтае в 1920-е годы: общие принципы. — Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53), с. 7–10.
31. ЛУКИЕВА Е.Б., ОКУШОВА Г.А. Ук. соч.
32. URL: http://polit.ru/article/2004/04/08/civil_service/
33. ЛУКИЕВА Е.Б. Создание культурно-образовательных центров для национальных меньшинств в Западной Сибири в 20-е годы XX века (на примере немецких центров). — Молодой ученый. 2015. № 13 (93), с. 556–559.
34. СУХАРЕВ А.А. Взаимодействие власти и общества в решении проблем Тюмени в годы НЭПа. — Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII, с. 150–161.
35. ОЖИГАНОВ А.Н. Религиозные здания Барнаула в контексте изменений государственно-конфессиональной политики в XX – начале XXI в. — Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23), с. 86–103.
36. ДАШКОВСКИЙ П.К., ШЕРШНЕВА Е.А. Этнорелигиозный аспект развития образования на Алтае в 20-е гг. XX в. — Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14), с. 81–93.
37. КГКУ ГААК, ф. Р. 2, оп. 4, д. 24, л. 5.
38. ЯРКОВ А.П. Ук. соч.
39. Сибирский край – административно-территориальная единица в РСФСР, существовавшая с 25 мая 1925 г. по 30 июля 1930 г. с административным центром в г. Новосибирске. В состав края вошли территории Алтайской, Енисейской, Ново-Николаевской, Омской, Томской и Иркутской губерний.
40. КГКУ ГААК, ф. Р. 2, оп. 4, д. 24, л. 5.
41. Там же, л. 29.
42. Там же.
43. Исторический архив Омской области, ф. Р. 437, оп. 6, д. 294, л. 56об.
44. Там же.
45. Там же, л. 56.
46. Барнаульская епархия: 20 лет возрождения / Ред.-сост. Г. Крейдун. Барнаул. 2014, с. 24–25.
47. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2: 1929–1939. М. 1959, с. 29–45.
48. Барнаульская епархия..., с. 25.
49. КОЛОКОЛЬНИКОВА З.У., ШАКИРОВ И.Ш. Национальная татарская школа в Приенисейской Сибири в 20-е годы XX века. — Успехи современного естествознания. 2014. № 12 (3), с. 268–272.
50. ДАУДОВ А.Х., МАМЫШЕВА Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 2011. № 2, с. 7–12.

«Лестница в небо»: сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

“Stairway to Heaven”: Siberian period in life of Lev Svyatopolk-Mirsky

T.G. NEDZELYUK

Аннотация. Предметом настоящего исследования стал фрагмент профессиональной биографии одного из представителей знатного рода Святополк-Мирских, католического священника Льва Святополк-Мирского (о. Евгения). На основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, анализируются социокультурные особенности многонационального и поликонфессионального сибирского сообщества. Метод контент-анализа архивных материалов позволил выявить тонкости государственно-конфессиональной политики России имперского периода.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Красноярск, красноярский католический приход, Святополк-Мирский.

Abstract. The subject of the study was a fragment of the professional biography of one of the representatives of the noble Svyatopolk-Mirsky family, the Catholic priest Lev Svyatopolk-Mirsky (Fr. Eugene). On the basis of archival sources introduced into scientific circulation for the first time, the socio-cultural features of the multinational and multi-confessional Siberian community are analyzed. The method of content analysis of archival materials made it possible to reveal the subtleties of the state-confessional policy of Russia during the imperial period.

Key words: Russian Empire, Siberia, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Catholic parish, Svyatopolk-Mirsky.

Белорусский замок Мир известен своими знаменитыми обитателями. Центральная ветвь рода Святополк-Мирских является объектом пристального внимания белорусских исследователей¹. Пожалуй, лучше всего изучены жизнь и деятельность Петра Дмитриевича Святополк-Мирского, губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского, а позже – министра внутренних дел и отца литературоведа Дмитрия Петровича Святополк-Мирского². Настоящее исследование посвящено представителю боковой ветви рода Святополк-Мирских – Леону (Льву). В отличие от своего знаменитого старшего родственника-политика, Леон избрал путь клирика.

Леон Святополк-Мирский, 1876 года рождения, в возрасте 20 лет окончил курс обучения в римско-католической семинарии Санкт-Петербурга, рукоположен с именем о. Евгений. Сразу же после получения сана священнослужителя он был назначен викарием в далекий сибирский город Тобольск, где и начал служение 2 июня 1897 г.³ На рубеже столетий Сибирь предоставляла широкие возможности карьерного роста не только для инженеров, геологов, землемеров и строителей Транссибирской магистрали, чьи услуги были востребованы и щедро оплачивались из казны, но и для лиц духовного звания, молодых выпускников семинарий. Начало

Этнические меньшинства в истории России

служения в Сибири молодые клирики называли «лестницей в небо», позволявшей быстро сделать карьеру.

Обычно после рукоположения священники пользуются исключительно новым именем, однако в метрических книгах Тобольска сделан ряд записей о крещении, заверенных подписью «Лев Святополк-Мирский»⁴. Через шесть лет, 11 июня 1903 г., священник о. Евгений (Леон, Лев) стал настоятелем в другом сибирском городе – Красноярске, а в 1909 г. уже служил на Волыни. Для заверения записей в метрических книгах он использовал любое из трех имен, в связи с чем и возникли сложности с идентификацией его личности. О том, что героя нашего повествования звали именно Львом, свидетельствуют и его собственноручные подписи в материалах дела архивного хранения в составе Российского государственного исторического архива (РГИА), и комплекс делопроизводственной документации Департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел (ДДА ИИ МВД), приобщенный к корпусу личного дела священника как «Переписка о ксендзе Лье Святополк-Мирском»⁵.

В Российском государственном историческом архиве хранится дело «О переводе в худший приход вне Волинской губернии ксендза Л. Святополк-Мирского за обвенчание православной крестьянки с католиком до совершения брака в православной церкви» (22.04.1909–17.10.1910)⁶. Следует заметить, что наказание Святополк-Мирскому, как представителю знатного дворянского рода, было назначено мягкое. Например, «за совершение католических обрядов над детьми от смешанных браков католиков с православными» ксендз В. Зенкевич (24.07.1907–15.11.1909)⁷ был привлечен к уголовной ответственности, а «за венчание православных с католичками» (23.11.1907–04.01.1910) подобным же образом был наказан М. Секлюцкий⁸. Казалось бы, оптимальным решением для инославных священников, дабы не попасть в немилость властей, был бы отказ в отправлении таинств лицам, принадлежащим иным конфессиям. Однако Российская империя являлась многонациональным и поликонфессиональным государством. В том же архиве хранится дело за 1910 г. «Об увольнении ксендза И. Мицкевича за противодействие бракам католиков с православными» (26.01.1910–08.03.1910)⁹. Таким образом, и венчание инославных с православными квалифицировалось как преступное деяние, и отказ в венчании считался противодействием. Предпочтительным, с точки зрения закона и государственной церкви, был вариант, когда оба будущих супруга в преддверии венчания принимали православие. Однако жизнь сложна и многогранна, и не всегда члены одной семьи исповедовали единую религию, а потому время от времени случались казусы, зафиксированные в текущей переписке и делопроизводственной документации Министерства внутренних дел.

Недзельюк Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: tatned@mail.ru.

Nedzelyuk Tatyana G. – doctor of historical sciences, leading researcher at the Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of department of theory and history of state and law Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: tatned@mail.ru.

Второй сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского не был продолжительным, но коренным образом повлиял на его дальнейшую карьеру. В 1910 г. он прибыл в Красноярск, а в 1913 г. последовало распоряжение архиепископа Могилевской архиепархии Иоанна Цепляка о перемещении красноярского курата-настоятеля Льва Святополк-Мирского в более удаленный город – Иркутск. Иркутский период в жизни опального священника продолжался менее года: в мае 1914 г. он был назначен настоятелем Быховского прихода в Могилевской губернии, а уже в июне – настоятелем Минского кафедрального костела и деканом Минского деканата. Причина частой смены места жительства и служения представителя династии Святополк-Мирских послужила фабулой настоящей статьи. Известно, что 2 марта 1912 г. курат (настоятель) Красноярского приходского костела о. Евгений Святополк-Мирский направил командованию 31-го Сибирского стрелкового полка уведомление в том, что «по сношению с Штабом дивизии <...> исполнение обряда пасхального говения нижними чинами римско-католического вероисповедания мною назначено на 8, 9, 10 и 11 марта сего года, ввиду чего честь имею просить управление выслать мне список нижних чинов римско-католического вероисповедания 31-го полка и освободить католиков в означенные дни ежедневно с 7 часов утра до 12 и с 3 часов пополудни до 7–8 вечера»¹⁰.

В соответствии с положениями законодательства Российской империи граждане неправославного вероисповедания имели возможность в дни религиозных праздников пользоваться правом «дня отдыха»¹¹.

Официальный запрос, да еще по указанию Штаба дивизии, направлялся впервые, о чем сам настоятель Красноярского католического прихода в письме от 14 апреля 1912 г. пишет так: «до сего времени полк в течение нескольких предыдущих лет от меня таких удостоверений не требовал»¹².

Командованием полка был представлен перечень из 242 имен «нижних чинов 31-го Сибирского стрелкового полка римско-католического вероисповедания»¹³. 13 марта подпоручик Томашевич направил рапорт на имя командира полка о том, что «7 сего марта, согласно приказа по полку за № 75 от 5 марта, я пошел исповедоваться в Красноярский р-к Католический костел. Настоятель названного костела на исповеди не разрешил мне принять Таинства Св. Причастия, мотивируя свой отказ тем, что я женат на православной»¹⁴. Резонансное дело дошло до енисейского генерал-губернатора, ДДД ИИ МВД и даже Военного министра.

Казалось бы, факт правонарушения очевиден. Об аналогичных примерах мы знаем из материалов Омского, Томского, Новониколаевского (Новосибирского) архивов¹⁵. Почему же проступок Святополк-Мирского вызвал такой резонанс?

При ближайшем рассмотрении выясняется, что в списке нижних чинов, «допущенных к говению», под № 135 значится не Томашевич, а Томашевский¹⁶. Подпоручик в своем рапорте указывает дату 7 марта и ссылается на приказ № 75 по 31-му стрелковому полку, тогда как в отношении настоятеля и полковом приказе специально выделены дни с 8 по 11 марта. Основанием для недопущения к причастию в соответствии с нормами канонического права является отсутствие факта венчания, то есть пребывание «во грехе», а не разновременный брак. Наконец, сказанное на исповеди является тайной и не подлежит разглашению, о чем все участники деликта, несомненно, знали.

В переписку оказались включены военный министр и товарищ министра внутренних дел Золотарев, исполняющий обязанности министра внутренних дел. Анализируя ситуацию, Золотарев заключает: «Чины 31 Сибирского стрелкового

Этнические меньшинства в истории России

полка обряд говения выполнили 8, 9, 10 и 11 /но не 7/ марта сего года; по словам того же ксендза, подпоручик Томашевич в полковых списках не значился, ксендзу Святополк-Мирскому совершенно неизвестен и лично к нему за причастием не обращался». На основании этих данных митрополит Ключинский, со своей стороны, заключает, что обвинение названного ксендза, по-видимому, вызвано необоснованной жалобой недоброжелательно настроенного к нему лица, что, согласно предположениям митрополита, «несомненно обнаружится после переговоров кс. Мирского с подпоручиком Томашевичем, по возвращении воинских частей из лагеря в Красноярск»¹⁷.

Суть проблемы заключалась не столько в обвинении конкретного клирика в противоправном деянии, а в указании Томашевичем на обстоятельство правонарушения: «Я женат на православной и таким католикам Епископ Римско-Католического вероисповедания не разрешает давать Св. Причастие»¹⁸. То есть изложенная в рапорте жалоба на действия конкретного священника преследует более глобальную цель – поставить под сомнение действия руководящего лица, епископа.

Когда воинские части вернулись с полевых сборов, состоялась ли встреча священника с подпоручиком? Об этом в материалах дела не упоминается. Контент-анализ рассматриваемого документального корпуса позволяет сделать вывод о преднамеренной фальсификации: истинная фамилия подпоручика – Томашевский, жалоба же составлена от имени Томашевича. В объяснительной записке Льва Святополк-Мирского от 14 апреля 1912 г. читаем: «Подпоручик 31 Сибирского стрелкового полка Франц Томашевский в текущем году обряд говения исполнял, относительно же принятия им Св. Причастия, ввиду того что Св. Причастие раздавалось и мною, и викарным костела, я за этим не следил и не мог следить»¹⁹.

Тем не менее дело имело далеко не религиозный резонанс: 20 сентября 1912 г. начальник штаба Иркутского военного округа генерал-майор Марков, согласно докладу Окружного дежурного генерала, с согласования Заведующего судной частью, направил распоряжение: «Командиру 3-го Сибирского армейского корпуса. Согласно резолюции Временно командующего войсками округа. О последующем прошу уведомить Штаб округа»²⁰.

В это же время в отношении клириков Красноярского католического прихода Льва Святополк-Мирского и Георгия Юркевича велось параллельное внутреннее расследование. На рассмотрение в ДДД ИИ МВД поступила жалоба крестьянина дер. Верхне-Подъемской Красноярского уезда Енисейской губернии Игнатия Радыни. Смысл жалобы равнозначен описанному выше казусу: недопущение к таинствам. Более того, Игнатий Радыня жалуется на обоих клириков одновременно и указывает, что он, католик, не был допущен к исповеди и причастию.

15 декабря 1912 г. из Министерства внутренних дел был отправлен официальный запрос за № 11730 на имя митрополита Ключинского, архиепископа Могилевской римско-католической архиепархии. Суть запроса такова: «Ваше Высокопреосвященство просим сообщить, был ли крестьянин католик деревни Верхне-Подъемской Игнатий Радыня не допущен к исповеди и Св. Причастию ксендзами Львом Святополк-Мирским и Георгием Юркевичем или же жалоба вызвана действием этих священников, имевшим место во время самого таинства покаяния»²¹. Из контекста обращения становится понятно, что переписка между МВД и митрополитом ведется давно: «Ваше Преосвященство признавали возможным подвергнуть названных священников взысканию только при первом из этих возможных положений дела», то есть в случае недопущения к исповеди. Фактически путем

ведомственной переписки была разработана фабула. Если экстраполировать случай с крестьянином Радыней на казус с Томашевичем, становится понятно, что в случае с подпоручиком 31-го стрелкового полка Святополк-Мирский не мог быть подвергнут наказанию. Тем не менее последствия были: 30 апреля 1913 г. «курят Красноярского костела, ксендз Лев Святополк-Мирский <...> перемещается на должность настоятеля Иркутского прихода»²².

Территориально Иркутск считается более удаленным сибирским городом, нежели Красноярск. Однако Иркутский католический приход обладал более высоким административным статусом, и потому служебное перемещение опального клирика можно было расценить двояко: с одной стороны, как наказание, с другой – повышение в должности. Егермейстер Высочайшего двора Ев. Минкин отмечает, что «независимо от сего в январе сего года митрополитом Ключинским была назначена названному ксендзу 10-дневная епитимия за отказы его в исповеди и Св. Причастии католикам, состоящим в браке с православными»²³.

Викарию Красноярского прихода Георгию Юркевичу пришлось разделить ответственность со своим бывшим настоятелем: в момент составления жалобы крестьянином Радыней Юркевич уже полгода служил в Хабаровске²⁴. Чтобы наказание Святополк-Мирскому выглядело логичным и закономерным, Юркевичу также была предписана трехдневная епитимия²⁵.

Митрополит Ключинский пытался провести собственное расследование, о результатах которого уведомил ДДД ИИ МВД: «Запрошенный мною по сказанному делу упомянутый причт ответил, совершенно основательно, что насилие в делах веры и совести никоим образом недопустимы, и что от этого страшного преступления он отказывается всеми силами своей души»²⁶. Архиепископ-митрополит Ключинский приходит к следующему выводу: «Так как в ответе Господина министра совершенно не упоминается о допущенном будто бы Красноярскими священниками понуждении крестьянина Радыни уговорами и угрозами заставить свою жену православную перейти в католицизм, то из этого я заключаю, что подобного понуждения со стороны сих священников не было, а было лишь простое недопущение к исповеди»²⁷.

Казалось бы, инцидент исчерпан, однако в дело снова вмешалось военное ведомство. 10 июля 1913 г. Временно управляющий военным министерством по Главному штабу направил министру внутренних дел Н.А. Маклакову «отношение» следующего содержания: «Вполне соглашаясь с мнением Вашего Высокопревосходительства, что наиболее соответствующей мерой в данном случае является перевод ксендза Святополк-Мирского из Красноярска <...> казалось бы наиболее желательным не оставлять ксендза Святополк-Мирского в пределах того же Иркутского военного округа, а перевести его в один из городов Сибири вне названного округа»²⁸.

Могилевский митрополит Ключинский принял неожиданное решение: он перевел опального клирика не в один из сибирских приходов, а в титульную Могилевскую губернию, назначив его настоятелем небольшого Быховского прихода²⁹. Через год последовало новое назначение: Святополк-Мирский стал настоятелем Минского кафедрального собора и деканом Минского деканата, что вызвало нарекания со стороны теперь уже Минского губернатора³⁰. Испуганный губернатор 12 июня 1914 г. направил обращение в ДДД ИИ МВД: «Покорнейше прошу Департамент духовных дел не отказать в распоряжении о недопущении осуществления назначения ксендза Святополк-Мирского на какую бы то ни было должность в Минскую губернию»³¹.

Последний документ в личном деле опального священника весьма красноречив. Товарищ министра внутренних дел Золотарев в ответ на обращение минского

Этнические меньшинства в истории России

губернатора отвечает: «Принимая во внимание, что указанное выше перемещение ксендза Святополк-Мирского состоялось на основании ст. 42.2 Уст. Ин. Исп., Министерство лишено возможности в настоящее время, за отсутствием сведений, компрометирующих деятельность этого священника на новом месте его служения, требовать удаления его из Минской губернии»³². Заключительная фраза в письме товарища министра внутренних дел Золотарева оставляла надежду минскому губернатору: «Об изложенном сообща Вашему Превосходительству, для сведения, покорнейше прося не отказать установить наблюдение за деятельностью помянутого ксендза»³³.

Сибиряками становятся по разным причинам: кто-то по факту рождения, кто-то – в поисках земли обетованной либо в русле заработной миграции, кто-то – по приговору суда. Уроженец белорусско–литовского города Мир Лев Святополк-Мирский дважды оказывался в Сибири, в том числе в 1910 г. по распоряжению Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, однако именно это «напутствие» дало начало его карьере.

Примечания

1. НОВИЦКАЯ О.В. Историко-архивные изыскания о роде князей Святополк-Мирских в аспекте научно-исследовательской работы в музее. В кн.: Культура Беларуси: реалии современности. Минск. 2019, с. 380–385.
2. КРОТ М.Н. «Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»: политика «церковно-приходского обрусения» северо-западного края и Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский. — Тетради по консерватизму. 2020. № 2, с. 318–330.
3. Государственный архив в г. Тобольске, ф. 156, оп. 30, д. 37.
4. ТИТОВА Т.Г. К истории католической церкви в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.). В кн.: Словцовские чтения. Тюмень. 1999, с. 123–125.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 826, оп. 3, д. 896.
6. Там же, ф. 821, оп. 3, д. 846.
7. Там же, д. 857.
8. Там же, д. 896, л. 28–77.
9. Там же, л. 56.
10. Там же, л. 56–57.
11. НЕДЗЕЛЮК Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири. Новосибирск. 2009, с. 78–79.
12. РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 896, л. 37.
13. Там же, л. 57.
14. Там же, л. 36.
15. Там же, оп. 128, д. 964, л. 1–2.
16. Там же, оп. 3, д. 896, л. 57.
17. Там же, л. 33–33об.
18. Там же, л. 36.
19. Там же, л. 37.
20. Там же, л. 45.
21. Там же, л. 23.
22. Там же, л. 68.
23. Там же, л. 69об.
24. Там же, л. 5.
25. Там же, л. 24об.
26. Там же, л. 24.
27. Там же, л. 24–24об.
28. Там же, л. 70–70об.
29. Там же, л. 77–77об.
30. Там же, л. 74–75.
31. Там же, л. 74об.
32. Там же, л. 80.
33. Там же, л. 81.

Деятельность уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в национальных автономиях Сибири (на примере Хакасской автономной области)

П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.С. ГОНЧАРОВА

Activity of authorized representatives of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the national autonomies of Siberia (on the example of the Khakass Autonomous Region)

P.K. DASHKOVSKIY, N.S. GONCHAROVA

Аннотация. Контроль за соблюдением законодательства о культах в Хакасской автономной области осуществляли уполномоченные Совета по делам религий по Красноярскому краю при Совете Министров СССР. Им активно содействовали должностные лица из областных органов власти и комиссий, созданных при исполкомах на общественных началах. Исследование проведено на материалах Государственного архива Красноярского края и Национального архива Республики Хакасия.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Совет по делам религий при СМ СССР, Хакасская автономная область, религиозные общины.

Abstract. Control over compliance with the legislation on cults in the Khakass Autonomous Region was carried out by representatives of the Council for Religious Affairs in the Krasnoyarsk Territory under the Council of Ministers of the USSR. They were actively assisted by officials from regional authorities and commissions created under the executive committees on a voluntary basis. The study was conducted on the materials of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory and the National Archives of the Republic of Khakassia.

Key words: state-confessional relations, Council for Religious Affairs under the CM of the USSR, Khakass Autonomous Region, religious communities.

История функционирования специального органа, осуществлявшего связь государства с религиозными общинами в СССР, берет начало от периода потепления в отношениях советского руководства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. В августе 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР, а в мае 1944 г. появился Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, призванный регулировать взаимоотношения

Этнические меньшинства в истории России

государства с религиозными организациями других конфессий¹. В конце 1950-х – середине 1960-х гг. государство через институт уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР и местные органы власти добивалось закрытия церквей и оказывало давление на их финансово-хозяйственную деятельность². По мнению Т.А. Чумаченко, первая половина 1960-х гг. в отечественной и зарубежной историографии предстает как период острой борьбы Советского государства с религией, хотя прямой репрессивной политики и не проводилось³. Новый этап относительно стабильных государственно-конфессиональных отношений в СССР начинается с приходом к власти Л.И. Брежнева. Работа Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР продемонстрировала необходимость создания объединенного органа, который контролировал бы деятельность всех религиозных организаций. В декабре 1965 г. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР и Совет по делам религиозных культов при СМ СССР были преобразованы в Совет по делам религий при СМ СССР⁴. Отметим, что на следующем, качественно ином этапе взаимоотношений государственных и партийных органов власти с религиозными общинами периода перестройки в 1986 г. был создан Совет по делам религий при СМ РСФСР. С этого времени и до его ликвидации в 1990 г. уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР дублировали информацию для этого государственного органа.

Деятельность Совета по делам религий при СМ СССР и его уполномоченных достаточно подробно описана в трудах М.И. Одинцова, Д.В. Поспеловского, М.В. Шкаровского, И.И. Масловой, Т.К. Никольской и др.⁵ Особенности работы уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в Сибири занимались А.В. Горбатов, А.И. Сосковец, Е.В. Дроботушенко, Н.С. Дворянчикова и др.⁶ При этом вопрос о том, как выстраивалась работа уполномоченных на территории национальных автономий СССР, в том числе в Хакасской автономной области, до сих пор остается малоизученным.

В настоящей статье на основе архивных документов, в том числе ранее секретных, из фонда уполномоченного Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР, фондов областного комитета Совета народных депутатов и областного комитета КПСС Хакасской автономной области рассматривается специфика работы уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР в Хакасии.

Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; Гончарова Наталья Сергеевна – лаборант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: znsngns_p@mail.ru.

Dashkovskiy Petr K. – doctor of historical sciences, professor, head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; Goncharova Natalia S. – senior lecturer, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: znsngns_p@mail.ru.

В советский период Хакасия не являлась самостоятельным субъектом и входила в состав Красноярского края. Особого внимания уполномоченных Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР требовала сложная религиозная ситуация в Хакасской автономной области. Согласно архивным документам Государственного архива Красноярского края и Национального архива Республики Хакасия, за период существования института уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР (1965–1991 гг.) эту должность в Красноярском крае занимали И.С. Савченков, В.И. Броневиц, Н.А. Лущиков и А.В. Адайкин.

И.С. Савченков занял должность уполномоченного Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР в 1965 г. В соответствии с политикой советского руководства он предлагал отказаться от административных мер, чтобы нормализовать отношения атеистов и верующих и достичь успехов в деле борьбы с религией, идя по пути взаимного доверия⁷. Основными задачами И.С. Савченкова стали контроль применения законодательства о культах, изучение религиозной идеологии, отслеживание применения законодательства о культах местными органами власти, учет религиозных общин, сбор сведений о деятельности духовенства, работа с письмами и жалобами верующих, передача информации в местные органы власти и в Совет по делам религий при СМ СССР. Одним из направлений работы И.С. Савченкова стала борьба за прекращение нелегальной деятельности религиозных общин в Красноярском крае в целом и в Хакасии в частности⁸. В этой связи уполномоченный Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР планировал командировки в гг. Черногорск (посещение общины пятидесятников) и Абакан (упорядочение деятельности сторонников Совета Церквей евангельских христиан-баптистов)⁹. В обязанности уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР входило изучение религиозной обстановки в регионе. Отчеты они отправляли не только в Совет по делам религий при СМ СССР, но и должностным лицам на местах – председателю исполкома краевого Совета народных депутатов или его заместителю и заместителю председателя исполкома областного Совета народных депутатов¹⁰.

В деятельности первых уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР неизбежно допускались ошибки. И.С. Савченков не справлялся со сложной ситуацией в общине пятидесятников г. Черногорска. В связи с этим заведующий юридическим отделом Совета Г.Р. Гольст проводил проверку деятельности Красноярского уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР, в ходе которой выяснилось, что И.С. Савченков знал о том, что существует много незарегистрированных общин, но подошел к составлению отчетов за 1966–1967 гг. формально. Кроме того, были выявлены нарушения в ответах И.С. Савченкова на заявления и жалобы верующих¹¹. Безответственное отношение к жалобам верующих со стороны уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР отмечалось и в других регионах Сибири, например в Алтайском крае¹². В Читинской области особенностями работы уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР были слабая отчетность и формальный подход к своим обязанностям на протяжении всего периода существования данного органа власти¹³. Отметим при этом,

Этнические меньшинства в истории России

что в Красноярском крае остальные уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР подходили к работе более профессионально. Вероятно, дело в том, что уже в 1970-е гг. уполномоченными Совета по делам религий при СМ СССР становились не только бывшие сотрудники спецслужб, но и специалисты, которые хорошо разбирались в вопросах, связанных с религией¹⁴.

Следующий уполномоченный Совета по Красноярскому краю при СМ СССР, В.И. Броневиц, приступил к работе в 1974 г. Он уделял особое внимание деятельности комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о культах при городских и районных исполкомах. Так, в 1979 г. он раскритиковал работу комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах Боградского района и давал рекомендации по упорядочиванию деятельности общины евангельских христиан-баптистов в с. Знаменка¹⁵. В.И. Броневиц отмечал, что в деятельности комиссий содействия нет специализации и систематизации и в целом в работе по контролю за соблюдением законодательства о культах принижена роль исполкомов¹⁶. Кроме того, одним из направлений работы уполномоченных в Хакасии стала борьба с так называемым религиозным экстремизмом¹⁷. В июне 1980 г. в ходе командировки В.И. Броневиц посетил молитвенные собрания пятидесятников г. Черногорска и сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов в г. Абакане. Кроме того, он встречался с секретарями комиссий содействия по соблюдению законодательства о культах, был на приеме у первого секретаря Хакасского обкома КПСС А.И. Крылова, беседовал с лидерами православных объединений, общин евангельских христиан-баптистов, лидерами движения Совета церквей евангельских христиан-баптистов и групп свидетелей Иеговы¹⁸. По результатам проверки уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР Е.Ф. Филатовой перед председателями городских и районных Советов народных депутатов были поставлены задачи по устранению недостатков в работе по контролю за соблюдением законодательства о культах¹⁹.

Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР Н.А. Лущиков приступил к работе в Красноярском крае в 1984 г. Основное его внимание на территории Хакасской автономной области было направлено на ликвидацию эмиграционных настроений пятидесятников г. Черногорска. Уполномоченный выступал перед верующими с разъяснением законодательства о культах. Кроме того, указывая на факт роста эмиграционных настроений и в других регионах страны, он обращался за помощью в Совет по делам религий при СМ СССР в целях получения рекомендаций по работе с этой категорией верующих и информации о новых условиях эмиграции из страны²⁰. Примечательно, что при Н.А. Лушкове в 1988 г. была официально зарегистрирована еще одна (третья в Хакасии) община РПЦ в г. Черногорске²¹. При этом многое в деятельности уполномоченных зависело от политики государства²². В данном случае, вероятно, сыграла свою роль поддержка властью празднования 1 000-летия христианства на Руси и лояльное отношение к РПЦ по стране в целом.

В мае 1989 г. по рекомендации действующего уполномоченного Н.А. Лущикова в Совет по делам религий при СМ СССР на предварительную беседу

был направлен А.В. Адайкин²³. С июня того же года он стал следующим уполномоченным Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР. В отчете Совету по делам религий при СМ СССР среди направлений работы он выделил посещение богослужений в общинах Русской православной церкви, евангельских христиан-баптистов, мусульман и пятидесятников, а также командировки в гг. Абакан и Черногорск²⁴. В своей работе он столкнулся с различными трудностями, которые во многом были связаны с предстоящим изменением законодательства о религиозных культах. Так, общины евангельских христиан-баптистов отказались от регистрации священников. Община Совета церквей евангельских христиан-баптистов Абакана провела богослужение на улице при большом количестве участников. Важно отметить, что уполномоченный Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР гибко подходил к упорядочиванию таких ситуаций, просил разъяснения в Совете по делам религий при СМ СССР, призывал членов административной комиссии отказаться от штрафов в отношении верующих²⁵.

Лояльность к верующим А.В. Адайкина проявилась и в вопросе регистрации в Хакасии первой общины харизматического типа «Церковь прославления». Представители горисполкома и облисполкома находили различные причины, ссылаясь на ряд правонарушений со стороны верующих, чтобы не допустить регистрации общины. При этом уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР А.В. Адайкин и инструктор облисполкома С.Н. Шикунев настаивали на регистрации, поясняя, что верующие не нарушают законодательство о религиозных культах, поэтому препятствий к регистрации нет. А.В. Адайкин подчеркнул, что руководство «Церкви прославления» уже обращалось к председателю Совета по делам религий при СМ СССР Ю.Н. Христораднову по поводу бездействия на местах в этой ситуации. В случае повторной жалобы Совет по делам религий при СМ СССР должен был направить для решения вопроса специальную комиссию, которая не учитывала бы мнение местных властей²⁶. Благодаря аргументации А.В. Адайкина, документы на регистрацию «Церкви прославления» были отправлены, и община в 1990 г. была зарегистрирована. Данный пример демонстрирует, что уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР, как представители этого государственного органа, являлись посредниками между государством и религиозными общинами и осуществляли правовое регулирование религиозной жизни в регионах²⁷. Совет по делам религий при СМ СССР и его уполномоченные, несмотря на особенности советской системы государственно-конфессиональных отношений, играли важную роль в защите прав верующих. Благодаря информации от Совета по делам религий при СМ СССР, органы власти постепенно пересматривали государственно-конфессиональные отношения, которые претерпели значительные изменения во второй половине 1980-х гг.²⁸ По мнению А.В. Горбатова, уполномоченный Совета по делам религий являлся центральной фигурой в процессе взаимодействия органов власти и общин верующих. При этом отношение к религии отличалось в разные периоды и зависело от политики власти²⁹. Кроме того, уполномоченные Совета по делам религий Красноярского края при СМ СССР часто

Этнические меньшинства в истории России

оказывали содействие верующим. Так, Н.А. Лушиков выразил согласие на приобретение жилого дома для приходского священника в собственность церкви³⁰, а А.В. Адайкин просил об установке телефона в молитвенном доме евангельских христиан-баптистов г. Абакана³¹.

Еще с 1979 г. уполномоченные Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР стали ходатайствовать перед своим руководством о введении отдельной должности уполномоченного по делам религий по Хакасской автономной области при СМ СССР. Эта инициатива первоначально исходила от заместителя председателя Хакасского облисполкома Е.Ф. Филатовой и была поддержана уполномоченным В.И. Броневичем. В сопроводительном письме уполномоченный Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР просил учитывать высокие темпы роста области по многим показателям и возросшие требования по работе с религиозными объединениями³². Важно отметить, что фактически Е.Ф. Филатова исполняла роль областного уполномоченного, аккумулируя всю информацию о религиозной ситуации в Хакасии. Так, она сообщала В.И. Броневичу о расколе среди пятидесятников г. Черногорска³³, отвечала за информацию о положении и деятельности религиозных общин в Хакасии и иногда предоставляла важные сведения уполномоченным других регионов, например Новосибирской области³⁴.

Однако важно подчеркнуть, что руководство Совета по делам религий при СМ СССР не реагировало на просьбу о введении в штат еще одного уполномоченного. При этом рост количества религиозных объединений в городах и районах области и напряженная обстановка из-за эмиграционных настроений пятидесятников г. Черногорска, деятельности сторонников Совета церковью евангельских христиан-баптистов и свидетелей Иеговы объективно требовали участия еще одного компетентного сотрудника. В этой связи часть задач, касавшихся изучения религиозной обстановки, выполняли инструкторы облисполкома. Так, в 1979 г. инструктор облисполкома В.В. Григорьев подготовил справку о работе комиссии содействия контролю законодательства о религиозных культах при Абаканском исполкоме городского Совета народных депутатов³⁵. В 1980 г. им же был составлен список религиозных объединений Хакасской автономной области³⁶. В 1988 г. уже другой инструктор облисполкома, Н.С. Волков, также отправлял сведения о наличии религиозных объединений в Хакасской автономной области и количестве верующих в них по состоянию на 1 января 1988 г.³⁷ Эти сведения впоследствии отправлялись уполномоченному Совету по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР для сведения в один отчет. Кроме того, в случае жалоб со стороны верующих уполномоченный Совет по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР в ряде случаев делегировал решение проблемы инструктору. Например, Н.А. Лушиков, получив жалобу верующей из общины русской православной церкви г. Абазы, попросил разобраться в ней Н.С. Волкова³⁸.

Статус таких инструкторов был особенно значимым для представителей религиозных организаций. Об этом свидетельствует не только факт обращения к ним верующих с различными просьбами, но и само восприятие должности инструктора как уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР. Так, в ряде

архивных документов, адресованных инструктору облисполкома Н.С. Волкову, последний именуется «уполномоченным по делам религий» или «уполномоченным по религиозным культам»³⁹. Таким же образом при отправке отчетов о деятельности религиозных объединений и состоянии контроля за соблюдением законодательства о культах к Н.С. Волкову обращались некоторые исполкомы, например Саяногорский⁴⁰. Председатель комиссии по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах г. Саяногорска, сообщая информацию о группе адвентистов седьмого дня пос. Майна, также обращалась к инструктору как к «уполномоченному по религиозным культам»⁴¹.

В августе 1989 г. уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР А.В. Адайкин снова просил о введении отдельной должности уполномоченного именно по Хакасской автономной области. Он рекомендовал назначить Н.С. Волкова. А.В. Адайкин положительно характеризовал его, подчеркивая, что именно Н.С. Волков курирует государственно-конфессиональные отношения в области, проводит работу по упорядочиванию религиозной сети и взаимодействует с конкретными общинами. Кроме того, им была систематизирована работа с документацией⁴². В последующей просьбе А.В. Адайкин справедливо отмечал, что введение в штат должности уполномоченного по Хакасской автономной области продиктовано значительным ростом количества религиозных организаций и высокой активизацией их деятельности. При этом рост объема работы, за которую фактически уже отвечал инструктор организационно-инструкторского отдела, и новые обязанности в связи с предстоящими изменениями структуры исполкома отрицательно сказывались на работе с верующими⁴³.

При этом, согласно доступным архивным данным, уполномоченный Совета по делам религий по Хакасской автономной области при СМ СССР так и не был назначен. По официальным отчетным документам, контроль религиозной ситуации в Хакасии продолжал находиться в ведении уполномоченного Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР. Кроме того, в документах, где перечислены все уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР, например в приказе о разрешении отпусков, должность уполномоченного по Хакасии отсутствует⁴⁴.

В 1990–1991 гг. уполномоченный Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР А.В. Адайкин при информировании первого заместителя председателя крайисполкома Д.К. Абакумова по поводу строительства культовых сооружений указал в списке храм Русской православной церкви в г. Черногорске⁴⁵. В 1991 г., уже в должности заместителя заведующего отделом развития социальной сферы, А.В. Адайкин направлял председателю крайсовета В.А. Новикову статистические данные о сети религиозных объединений в Красноярском крае за 1986–1991 гг., в том числе было указано количество общин каждой конфессии, которые отошли к Хакасской ССР⁴⁶. Таким образом, даже после выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края в декабре 1990 г. А.В. Адайкин продолжал, насколько это было возможно, решать вопросы, связанные с религиозными общинами Хакасии.

Этнические меньшинства в истории России

Собирая информацию о религиозной ситуации в Хакасии, уполномоченные Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР часто обращались к областным, городским и районным органам власти. Так, Н.А. Лущикова направляла рекомендации по составлению годового отчета за 1986 г., а также бланки для внесения статистических данных для исполкомов и горкомов⁴⁷. Примечательно, что секретари городских и районных исполкомов в основном ответственно относились к официальным запросам по религиозной ситуации от уполномоченного Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР и своевременно предоставляли запрошенные сведения. Например, А.Г. Урванцева, секретарь комиссии при Богородском райисполкоме, сообщала о ходе работ в письме от 12 июня 1985 г. Н.А. Лущикову, а копию направила инструктору облисполкома В.В. Григорьеву⁴⁸. В 1985 г. исполком Черногорского горсовета направил Н.А. Лущикову и Е.Ф. Филатовой информацию о контроле за соблюдением законодательства о культах, сведения о движении членов религиозных общин евангельских христиан-баптистов и христиан веры евангельской, о поступлении и расходовании денежных средств в общинах, а также план работы комиссии содействия соблюдению законодательства о культах на 1986 г.⁴⁹ В других регионах ситуация не всегда складывалась подобным образом. Например, в Иркутской области руководители райисполкомов отказывались взаимодействовать с уполномоченным Советом по делам религий при СМ СССР и выполнять его просьбы⁵⁰. Следует отметить, что подобные трудности возникали и у красноярского уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР. В мае 1990 г. А.В. Адайкин отмечал, что исполком Хакасского областного Совета народных депутатов не предоставил отчет по вопросам деятельности протестантских церквей в крае, за исключением некоторых районов⁵¹.

После публикации проекта закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» уполномоченный Совет по делам религий при СМ СССР А.В. Адайкин подчеркивал, что верующие в целом одобряют законопроект и работу уполномоченных, а также понимают необходимость Совета по делам религий при СМ СССР⁵². В 1990 г. в интервью газете «Вечерний Красноярск» А.В. Адайкин изложил свою позицию относительно преобразований в области государственно-конфессиональных отношений. В частности, по его мнению, церкви необходимо было предоставить права юридического лица⁵³. В своем отчете Совету по делам религий при СМ СССР он высказывал просьбу об оказании методической помощи его юридическому отделу, особенно в области международного права по вопросам государственно-церковных отношений. А.В. Адайкин прямо заявил Совету по делам религий при СМ СССР, что беседы с верующими были бы более результативными, если бы советское законодательство о культах было приведено в соответствие со Всеобщей декларацией прав человека, итоговым документом Венских соглашений, и принят закон «О свободе совести и религиозных объединениях»⁵⁴.

При этом процесс децентрализации Советского Союза сказывался и на деятельности Совета по делам религий при СМ СССР. Союзный Совет имел все меньше влияния как в регионах, так и по стране в целом. В связи с упразднением министерств и других органов управления СССР Совет по делам религий при СМ СССР был ликвидирован. В июле 1991 г. должность уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР перестала существовать в связи с его ликвидацией⁵⁵.

Таким образом, уполномоченные Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР получали сведения о религиозной обстановке в Хакасии через довольно разветвленный аппарат, включавший как различных должностных лиц, так и граждан, работавших на общественных началах. Чаще всего уполномоченные Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР посещали Хакасию в случае возникновения острых конфликтов между местными властями и верующими или при серьезных волнениях в религиозных общинах, в частности при всплесках эмиграционных настроений. Контроль религиозной ситуации в области во многом оставался в ведении заместителя председателя облисполкома и инструкторов оргинспекторского отдела В.В. Григорьева, С.Н. Волкова и С.Н. Шикунова, которые фактически выполняли большую часть функций уполномоченного Совета по делам религий по Красноярскому краю при СМ СССР. При этом уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР, несмотря на сложную религиозную ситуацию в Хакасской автономной области, оставались лояльными к религиозным общинам, в отличие от местных органов власти, выступали против административных мер в отношении верующих, содействовали регистрации общин. Такой подход в целом отражал политику Советского государства в 1965–1991 г. в отношении религии, направленную на более конструктивное взаимодействие с верующими.

Примечания

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ (проект № 21-011-44027) и гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

1. СОСКОВЕЦ А.И. Советы по делам религий как проводники государственной политики в отношении церкви. — Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6, с. 162.
2. ЦЫРЕМПИЛОВА И.С., ЗЛЫГОСТЕВА Ю.Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940–1980-х гг. — Власть. 2010. № 10, с. 49.
3. ЧУМАЧЕНКО Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы. — Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 30, с. 74.
4. СОСКОВЕЦ А.И. Ук. соч., с. 167.
5. ОДИНЦОВ М.И. Государство и церковь в России. XX век. М. 1994; ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. 1995; ШКАРОВСКИЙ М.В. РПЦ в 20 в. М. 2010; МАСЛОВА И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР: к вопросу о взаимоотношениях государства и Русской православной церкви (1965–1991). В кн.: Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М. 2011, с. 78–104; НИКОЛЬСКАЯ Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. 2009.
6. ГОРБАТОВ А.В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969). В кн.: Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты ..., с. 35–47. СОСКОВЕЦ А.И. Ук. соч., с. 162–167. ДРОБОТУШЕНКО Е.В. К вопросу о работе уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР в Читинской области во второй половине 60-х – 80-е гг. XX в. — Вестник Бурятского гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 3, с. 38–44. ДАШКОВСКИЙ П.К., ДВОРЯНЧИКОВА Н.С. Деятельность уполномоченных по делам религий при Совете Министров СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на примере Алтайского края). — Народы и религии Евразии. 2017. № 12 (3–4), с. 99–110.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. Р-2384, оп. 1, д. 651, л. 3–4.
8. Там же, д. 185, л. 3.

Этнические меньшинства в истории России

9. Там же, д. 43, л. 7–8.
10. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-39, оп. 1, д. 1914, л. 13.
11. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 205, л. 1–3, 9.
12. ДАШКОВСКИЙ П.К., ДВОРЯНЧИКОВА Н.С. Ук. соч., с. 99–110.
13. ДРОБОТУШЕНКО Е.В. Ук. соч., с. 40.
14. ГЕРАСЬКИН Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. — Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4, с. 45–51.
15. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-39, оп. 1, д. 1914, л. 1.
16. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 53, л. 78.
17. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-39, оп. 1, д. 1914, л. 16.
18. Там же, л. 61–62.
19. Там же, л. 70.
20. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 588, л. 19, 22.
21. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-2384, оп. 1, д. 595, л. 2.
22. МОЛОДОВ О.Б. Роль уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политики на русском севере (1960–1980-е гг.). — Вестник Пермского гос. ун-та. Сер.: История. 2015, с. 246.
23. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 64, л. 51.
24. Там же, д. 63, л. 1.
25. Там же, л. 24, 40–41.
26. Там же, д. 744, л. 22–25.
27. ГЕРАСЬКИН Ю.В. Ук. соч., с. 51.
28. МАСЛОВА И.И. Исторические уроки государственно-конфессиональной политики в России: анализ деятельности Совета по делам религий (1965–1985 гг.). — Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23, с. 517.
29. ГОРБАТОВ А.В. Ук. соч., с. 35.
30. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 705, л. 50.
31. Там же, д. 64, л. 14.
32. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-39, оп. 1, д. 1914, л. 15.
33. Там же, л. 101.
34. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 53, л. 112.
35. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. 2, оп. 13, д. 32, л. 79.
36. Там же, ф. Р-39, оп. 1, д. 1914, л. 23.
37. Там же, д. 2530, л. 7.
38. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 537, л. 3.
39. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-39, оп. 1, д. 2437, л. 11, 99.
40. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 56, л. 1.
41. Там же, д. 504, л. 12.
42. Там же, д. 64, л. 38.
43. Там же, д. 707, л. 3.
44. Там же, д. 536, л. 41–42.
45. Там же, д. 705, л. 13.
46. Там же.
47. Там же, д. 464, л. 45.
48. ГКУ РХ «Национальный архив», ф. Р-39, оп. 1, д. 2372, л. 4.
49. Там же, л. 51.
50. ГОРБАТОВ А.В. Ук. соч., с. 39.
51. ГАКК, ф. Р-2384, оп. 1, д. 700, л. 1.
52. Там же, д. 704, л. 35–36.
53. Там же, д. 706, л. 5.
54. Там же, д. 614, л. 2–3.
55. МАСЛОВА И.И. Ук. соч., с. 102–103.

Влияние новой государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Западной Сибири в 1985–1991 гг.

П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.С. ДВОРЯНЧИКОВА

The influence of the new state-confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Western Siberia in 1985–1991

P.K. DASHKOVSKIY, N.S. DVORYANCHIKOVA

Аннотация. Статья посвящена исследованию положения религиозных общин на территории Западной Сибири в период перестройки. На основе архивных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, и нормативно-правовых документов рассматриваются главные направления деятельности региональных органов власти в 1985–1991 гг. в системе государственно-конфессиональной политики СССР. Анализируются основные тенденции в налаживании государственно-конфессиональных отношений в Западной Сибири с учетом изменения социально-политической обстановки в последние годы существования СССР.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, советский период, религиозные общины, Западная Сибирь, СССР.

Abstract. The article is devoted to the study of the situation of religious communities in Western Siberia during the period of perestroika. On the basis of archival materials, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, and normative legal documents, the main directions of activity of regional authorities in 1985–1991 in the system of state and confessional policy of the USSR are considered. The main trends in the establishment of state-confessional relations in Western Siberia are analyzed, taking into account the changes in the socio-political situation in the last years of the USSR.

Key words: state-confessional policy, Soviet period, religious communities, Western Siberia, USSR.

До середины 1980-х гг. отношения между государством и религиозными объединениями строились на нормах советского законодательства о культах 1929 г. и Конституции 1977 г. Проблемы, связанные с обеспечением гарантий свободы совести, со всей очевидностью проявились в процессе трансформации социально-экономических и политических отношений в Советском Союзе. С 1985 г., когда было провозглашено создание демократического государства, стало ясно, что правовое обеспечение свободы совести должно опираться не только на «Декрет о свободе

Этнические меньшинства в истории России

совести и религиозных организациях», но и на мировой опыт в этой области, в том числе на такие документы, как «Всеобщая декларация прав человека» и «Итоговый документ венской встречи представителей государств – участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»¹. Курс перестройки, объявленный М.С. Горбачевым на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г., предполагал в том числе и демократизацию религиозной ситуации в стране. Однако на тот момент ни М.С. Горбачев, ни его ближайшее окружение не имели стратегии реформирования прежней вероисповедной политики государства². Одним из первых признаков обновления государственно-конфессиональных отношений стало, например, такое явление, как совместные молитвы религиозных деятелей СССР и США об успехе советско-американской встречи в верхах в Женеве (1985 г.)³

В настоящей статье рассматривается правовое и социально-экономическое положение общин Западной Сибири в контексте изменения и новых тенденций государственно-конфессиональной политики СССР в 1985–1991 гг. Исследование базируется на анализе нормативно-правых документов и архивных материалов, в том числе хранящихся в Государственном архиве Алтайского края (г. Барнаул), Государственном архиве Новосибирской области (г. Новосибирск). Кроме того, в работе использовались опубликованные источники и исследования по другим регионам Западной Сибири – Омской, Томской и Кемеровской областям.

В 1986 г. начался пересмотр политики советского руководства по отношению к Русской православной церкви и другим религиозным общинам. В стремлении к духовному возрождению общества многие возлагали надежду на православную церковь. Грандиозная чернобыльская катастрофа усилила апокалиптические и религиозные настроения в обществе, а дискредитация советского периода истории России вызывала ностальгическое отношение к дореволюционному времени и обостряла интерес к православной церкви, в которой всегда виделся островок старой России, уцелевший в коммунистическом водовороте. В 1987 г. официальная идеология, в том числе в атеистической своей части, вела уже арьергардные бои, стремительно отступая⁴.

С 1987 г. можно проследить постепенное смягчение позиции Совета по делам религий при СМ СССР. Председатель Совета по делам религий при СМ СССР К. Харчев, назначенный на эту должность буквально накануне начала перестройки, стремился переломить сложившуюся ситуацию. В феврале 1987 г. он направил

Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; Дворянчикова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru.

Dashkovskiy Petr K. – doctor of historical sciences, professor, head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; Dvoryanchikova Natalia S. – senior lecturer, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru.

в ЦК КПСС аналитическую записку «О некоторых вопросах реализации политики партии в отношении религии и церкви на современном этапе», в которой обращал внимание на необходимость отказаться от политики «войны с религией», учитывать настроения и пожелания верующих, демократизировать законодательство о культах⁵. Руководству страны предлагалось «наряду с всемерным усилением атеистического воспитания не обострять отношений с церковью» и с этой целью пересмотреть законодательство о культах, то есть признать за религиозными объединениями право юридического лица и ведения религиозной пропаганды, за родителями – право на воспитание детей в религиозном духе, а за верующими – право на совершение религиозных обрядов на дому и в больнице. С сентября 1987 г., впервые после середины 1950-х гг., начало заметно расти количество православных приходов. Аппарат Совета по делам религий при СМ СССР в регионах получил указание принять меры по устранению нарушений при рассмотрении заявлений верующих граждан о регистрации религиозных объединений, которые необоснованно отклонялись местными органами власти⁶. В результате в 1988 г. было открыто уже около 1 тыс. православных храмов⁷.

Важнейшей вехой в изменении государственно-конфессиональных отношений стало празднование 1 000-летия крещения Руси, превратившееся в событие общенародного характера. В 1988 г. власти охотно регистрировали религиозные организации. В результате в основном на легальное положение перешли те общины, которые были закрыты в административном порядке в 1930–1960 гг., зачастую без законных на то оснований. Объяснение резкого роста численности зарегистрированных в 1988 г. религиозных объединений коренится в политической повестке дня. 29 апреля 1988 г., накануне празднования 1 000-летия крещения Руси, генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев встретился с Патриархом Московским и всея Руси Пименом (Извековым) и членами Священного Синода. На встрече стороны пришли к общему заключению – праздновать юбилей не только как знаменательную церковную дату, но и как важное общественно-государственное событие⁸. М.С. Горбачев во время встречи указал на роль христианизации Руси для истории и культуры государства: «Наша встреча проходит в преддверии 1 000-летия введения христианства на Руси, которое получило не только религиозное, но и общественно-политическое звучание»⁹. На официальное приглашение патриарха присутствовать на торжествах М.С. Горбачев ответил согласием, заявив, что крещение Руси – «это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности». Кроме того, генеральный секретарь пообещал провести отмену всех дискриминационных по отношению к духовенству и верующим актов и законов. Патриарху также удалось получить согласие на открытие новых церквей, монастырей и духовных учебных заведений и на увеличение тиражей церковных изданий.

Еще до официального начала юбилейных торжеств Русской православной церкви были возвращены Введенская Оптина пустынь и Толгский монастырь. Некогда отобранные у церкви святыни стали возвращаться в храмы и монастыри, начался процесс передачи находившихся в музейных собраниях страны мощей святых. В числе первых

Этнические меньшинства в истории России

из возвращенных мощей святых были останки святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского, святителя Питирима Тамбовского¹⁰.

Юбилейный 1988 г. вошел в историю как год радикальных изменений во взаимоотношениях церкви и государства, церкви и общества. Однако изменения эти не носили пока юридического характера, а правовой статус Русской православной церкви в целом оставался прежним. Кроме того, продолжало действовать постановление ВЦИК 1929 г., лишавшее церковь и другие религиозные общины возможности относительно нормального существования.

С началом либерализации религиозной политики Совет по делам религий СМ СССР предпринял ряд шагов по реализации конституционных положений о свободе совести. В апреле 1988 г. Совет по делам религий внес в Совет Министров СССР законопроект «О свободе совести и религиозных организациях в СССР». Однако его рассмотрение Верховным Советом затянулось и началось только в 1990 г. Разработку нового республиканского закона, регулирующего статус религиозных объединений, осуществлял Комитет по вопросам свободы совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности Верховного Совета РСФСР¹¹.

Подготавливаемый закон СССР «О свободе совести» был призван ликвидировать существовавшую в Советском государстве дискриминацию верующих граждан и конфессий. В его разработке и обсуждении приняли участие представители различных вероучений. Так, на заседании Архиерейского собора РПЦ, проходившем 9–11 октября 1989 г., была высказана точка зрения о необходимости внесения в содержание закона следующих положений: юридическое признание церкви как единой религиозной организации и уравнивание ее в правах с другими общественными организациями; предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды; предоставление возможности осуществлять дела милосердия и благотворительности; свободное издание и распространение религиозной литературы; доступ церкви к СМИ и др.¹²

Ситуация, сложившаяся в начале 1990-х гг, отражала стремление общества к коренной реформе во взаимоотношениях государства и конфессий, к обеспечению подлинной свободы вероисповеданий. Результатом стало принятие 25 октября 1990 г. закона СССР «О свободе вероисповеданий»¹³. В этом законе религиозные объединения получили статус юридического лица. Кроме того, снимались ограничения на культовую деятельность, упрощалась процедура их регистрации, ликвидировались запреты на социальную, производственно-хозяйственную и иную некультовую деятельность, распространялись нормы трудового законодательства, социального обеспечения и социального страхования на граждан, работающих в религиозных организациях, включая служителей культа¹⁴. В этот период происходит процесс перехода регистрации уставов религиозных объединений в ведение Министерства юстиции и его органов на местах¹⁵.

Стоит отметить, что принятый закон «О свободе вероисповеданий» имел ряд спорных моментов. Во-первых, в нем отсутствовало признание религиозных организаций (конфессий) в качестве социальных институтов, субъектов

публично-правовых отношений. Введение же термина «религиозное объединение», под которым понимались как объединения граждан в количестве от 10 чел., так и многомиллионные религиозные организации (церкви, конфессии), по логике законодателя, во всем равные, по существу означало, что разработчики закона в концептуальном подходе к решению религиозного вопроса остались на уровне 1930-х гг.¹⁶ Не были разграничены в правах и обязанностях субъекты, которые подпадали под действие закона (граждане, местные (территориальные) религиозные общества, религиозные организации (центры) как социальные институты, иностранные религиозные организации).

Во-вторых, стоит отметить, что закон, содержащий определение «религиозных объединений», охватывал любые виды и формы образуемых совершеннолетними лицами организационных структур, в названии которых декларировалась причастность к религии. Однако в этот список могли попасть различные предприятия, учреждения, организации, общественные образования, которые не имели никакого отношения к религиозным объединениям. Зарегистрировавшись в качестве «религиозной организации», они получали преимущества и льготы наравне с настоящими религиозными объединениями, создаваемыми верующими для совместного исповедания веры. В законе отсутствовала четко прописанная правовая грань между теми религиозными объединениями, которые пользовались правоспособностью юридического лица, и теми, которые ею не пользовались¹⁷.

На 1 января 1985 г. на территории СССР действовало 12 438 зарегистрированных организаций, а 2 764 существовали, по официальным данным, на нелегальной основе. Согласно официальным статистическим таблицам Совета по делам религий при СМ СССР, не регистрировались следующие религиозные объединения: сторонники Совета церквей, адвентисты-реформисты, иеговисты, истинно-православная церковь и истинно-православные христиане (странствующие) и др. Незарегистрированные объединения действовали на всем протяжении советской эпохи, несмотря на принимаемые в отношении них запретительные меры. К 1985 г. другие виды религиозных объединений (монастыри, управленческие духовные центры, духовные учебные заведения и т.д.) не имели закрепленного юридического статуса.

Примечательны данные о регистрации религиозных организаций в 1985–1987 гг. Ситуация с православными общинами в СССР была следующей: в 1984 г. было зарегистрировано всего две православные церкви, в 1985 г. – три, в 1986 г. – 10, в 1987 г. – 16. Таким образом, можно проследить увеличение численности зарегистрированных православных церквей накануне празднования 1 000-летия крещения Руси¹⁸. Под влиянием благоприятных обстоятельств в СССР только в 1988 г. было зарегистрировано 1 610 религиозных объединений (в 1987 г. – 104), из них общин Русской православной церкви – 1 244 (к началу 1990 г. зарегистрированных общин РПЦ было уже 10 130, для сравнения: к началу 1988 г. – 6 915). Новых общин РПЦ в 1988 г. было зарегистрировано 809, в 1989 г. – 2 564¹⁹.

Наметившиеся с середины 1980-х гг. изменения в государственно-конфессиональной политике СССР неизбежно отразились на положении дел в регионах, в том числе в Западной Сибири. Например, в 1988 г. в Алтайском крае действовали

Этнические меньшинства в истории России

88 религиозных общин, однако лишь 40 из них были зарегистрированы, а остальные 48 действовали нелегально (табл. 1) ²⁰.

Таблица 1

Количество религиозных общин, действовавших на территории Алтайского края на 1988 г.

Наименование	Количество
Русская православная церковь	10
Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов	13
Совет церквей евангельских христиан-баптистов	26
Братские и церковные меннониты	6
Христиане веры евангельской	4
Адвентисты седьмого дня	3
Лютеране	16
Римско-католическая церковь	2
Старообрядческая церковь	4
Истинно-православные христиане	3
Свидетели Иеговы	1
Всего:	88

В начале 1990 г. в Алтайском крае действовали 42 зарегистрированных религиозных объединения: 11 православных общин (располагались в гг. Барнаул, Бийск, Рубцовск, Алейск, Камень, Славгород, Тальменка, Горно-Алтайск, Новоалтайск, Белокураиха, с. Коробейниково Усть-Пристанского района), две римско-католических церкви, 10 лютеранских общин, две общины старообрядцев, 11 общин Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), три общины адвентистов, три общины меннонитов. Кроме того, явочным порядком без регистрации действовали 52 религиозных объединения (в основном протестантской направленности). Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Алтайскому краю отмечал, что в 1988–1990 гг. произошло резкое увеличение церковной обрядности. Обряд крещения в 1989 г. приняли 26 473 чел. (вдвое больше, чем в 1988 г., и в четыре раза больше по сравнению с 1986 г.). Среди крестившихся увеличивался процент школьников и совершеннолетних. Если до 1985 г. обряд крещения приняли 700 детей школьного возраста, то в 1989 г. – уже 6 846 ²¹.

Важно отметить, что православные верующие принимали активное участие в деятельности общественных организаций гуманистической направленности. Была начата работа по конкурентному шефству над домами престарелых (с. Тальменка, г. Барнаул), детскими интернатами (гг. Рубцовск, Бийск), местами лишения свободы. Объединениями РПЦ в различные фонды за год было пожертвовано 110 тыс. руб.

В старообрядческих, лютеранских, католических объединениях Алтайского края значительных изменений не произошло. Определенную тревогу у местных властей по-прежнему вызывали незарегистрированные объединения, которые отказывались от сотрудничества с представителями местных органов власти. Среди организаций, действовавших незаконно, было шесть лютеранских общин, четыре пятидесятнические, четыре менонитские, а также 26 сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ). В этот период молодежные группы максимально активизировали миссионерскую деятельность, требуя

предоставления им домов культуры и клубов, открытия при массовых библиотеках религиозных отделов²².

С 1972 по 1990 г. Новосибирской епархией управлял епископ, а впоследствии архиепископ и митрополит Гедеон (Докукин). Во время его многолетнего святительства были установлены конструктивные отношения с представителями местной власти. В результате удалось не только приостановить закрытие храмов, но и добиться регистрации новых общин, в том числе в тех населенных пунктах, где в послевоенный период православные общины зарегистрировать не удалось²³.

В конце 1980-х гг. шел активный процесс регистрации православных общин в Западной Сибири, в том числе в Новосибирской области. В 1987 г. получили регистрации два религиозных объединения РПЦ, в гг. Черепаново и Купино Новосибирской области²⁴. В 1988 г. на легальное положение была переведена община г. Искитима численностью 200 чел.²⁵ В 1989 г. получили регистрацию два объединения Русской православной церкви: община г. Бердска численностью 140 чел.²⁶ и община р.п. Мошково численностью 35 верующих²⁷. Кроме того, получила официальную регистрацию община р.п. Кыштовка численностью 50 чел.²⁸ В 1991 г. исполнительный комитет зарегистрировал общину РПЦ в п. Краснообск²⁹.

К концу 1980-х гг. территория Новосибирской и Барнаульской епархии была очень обширной. В ее состав входили: Новосибирская, Томская и Кемеровская области, Красноярский и Алтайский края, Тувинская АССР, Горно-Алтайская и Хакасская автономные области. Общая площадь епархии составляла более 3 млн км, население - около 15 млн чел. На 1 января 1990 г. в Новосибирской и Барнаульской епархии было 60 приходов и 146 священнослужителей. Начиная с 1990 г. во всех территориально-административных образованиях, входивших в состав Новосибирской и Барнаульской епархии, учреждаются самостоятельные епископские кафедры³⁰.

На 1991 г. в Новосибирской области уже официально действовало 30 православных общин. С 1985 г. Русской православной церкви были возвращены соборы в г. Новосибирске, р.п. Колывань, храмы в р.п. Маслянино, г. Куйбышеве и др. Общинам оказывалась материальная помощь в восстановлении старых и строительстве новых церквей. В 1990–1991 гг. Русской православной церкви было выделено два автомобиля³¹.

В 1986 г. православные верующие Горно-Алтайска обратились к властям с просьбой зарегистрировать религиозную общину, а также разрешить приобрести домостроение с последующей перестройкой его для молитвенных целей³². Горно-Алтайский городской совет народных депутатов, в свою очередь, заявил, что достаточных оснований для объединения верующих в единую общину и создания молитвенного дома нет. Ситуацию удалось разрешить лишь с помощью уполномоченного Совета по делам религий по Алтайскому краю³³. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР Г.И. Лисенков обратил внимание на недопустимость нарушения законодательства о религиозных культах и проявления нетактичности в отношении верующих. Исполком мотивировал свой отказ в регистрации неподготовленностью общественного мнения³⁴. Община смогла получить регистрацию лишь в ноябре 1987 г., то есть фактически

Этнические меньшинства в истории России

накануне празднования 1 000-летия крещения Руси³⁵. Настоятелем открытого прихода был назначен в 1988 г. протоирей Ростислав Кирашук. В дальнейшем община смогла приобрести несколько усадеб с частными домами, заготовить необходимое количество стройматериалов и в сжатые сроки при отсутствии техники воздвигнуть вместительный Преображенский храм. Следующим этапом деятельности прихода стало налаживание просветительской работы³⁶.

В Новосибирской области в рассматриваемый период продолжали действовать две зарегистрированные общины старообрядцев. В апреле 1985 г. старообрядческая община (Белокриницкое согласие) обращалась в Совет по делам религий по Новосибирской области с просьбой установить крест на молитвенный дом. Верующие писали, что данный вопрос не был решен³⁷. В 1986 г. доходы старообрядческой общины (Белокриницкое согласие) заметно увеличились, что хорошо видно из табл. 2³⁸. В финансовом отчете общины за первый квартал 1986 г. указано, что поступления составили 13 636 руб. (в основном это был доход от продажи предметов религиозного культа).

Таблица 2

Доходы Новосибирской старообрядческой церкви (Белокриницкое согласие) от продажи предметов культа за I квартал 1986 г.

Наименование проданных предметов культа	Кол-во, шт.	Сумма, полученная от продажи, руб.
Продажа свечей	-	6715
Продажа нательных крестов	96	76
Продажа рукописаний	31	16
Продажа Библий	6	300
Продажа календарей	104	792
Прочее	108	104
Итого:		8 003 руб.

Стоит отметить, что старообрядческая община, как и многие религиозные организации, делала отчисления в Фонд мира, они составили 1 000 руб.³⁹ За девять месяцев 1986 г. община провела 720 обеден, 82 молебна, 64 погребения, 57 панихид и лишь одно крещение⁴⁰. В 1991 г. в Новосибирской старообрядческой церкви Белокриницкого согласия при поддержке облисполкома было отведено место под строительство новой церкви. Общине многократно оказывалась помощь со стройматериалами, был выделен грузовой автомобиль⁴¹. В зарегистрированной общине старообрядцев-поморцев в 1991 г. проходил ремонт церкви в Кировском районе г. Новосибирска⁴².

В исследуемый период в столице Новосибирской области продолжала действовать зарегистрированная община мусульман. После празднования 1 000-летия христианства на Руси мусульманская община г. Новосибирска отправила обращение председателю Новосибирска облисполкома по поводу возврата мечети на ул. Фрунзе. В обращении отмечалось, что в преддверии праздника православным оказывалась помощь в строительстве и реконструкции храмов и мусульмане также хотели бы иметь просторную мечеть в центре города. В 1988 г. верующие-мусульмане два раза обращались с такой просьбой, однако просьба осталась без ответа⁴³.

Следует подчеркнуть, что в 1991 г. в Новосибирской области уже официально действовали 11 мусульманских общин. Самая многочисленная из них находилась в столице административного субъекта. В 1990 г. Новосибирский облисполком оказал помощь в выделении места для строительства новой мечети, а в 1991 г. общине был выделен автомобиль⁴⁴.

В 1991 г. в РСФСР действовало шесть приходов Римско-католической церкви. Два прихода было в Москве, два – в Санкт-Петербурге, один – в Оренбурге, один – в Саратове, один – в Томске и один – в Новосибирске. Еще в апреле 1990 г. томским католикам от управления культуры облисполкома был передан костел. В том же году Римско-католическая церковь в Западной Сибири активизировала миссионерскую деятельность, чтобы пополнить свои ряды за счет молодежи, независимо от национальной принадлежности. С этой целью при томском костеле был создан кружок для всех желающих, но ориентированный, прежде всего, на молодежь, для проведения духовных бесед, изучения католического вероучения и Библии⁴⁵. Община католиков существовала и в Новосибирске и насчитывала 235 членов⁴⁶.

В феврале 1985 г. вышло очередное постановление Совета по делам религий при СМ СССР «О ходе упорядочения сети религиозных объединений, состоящих из верующих граждан немецкой национальности». Однако, несмотря на все усилия, количество верующих не уменьшалось, а даже увеличивалось благодаря выявлению все новых, ранее не учтенных религиозных объединений.

По данным отдела по делам протестантских церквей Совета по делам религий при СМ СССР на 1989 г., всего на территории РСФСР действовало более 1 800 протестантских объединений, наиболее многочисленными из которых были объединения Совета церквей евангельских христиан-баптистов – 105, пятидесятников – 63, братских меннонитов – 29, сосредоточенных в основном в Омской области и Алтайском крае РСФСР. В сибирских регионах наибольшее их количество действовало в Алтайском и Красноярском краях и в Омской области – 120. Как отмечали специалисты отдела, руководители незарегистрированных объединений отнеслись к перестройке с недоверием и по-прежнему дистанцировались от органов власти, не признавая законодательство о религиозных культах. Особенно ярко это неприятие проявлялось у сторонников Совета церквей ЕХБ; пятидесятники и меннониты заняли выжидательную позицию. Причем церковные меннониты проявляли большую лояльность по отношению к властям, нежели братские, среди которых были более выражены эмигрантские настроения⁴⁷.

В рассматриваемый период в Западной Сибири активизировалась деятельность общин евангельских христиан-баптистов. Так, в 1986 г. в Новосибирске был проведен семинар-совещание служителей ЕХБ Западной Сибири. Мероприятие проходило в молитвенном доме зарегистрированной общины. В нем приняло участие около 100 чел.⁴⁸ На мероприятии присутствовали председатель ВСЕХБ РСФСР В.Е. Логвиненко (Москва), заместитель председателя ВСЕХБ М.Я. Жидков (Москва) и др.⁴⁹

В начале 1988 г. зарегистрированная община ВСЕХБ г. Новосибирска обратилась в Совет по делам религий при СМ СССР с просьбой о приобретении второго

Этнические меньшинства в истории России

молитвенного дома в связи с увеличением количества верующих до 1 100 чел. Стоит отметить, что местные власти писали в Совет по делам религий, поддержав прошение верующих. Однако в августе 1988 г. из Совета по делам религий пришел отказ: «Согласно законодательству “О религиозных объединениях в РСФСР”, каждое религиозное общество верующих может пользоваться только одним молитвенным помещением». В то же время Совет по делам религий при СМ СССР предложил альтернативный вариант решения вопроса – регистрацию нового религиозного общества. Для этого предлагалось выделить часть верующих из основного объединения в самостоятельную общину и предоставить ей права на приобретение строения для молитвенных целей⁵⁰.

В рассматриваемый период баптистские религиозные организации на юге Западной Сибири начинают заниматься социальной деятельностью. Подтверждением тому является, например, проведение Новосибирской общиной ВСЕХБ духовного служения на тему «Библия о нашем будущем» на стадионе «Сибирь». Собранные общиной деньги были направлены в фонд Дома ребенка № 1 г. Новосибирска⁵¹.

В 1987 г. в Заельцовский райисполком Новосибирской области поступила просьба о регистрации общины баптистов. Данная община сформировалась в 1987 г. в результате того, что часть верующих откололась от Новосибирской общины Совета церквей ЕХБ. В составе общины насчитывалось не менее 100 чел. Регистрация была одобрена благодаря тому, что община пересмотрела свою позицию в отношении законодательства о религиозных культах⁵². В 1991 г. в Новосибирской области легально действовали 24 общины ВСЕХБ. Старшим пресвитером в этом регионе являлся К.П. Бородин. Новосибирский обласполком неоднократно оказывал помощь верующим стройматериалами, а в 1991 г. общине был выделен автомобиль⁵³.

Кроме перечисленных протестантских общин, в 1991 г. в Новосибирской области действовали девять зарегистрированных лютеранских объединений верующих. Власти помогали им в благоустройстве дорог, сделали остановку транспорта⁵⁴. Кроме того, в Новосибирске были также официально зарегистрированы четыре общины адвентистов седьмого дня. Там же действовал один из самых больших в Сибири молитвенных домов, в ходе строительства которого обласполком оказывал помощь⁵⁵.

В списках действующих организаций по Новосибирской области в 1990 г. значится также первая зарегистрированная христианская ассоциация «Спешите делать добро», оказывавшая благотворительную помощь⁵⁶. Ассоциация находилась в здании больницы скорой помощи г. Новосибирска.

Необходимо подчеркнуть, что в исследуемый период часто происходили встречи религиозных деятелей разных конфессий с местными органами власти. Например, в апреле 1985 г. в Новосибирске проходила встреча президиума областного комитета защиты мира с духовенством. Помимо членов президиума, на мероприятии присутствовали ветераны Великой отечественной войны, архиепископ Гедеон, 120 представителей РПЦ, 20 баптистов, 15 католиков, 16 представителей церковных меннонитов, 10 последователей адвентистов седьмого дня, 11 мусульман, четыре старообрядца, три лютеранина. На повестке

было обсуждение вопроса о мерах по расширению миротворческой деятельности религиозных объединений в связи с 40-летием Победы над фашистской Германией и японским милитаризмом⁵⁷. Отмечалось, что религиозные объединения области за 1984 г. и четыре месяца 1985 г. внесли отчисления в Фонд мира в размере 250 тыс. руб. Архиепископу Гедеону была вручена грамота советского Фонда мира за активную деятельность⁵⁸.

20 августа 1985 г. в Новосибирском облисполкоме состоялась встреча уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР А.С. Николаева и глав религиозных объединений г. Новосибирска и Новосибирской области с делегацией представителей религиозных общин Западного Берлина. На мероприятии присутствовал архиепископ Гедеон, а также представители баптистов, католиков, мусульман, адвентистов седьмого дня, меннонитов. Главным вопросом для обсуждения был вопрос о мире, о ненависти к войне.

В 1990 г. начинается учет местными властями количества действующих зданий. Большинство культовых сооружений принадлежало Русской православной церкви. Всего по Новосибирской области насчитывалось 62 здания. Подробные данные представлены в табл. 3⁵⁹.

Таблица 3

Сведения о количестве церковных зданий и молитвенных домов, действующих на 1 января 1990 г.

Религия	Всего церковных зданий и молитв. домов	В том числе здания и дома			Арендванные дома
		Специальные	Памятники истории и культуры	Приспособленные для молитвенных целей	
Русская православная церковь	15	6	4	5	–
Католическая церковь	1	1	–	–	–
Лютеранская церковь	5	1	–	–	4
Старообрядческие церкви всего	2	1	–	1	–
Белокриницкое согласие	1	1	–	–	–
Беспоповское согласие	2	–	–	1	1
Ислам	8	1	–	–	7
Иудаизм	1	1	–	–	–
ВСЕХБ	22	5	–	7	10
ХВЕ	2	–	–	1	1
АСД	2	2	–	–	–
Меннониты	2	1	–	1	–
СЦЕХБ	1	1	–	–	–
Всего:	62	20	4	15	23

Этнические меньшинства в истории России

Важно отметить, что в рассматриваемый период в Западной Сибири продолжали действовать комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Комиссии следили за выполнением постановления областного Совета народных депутатов от 4 февраля 1982 г. № 59-1с «О мерах по дальнейшему усилению работы по атеистическому воспитанию». Так, в 1987 г. комиссия Карасукского района Новосибирской области отчиталась, что проводила разъяснительную работу по законодательству о религиозных культах, по формированию у учащихся коммунистического мировоззрения, научно-атеистических убеждений⁶⁰. В школах проводились беседы для родителей на темы «Мусульманская религия и ее вредные последствия», «Пути преодоления религиозных пережитков», «Идеологическая борьба и религия». Помимо чтения лекций, в школах проводилась работа с детьми верующих. Каждая верующая семья состояла на учете у региональных органов власти⁶¹. В докладе о работе комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах Первомайского района Алтайского края отмечалось, что члены комиссии посещали молитвенные собрания и изучали содержание проповедей. По данным членов комиссии, зарегистрированной общине ВСЕХБ Первомайского района на воскресные богослужения собиралось около 700 чел. В июле 1987 г. в общине проводились крещения, всего этот обряд прошли более 30 чел. Водное крещение община проводила на р. Иня с разрешения исполкома. Несмотря на то что атеистическая пропаганда еще велась, накануне крещения исполком оказал общине помощь в укреплении берега⁶².

В августе 1986 г. было принято постановление от 4 августа 1986 г. № 477 «О записке уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Новосибирской области В.Д. Лымаря «О религиозной обстановке, состоянии и мерах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в Новосибирской области»». Принятое положение, хотя уже не носило агрессивный характер в отношении религиозных общин, способствовало проведению различных мероприятий атеистического толка. В г. Новосибирске в школах № 9, 10, 22, 137, 168 продолжали действовать советы по атеизму, работали атеистические кружки для детей, выпускалась газета под названием «Юный атеист»⁶³.

Таким образом, можно сделать вывод, что с середины 1980-х гг. в СССР начинается процесс коренных изменений в отношениях между государством и религией. В период перестройки происходит либерализация государственно-конфессиональной политики, в результате чего начинают легально действовать общины, которые были ранее закрыты, причем зачастую без законных на то оснований. В исследуемый период в Западной Сибири получают регистрацию лютеранские, менонитские, адвентистские общины. Протестантские общины регистрировались впервые после массового перевода «сектантских» религиозных общин по всему СССР на нелегальное положение. Одним из важных событий, которое продемонстрировало изменение в государственно-конфессиональных отношениях, стало празднование 1 000-летия крещения Руси. В 1988 г. власти активно регистрировали религиозные объединения в регионах, в том числе в Западной Сибири. Результатом демократизации в конфессиональной сфере стало принятие 25 октября 1990 г. Закона СССР

«О свободе вероисповеданий». Религиозные объединения получили статус юридического лица, что благоприятно сказалось на их положении в регионах, в том числе в Западной Сибири. Были сняты ограничения на культовую деятельность, упростилась процедура регистрации, были ликвидированы запреты на социальную, производственно-хозяйственную и иную некультовую деятельность, распространялись нормы трудового законодательства. Однако при этом в законе были спорные моменты, которые предполагалось решить в будущем.

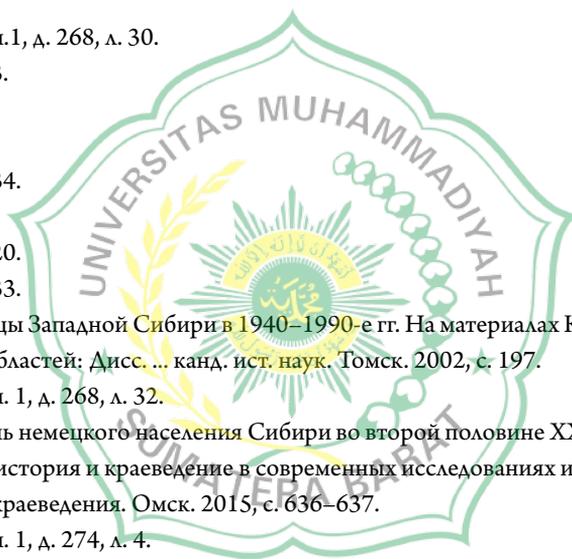
Примечания

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ (проект № 21-011-44027) и гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект № НШ-63.2022.2).

1. КЛИМЕНКО Е.Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2007, с. 38.
2. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / Под общ. ред. А.П. Торшина. М. 2010, с. 30.
3. МУРАВСКАЯ Е.А. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в XVIII–XX вв.: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь. 2002, с. 146.
4. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyipin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/9
5. История государственной политики СССР и России..., с. 31–35.
6. КАШЕВАРОВ А.Н. Государственно-церковные отношения в период «Перестройки» 1985–1991 гг. — Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215), с. 110.
7. ШКАРОВСКИЙ М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 2010, с. 403.
8. История государственной политики СССР и России..., с. 35.
9. ЛЕБЕДЕВА О.В. Празднование 1 000-летия крещения Руси в Курской области: государственная политика и региональная практика. — Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. № 3, с. 78.
10. ЦЫПИН В. История Русской Церкви. Кн. 9: 1917–1997. М. 1997, с. 460–463.
11. НИКОЛЬСКАЯ Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб. 2009, с. 298.
12. МУРАВСКАЯ Е.А. Ук. соч., с.151–152.
13. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М. 1990. № 41, с. 813.
14. КЛИМЕНКО Е.Н. Ук. соч., с. 39.
15. ФАСТ А.А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990: Док-ты и м-лы. Барнаул. 2009, с. 247–255.
16. История государственной политики СССР и России..., с. 82.
17. Там же, с. 83.
18. Там же, с. 30–31.
19. БЕССОНОВ М.Н. Православие в наши дни. М. 1990, с. 254.
20. Религиозная обстановка в крае и задачи атеистического воспитания. Идеол. отд. Алтайского крайкома КПСС. Барнаул. 1989, с. 5. Сост. по м-лам Государственного архива Алтайского края (ГААК).
21. ГААК, ф. 1692, оп. 1, д. 333, л. 3.

Этнические меньшинства в истории России

22. Там же, л. 4.
23. URL: <http://nskmi.ru/metropole/history/>
24. Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. 1418, оп. 1, д. 32, оп. 2, л. 1–3.
25. Там же, д. 284, л. 20.
26. Там же, л. 9.
27. Там же, л. 66.
28. Там же, д. 301, л. 17.
29. Там же, д. 284, л. 35.
30. URL: <http://nskmi.ru/metropole/history/>
31. ГАО, ф. 1418, оп. 1, д. 302, л. 32.
32. ГААК, ф. 1692, оп. 1, д. 313, л. 1.
33. Там же, л. 2.
34. Там же, л. 21.
35. Там же, л. 22.
36. КРЕЙДУН Ю.А. Храмы Горно-Алтайска и его предместий в XX – начале XXI в. Барнаул. 2010, с. 112–113.
37. ГАО, ф. 1418, оп. 1, д. 268, л. 30.
38. Там же, д. 272, л. 3.
39. Там же, л. 4.
40. Там же, л. 22.
41. Там же, д. 302, л. 34.
42. Там же, л. 35.
43. Там же, д. 275, л. 20.
44. Там же, д. 302, л. 33.
45. КОНЕВ Е.В. Немцы Западной Сибири в 1940–1990-е гг. На материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск. 2002, с. 197.
46. ГАО, ф. 1418, оп. 1, д. 268, л. 32.
47. Религиозная жизнь немецкого населения Сибири во второй половине XX века. В кн.: Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. Т. II. Сер.: Антология Омского краеведения. Омск. 2015, с. 636–637.
48. ГАО, ф. 1418, оп. 1, д. 274, л. 4.
49. Там же, л. 9.
50. Там же, л. 29–30.
51. Там же, л. 35.
52. Там же, д. 283, л. 36.
53. Там же, д. 302, л. 33.
54. Там же, л. 34.
55. Там же, л. 33.
56. Там же, л. 34.
57. Там же, д. 269, л. 5.
58. Там же, л. 26.
59. Там же, д. 298, л. 1.
60. Там же, л. 3.
61. Там же, д. 285, л. 4.
62. Там же, л. 6–7.
63. Там же, д. 292, л. 2.

Миграционные процессы в Казахстане в XIX – начале XX в. и их влияние на этническую структуру населения (на примере Семиреченской области)

Н.К. БАЙГАБАТОВА, А.Ж. ТОЙБАЕВ, Г.М. ИСКАКОВА

Migration processes in Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries and their impact on the ethnic structure of the population (on the case of Semirechensk region)

N.K. BAIGABATOVA, A.ZH. TOIBAYEV, G.M. ISKAKOVA

Аннотация. В статье исследуются истоки формирования полиэтнического состава населения Казахстана сквозь призму миграционных процессов в Российской империи в XIX – начале XX в. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что мощные миграционные процессы, имевшие место в истории Российской империи в рассматриваемый период, существенно повлияли и вызвали изменения в этнодемографической структуре казахстанского населения, которое всего за полвека стало полиэтническим, поликонфессиональным и поликультурным.

Ключевые слова: Казахстан, Российская империя, миграция, этнический состав, население.

Abstract. The purpose of this article is to study the origins that lead to the formation of the multi-ethnic composition of the population in Kazakhstan through the prism of migration processes in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. The results of the study led to the conclusion that the powerful migration processes that took place in the history of the Russian Empire during the period under discussion significantly influenced and caused changes in the ethno-demographic structure of the Kazakhstan population, whose composition has become multi-ethnic, polyconfessional and multicultural in just half a century.

Key words: Kazakhstan, Russian Empire, migration, ethnic structure, population.

The study of the ethno-cultural processes of modernity is possible only with a constructive understanding of the historical past. The multi-ethnic composition of the modern Kazakhstan population was formed over several centuries and was conditioned due to a number of historical reasons. However, the most significant changes in the ethnic composition of the Kazakhstan population occurred during the period of Tsarist Russia and the Soviet Union. The features of the formation of the multi-ethnic composition of the population of modern Semirechensk are primarily associated with

Этнические меньшинства в истории России

large-scale migration processes that took place on the outskirts of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries, which became a significant factor that influenced the ethnic structure of the region's population. In general, the settling of the lands of Central Asia was an integral and one of the most important elements of imperial policy in the East, and in itself was called Cossack and peasant colonization, which meant the creation of resettlement colonies in new territories ¹.

With the entry of Kazakhstan into the Russian Empire, Semirechensk, as a very fertile region with high agricultural potential, turned into one of the centers of attraction for colonists from the interior of the metropolis, which subsequently led to significant socio-economic, political and cultural transformations that radically changed the ethno-cultural situation in the region and contributed to the beginning of the formation of multi-ethnic composition of regions population.

In comprehending the whole variety of past processes, regional studies acquire a special role. In this perspective, the study of the process of changing the population structure of a single historical and geographical region on the example of the Semirechensk region and the influence of migration processes on it that took place in the outskirts of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries can significantly deepen existing ideas and provide important additional arguments for understanding the nature of the origins and mechanisms of the formation of its current multi-ethnicity.

The most important distinguishing characteristic of the population of modern Semirechye, corresponding in the pre-revolutionary administrative division of the Semirechensk region, and at present – the Almaty region of the Republic of Kazakhstan, is its multi-ethnic structure. Today, representatives of more than 100 ethnic groups live here, including Kazakhs, Russians, Uighurs, Turks, Azerbaijanis, Koreans, Kurds, Tatars, Germans, Ukrainians, Chechens, Uzbeks, Kyrgyz, Greeks, Dungans, Poles, Belarusians, etc. Currently total population of the region, according to official statistics, is more than 2 million people ². In this regard, the history and culture of the region at the present stage is a complex and unique synthesis of cultural systems, which are carried by various ethnic and social groups. The interaction of different peoples, the tolerance and openness of the Kazakh people

Байгабатова Назгуль Кажымуратовна – кандидат исторических наук, и.о. доцента, директор Научно-образовательного центра «Рухани жаңғыру» Жетысуского Университета имени И. Жансугурова. Талдыкорган. Казахстан. E-mail: bnk1606@mail.ru; Тойбаев Асхат Жунисович – докторант кафедры истории Казахстана Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова. Усть-Каменигорск. Казахстан. E-mail: askhat19@list.ru; Исакова Гулдария Мубаряковна – магистр истории, старший преподаватель-ассистент кафедры истории Казахстана Жетысуского университета имени И. Жансугурова. Талдыкорган. Казахстан. E-mail: guldariyai85@mail.ru.

Baigabatova Nazgul K. – candidate of historical sciences, acting associate professor, director of the Scientific and Educational Center "Rukhani Zhangyru" Zhetysu of University named after I. Zhansugurov. Taldykorgan. Kazakhstan. E-mail: bnk1606@mail.ru; Toibayev Askhat Zh. – doctoral student of the Department of Kazakhstan History, East Kazakhstan University named after S. Amanzholov. Ust-Kamenogorsk (Oskemen). Kazakhstan. E-mail: askhat19@list.ru; Iskakova Guldariya M. – master of arts in history, senior lecturer-assistant of Department of Kazakhstan History, Zhetysu University named after I. Zhansugurov. Taldykorgan. Kazakhstan. E-mail: guldariyai85@mail.ru.

to contacts created a comfortable ethno-psychological atmosphere, to a certain extent contributed to changes that took place in the national mentality.

At the same time, the existence of multi-ethnic states is especially vulnerable when some representatives of certain ethnic groups do not identify themselves with the main population of the state, but, on the contrary, consider themselves as separate nation or part of another nation³. In this regard, the study of the populations multi-ethnic composition formation in Semirechensk region as an intellectual justification for the common fate of the people of Kazakhstan through the prism of political, socio-economic and cultural processes that took place at the turn of the 19th – early 20th centuries seems to be relevant and necessary. The purpose of this article is to study the origins of the formation of a multi-ethnic composition and the change in the ethnic structure of the Semirechensk population through the prism of migration processes in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries.

The main goal of this study authors is not to oppose the history and culture of various ethnic groups, but to show the commonality of their historical destinies, the interconnectedness of their life processes, and the unity of the foundations of their political, socio-economic and civilizational-cultural existence. Therefore, a detailed study of the history of the multiethnic population formation in Semirechye is of interest both from the point of view of the historical conditions of its formation in the region, and as peculiar models of ethnic processes that are possible between modern peoples.

The problems of ethnic classification of the population also touched upon statistical studies of the late 19th – early 20th centuries. The results of the General Census of the Russian Empire in 1897 have been considered as a most accurate for a long time, but at present they are subject to fairly fair criticism⁴. And yet, published in 1905, the 85th volume of the Census, dedicated to the Semirechensk region, is the source material for our study⁵.

The study of the issue of ethno-demographic changes in the structure of the population of Kazakhstan at the turn of the 19th – 20th centuries can be divided into three periods: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet studies. Most of the works of the pre-revolutionary period were of an informative, private nature, the problem of changing the composition of the population was reflected in them only indirectly. After the annexation of the territory of Kazakhstan to Russia and the implementation of administrative-territorial reforms, special studies begin to appear. During this period, expeditions were organized to the Semirechensk region with the aim of a more careful and accelerated study of this region⁶.

An analysis of the large amount of material contained in their articles allows us to conclude that they have a fairly obvious social orientation and were carried out as part of the Tsarist administration order. Studies of population migration were reduced to the study of problems associated with the resettlement and colonization of the outskirts. From the mid-1870s to the end of the 19th century, various publications published materials on the ethno-cultural characteristics of the Kazakhstan population such as: Kazakhs, Russians, Uighurs, Dungans.

Этнические меньшинства в истории России

At the beginning of the 20th century, studies of population migration were reduced to the study of problems associated with the resettlement and colonization of the outskirts of the Russian Empire. So, for example, in the work of S. Veletsky “Semirechensk region and its colony”, who was in charge of the Semirechensk resettlement department for 8 years, the results of resettlement cases obtained for 1906–1913 are indicated ⁷.

In July 1909, by the decision of the Main Resettlement Administration of Tsarist Russia, a deputy of the State Duma and a religious figure A. Tregubov arrived in Semirechensk on a business trip. During the business trip, he visited Russian villages, Cossack villages and got acquainted with the life of the settlers. A. Tregubov held spiritual events for the dissemination of religious sermons, the marriage of newlyweds. The result of his trips was publication of his work “Resettlement in the Semipalatinsk and Semirechensk regions”, in which he noted that there were many undeveloped lands in Semirechensk, so it was possible to resettle up to 1 million Russian peasants in the region ⁸.

The initial stage of the formation of the multi-ethnic composition of the population in Kazakhstan, including Semirechensk, is associated primarily with the process of the entry of Kazakh lands into the Russian Empire. In the second half of the 19th century, the military presence of the Tsarist Empire in Kazakhstan increased, the armed forces were built up, and new large garrisons were deployed in the strategic centers of the region, which included the Semirechensk region.

As a result of the continuous offensive of Russia's movement in the Central Asian direction, by the mid-60s of the 19th century, the Kazakh region finally became part of the metropolis. This coincided in time with the implementation of bourgeois reforms in Russia itself, the reorganization of the system of manning, command and control of troops, and the increase in their mobilization readiness. The armed forces of Tsarism in Kazakhstan also underwent cardinal changes, performing, on the one hand, protective functions, and, on the other hand, punitive ones to suppress national liberation uprisings. A new administrative system was established on the newly annexed lands, reporting directly to the Ministry of War. Undoubtedly, this contributed to the consolidation of colonial orders in the Kazakh steppe.

According to the territorial-administrative reforms of 1867–1868, the territory of Kazakhstan was subordinate to three governor-generals: Turkestan, Orenburg and West Siberian. They were headed by Governor-General, who was subordinate to the Minister of War of Russia. They concentrated in their hands the fullness of civil and military power; they were also commanders of all troops on their territory. The regions were headed by military governors, in whose hands were the military administration. In the Ural and Semirechensk regions, military governors were simultaneously appointed as chief atamans of the Cossack troops. District chiefs had the rank of major and commanded local military institutions.

The Semirechensk region with the administrative center in the city of Verny was formed on July 11, 1867 and became part of the Turkestan Governor-General created at the same time as an administrative district, later in 1891 it was transferred

to the jurisdiction of the Steppe Governor-General, and in 1899 it again became part of Turkestan Governor General. The Semirechensk region of the Russian Empire in the northeast bordered on Semipalatinsk, in the northwest on Akmola, in the west and southwest on the Syrdarya regions, in the south and east on China.

A necessary condition for studying the dynamics of the population of a region is the comparability of the territorial scope of the study. To clarify this, let us trace the changes in the administrative-territorial division of the borders and areas of the counties that made up the territory of the region under consideration in the specified period. Initially, the Semirechensk region consisted of 5 counties: Verny, Sergiopol, Kapal, Tokmak and Issykkul. In 1883, the Dzharkent section was added to the region (since 1892 – county). Tokmak and Issykkul counties were subsequently renamed as Pishpek and Przheval, respectively, and Sergiopol county, as a result of the transfer of the county center, to Lepsinsk was also renamed. The Semirechensk region occupied an area of 353,430 square versts ⁹ with a population of 800,230 people ¹⁰. Thus, the Semirechensk region included Verny, Kapal, Dzharkent, Lepsinsk, Pishpek and Przhevsk districts. Since the formation of the region and until the end of the period under review, the territories of the counties changed insignificantly. In relation to the territory of Kazakhstan, the Semirechensk region occupied its southeastern part, and in relation to the Turkestan territory, it occupied the northeastern part.

With the inclusion of the Semirechensk into territory to the Russian Empire until the end of the 60's of the 19th century, several hundred families of Cossacks and peasants were resettled here from Siberia, who was enrolled in the Cossacks ¹¹. However, the movement of the Cossacks to the fertile Semirechensk region began long before the formation of the region of the same name itself. The idea of resettling Siberian Cossacks in Semirechye arose in the 30s of the 19th century. Russian interests here ran into the claims of the Qing Empire and the vigorous expansion of the young, extremely aggressive Kokand Khanate. After the creation of the Ayaguz district (1831), the way for Russian troops in Semirechensk was opened. In the second half of the 40s of the 19th century, due to the intensification of rivalry between Russia and Kokand for spheres of influence in the Kazakh lands, the Tsarist government intensified its activities in the southeast direction. Hiding behind the slogans of liberation from the Kokand yoke, but in fact having a different goal, namely to annex the lands of Semirechensk, the Siberian Cossacks are actively developing the entire Trans-Ili region.

The administration of Western Siberia began the construction of fortified points in Semirechensk. Siberian Cossacks were the first to move to the Semirechensk region. In 1845, a detachment of Siberian Cossacks founded the Kopal fortification in the upper reaches of the Kyzyl-Agash River. To manage the newly annexed lands in 1848, the position of bailiff of the Senior Zhuz was established.

The first Cossack villages were founded in the Semirechensk region in 1855: Urdzhar village – on the road from Sergiopol (Ayaguz) to Chuguchak, the Cossack population of which in 1857 was about 1 thousand people; in the same year, at the foot of the Dzungarian Alatau mountains, was founded the village of Lepsinsk. Five Siberian line battalions and three Cossack regiments, three batteries of the West Siberian artillery

Этнические меньшинства в истории России

brigade and one sapper company were concentrated on the territory of the Semirechensk region. A company of fortress artillery was transferred to the city of Verny from the Ust-Kamenogorsk fortification.

In total, there were five fortifications in the Semirechensk region: Zharkent, Bakhty, the Zaysan post, Prezhealsk and Naryn. Troops and fortifications had the status of an army corps.

In the early 50s of the 19th century, a special detachment was created under the command of Major M. Peremyshelsky to study the terrain and build fortifications in the Ili River valley. In 1854, this detachment built the Verny fortification in the floodplain of the Almaty River. In 1856, Verny became the administrative center of the newly formed Alatau district, which was in charge of the Kazakhs of the Senior Zhuz. In 1870, the population of Verny was 10 thousand people, of which 5,5 thousand were Russians and 1,2 thousand Ukrainians ¹².

During 1847–1867, new Cossack villages and settlements were created in Semirechensk. These are Sergiopol, Kopal, Bolshaya Almatinska, Urdzhar, Lepsinsk, Sofia and Malaya Almatinka villages; Iliysky, Koksus, Sarkand, Arasan, Karabulak, Bukonsky, Kenderlik, Bolshenarimsk and Malonarymsky settlements. The population of these points was 14,648 people ¹³. In 1867, in accordance with the law of the Russian Empire on the “Civil Department for the Management of the Cossacks”, in accordance with Article 377, was formed Semirechensk Cossack Host, which consisted of two regiments of the Siberian Cossack Host ¹⁴.

The Semirechensk Cossack army was distinguished by its heterogeneous ethnic and confessional composition. The troops included Russians, Kalmyks, Tatars and Kirghiz. In 1871, among 17,111 Cossacks, there were 15,396 Orthodox, 228 Muslims, 117 Buddhists, 22 Catholics, and 19 Lutherans ¹⁵. In total, by the end of the 19th century, the Cossacks owned 555,9 thousand acres of land ¹⁶. In 1879, was adopted the “Regulations on the military service of the Semirechensk Cossack Host”. The tasks of the Semirechensk Cossack army were: the final consolidation of Tsarist Russia in the new region, its colonization and development, the protection of the state border, the concentration of part of the armed forces in the region. Semirechensk Cossacks participated in the conquest of Central Asia by the Russian Empire (in the Kulja campaign of 1871, the Khiva campaign of 1873, the Kokand campaigns of 1875 and 1876).

In 1882, the entire male population of the Semirechensk Cossack army consisted of 11,008 people, the staff of the lower ranks in wartime – 1,962 people, in peacetime – 675 people ¹⁷. The southernmost was the Cossack village of Okhotnichiy, founded in 3 versts from the border and having 700 souls of the Cossack population at the beginning of the 20th century. In addition, large Cossack settlements Podgornyy (600 people), Chundzha (300 people), Golubevskaya (1,000 people), Nikolaevsk (1,000 people) were founded on the border, in the Ili River basin. Not far from the village of Kapal (2,5 thousand people), on the border were formed the Cossack village of Arasan, with a population of 600 people at the beginning of the 20th century, the village of Sarkan and other Cossack villages ¹⁸.

After the completion of the conquest of the Turkestan region, a discussion began in the supreme circles of Russia about the role and place of the Cossack troops. Were expressed opinions that the Cossacks had fulfilled their mission and should now turn into an ordinary peasantry. After long disputes, they came to an opinion about the need to preserve the Cossacks, but a radical reform in their management did not happen.

The Cossacks were a special layer of pre-revolutionary Russia. On the one hand, it was a military (service) estate. On the other hand, over the centuries, this estate has developed its own way of life, culture, dialect and, most importantly, a very clear identification of itself as a separate social group. There are different opinions about what the Cossacks represented and represents¹⁹.

One thing remains undoubted – the Cossacks were a separate group that ended up on the territory of Central Asia as a result of migrations (relocations, relocations) and retained its isolation and originality here as a military-political and cultural component. Cossack colonization was considered as the main way to secure the newly annexed lands to the empire.

In general, Cossack colonization of Semirechensk and the actual creation of the Semirechensk Cossack army were the first stage in the long process of the formation of the multi-ethnic population in Semirechye. Along with the Slavic population, during this period in the region appeared Kalmyks, Bashkirs, Mishars, Tatars, Uzbeks, Turkmens and Karakalpaks, ranked as Cossacks.

By the end of the 19th century, the tsarist government, in order to defuse social tension, on the one hand, and further the colonization of Kazakhstan, on the other, intensified the resettlement policy. The military-Cossack colonization was replaced by peasant colonization. The decision to resettle millions of “restless” peasants from the inner provinces of the Russian Empire was due to the hope of weakening the sharpness of class contradictions and creating in their person a social support on the national outskirts, in the northern, western and southeastern regions of Kazakhstan. With the entry of Kazakhstan into the Russian Empire, Semirechye, as a very fertile region with high agricultural potential, turned into one of the centers of attraction for colonists from the inner regions of the metropolis.

In almost all newly formed regions, the purposeful resettlement of the Russian-Ukrainian peasantry began in the early 70s of the 19th century and it acquired a massive character in the 80s. At the end of 1881, were adopted the Provisional Rules on the Resettlement of Peasants, which allowed them to move to the outskirts, but only with the permission of the relevant authorities. Especially intensively the ever-increasing flow of newcomers went to the Semirechensk region. From 1868 to 1880, 3,224 families moved here: 2,099 of them formed villages, and 1,225 families settled in cities. During next 13 years (from 1880 to 1893) the population of the Turkestan region, estimated at 2,269,520 people of both sexes, increased to 3,102,385 people, i.e. by about 37 % mainly due to settlers²⁰. The Semirechensk region was dominated by settlers from the Voronezh, Tobolsk, Tomsk, Perm, Kazan, Orenburg, and Kharkov provinces.

In total, 320 thousand settlers from the central provinces of Russia migrated to Kazakhstan until 1897. Taking into account the high level of natural increase among

Этнические меньшинства в истории России

settlers in 1897, the number of Russians in Kazakhstan increased to 544,2 thousand people, and the share – up to 12,8 %. In addition, the number of Ukrainians increased to 79,5 thousand and their share was 1,91 %. If we talk in terms of regions, then at the end of the 19th century in the Semirechensk region the Slavic population was a smaller group than in other regions. It amounted to 71,9 thousand people, most of them lived in the Verny district – 33,7 thousand Russians and 1,8 thousand Ukrainians, in the Lepsinsk district – 14,3 thousand Russians and 7,8 thousand Ukrainians ²¹.

The turn of the 19th – 20th centuries was marked by the aggravation of social contradictions in the Russian Empire caused by a large-scale agrarian crisis. A direct consequence of this was the strengthening of the resettlement policy in Kazakhstan.

With the growth of the flow of settlers, it became necessary to create a special committee to control the resettlement process, provide the settlers with land and solve social needs. To this end, on February 14, 1905, the Resettlement Committee under the Ministry of Agriculture and State Property was established in the Semirechensk Territory. It was involved in all immigration matters ²².

Now settlers from the Russian provinces were required firstly to register with the Resettlement Committee. This is evidenced by statistical documents. For example, in the statistical statements for 1906–1907, were indicated the main areas, from where a large flow of settlers came to Semirechye. These are immigrants from the Voronezh, Tobolsk, Tomsk and Poltava provinces. It should also be noted that people also moved to Semirechye from Akmola, Semipalatinsk, Syrdarya and Turgai regions. The statements of 1907–1908 show the number of registered settlers and the size of the “surplus” in the Verny, Pishpek, Kapal, Prezhevsk, Dzharkent and Lepsinsk counties. In these counties, by decision of the Provisional Commission, out of 235,169 acres of land, 26,526 acres were allocated for each settler. Mostly they were settlers from Siberia.

By the end of 1908, in Semirechye, “only 8,403 families and 52,893 people were already registered. Of these, 28,493 are male and 24,400 are female” ²³. Given the favorable climatic conditions, the availability of fertile lands, the number of Russian peasant settlers in the Semirechensk region grew every year.

In the summer of 1909, A. Tregubov, a member of the resettlement commission of the III State Duma, visited the Semirechensk and Semipalatinsk regions on a business trip. In the report on the trip, he did not hide his admiration for the fruits of the activities of resettlement organizations. Summing up the trip, he exclaimed with regret: “It is a sin before God and ashamed before people that, having such a mass <...> of fertile land in such a fertile region as Semirechye, Russian peasants <...> cannot get there in any way. As for the local population, as a result of colonization, it loses practically nothing in what is necessary, and if it loses, it is only in excess” ²⁴.

It is necessary to note the original multi-ethnicity of the resettlement village of Kazakhstan. At different times, Russians, Ukrainians, Mordovians, Tatars, Germans, Poles, Bulgarians, Estonians, Belarusians, etc. migrated here. Mono-ethnicity during settlement was desirable and, if possible, observed, but the will of the resettlement administration played a decisive role, and in case of unauthorized resettlement, the availability of free land and the opportunity to “attach” to the already living villagers.

The mass resettlement of peasants was accompanied by a change in the ethno-demographic structure of the region. As a result, there was a rapid increase in the Slavic population (mainly Russians and Ukrainians) both through migration and as a result of natural increase. According to some reports, Russians and Ukrainians, taken together in 1917, amounted to more than 1 million 745 thousand people, or 29.4% of the total population of the region ²⁵.

In addition to the Cossacks and Russian settler peasants, after the foundation of the Alatau district in the Semirechensk region, since 1857, families of Tatars and persons descended from mixed marriages of Kazakhs with Tatars, Uzbeks, Kalmyks and other peoples began to migrate here from the environs of Semipalatinsk. They founded near the Verny fortification the Tatar settlement, which still exists today, where they set up the production of leather, dressing of morocco and yuft. In the late 60s of the 19th century, a Muslim school operated in the settlement, where 70 boys studied. In addition, the population of mixed marriages formed the village of Bayskerke in the vicinity of Verny, in which about a hundred families lived in the 60s of the 19th century, a mosque was built and a fair operated ²⁶. In the second half of the 19th century, the number of Tatars in different parts of Kazakhstan increased not only through voluntary migrations, but also through natural growth.

The territory of Semirechye was populated not only due to the influx of immigrants from European ethnic groups, but also migrants from China. The St. Petersburg Peace Treaty, which authorized the return of the Ili region to the China, ended the so-called Ili crisis. With the return of the Kulja region to the Qing Empire, a mass of Dungans, Uighurs, and Kazakhs expressed their desire to resettle in Kazakhstan and neighboring Kyrgyzstan. In his work, P. Galuzo, considering the motives of the process under study, explained this by the desire of tsarism to weaken the economic position of China in Kulja and, on the other hand, to strengthen its influence in the region. The regime also counted on the use of the Uighur-Dungan contingent in the event of military complications on the Russian-Chinese border as a military force capable of acting against China ²⁷.

The resettlement of Uighurs and Dungans in Semirechye began in the autumn of 1881 and continued until 1884. In total, by this time, 9,572 Uyghur families, numbering 45,373 people and 1,147 Dungan families, numbering 4,682 people, had moved to Semirechye. According to the 1897 census, the number of people who migrated from the Ili region reached 71,091 people (55,815 Uighurs and 15,276 Dungans) ²⁸.

The Tsarist government, by resettling taranches ²⁹ in Semirechye, tried to weaken China's economic position in the Kuldzha region and strengthen its influence on the borders of China. It also counted on their usage as a military force capable of acting against China in the event of complications on the Chinese border. The resettlement of the Uighurs and Dungans in South-Eastern Kazakhstan was determined by a complex of socio-economic factors. The main role was played by the desire to settle in such areas of Semirechye, which would correspond to the former places of their settlement in the Ili region. The choice of the place of resettlement was largely determined by cultural traditions. They formed the first ethnic group of the settled agricultural population in South-Eastern Kazakhstan. Here the Uighurs

Этнические меньшинства в истории России

and Dungans lived among the nomadic Kazakhs and the Russian-Slavic and military-Cossack population.

On the new settlement sites, only on the territory of the Semirechye, 5 volosts were formed: Dzharkentskaya (now the Panfilov district of the Almaty region), Aksu-Charynskaya (now the Uigur district of the Almaty region), Malybaevskaya (the former Chilik district of the Almaty region), Koramskaya (the former Chilik district of the Almaty region), Karasuyskaya (now Enbekshikazakh district of Almaty region). In addition to these volosts, the sixth Ketmen volost was formed on the territory that had ceded under the St. Petersburg Treaty³⁰. At the head of the newly formed volosts, the former volost governors, chosen back in the Ili region, were placed. Aksakals, Kazis, Ellikbekshes, Onbeshis remained in their elected positions. And this, we think, was a far-sighted step by the Russian authorities, because the most respected and authoritative people who knew the specifics of their people, their psychology and way of life were elected county head, this also to some extent facilitated the adaptation of the population to new conditions and orders.

After some time, a new Dzharkent uyezd was formed from the Dzharkent, Aksu-Charyn and Ketmen volosts, and the Malybaev, Koram and Karasu volosts became part of the Vernensky uyezd of the Semirechensk region³¹.

Of the total number of Uighurs, 4,477 families or 19,209 people settled in the Dzharkent area between the border with Qing China and the Usek and Charyn rivers, while the remaining 5,015 families, in the amount of 26,164 people, settled in the Verny district between the Chilik and Talgar rivers, and partly in the city of Verny. As a result, by the beginning of 1884, 9,572 families of Uighurs in the amount of 24,628 male souls and 20,745 female souls and 1,147 families of Dungans in the amount of 2,439 male souls and 2,243 female souls moved to Semirechye³². In addition to the Uighurs and Dungans, in 1883 there were 2,122 inhabitants in Dzharkent, including 1,387 military ranks. In 1896, the Semirechensk Cossack army included a thousand Kalmyks, who also moved from China and accepted Russian citizenship³³. After Dzharkent, Akkent, Penjim, the settlements of Sokur-Khatun, Cholokai, Khorgos, and others became large settlements in which the Uighurs settled.

The mass organized resettlement of the Ili inhabitants was carried out on schedule and ended by 1884. But even in subsequent years, the Uighurs and Dungans continued to move in small groups in Semirechye, arbitrarily crossing the border, which was rather weakly guarded due to its vast length. These defectors, fleeing the yoke of the Qing authorities, replenished the rapidly growing population of the Uighur and Dungan settlements. Settlers formed 90 settlements, one city – Zharkent and several quarters in the city of Verny (now Almaty). By the beginning of the 20th century, the main areas of Uighur settlement had already formed in Central Asia and Kazakhstan³⁴. According to the 1897 census, the number of Uighurs in Kazakhstan was 55,815 people³⁵.

In subsequent decades, with the growth of their numbers, these ethnic groups began to play a significant role in the economic and socio-cultural life of the region. An analysis of the economic activity of the Uighur and Dungan population of Semirechye indicates their significant contribution not only to the development of agriculture,

but also to the food base of the region as a whole. The great experience, traditions and high professionalism in the field of agriculture of the Uighur and Dungan peasantry contributed to the development of the productive forces of the region.

According to the materials of the First General Census of the population of the Russian Empire in 1897 (Table 1), 663,769 people lived in Semirechye (without Pishpek, Przhevalsky districts ³⁶), including 223,883 people in Verny district, 136,421 in Kopal, 22,636 in Dzsharkent and 180,829 in Lepsinsk. There was one regional and seven county towns. 48,250 people or 7,26 % of the total region population lived there, and the rural population, which amounted to 615,518 people, lived in 1,229 villages, of which 306 were Russian-Ukrainian villages, 138 so-called “native” and 785 auls (villages inhabited by the local population) ³⁷.

Table 1

The population of the Kazakh counties of the Semirechensk region according to the 1897 census

№	County	County town	Area, verst	Population ppl.
1	Verny	Verny (22 744 ppl.)	58 330,0	223 883
2	Dzharkent	Dzharkent (16 094 ppl.)	5 160,0	122 636
3	Kopalsk	Kopal (6183 ppl.)	69 100,0	136 421
4	Lepsinsk	Lepsy (3230 ppl.)	87 080,0	180 829

Among all regions of Kazakhstan, Semirechye had the highest population density – 3,02 people per 1 square verst. In turn, within the region, the highest population density was observed in the Dzsharkent district – 23,77 people per 1 sq. km, while in Verny – 3,84, Lepsinsk – 2,08 and in Kopal – 2,97 people ³⁸.

Semirechye differed from other regions of Kazakhstan by the diversity of its ethnic mosaic (Table 2). It was a pronounced ethnic heterogeneous region. The absolute majority of the population was Kazakhs – 515,001 or 77,5 %. The second largest ethnic group was Russians – 59,815 or 9,01 %. In terms of numbers, the Uyghurs were not much behind them – 55,809 or 8,40 %. A significant segment in the ethnic culture of the population was formed by Ukrainians – 12,143 people or 1,82 %, Tatars – 6,907 people or 1,04 %, Dungsans – 4,416 people or 0,67 %, as well as representatives of other cities ³⁹.

Table 2

Ethnic composition of the Kazakh counties population in the Semirechensk region at the beginning of the 20th century

County	Kazakhs		Russians		Ukrainians		Dungsans		Uyghurs		Tatars	
	ppl.	%	ppl.	%	ppl.	%	ppl.	%	ppl.	%	ppl.	%
Verny	151,485	67,7	33,664	15,1	–	–	1,852	11,5	–	–	2,144	2,6
Dzhar-kent	125,681	92,1	6,173	4,51	2,395	1,8	–	–	–	–	1,672	1,2
Kopalsk	156,107	86,3	14,292	7,9	7,825	4,3	–	–	–	–	1,908	1,1
Lepsinsk	81,728	66,6	5,686	4,6	–	–	2,564	2,1	30,108	24,5	–	–

Этнические меньшинства в истории России

Due to the inhabitants of the regional city of Verny and numerous Cossack villages, old-timers and new resettlement villages, the proportion of Russians in the Verny district was 2–3 times higher than in other districts of the region. Here they lived 33,664 people or 15,09 %. But still, 2/3 of the population was Kazakhs – 151,485 people – 11,4 %. There were 1852 people in the Dungan county – 0,82 %, Tatars, who mainly lived in Verny, there were 2,144 people – 0,95 %. In the Kapal district, 125,681 Kazakhs lived – 92,1 %, Russians – 6,173 people – 4,52 %, Ukrainians – 2,395 people – 1,75 %, Tatars – 1,672 people – 1,22 %. In the Lepsinsk district, the ethnic composition was as follows: Kazakhs – 156,107 people – 86,3 %, Russians – 14,292 people – 7,9 %, Ukrainians – 7,825 people – 4,32 %, Tatars 1,908 people – 1,05 %. In the Dzharkent district, Kazakhs made up 66,6 % of the population – 81,728 people, Russians – 5,686 people, that is 4,63 %. Along with the Verny district, the Dzharkent district was the area of the most compact settlement of the Uighurs and Dungans. The first lived here 30,108 people or 24,55 %, the second – 2,564 people or 2,08 %. Within the county, the Uighurs converged in the so-called “Taranchy” volosts – Dzharkent-Taranchy, Akkent, Ketmen, Aksu-Garyn⁴⁰.

In general, the migration processes, which were growing every year, intensified the process of “erosion” of the ethnic homogeneity of the Semirechensk region, which began during its military-Cossack colonization. The new course in the colonization policy, developed within Stolypin agrarian reform, caused an unprecedented migration trend in its mass character – wave after wave masses of settlers arrived in Semirechye. In 1907–1912, the intensity of migration to the Semirechensk region was so great that it amounted to 72,6 % of the total number of immigrants for the entire period from 1897 to 1916, which significantly changed the ethnic structure of the population of the region⁴¹.

Thus, by the beginning of the 20th century, large ethnic communities of some European and Asian peoples had formed in Semirechye, distinguished by a high level of natural growth and high migration mobility.

Migration processes became one of the key factors in expanding the territory and strengthening the borders of the Russian Empire in Central Asia in the 19th and early 20th centuries. An analysis of the above materials showed that over a long historical period, migration policy acted more as a colonization policy – for settling and developing newly annexed lands and border lines, and a resettlement policy – for settling and arranging land-poor peasants in new territories.

Due to its geopolitical position, Kazakhstan experienced a powerful impact of migration flows from Russia, which largely influenced the course of ethno-demographic processes and determined the uniqueness of the demographic situation in the country. Assessing the role of the migration policy of the Russian state in the formation of the population of Semirechye in the pre-revolutionary period, two periods can be distinguished. The first period was associated with the military-Cossack colonization of the Kazakh region. The beginning of resettlement in the Semirechensk region was laid by the Siberian Cossacks in the 40s of the 19th century, and in 1867 the Semirechensk Cossack army was created, which played a huge role in the imperial policy of the tsarist

administration in the southeast of Kazakhstan. The second period – the stage of economic development of the region – included the migration movement of the population in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century and led to a change in the ethno-demographic structure of the population of Semirechye. Here, the migration of Russian and Ukrainian peasants, which became the result of the resettlement policy of tsarism and the Stolypin agrarian reform, played an important role.

The territory of the region was populated not only due to the influx of immigrants from European ethnic groups, but also from China. At the end of the 19th century, the Uigurs and Dungans moved to the southeast of Kazakhstan from the Ili Valley, forming here the first ethnic group of the settled agricultural population.

The multi-ethnic composition of the population of the Semirechye region was formed not on the basis of historically established ethnic groups, but as a result of the arbitrary and sometimes forcible migration of entire peoples to its territory. Intensive migration processes were most often the result of certain actions of the state. The migratory movement was regulated by sanctioning already formed flows, organizing resettlement to distribute labor, forcibly displacing entire peoples. But migration, in turn, also had an impact on the development of the state, making changes in the ethno-demographic composition of the population of the republic. The features of the formation of the multi-ethnic composition of the population of Zhetysay lie in large-scale migration processes, which have become a significant factor that influenced the ethnic structure of the population of the region and which was due to a number of socio-economic and political reasons.

Thus, the powerful migration processes that took place in the history of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries significantly influenced and determined changes in the ethno-demographic structure of the population of Semirechye, whose composition has become multi-ethnic, polyconfessional and multicultural in just half a century.

References

1. Central Asia within the Russian Empire. Moscow. 2008, p. 210
2. URL: <https://stat.gov.kz/region/250502>
3. URL: <https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/begriffe/vielvoelkerstaat>
4. Central Asia within the Russian Empire..., p. 269.
5. First General Census of the Russian Empire in 1897. Vol. 85: Semirechye region. St. Petersburg. 1897.
6. GOLUBEV A. An Excerpt from a Trip to Central Asia and the Trans-Ili Region. — Notes of the Russian Geographical Society. 1861. Vol. 3, p. 13–77.
7. VELETSKIY S. Semirechye Region and Its Colony. The Results of Work on the Colonization of Semirechye for 8 years (1906–1913). St. Petersburg. 1916, p. 62.
8. TREGUBOVA A. Resettlement Business in Semipalatinsk and Semirechye Regions. St. Petersburg. 1910, p. 78.
9. Verst – Russian unit of distance, corresponding to 1066.8 meters
10. Materials on the Survey of the Native and Russian Old-Timers' Economy and Land Use in the Semirechye Region. Vol. 1: Lepsinskiy County. Vol. 2: Kopal county. Vol. 3: Dzharkents county. Vol. 4: Verny county. Vol. 5: Taranchi. St. Petersburg. 1911–1914.
11. LEDENEV N. History of the Semirechye Cossack Host. Verny. 1908, p. 820.

Этнические меньшинства в истории России

12. History of Kazakhstan: Peoples and Cultures. Almaty. 2000, p. 599.
13. LEDENEV N. Op. cit., p. 185.
14. ABDIROV M. History of the Cossacks of Kazakhstan. Almaty. 1994, p.156.
15. History of Kazakhstan: Peoples and Cultures ..., p. 213.
16. MITROPOL'SKAYA T. From the History of the Semirechye Cossacks. Almaty. 1997, p. 104.
17. LEDENEV N. Op. cit., p. 425.
18. MITROPOL'SKAYA T. Op. cit., p. 58.
19. ABDIROV M. Op. cit., p. 156.
20. History of Kazakhstan: Peoples and Cultures ..., p. 208.
21. BEKMAKHANOVA N. The Multinational Population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Era of the Development of Capitalism (the 60s of the 19th Century – 1917). Moscow. 1986, p. 135–137.
22. MUKHATOVA O., TLEUBEKOVA G., BAIGABATOVA N. The Role of the Semirechye Region Resettlement Administration in Solving the Land Issue of the Russian Empire. Almaty. 2020. No. 56. Iss. 2, p. 640–651.
23. Central State Archive of Republic of Kazakhstan, fond 19, list 1, p. 37–38.
24. TREGUBOV A. Op. cit., p. 78.
25. The History of Kazakhstan (from Ancient Times to the Present Day). In 5 volumes. Vol. 3. Almaty. 2000, p. 570.
26. TULEKOVA M. Socio-Demographic Development of the Semirechye Population (1897–1999). Almaty. 2003, p. 350.
27. GALUZO P. Agrarian Relations in the South of Kazakhstan in 1867–1914. Alma-Ata. 1965, p. 346.
28. BARATOVA G. Socio-Economic History of the Semirechye Uyghurs at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Alma-Ata. 1988, p. 156.
29. Taranchi – the Manchu term ta-ryanchi (literally – plowmen, farmers), denoting the Turkic-speaking Muslim settled population of the Ili region, who migrated from East Turkestan. In some sources, the term began to be used in relation to all agricultural Muslim peoples of Turkic-Mongolian origin throughout Central Asia.
30. Materials on the Survey of the Native and Russian Old-timers' Economy and Land Use in the Semirechye Region...
31. History of Kazakhstan: Peoples and Cultures ..., p. 221.
32. KABIROV M. Resettlement of the Ili Uyghurs in Semirechye. Almaty. 1951, p. 82–84.
33. LEDENEV N. Op. cit., p. 820.
34. ISKHAKOV G., KURBANOVA Z. Migration of Uyghurs in Central Asia. 1996. No. 9–10, p. 38–45.
35. First General Census of the Russian Empire in 1897. Vol. 85.
36. We have excluded data for these two counties, since these are currently the territories of present-day Kyrgyzstan.
37. First General Census of the Russian Empire in 1897. Vol. 85.
38. KAPEKOVA G. Semirechye in the First Third of the Twentieth Century: Socio-Economic and Social History. Almaty. 2003, p. 232.
39. ALEKSEYENKO N. Population of Pre-Revolutionary Kazakhstan: Size, Location, Composition (1870–1914). Moscow. 1981, p. 76.
40. BEKTURGANOVA., BAIGABATOVAN., ISKAKOVAG. One Country – One Destiny: from the History of the Formation of the Multi-Ethnic Composition of the Population of Zhetysay. Taldykorgan. 2015, p. 362.
41. History of Kazakhstan: Peoples and Cultures ..., p. 241.

Население КАССР в 1920–1926 гг.

Ж.С. АУБАКИРОВА, Э.О. СТОЛЯРОВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА,
А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Т.Е. ОМЫРЗАК, С.К. УАЛИЕВА

Population of the KASSR in 1920–1926

ZH.S. AUBAKIROVA, E.O. STOLYAROVA, N.L. KRASNOBAEVA,
A.N. ALEKSEYENKO, T.Y. OMYRZAK, S.K. UALIEVA

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования населения образованной в августе 1920 г. Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР) в период между переписями населения 1920 и 1926 гг. В это время перекраивались административные границы, возникали новые национально-государственные объединения, что затрудняет изучение населения на сопоставимой территории. Заметное влияние на население КАССР оказал голод 1921–1922 гг. Авторы статьи приходят к выводу о достоверности материалов переписи 1926 г., в целом адекватно отражающих численность и национальный состав населения КАССР после потрясений первой половины 1920-х гг.

Ключевые слова: Казахстан, перепись населения, голод 1921–1922 гг., административно-территориальные преобразования, миграции.

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation of the population of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic (KASSR) formed in August 1920 in the period between the population censuses of 1920 and 1926. At that time, administrative borders were being actively redrawn, new national-state associations were emerging, which significantly complicates the study of the population in a comparable territory. The famine of 1921–1922 also had a serious impact on the population of KASSR. The authors come to the conclusion about the reliability of the census materials of 1926, which in general adequately reflected the number and national composition of the population of the KASSR after the shocks of the first half of the 1920s.

Key words: Kazakhstan, population census, famine of 1921–1922, administrative-territorial transformations, migrations.

Изучение численности и состава населения Казахстана в первой половине 1920-х гг. затрудняет многообразие происходивших в то время событий. Это был период грандиозной ломки. Перекраивались административные границы, формировались новые национально-государственные образования. В состав образованной в августе 1920 г. Киргизской АССР (в 1925 г. – Казакская АССР, в 1936 г. – Казахская ССР) были включены (в дореволюционных административных границах) Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская губернии, Мангышлакский уезд, 4-я и 5-я Адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области, Синеморская область Астраханской губернии, Букеевская орда (Букеевская степь) и территории бывших оброчных казенных земель, прилегающих к 1-му и 2-му Приморским округам, населенным казахами. 22 сентября 1920 г. ВЦИК новым декретом дополнительно ввел в состав КАССР Оренбургскую губернию, а Оренбург стал столицей республики.

Этнические меньшинства в истории России

Из состава Алтайской, Тюменской и Омской губерний в состав автономии перешли волости с общей численностью населения в 370,6 тыс. чел.¹

Административно-территориальные преобразования продолжались и в последующие годы. Так, в результате размежевания Средней Азии, завершившегося в конце 1924 г., в состав КАССР вошли Казалинский, Акмечетский, Туркестанский, Чимкентский уезды, большая часть Аулиеатинского уезда, часть Ташкентского и Мирзагульского уездов Сырдарьинской области, шесть кочевых волостей Джизакского уезда Самаркандской области, а также Алмаатинский, Джаркентский, Лепсинский, Капальский (Талдыкурганский) уезды. В результате территория КАССР увеличилась на 685,9 тыс. кв. км, а население - на 1 468 тыс. чел.²

После размежевания, при увеличении территории и чрезмерной удаленности южных областей от столицы республики г. Оренбурга руководство хозяйственным строительством было затруднено. В апреле 1925 г. ВЦИК вывел Оренбургскую губернию из состава КАССР, а в октябре того же года установил границу между КАССР и Оренбургской губернией. Столицей автономии стал г. Ак-Мечеть (Кзыл-Орда).

Вопросы численности и состава населения республики в 1920-е гг. рассматривались в основном экономистами, статистиками, идущими вслед за событиями и отражавшими в своих работах отдельные сюжеты большой темы. Повышенное внимание уделялось административно-территориальным изменениям³ и последствиям голода 1921–1922 гг.⁴ Во многом труды авторов 1920-х гг. послужили источниковой базой настоящей статьи, в первую очередь отчеты Совета

Лубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: krasn_nelli@mail.ru; Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: alalaxeenko56@gmail.com; Омырзак Тамерлан Ержанулы – магистр гуманитарных наук по специальности «История», преподаватель-магистр Казахского Национального педагогического университета имени Абая. E-mail: jugger_515@mail.ru; Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского технического университета имени Даулета Серикбаева. E-mail: sayakuday@gmail.com.

Aubakirova Zhanna S. – candidate of historical sciences, director of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Stolyarova Eleonora O. – candidate of sociological sciences, chief researcher of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Krasnobaeva Nelly L. – candidate of historical sciences, leading researcher at the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: krasn_nelli@mail.ru; Alekseyenko Alexander N. – doctor of historical sciences, chief researcher of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: alalaxeenko56@gmail.com; Omyrzak Tamerlan Y. – master of Humanities in the specialty «History», teacher-master of the Department of History of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. E-mail: jugger_515@mail.ru; Ualieva Saule K. – candidate of historical sciences, senior lecturer at Daulet Serikbayev East Kazakhstan Technical University. E-mail: sayakuday@gmail.com.

труда и обороны (СТО) КАССР и губерний о борьбе с голодом. Важнейшим источником стали также материалы переписей населения 1920 и 1926 гг.

Историография вопроса невелика. Советские ученые рассматривали население 1920-х гг. в контексте развития народного хозяйства, советизации казахского аула⁵. В постсоветский период проблема изучалась в основном как составная часть истории Казахстана XX в., внимание на последствиях демографических потрясений 1920-х гг. не заострялось⁶. Из авторов, непосредственно занимавшихся темой голода 1921–1922 гг., следует отметить базирующиеся на солидной источниковой основе труды Б.А. Мусаева⁷ и З.Д. Назаровой⁸.

Проследить изменения динамики численности и этнического состава населения в первой половине 1920-х гг. в сопоставимых границах сложно вследствие административно-территориальных преобразований. Огромное влияние имели и последствия голода, обрушившегося на Поволжье, Урал и Казахстан в 1921–1922 гг. Причины бедствия многообразны: разрушительные последствия Первой мировой и Гражданской войн, политика военного коммунизма и изъятие хлеба у сельского населения, негативные природные явления. Внесли свою лепту и мероприятия советской власти, вернувшей казахам земли, изъятые у них в период столыпинской аграрной реформы. По мнению английского историка Э. Карра, существовали веские причины для отказа от передела обработанных участков земли в целях возвращения их казахским кочевникам, «поскольку такая мера, какой бы она ни была справедливой и политически целесообразной, неизбежно повлекла бы за собой немедленный упадок сельскохозяйственного производства»⁹.

В результате засухи в первую очередь голод коснулся западных регионов автономии. Осенью 1921 г. выяснилось, что собранным хлебом вместе с запасом прошлых лет можно обеспечить население по мизерной норме – два пуда в год (32,7 кг) на душу населения. Крестьяне-переселенцы, несмотря на категорические запреты, стали уходить в Туркестан, Украину. СТО КАССР констатировала: «По имеющимся далеко не полным данным, число выселившихся переселенцев по отдельным районам колеблется от 60 до 20 %. Наибольший процент падает на Уральскую губернию и Темирский уезд»¹⁰. Положение осложнялось тем, что неурожаем и голод в Поволжье подняли встречную волну переселенцев, которые пополняли армию казахстанских голодающих.

Данные о количестве голодавших в пострадавших губерниях весьма противоречивы. Сказался, видимо, различный подход к учету голодающих. В одних источниках учитывалось как местное, так и пришлое население, в других – только местное. Так, в отчете Кустанайского губернского экономического совещания СТО КАССР на конец 1921 г. по губернии указывается 354 340 голодающих¹¹. В отчете СТО КАССР на это же время – 192 340 чел.¹² В отчете Уральского губернского экономсовещания говорится о 285 559 голодающих, а в отчете СТО КАССР – о 400 900¹³.

В западноказахстанских губерниях в апреле 1922 г. количество голодающих составляло 93 % от общей численности населения¹⁴. Декретом ВЦИК летом

Этнические меньшинства в истории России

1921 г. Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Букеевская и Кустанайская губернии были включены в число голодающих и освобождены от продовольственных налогов¹⁵. К весне 1922 г. действовали семь губернских, одна уездная на правах губернской (Адаевский уезд), 46 уездно-районных, 1 127 волостных, аульных и сельских комиссий помощи голодающим. Функционировала Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол) при КазЦике. К середине 1922 г. различными органами ЦК обеспечивалось пищей 777 192 чел., в том числе 422 799 детей. В пяти губерниях были открыты 575 детских домов, девять детприемников¹⁶.

Неизбежным спутником голода были эпидемии. В отчете Актюбинской губернии говорится: «Заболеваемость на почве голода и эпидемий в губернии равнялась 50 %, смертность достигла 28 %. Точно учесть умерших по всей губернии на почве голода не представляется возможным в силу оторванности не только волостей, но и целых районов от центра губернии, связь с которыми в зимнее время была вовсе прекращена из-за свирепых буранов. Именно в этот период смертность достигла наивысшего процента»¹⁷.

Причинами заболеваний были голод, движение голодающего населения из Поволжья, через западные губернии Казахстана в Туркестан, из сельской местности в города: «Наряду с бытовыми условиями этот фактор оказал настолько значительное влияние на общее санитарное состояние края, что обуславливал собой целый ряд явлений общественной санитарной жизни: переполнение городских центров, скученность на линии железной дороги, создание целого ряда эпидемических очагов, громадное переполнение лечебной сети республики»¹⁸.

О том, что смертность была велика, свидетельствуют следующие данные: «В Кустанайской губернии в январе было 1 200 голодных смертей, в феврале 500, в марте 1 500. Смертность с начала голодной кампании по январь 1922 года достигла 40 % по городу и 60 % по районам от общей заболеваемости»¹⁹. В Оренбургской губернии «заболело на почве голода 29 578 человек, из них умерло 22 635 человек... В Уральской губернии заболело 5 178 человек, из них умерло 3 000 человек»²⁰.

Данные информационного бюллетеня по Оренбургской губернии Киргизского краевого чрезвычайного комитета свидетельствуют: «Пададь является лакомым куском, началось потребление кошек, собак, овчинных лоскутов... Цены на кошек и собак, как на продукты питания, растут: собака стоит 100 тысяч рублей, кошка – 15–18 тысяч рублей... В настоящее время едят мертвые тела людей, из 70 трупов съедено 38... В начале умерших хоронили в ямах, потом стали складывать в амбарах, из которых жители крали трупы для пищи... тела умерших приготавливаются как бараны, висят подвешенные с отрубленными головами и частями, туши которых поедаются родственниками. Почти в каждом доме села Юзеево имеется умерший, которого не хоронят, а пожирают сами»²¹. Уральская губерния: «На улицах вечером боязно показаться, проводится определенная охота на людей... Умиравших поедают те же голодающие. Когда умирают в доме члены семьи, то о смерти не заявляют, тайно съедают»²².

Приведенные страшные подробности позволяют сделать вывод о том, что статистические данные партийных и советских органов, материалы архивов не в состоянии уточнить более или менее точное количество жертв голода вследствие сокрытия умерших, массового движения населения.

События начала 1920-х гг. отразились на состоянии сельского хозяйства Казахстана: «Неурожай и джут 1921 года, последовавший за ними голод нанесли страшный удар по сельскому хозяйству, только начавшему оправляться от последствий разрушительных войн. И если в конце 1920 г. оно оказалось на уровне конца XIX века, то в 1923 году было отброшено еще на 20–30 лет»²³.

Итоги подвел пленум Киргизского обкома РКП(б) в январе 1924 г. В постановлении пленума констатировалось сокращение крестьянских хозяйств за три года (1920–1923) на треть, уменьшение количества скота по сравнению с периодом 1915–1917 гг. в четыре раза, по сравнению с 1922 г. – на одну пятую часть. Посевная площадь по сравнению с 1915–1917 гг. сократилась в три раза²⁴. Главными причинами такого падения сельского хозяйства стали, наряду с мировой и гражданской войнами, неурожай и голод 1921–1922 гг.

Таким образом, динамику численности и этнический состав населения Казахстана в первой половине 1920-х гг. в значительной мере определяли голод 1921–1922 гг. и административно-территориальные изменения. Значительного влияния миграций, нарушивших процесс формирования населения в первое десятилетие советской власти, на наш взгляд, не наблюдалось. Некоторое исключение составляют украинцы, активно перемещавшиеся на территорию Акмолинской и Семипалатинской губерний с начала проведения столыпинских реформ. Большого же миграционного притока в Казахстан из европейской части России в это время не было. Более того, присутствовал миграционный отток. Для обоснования данной точки зрения обратимся к материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Перепись 1926 г. зафиксировала в республике 1 416 тыс. «неместных уроженцев»²⁵. Но не следует думать, что 22 % населения КАССР были мигрантами. «Неместные уроженцы», согласно переписи, – это люди, зарегистрированные не в том населенном пункте, где они родились. Человек, сменивший место жительства даже в пределах одной волости, числился уже как «неместный уроженец». В 1926 г. таковых насчитывалось 614,4 тыс. чел., или 43,4 % всех «неместных уроженцев»²⁶. Тех же, кто родился за пределами Казахстана, но в декабре 1926 г. в нем проживал, было 801,5 тыс. чел.²⁷ В то же время уроженцев Казахстана, проживающих за его пределами, перепись зафиксировала в количестве 162,7 тыс. чел.²⁸ Таким образом, миграционный приток в республику составил 638,8 тыс. чел., то есть прибывших было намного больше.

Прокомментируем некоторые цифры. Во-первых, об уроженцах Казахстана, проживающих за его пределами. Дело в том, что перепись учла только уроженцев Казахстана, выбывших в другие регионы СССР, то есть не всех выбывших, а лишь тех, кто родился в Казахстане. Численность всех выбывших намного больше. Во-вторых, с начала XX в. в Казахстане наблюдался активный миграционный обмен (столыпинская аграрная реформа, Первая мировая война и восстание 1916 г.,

Этнические меньшинства в истории России

Гражданская война, голод 1921–1922 гг.). Сотни тысяч людей, в том числе не родившихся в Казахстане, покидали его, а затем возвращались. Здесь сработал эффект «двойного зачета», то есть прибывшие в Казахстан в конце XIX – начале XX в. и уже учтенные как «неместные уроженцы» покидали республику (наиболее интенсивно в период голода 1921–1922 гг.), а затем возвращались (особенно в 1923–1925 гг.). Они опять учитывались как вновь прибывшие.

Мы имеем основание утверждать, что абсолютное большинство «неместных уроженцев», прибывших в период с 1920 по 1926 г. (около 40 % всех «неместных уроженцев», зафиксированных переписью 1926 г.), – это люди, возвратившиеся на родину после голодных лет. Свидетельствуют об этом и следующие цифры: 31,3 % «неместных уроженцев» за 1921–1926 гг. составляли казахи (табл. 1). Наблюдается закономерность: самая высокая доля «неместных уроженцев» среди казахов была в голодавших губерниях: в Адаевском уезде – 88,7 %, в Уральской губернии – 50 %, в Актюбинской губернии – 45,7 %²⁹.

Таблица 1

«Неместные уроженцы», поселившиеся в КАССР в 1921–1926 гг.³⁰

Народности	Продолжительность проживания				
	1926	1925	1924	1921/23	Итого
по КАССР	66 866	85 187	91 909	278 172	522 134
казахи	10 434	27 361	28 484	97 176	163 455
русские	35 769	33 979	36 427	104 159	210 334
украинцы	12 182	16 647	19 550	53 659	102 036
другие этносы	8 481	7 200	7 448	23 268	46 309

Таким образом, миграционные процессы в первой половине 1920-х гг. не могли заметно повлиять на увеличение численности населения Казахстана. Для подтверждения этого вывода представим данные двух переписей населения – 1920 и 1926 гг. Сравнительный анализ проведен на сопоставимых территориях, то есть без учета населения регионов, вошедших в состав Казахстана после переписи 1920 г. (Сыр-Дарьинская, Джетысуйская губернии) и вышедших из республики до переписи 1926 г. (Оренбургская губерния), табл. 2³¹.

Таблица 2

Численность и этнический состав населения КАССР в сопоставимых границах (по данным переписей населения 1920 и 1926 гг.), тыс. чел.

Губерния	Все население		Казахи		Русские		Украинцы		Другие этносы	
	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926
Казахстан	4 038,8	4 152,8	2 208,4	2 188,2	1 114,1	1 048,6	561,8	727,9	154,5	188,1
Акмолинская	1 187,5	1 211,5	445,3	430,8	458,2	394,1	222,1	312,3	61,9	74,3
Актюбинская	533,7	468,3	406,1	320,0	34,7	43,8	81,5	88,4	11,4	16,1
Семипалатинская	1 047,8	1 310,2	565,9	714,6	380,4	398,6	68,5	140,2	33,0	56,8
Уральская	740,4	638,0	531,8	467,9	158,6	127,4	27,9	25,4	22,1	17,3
Кустанайский округ	428,0	389,3	160,0	123,4	80,5	82,6	161,8	160,8	25,7	22,5
Адаевский уезд	101,4	135,5	99,3	131,5	1,7	2,1	–	0,8	0,4	1,1

За шесть лет (с 1920 по 1926 г.) численность населения увеличилась на 2,8 %. В среднем за год рост составил 0,47 %. О большом миграционном притоке из-за пределов республики говорить не приходится. Численность основных этносов республики – казахов и русских – сократилась, соответственно, на 0,9 и 5,9 %. Уменьшилась и их доля в составе населения (казахов с 54,7 до 52,7 %, русских – с 27,6 до 25,2 %). Основное влияние на такие процессы оказал голод 1921–1922 гг. В первую очередь это касается казахского населения. Данные табл. 3 свидетельствуют, что наибольшее сокращение численности этноса наблюдалось именно в голодающих регионах. Так, в Кустанайском округе казахов стало меньше на 22,9 %, в Актюбинской области – на 21,2 %, в Уральской области – на 12 %. Многие перемещались в регионы, менее затронутые голодом, вследствие чего в Семипалатинской области численность этноса увеличилась на 26,3 %.

По мнению Г.Ф. Дахшлейгера, оценивая споры на тему переселения в Казахстан, следует признать, что «вначале на землеустройстве они почти не сказались. Обстановка разрухи, неурожая и голода настолько ограничивала возможности крестьянства края, без различия национальностей, в расширении посевов или увеличении поголовья скота, что вопрос о земельных наделах в 1922–1923 годах не мог стоять уж очень остро, миграционные же процессы на первых порах шли главным образом по линии оттока крестьян-переселенцев из республики, а не притока в республику»³².

Процесс пересмотра республиканских границ в результате размежевания Средней Азии отразился на этнической структуре населения Казахстана (табл. 3)³³.

Таблица 3

Численность и этнический состав населения КАССР, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (тыс. чел.)

Губернии	Все население		Казахи		Русские		Немцы		Украинцы		Другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	6 198,0	100	3 627,5	58,5	1 275,8	20,6	51,1	0,8	860,0	13,9	383,6	6,2
Акмолинская	1 211,6	100	430,8	35,6	394,1	32,5	21,2	1,7	312,3	25,8	53,2	4,4
Актюбинская	468,3	100	320,0	68,3	43,8	9,3	1,7	0,4	88,4	18,9	14,4	3,1
Джетысуйская	887,8	100	563,1	63,4	144,0	16,2	0,5	0,1	88,9	10,0	91,3	10,3
Семипалатинская	1 310,2	100	714,6	54,5	399,3	30,5	11,9	0,9	140,2	10,7	44,2	3,4
Сырдарьинская	1 157,2	100	876,2	75,7	82,4	7,1	4,4	0,4	43,2	3,7	151,0	13,0
Уральская	638,0	100	467,9	73,3	127,4	20,0	0,6	0,1	25,4	4,0	16,7	2,6
Адаевский уезд	135,6	100	131,5	97,0	2,1	1,5	0,0	0,0	0,8	0,6	1,2	0,9
Кустанайский округ	389,3	100	123,4	31,7	82,7	21,2	10,8	2,8	160,8	41,3	11,6	3,0

В 1926 г. удельный вес неказахского населения республики в сравнении с 1920 г. сократился на 11 %, в том числе русских – на 13,8 %. В то же время удельный вес казахского населения увеличился на 11 %. Объясняется это тем, что в результате размежевания республик Средней Азии Казахстан в основном

Этнические меньшинства в истории России

пополнился лицами казахской национальности. В то же время в вышедшей из состава республики Оренбургской губернии большинством населения (более 70 %) были русские.

Мнения о численности казахов в середине 1920-х гг. расходятся. Часть исследователей (Я. Винник, С. Брук, В. Козлов) считают сведения переписи 1926 г. завышенными вследствие включения в эту графу киргизов и представителей некоторых других тюркоязычных групп. Другие, в основном казахстанские ученые, - заниженными. Так, по мнению А.Б. Галиева и М.Х. Асылбекова, перепись не учла 4–5 % казахов, М.Б. Татимова, – 6,7 % или даже 15 % кочевого и 20 % полукочевого населения Казахстана³⁴. Подобная ситуация объясняется в основном тем, что данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. являются единственным документальным источником при определении потерь во время голода начала 1930-х гг., сыгравшего огромную негативную роль в демографической истории Казахстана. Если принимать во внимание, что в 1926 г. казахов было больше, чем зафиксировала перепись (то есть присутствовали «неучтенные»), то по сравнению с материалами 1939 г. отрицательная динамика численности этноса была более высокой. Количество пострадавших во время голода начала 1930-х гг. и политических репрессий автоматически вырастет. Правда, в этом случае голод начала 1920-х гг. может вообще не отразиться на численности этноса. Сопоставление переписей населения 1920 и 1926 гг. никаких катастрофических явлений не выявляет.

Перечислим основные аргументы казахстанских исследователей (в основном они представлены известным демографом М.Б. Татимовым). При сравнении возрастно-половой структуры казахского населения по данным переписей 1897 и 1926 гг. в последней обнаружен недоучет детей, особенно грудного возраста, а также женщин. Причины состоят в том, что перед 1926 г. были отменены калым и многоженство и девушки скрывались от регистрации в ходе переписи. Скрывались также и молодые мужчины, так как у населения сохранились воспоминания о мобилизации на трудовые работы в годы Первой мировой войны. Недоучет получился и вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения: «Если учет населения все же и осуществлялся, то нередко по заочным декларациям с использованием всевозможных условных и средних коэффициентов, что в конечном итоге тоже искажало картину»³⁵.

Со многими аргументами, высказанными М.Б. Татимовым, А.Б. Галиевым и др., можно согласиться. Известно, что в 1920-е гг. в СССР наблюдался недоучет рождений, что подтверждают многие исследователи (Ю.А. Корчак-Чепурковский, С. Максудов и др.). Историки-демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.А. Харьковская после сложных расчетов пришли к выводу, что среднюю необходимую поправку к численности населения СССР по переписи 1926 г. в возрасте 0, 1 и 2 года можно принять равной 10 %. Признается и недоучет женщин молодого возраста в азиатской части страны вследствие указанных выше причин. В результате половая пропорция при переписи на территории

Средней Азии и Азербайджана была искажена и содержала дефицит женщин в возрасте от 8 до 27 лет. Но это явление, по мнению названных авторов, не имеет отношения к Казахстану и автономиям Северного Кавказа, потому что недоучет, по имеющимся данным, здесь был незначительным³⁶.

Тем не менее для выявления максимального показателя возможного недоучета мы распространяем на Казахстан поправку на дефицит женщин в возрасте 8–27 лет в 5 %, характерную для Средней Азии. В тоже время мы не учитываем предполагаемый М.Б. Татимовым недоучет казахского населения вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения, так как здесь на равных присутствует и возможность его переучета, завышение реальной численности.

После введения соответствующих поправок в данные переписи 1926 г. выяснилось следующее. Возможный недоучет детей в возрасте 0, 1 и 2 года составил 34,5 тыс., недоучет женщин 8–27 лет – 31,9 тыс. Принято во внимание также мнение М.Б. Татимова о диспропорции полов (недостаточное количество мужчин в некоторых возрастных группах) и выправлена половая структура в возрасте 20–24 лет (именно в этой возрастной группе наблюдался наиболее ощутимый дефицит мужчин), в результате чего численность населения увеличилась еще на 24,2 тыс. чел. Всего, таким образом, возможный недоучет составил 90,6 тыс. чел. Численность этноса на территории Казахстана, по этим расчетам, составила около 3 718 тыс. чел. (без Каракалпакской АО). Возможный недоучет – примерно 2,5 %³⁷.

Конечно, даже после всевозможных перерасчетов картина возрастно-половой структуры населения Казахстана далека от идеала. Но достаточно вспомнить события, предшествовавшие переписи 1926 г., которые не позволяли сохранить эту структуру в классическом виде: Первая мировая война и национально-освободительное восстание 1916 г., Гражданская война, голод 1921–1922 гг. На наш взгляд, Всесоюзная перепись населения 1926 г. в целом показала истинное положение дел, зафиксировав реальное состояние демографического развития Казахстана в первой половине 1920-х гг.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта ИРН АР08856205 «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан».

The research was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project АР08856205 "Assessment of the level of demographic security of the Republic of Kazakhstan".

1. СЫДЫКОВ Е.Б., МАЛЫШЕВА М.П. Сибирь и Казахстан (национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. 1919–1922 гг.). Семей. 2010; Алтайская губерния – Казахстан. 1917–1925. История административно-территориального разграничения: Сб. док-тов и м-лов. Барнаул. 2001; АЛЕКСЕЕНКО Н.В., АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск. 1999, с. 5.
2. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (авг. 1920 – дек. 1936 гг.). Алма-Ата. 1959, с. 19.
3. БУРОВ М. Экономическая сторона и проблемы национального размежевания Средней Азии. —

Этнические меньшинства в истории России

- Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент. 1924. № 2; МЕНДЕШЕВ С. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Киргизской ССР. — Советская Киргизия. 1924. № 8–9.
4. МАРДАРОВСКИЙ Н.И. Голод в Киргизии и борьба с недородами. Оренбург. 1922; ИВАНОВ Ю.М. Голод в КССР и общие условия хозяйственной жизни голодающих губерний. — Экономическая жизнь Киргизского края. 1927. № 1, с. 31–35.
5. ДАХШЛЕЙГЕР Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата. 1965; НЕЙШТАДТ С.А. Социалистические преобразования в экономике Казахской ССР в 1917–1937 гг. Алма-Ата. 1957; ВИЛЕНСКИЙ Е.Л. Ликвидация безработицы и аграрного перенаселения в Средней Азии и Казахстане (1917–1932 гг.). Алма-Ата. 1980.
6. АСЫЛБЕКОВ М.Х., ГАЛИЕВ А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата. 1991; АБЫЛХОЖИН Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата. 1991; АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Сельское население Казахстана (1920–1990 гг.). Алматы. 1993.
7. МУСАЕВ Б.А. Россия и Казахстан: опыт взаимосвязи прошлых лет по борьбе с голодом в начале 20-х годов XX века. — Сборник материалов международной научно-практической конференции «Интегрирующий союз Казахстана и России: вызовы глобализации». Уральск. 2003, с. 160–165; Организационные мероприятия по борьбе с голодом в Казахстане в начале 20-х годов XX века: Республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 200-летию М. Утемисова. Уральск. 2003, с. 30–43.
8. НАЗАРОВА З.Д. Голод 1921–1922 годов в Казахстане: причины, масштабы, последствия. — Вестник Евразийского гуманитарного института. 2005. № 1, с. 13–19; Голод в 1923–1924 годах в Акмолинской губернии. — История столицы в материалах архивов: М-лы междунар. науч.-практ. конф. Астана. 2005, с. 74–80.
9. КАРР Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923 / Пер. с англ. А.П. Ненарокова. М. 1990, с. 261–262.
10. Отчет СТО КАССР Совету Труда и Обороне РСФСР о деятельности с 1 января по 1 сентября 1921 г. Оренбург. 1922, с. 17.
11. Отчет Кустанайского губернского экономического совещания за октябрь, ноябрь и декабрь 1921 г. Кустанай. 1921. Вып. 1, с. 58.
12. Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 г. Оренбург. 1922, с. 234–285.
13. Отчет Уральского экономического совещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. Уральск. 1922, с. 309.
14. Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 г..., с. 234–235.
15. СУ РСФСР. 1921, № 62.
16. III сессия Киргизского Центрального Исполнительного Комитета: Полный стенографический отчет. Оренбург. 1921, с. 2.
17. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: Сб. статей и отчетов. М. 1922, с. 205.
18. Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 г..., с. 105.
19. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг., с. 221.
20. Там же, с. 212.
21. Центральный государственный архив Республики Казахстан, ф. 28, оп. 1, д. 24, л. 165–169. Цит. по: НАЗАРОВА З.Ж. Новая экономическая политика в аграрном секторе Казахстана: опыт и уроки (1921–1929 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Астана. 2010, с. 54.
22. Там же, с. 55.
23. ДАХШЛЕЙГЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 184.
24. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. Алма-Ата. 1981, с. 120–121.
25. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская ССР. М. 1930. Т. 42, с. 41.
26. Там же, с. 108.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же, с. 108–110.
30. Там же.
31. Календарь-справочник и записная книжка на 1924 год. Оренбург. 1924, с. 25; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. М. 1928, с. 15–46.
32. ДАХШЛЕЙГЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 386.
33. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8..., с. 15–46, 126–153.
34. АБЫЛХОЖИН Ж.Б., КОЗЫБАЕВ М.К., ТАТИМОВ М.Б. Казахстанская трагедия. — Вопросы истории. 1989. № 7, с. 66.
35. Там же.
36. Экспресс-информация. Сер.: История статистики. Вып. 3–5. Ч. 1. М. 1990, с. 20, 24.
37. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8..., с. 56–59.

Исторические предпосылки формирования казахстанской «модели» рождаемости: середина XX – начало XXI в.

Г.А. САРСЕМБАЕВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА, Н.А. МАХМЕТОВА,
Э.О. СТОЛЯРОВА, Ж.С. АУБАКИРОВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО.

Historical prerequisites for the formation of the Kazakhstan “model” of fertility: mid-20th – early 21st centuries

G.A. SARSEMBAYEVA, N.L. KRASNOBAEVA, N.A. MAKHMETOVA, E.O. STOLYAROVA, Zh.S. AUBAKIROVA, A.N. ALEKSEYENKO

Аннотация. Статья посвящена этапам трансформации и становления казахстанского варианта рождаемости в контексте общественно-политических и социально-экономических изменений, сопровождавших развитие республики во второй половине XX – первой четверти XXI вв. Рассмотрены этнодемографические и социокультурные причины сохранения высоких показателей рождаемости казахского этноса, сформировавшиеся в советский период. Дан анализ перспективы сохранения фиксируемых в настоящее время репродуктивных тенденций в условиях быстрой урбанизации казахов.

Ключевые слова: Казахстан, казахи, этнический состав, городское население, демография, коэффициент суммарной рождаемости, традиции.

Abstract. The article is devoted to the stages of transformation and formation of the Kazakh variant of fertility in the context of socio-political and socio-economic changes that accompanied the development of the republic in the second half of the 20th – first quarter of the 21st centuries. The ethnodemographic and socio-cultural reasons for the preservation of high birth rates of the Kazakh ethnic group, formed in the Soviet period of history, are considered. The analysis of the prospects for the preservation of currently fixed reproductive trends in the conditions of rapid urbanization of Kazakhs is given.

Key words: Kazakhstan, Kazakhs, ethnic composition, urban population, demography, total fertility rate, traditions.

Последнее десятилетие XX в. на постсоветском пространстве стало временем не только политических, но и этнодемографических потрясений. Более остро проблема обозначилась в государствах, полиэтничная структура которых сформировалась еще в середине XX в. К таковым в первую очередь относится Казахстан. Особенностью Казахстана являлась этническая дифферен-

Этнические меньшинства в истории России

циация системы расселения, экономической деятельности, демографических показателей. Подобное состояние начало складываться еще в 1930-е гг. и окончательно оформилось в 1940-е – 1960-е гг.

В 1940-е – 1950-е гг. численность населения СССР в сопоставимых границах (с учетом населения Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР после переписи населения 1939 г.) увеличилась на 9,5 %. В Казахстане темпы роста были в 5,4 раза выше союзных (увеличение численности населения на 51,1 %) ¹. Столь высокая динамика объясняется мощным миграционным притоком населения из республик СССР, в первую очередь из России. Миграционный поток существенно повлиял на этнический состав населения Казахстана и ускорение темпов становления дифференцированной системы расселения. По данным переписи 1959 г., удельный вес казахов в составе городского населения составил лишь 17,0 %, индустриально-городские функции в основном выполняли представители европейских этнических групп. И, хотя доля казахского этноса в составе городского населения постепенно росла (достигнув 26,6 % в 1989 г.), необходимо учитывать, что в число горожан входили жители многочисленных рабочих поселков, где образ жизни был фактически таким же, как и в сельской местности (табл. 1) ².

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: gulzhan1974@mail.ru; Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: krasn_nelli@mail.ru; Махметова Надира Аманжолқызы – докторантка 2-го года обучения Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова по образовательной программе «8D02202-История». E-mail: nadira_95_@mail.ru; Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: alalexeenko56@gmail.com.

Sarsembayeva Gulzhan A. – candidate of historical sciences, senior lecturer at Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: gulzhan1974@mail.ru; Krasnobaeva Nelly L. – candidate of historical sciences, leading researcher at the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: krasn_nelli@mail.ru; Makhmetova Nadira A. – 2nd year doctoral student of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan State University according to the educational program "8D02202-History". E-mail: nadira_95_@mail.ru; Stolyarova Eleonora O. – candidate of sociological sciences, chief researcher of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: eleonora193967@gmail.com. Aubakirova Zhanna S. – candidate of historical sciences, director of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Alekseyenko Alexander N. – doctor of historical sciences, chief researcher of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: alalexeenko56@gmail.com.

Таблица 1

Численность, этнический состав и расселение населения Казахстана, по данным переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (тыс. чел.)

	1959		1970		1979		1989	
	Чис-ть	%	Чис-ть	%	Чис-ть	%	Чис-ть	%
Все население	9 294,7	100	13 008,9	100	14 684,3	100	16 464,5	100
городское	3 780,5	100	6 077,8	100	7 320,6	100	8 751,1	100
сельское	5 514,2	100	6 931,1	100	7 363,7	100	7 713,4	100
казахи	2 787,3	30,0	4 234,2	32,5	5 289,3	36,0	6 534,6	39,7
городское	641,8	17,0	1 048,6	17,2	1 495,9	20,4	2 331,4	26,6
сельское	2 145,5	38,9	3 185,6	46,0	3 793,4	51,5	4 203,2	54,5
русские	3 942,0	42,7	5 522,3	42,4	5 991,2	40,8	6 227,5	37,8
городское	2 190,9	57,9	3 624,7	59,6	4 222,6	57,7	4 613,1	52,7
сельское	1 781,1	32,3	1 897,6	27,4	1 768,6	24,0	1 614,4	20,9
другие этносы	2 535,4	27,3	3 252,4	25,0	3 403,8	23,2	3 702,4	22,5
городское	947,8	25,1	1 404,5	23,1	1 602,1	21,9	1 806,6	20,6
сельское	1 587,6	28,8	1 847,9	26,7	1 801,7	24,5	1 895,8	24,6

Таким образом, в советский период большинство казахов оказалось вне индустриально-промышленного вектора развития Казахстана. В то же время высокая концентрация населения в сельской местности (вольная или невольная) в сочетании с социальными программами Советского государства позволила обрести солидные демографические дивиденды, ставшие основой быстрого роста численности этноса. Более выраженно динамика процесса была представлена в 1960-е гг. (см. табл. 1), когда численность казахов выросла на 51,9%. Это время характеризуется наибольшей репродуктивной активностью казахских женщин за советский период. По нашим подсчетам, на одну казахскую женщину, появившуюся на свет в 1930-е гг. (1930–1939 г.г.), приходилось 6,4 деторождения³.

Распад СССР и быстрое изменение этнического состава населения Казахстана привели к появлению новых вариантов демографического развития республики. Роль внешних миграций, оказывавших в конце XX в. большое влияние на изменение этнической структуры, в XXI в. постепенно снижается. Изменение численности населения государства все больше зависит от процессов воспроизводства. Впервые в новейшей истории его определяют казахи, активно перемещающиеся в города и переносящие на новое место жительства элементы традиционной культуры.

В результате современная демографическая ситуация складывается из компонентов, отражающих суть меняющихся социокультурных установок, наиболее адекватно фиксируемых коэффициентом суммарной рождаемости, который характеризует средний уровень рождаемости в тот или иной период⁴.

В мировой науке получило широкое распространение изучение проблем рождаемости, репродуктивного поведения в контексте урбанизации, социально-экономического развития мегаполисов и их пригородов⁵. Заслуживают

Этнические меньшинства в истории России

внимания многомерные методы исследования влияния долгосрочного городского цикла (урбанизация, субурбанизация, противодействие модернизации, повторная модернизация) на эволюцию показателей рождаемости⁶.

Вопросы воспроизводства широко представлены в российской демографии. Авторам близки труды А.Г. Вишневого, обращающего пристальное внимание на социокультурные факторы рождаемости и обозначившего широкий научный диапазон проблемы: исторические типы воспроизводства, особенности демографического перехода, феномен демографической революции и др.⁷ Изучению новейших тенденций рождаемости, трансформации российской семьи, посвящены работы С.В. Захарова, О.В. Синявской, В.И. Сакевич, В.Н. Архангельского и др.⁸

Круг ученых, рассматривающих аналогичные сюжеты в Казахстане, невелик. При этом большинство авторов раскрывают проблемы, отражающие особенности развития явления в конце XX – начале XXI в.⁹ Но быстрые изменения этнического состава, урбанизация казахского населения приводят к появлению новых тенденций, способных определять демографическую ситуацию как в близкой, так и в средней перспективе. Предлагаемая статья посвящена проблеме становления казахстанской модели рождаемости, все более явно отражающей социально-экономические и социокультурные предпочтения казахского этноса.

Источниковой базой статьи послужили данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и Национальных переписей Республики Казахстан 1999 и 2009 гг. Достаточное количество статистической информации содержится в Демографических ежегодниках Казахстана, в данных текущей статистики (бюллетени, экспресс-информация и др.), в изданиях Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан¹⁰.

К концу 1980-х гг. коэффициент суммарной рождаемости в СССР равнялся 2,34. «Среднесоюзный» коэффициент складывался из многообразия отличавшихся друг от друга республиканских показателей. В европейской части страны коэффициент суммарной рождаемости балансировал в диапазоне между 1,93 (Украина) и 2,90 (Азербайджан). Приемлемые средние данные по стране во многом обеспечивали республики Средней Азии, где минимальный коэффициент суммарной рождаемости равнялся 3,63 (Киргизия), максимальный – 5,09 (Таджикистан). Казахстан находился между условно «европейским» и «азиатским» вариантами (2,79)¹¹.

Спустя три десятилетия, в 2020 г., в бывших советских республиках, а теперь – суверенных государствах, расположенных в европейской части, показатели коэффициента суммарной рождаемости стали существенно ниже уровня простого воспроизводства (от 1,22 на Украине до 1,97 в Грузии)¹². Вектор демографического развития постсоветской Центральной Азии в целом схож с европейским вариантом. Несмотря на то что и в 2020 г. коэффициент суммарной рождаемости по-прежнему высок, заметна тенденция к его снижению.

В большей мере это проявилось в Узбекистане (в 2020 г. в сравнении с 1990 г. коэффициент суммарной рождаемости уменьшился на 40,5 %), в меньшей – в Кыргызстане (сокращение на 9,1 %). И лишь демографическое развитие Казахстана идет по другому сценарию – в 2020 г. коэффициент суммарной рождаемости стал на 12,2 % больше, чем в 1990 г. (табл. 2) ¹³.

Таблица 2

Коэффициент суммарной рождаемости в странах Центральной Азии, 1990–2020 гг.

Страна	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2020 г. к 1990 г. (%)
Казахстан	2,79	1,86	2,61	3,13	+12,2
Кыргызстан	3,63	2,40	2,80	3,30	-9,1
Узбекистан	4,20	2,58	2,80	2,50	-40,5
Таджикистан	5,09	3,49	3,40	3,50	-31,1
Туркменистан	4,20	2,90	2,50	3,00	-28,6

Различающиеся тенденции демографического развития государств Центральной Азии во многом объясняются тем, что к началу 1990-х гг. здесь в разной пропорции были представлены условно «европейский» и «центрально-азиатский» варианты воспроизводства населения. Специфика определялась этническим составом, сложившимся в советский период. По данным переписи населения 1989 г., удельный вес узбеков в Узбекистане составлял 71,4 %, таджиков в Таджикистане – 62,3 %, туркмен в Туркменистане – 72,0 % ¹⁴. При этом коренное население этих республик было важной частью социальной структуры городов и являлось в них абсолютным большинством (туркмены – 53,8 % городского населения, узбеки – 53,7 %, таджики – 50,5 %) ¹⁵. Социально-демографические процессы в Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане еще в советский период во многом определяло коренное население, поэтому глобальных этнодемографических изменений в постсоветский период здесь не произошло.

Иная ситуация сложилась в Казахстане. Так, удельный вес казахов в составе населения Казахстана в конце 1980-х гг. равнялся 39,7 %, а в городских поселениях – 26,6 % (табл. 3) ¹⁶. Поэтому распад СССР и последовавшие за этим изменения этнического состава сказались на волнообразном характере процессов воспроизводства населения. Но по мере становления этнической однородности все более отчетливо проявляются тенденции, способные определять демографические явления в течение длительного времени. Рассмотрим основные этапы становления этих тенденций.

Этнические меньшинства в истории России

Таблица 3

Численность, этнический состав и расселение населения Казахстана, по данным переписей населения 1989, 1999, 2009 гг. и материалов текущей статистики 2019 г. (тыс. чел.)

	1989 г.		1999 г.		2009 г.		2019 г.	
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%
Все население	16 464,5	100	14 955,1	100	15 982,4	100	18 631,8	100
городское	8 751,1	100	8 414,5	100	8 662,9	100	10 698,2	100
сельское	7 713,4	100	6 540,6	100	7 319,5	100	7 933,6	100
казахи	6 534,6	39,7	7 971,6	53,3	10 066,3	63,0	12 764,8	68,5
городское	2 331,4	26,6	3 616,3	43,0	4 833,1	55,8	6 697,9	62,6
сельское	4 203,2	54,5	4 355,3	66,6	5 233,1	71,5	6 066,9	76,5
русские	6 227,5	37,8	4 489,7	30,0	3 797,4	23,7	3 512,9	18,8
городское	4 613,1	52,7	3 454,0	41,0	2 767,0	31,9	2 400,2	22,4
сельское	1 614,4	20,9	1 035,7	13,0	1 030,4	14,1	1 112,7	14,0
другие этносы	3 702,4	22,5	2 493,8	16,7	2 118,7	13,3	2 354,1	12,7
городское	1 806,6	20,6	1 344,2	16,0	1 062,8	12,3	1 600,1	15,0
сельское	1 895,8	24,6	1 149,6	20,4	1 055,9	14,4	754,0	9,5

Поразивший постсоветское пространство кризис 1990-х гг. привел к схожему демографическому следствию во всех Центрально-Азиатских государствах (см. табл. 2). Коэффициент суммарной рождаемости сократился в каждом из них более чем на треть. В Казахстане он стал меньше на 33,3 %, общий коэффициент рождаемости – на 34,4 %; общий коэффициент смертности увеличился на 24,9 %; естественный прирост уменьшился в три раза (табл. 4) ¹⁷.

Таблица 4

Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста в Казахстане в 1990–2020 гг. (на 1 000 чел.)

Показатели	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Общий коэффициент рождаемости	22,20	14,90	22,54	22,76
Общий коэффициент смертности	7,90	10,06	8,97	8,60
Коэффициент естественного прироста	14,30	4,84	13,57	14,16

Помимо этого, вследствие высокого удельного веса в составе населения европейских этнических групп весомое влияние на последующее демографическое развитие оказали процессы эмиграции. Отрицательное сальдо внешней миграции в 1990–2000 гг. составило 1 933,8 тыс. чел. ¹⁸ В результате общая численность жителей Казахстана сократилась на 9,2 %, казахи стали абсолютным большинством населения (см. табл. 3).

Демографические изменения, наблюдаемые в Казахстане в 1990-е гг., явились следствием сложных и противоречивых процессов переходного периода. Быстро разрушалась полиэтничная советская демографическая основа, параметры постсоветской системы, базирующиеся на социокультурных предпочтениях казахов, еще не сложились.

В последующие два десятилетия ситуация кардинально изменилась. В 2020 г. в сравнении с 2000 г. коэффициент суммарной рождаемости увеличился на 68,3 %. Высокие темпы роста показателя наблюдались также в Кыргызстане (37,5 %). В то же время в Туркменистане коэффициент суммарной рождаемости увеличился лишь на 3,4 %, в Таджикистане – на 0,3 %, а в Узбекистане – сократился на 3,1 % (см. табл. 2).

Не следует принимать «взрывные» темпы роста, наблюдаемые в Казахстане, за долгосрочную тенденцию, отражающую особенности суверенной демографической системы. Как свидетельствуют данные табл. 2, такая динамика была характерна для первого «посткризисного» десятилетия (2000–2010 гг.). Коэффициент суммарной рождаемости в это время увеличился на 40,7 %, общий коэффициент рождаемости вырос на 63,3 %, общий коэффициент смертности сократился на 2,7 %, естественный прирост стал больше в три раза (см. табл. 4).

Причинами изменений были социально-экономическая стабилизация, более высокий уровень государственных пособий семьям с детьми и т.д. Но ведущим условием, на наш взгляд, стало действие эффекта «этнического замещения». Если, по данным переписи населения 1989 г., удельный вес русских, украинцев и немцев в составе населения Казахстана составлял 49,4 %, то в 2009 г. – 26,9 %, а удельный вес казахов увеличился с 39,7 до 63,1 % (см. табл. 3). Влияние европейских этнических групп на процессы воспроизводства сокращается. Характерные для них низкие показатели рождаемости замещаются более высокими показателями рождаемости у казахского населения¹⁹.

К концу первого десятилетия XXI в. эффект «этнического замещения» в основном исчерпал свой потенциал, во всяком случае, в дальнейшем он не оказывает серьезного влияния на демографические процессы. Параметры воспроизводства определяются казахами, удельный вес которых в составе населения Казахстана в 2019 г. составил 68,5 %, в том числе городского – 62,6 % (см. табл. 3). Точнее всего становление новой тенденции видно на примере коэффициента суммарной рождаемости. Общие коэффициенты воспроизводства, прежде всего рождаемости, существенно зависят от изменений возрастной структуры и не в состоянии показать реальную картину. Наиболее четко суть явления демонстрирует юго-западный регион государства, где удельный вес казахов в составе населения, в том числе городского, составляет более 70 % (см. табл. 5)²⁰.

Этнические меньшинства в истории России

Таблица 5

Коэффициент суммарной рождаемости в областях Казахстана с преобладающим казахским населением в 2010, 2020 гг.

Область	2010 г.			2020 г.		
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		городское	сельское		городское	сельское
Казахстан	2,59	2,32	3,00	3,13	2,89	3,53
Туркестанская	3,75	3,37	4,03	4,75	7,29	4,24
Мангистауская	3,20	2,97	3,46	4,26	4,67	4,02
Алматинская	2,84	3,00	2,79	4,03	4,74	3,85
Атырауская	3,27	3,38	3,17	3,86	3,78	3,99
Жамбылская	3,34	2,99	3,60	3,96	4,44	3,65
Кызылординская	3,63	3,65	3,62	3,96	4,25	3,71

Как видно из табл. 6, во втором десятилетии XXI в. коэффициент суммарной рождаемости быстро растет, при этом тенденцию роста определяет городское население. В результате в 2020 г. почти во всех областях с доминирующим казахским населением коэффициент суммарной рождаемости в городах составлял выше 4,0. Наиболее впечатляют показатели Туркестанской области, где на одну городскую женщину в 2020 г. приходилось 7,29 рождения. Фактически коэффициент суммарной рождаемости в областях с преобладающим казахским населением фиксирует состояние демографического взрыва, причем процесс развивается на фоне активной урбанизации. В мировой практике рост городского населения обычно ведет к снижению рождаемости. В перспективе это произойдет и в Казахстане, но пока обретение городского статуса не стало основанием для изменения репродуктивных установок казахстанских (в первую очередь, казахских) женщин.

Показательны и абсолютные данные. Как видно из табл. 5, в 2020 г. зафиксировано рекордное в истории Казахстана количество рождений – 426,8 тыс. чел. При этом темпы роста в городах в 24,7 раза превышали таковые в сельской местности. И если в 2010 г. на города приходилось 52,4 % рождений, на села – 47,6 %, то в 2020 г., соответственно, 58,5 % и 41,5 % (табл. 6) ²¹.

Таблица 6

Родившиеся в Казахстане по очередности рождения в 2010, 2020 гг. (тыс. чел.)

Очередность рождений	2010 г.		2020 г.		2020 г. к 2010 г. (%)
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	
Всего родилось	367,7	100	426,8	100	116,1
первыми-вторыми	256,2	69,7	219,5	51,4	85,7
третьими и более	111,5	30,3	207,3	48,6	185,9
Городское население	192,6	100	249,6	100	129,6
первыми-вторыми	147,0	76,3	139,6	55,9	95,0
третьими и более	45,6	23,7	110,0	44,1	241,2
Сельское население	175,1	100	177,2	100	101,2
первыми-вторыми	109,2	62,4	79,9	45,1	73,2
третьими и более	65,9	37,6	97,3	54,9	147,6

Рост количества рождений определяется появлением на свет третьего, четвертого и более детей. В 2010–2020 гг. таковых стало больше в 1,85 раза: в городских поселениях – в 2,41 раза, в сельских – в 1,47 раза. Количество же рождений первого / второго ребенка сокращается как в городах, так и в селах (соответственно, на 5,0 и 26,8 %). И если в 2010 г. в городских поселениях на долю третьего и более детей приходилось 23,7 %, то в 2020 г. – 44,1 %. Схожая ситуация, но в менее выраженной форме, наблюдается и в сельской местности. Таким образом, динамично формируется тенденция становления многодетности, в первую очередь в городских поселениях. В ее основе лежат как объективные факторы, сложившиеся в прошлом, так и конъюнктурные, отражающие современные реалии.

К объективным факторам относятся особенности сформировавшейся к 2020 г. возрастно-половой структуры населения. В табл. 7 представлены сведения об изменении численности женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в 2010–2020 гг.²²

Таблица 7

Численность женщин в возрасте 15–49 лет в 2010, 2020 гг. (тыс. чел.)

Возраст (лет)	2010 г.			2020 г.		
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село
15–49	4 600,3	2 652,7	1 947,6	4 541,6	2 792,7	1 748,9
15–24	1 563,4	886,9	676,5	1 143,1	633,6	509,5
25–39	1 907,0	1 112,9	794,1	2 223,0	1 439,3	783,7
40–49	1 129,9	652,9	477,0	1 175,5	719,8	455,7

Как видно из табл. 7, в 2020 г. в сравнении с 2010 г. количество женщин в возрасте 15–24 лет, в котором наиболее вероятно рождение первого / второго ребенка, уменьшилось на 26,9 %. В то же время существенно (на 16,6 %) увеличилось представительство в группе 25–39-летних, в которой в основном и происходит рождение третьего и последующих детей. Более явно процесс наблюдается в городах: численность 25–39-летних женщин увеличилась здесь в 2020 г. в сравнении с 2010 г. на 29,3 %, в сельской местности – сократилась на 1,3 %. Произошло это вследствие активного перемещения сельских женщин в города. Об этом можно судить по изменениям в возрастной структуре женщин репродуктивного возраста в городской и сельской местности. Так, многочисленная в 2010 г. возрастная группа 15–29-летних трансформировалась в 2020 г. в возрастную группу 25–39 лет. По мере возрастного транзита от 15–29 до 25–29 лет горожанок стало на 30,8 % больше, а сельских жительниц – на 19,6 % меньше. В результате репродуктивный потенциал, сформированный в селе, реализуется в городах.

Немаловажно также, что демографические установки женщин в возрасте 30 лет и старше являются компенсацией нереализованной в кризисные 1990-е гг. потребности в желаемом количестве детей. Стабилизация социально-экономической ситуации, активная государственная пропаганда возрождения

Этнические меньшинства в истории России

традиционных семейных ценностей привели к росту количества отложенных рождений, тем более что достижение статуса многодетной матери материально поощряется.

Большое значение имеет и то, что «демографическое сознание» населения во многом зависит от сложившихся в общественном мнении представлений о демографической истории казахского этноса, сконцентрированных в сентенции «Демографическое будущее Казахстана – это его демографическое прошлое». Наиболее высокие показатели воспроизводства казахского населения, взятые за некий образец, наблюдались в 1950-е – 1980-е гг. Стремительные темпы роста численности этноса во второй половине XX в. были следствием сочетания политических, социальных, экономических решений советского руководства, позволивших максимально полно реализовать сохранившийся в сельской местности традиционный демографический потенциал казахов. Сегодня демографическое состояние середины XX в. (по сути, уникальная демографическая ситуация) воспринимается как некая модель, отражающая особенности культуры народа, складывавшейся на протяжении сотен лет. Демографический компонент вырывается из социально-экономического контекста середины XX в. и представляется как явление, всегда присущее казахам и способное существовать в любое историческое время, тем более в суверенный период.

Но именно в суверенное время формируется новый контекст, основанный на доминировании казахского населения в социально-экономических нишах как села, так и города. Эпоха этнической дифференциации системы расселения, структуры занятости осталась в советском прошлом. Но, несмотря на модернизационные изменения, снижения показателей рождаемости не произошло. Более того, их наиболее высокие темпы наблюдаются именно среди городского населения. По мнению авторов, данный факт не является сутью демографического развития Казахстана и не может послужить основой длительного существования этой тенденции. Современный подъем рождаемости в старших возрастных группах по объективным причинам скоро начнет ослабевать. Исходя из движения возрастной структуры, следует ожидать, что в течение недолгого времени группа 25–39-летних женщин, определяющая процессы рождаемости сегодня, постепенно выйдет из возраста репродуктивной активности. На смену ей придет малочисленное поколение, рожденное в 1990-е гг., и пока сложно сказать, какими будут установки на многодетную семью и как они будут реализованы.

Высокая рождаемость в городах во многом объясняется тем, что казахи очень быстро обрели новый, городской статус. За 30 лет (1989–2019 гг.) количество городских казахов увеличилось в 2,9 раза (см. табл. 3). Если в конце 1980-х гг. удельный вес представителей этноса в составе городского населения составлял 26,6 %, то в 2019 г. – 62,6 %. Большую часть современного городского населения Казахстана составляют вчерашние сельские жители, не проходившие длительный путь освоения города, во время которого идет трансформация традиционных воззрений.

Сложившиеся в аграрный период традиции рождаемости вместе с их носителями попадают на «территорию города» и не в состоянии быстро измениться. Налицо прохождение первого, переходного этапа демографического освоения городского пространства. Инерция традиционных воззрений способна определять демографическое развитие еще некоторое время. Но сам факт массовой урбанизации означает перемещение людей на новую, городскую, социально-экономическую основу. Эта основа с течением времени способна оказывать все большее влияние на репродуктивные установки населения.

В значительной мере новые векторы демографического развития будут определяться представителями поколения, рожденного в 2000-х гг. и в массе своей еще не обозначившего свои репродуктивные предпочтения. Важно то, что большинство молодых людей появились на свет в городах и с рождения проходят этапы городской социализации. Именно это поколение будет формировать казахстанский «вариант» рождаемости.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках научного проекта ИРН АР09260600 «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казахок: тенденции и перспективы».

The research was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project АР09260600 "Regional peculiarities of reproductive behavior of urban Kazakh women: trends and prospects".

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г. — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 1562, оп. 336, д. 388–402; Всесоюзная перепись населения 1959 г. — Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 1568, оп. 21, д. 4.
2. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991, с. 19–21.
3. АЛЕКСЕЕНКО А.Н., АУБАКИРОВА Ж.С. Население Казахстана в 50–80-е гг. XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций. — Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. № 8, с. 127–142.
4. Коэффициент суммарной рождаемости показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всей ее жизни при сохранении в каждом возрасте существующего уровня рождаемости. Показатель не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данный календарный период.
5. RODRIGO-COMINO J., EGIDI G., SATERIANO A., POPONI S., MOSCONI E.M., MOREIRA A.G. Suburban Fertility and Metropolitan Cycles: Insights from European Cities. — Sustainability (Switzerland). 2021. Vol. 2181. No. 13 (4), p. 1–4.
6. EGIDI G., SALVATI L. Changes over Time in the Spatial Structure of Fertility Rates as a Dynamic Indicator of Urban Transformations. — Quality and Quantity. 2021. No. 55 (1), p. 151–17.
7. ВИШНЕВСКИЙ А.Г. Избранные демографические труды. М. 2005; ЕГО ЖЕ. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М. 1982; ЕГО ЖЕ. Время демографических перемен: Избранные статьи. М. 2015.
8. ARKHANGELSKY V.N. Fertility in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. — Population and Economics. 2021. No. 5 (1), p. 72–89; TRUNOV A.V., KOSTINA S.N., BANNYKH G.A. Examination of Socio-Economic Determinants of Fertility Based on the Regional Panel Data Analysis. — Economy of Region. 2020. No. 16 (3), p. 807–819; ЗАХАРОВ С.В., САКЕВИЧ В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? В кн.: Родители

Этнические меньшинства в истории России

и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сб. аналит. статей. Вып. 1. М. 2007, с. 75–126.

9. АУБАКИРОВА Ж.С. Казахская семья: трансформация семейных ценностей и демографического поведения как объект исследования. В кн.: Казахи в европейском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: М-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск. 2014, с. 20–23; АУБАКИРОВА Ж.С., АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан. 2020; АЛЕКСЕЕНКО А.Н. и др. Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области. Усть-Каменогорск. 2006; САРСЕМБАЕВА Г.А. Республика Казахстан: эволюции рождаемости казахов в конце XX – начале XXI веков. — Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9). Ч. 2, с. 68–75; КАЛЫШ А.Б. Современная семья казахов Туркестана. — Традиционный IV Международный тюркологический конгресс, посвященный 20-летию независимости Республики Казахстан. Туркестан. 2011, с. 316–319.

10. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата. 1991, с. 198; Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. Алматы. 1999; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: Стат. сб. Астана. 2010; Демографический ежегодник. 1990. Госкомстат СССР. М. 1990; Демографический ежегодник Казахстана. Алматы. 1996; URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>; URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5>

11. Демографический ежегодник. 1990..., с. 308–315.

12. Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы: Аналит. доклад. М. 2021, с. 73.

13. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tf.php; Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021) ..., с. 24, 72–73.

14. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

15. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php.

16. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг..., с. 19–21; Этнодемографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. Алматы. 2006, с. 7–8; URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5>

17. Демографический ежегодник Казахстана. Нур-Султан. 2021, с. 6.

18. АУБАКИРОВА Ж.С., АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Ук. соч., с. 294.

19. В 2005 г. коэффициент суммарной рождаемости казахов равнялся 2,54, украинцев – 1,73, русских – 1,36; Этнодемографический ежегодник Казахстана ..., с. 199.

20. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/8>

21. Демографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. Астана. 2017, с. 115–119; Демографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. Нур-Султан. 2020, с. 89–92.

22. Демографический ежегодник Казахстана... Астана. 2017, с. 22–27; Демографический ежегодник Казахстана... Нур-Султан. 2020, с. 20–22.

Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX – начале XXI в.: противоречия и риски

Ж.С. АУБАКИРОВА, Т.Е. ОМЫРЗАК, Э.О. СТОЛЯРОВА,
Г.А. САРСЕМБАЕВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Г.К. КЕНЖЕБАЕВ

Demographic development of Kazakhstan in the second half of the 20th – early 21st centuries: contradictions and risks

ZH.S. AUBAKIROVA, T.Y. OMYRZAK, E.O. STOLYAROVA,
G.A. SARSEMBAYEVA, A.N. ALEKSEYENKO, G.K. KENZHEBAYEV

Аннотация. В статье рассматриваются особенности демографического развития Казахстана во второй половине XX – начале XXI в. Концепция демографической политики, реализуемая в Казахстане с начала 2000-х гг., была направлена на рост численности населения за счет рождаемости, этнической иммиграции. Одновременно реализовывалась политика модернизационного ускорения, начался активный процесс урбанизации, приведший к концентрации населения в немногочисленных крупных городах. В настоящее время темпы социально-экономического развития заметно отстают от динамики роста численности населения. В результате все более актуальными становятся проблемы системы здравоохранения, образования, занятости населения, обострение которых может привести к серьезным социальным угрозам. *Ключевые слова:* Казахстан, демографическая политика, социально-экономическое развитие, население, рождаемость, демографические риски, казахи.

Abstract. The article discusses the features of demographic development of Kazakhstan in the second half of the 20th – early 21st centuries. The concept of demographic policy, implemented in Kazakhstan since the early 2000s, was aimed at population growth due to fertility, ethnic immigration. At the same time, the policy of modernization acceleration was implemented, an active process of urbanization began, which led to the concentration of the population in a few large cities. Currently, the pace of socio-economic development is noticeably lagging behind the dynamics of population growth. As a result, the problems of the healthcare system, education, and employment are becoming more and more apparent, which can lead to serious social threats.

Key words: Kazakhstan, demographic policy, socio-economic development, population, birth rate, demographic risks, Kazakhs.

Этнодемографический фактор в постсоветское время считается одним из важнейших в укреплении национальной безопасности Казахстана. В значительной степени это является реакцией на советский период, когда казахи оказались в меньшинстве на своей исторической родине. На сегодняшний день казахи составляют большинство населения республики и определяют динамику

Этнические меньшинства в истории России

демографических процессов. Однако демографическая составляющая государственного развития рассматривается вне социально-экономического контекста, а лишь как социокультурное достояние. Во многом вследствие этого поиск национальной идентичности, неотъемлемой частью которой являются и семейно-брачные отношения, идет в «доколониальном прошлом».

Стратегия демографического развития современного Казахстана складывается из традиций, характерных для аграрного общества и отражающих его социально-экономические особенности. Принимаются меры по увеличению рождаемости, проводится активная политика этнической репатриации. Численность населения быстро растет.

С течением времени реализация стратегии модернизации Казахстана на основе традиционных ценностей испытывает все больше затруднений. С одной стороны, социокультурный вектор развития государства направлен в далекое прошлое, с другой – модернизационная стратегия ориентирована на ускоренную урбанизацию, внедрение наукоемких технологий, рост качества образования и профессионального уровня населения. Постепенно выявляется все большее несоответствие между демографическими последствиями идеи «возврата к корням» и социально-экономическими возможностями государства, которые не в состоянии охватить растущий демографический потенциал. Сохраняющаяся высокая рождаемость, эволюция возрастной структуры населения приводят к тому, что данное несоответствие становится все более явным,

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Омырзак Тамерлан Ержанулы – магистр гуманитарных наук по специальности «История», преподаватель-магистр Казахского Национального педагогического университета имени Абая. E-mail: jugger_515@mail.ru; Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Сарсембаева Гульжан Алимбековна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: gulzhan1974@mail.ru; Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: alalexeenko56@gmail.com; Кенжебаев Габит Капезович – доктор исторических наук, директор института истории и права Казахского национального педагогического университета имени Абая. E-mail: kgabit62@mail.ru.

Aubakirova Zhanna S. – candidate of historical sciences, director of the Altaytanu research center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan university. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Omyrzak Tamerlan Y. – master of Humanities in the specialty «History», teacher-master of the Department of History of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. E-mail: jugger_515@mail.ru; Stolyarova Eleonora O. – candidate of sociological sciences, chief researcher of the Altaytanu research center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan university. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Sarsembayeva Gulzhan A. – candidate of historical sciences, senior lecturer at Sarsen Amanzholov East Kazakhstan university. E-mail: gulzhan1974@mail.ru; Alekseyenko Alexander N. – doctor of historical sciences, chief researcher of the Altaytanu research center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan university. E-mail: alalexeenko56@gmail.com; Kenzhebeyev Gabit K. – doctor of historical sciences, director of the Institute of History and Law of the Abay Kazakh National Pedagogical University. E-mail: kgabit62@mail.ru.

перерастая в противоречие, способное привести к серьезным социальным проблемам.

Изучение демографических процессов в Казахстане во многом связано с проблемами государственной безопасности, что отражено в современной историографии. Большая часть публикаций посвящена вопросам внешнего давления на казахстанскую демографическую систему. Наиболее популярен сюжет миграционной безопасности, рассматриваемый как демографами, так и историками, политологами, социологами, представителями других наук. Особое внимание уделяется миграционным процессам казахстанско-китайского приграничья. Во многом это является следствием того, что на бытовом уровне, отражаемом в СМИ, «китайская угроза» считается основной внешнеполитической проблемой государства.

Исследователи же сходятся во мнении, что опасность «китайской миграции» сильно преувеличена. С.Б. Кожирова убедительно опровергает сложившийся стереотип о «китайской миграционной угрозе»¹. Похожую оценку миграционным отношениям Казахстана и Китая дают К.Л. Сыроежкин и Е.Ю. Садовская. В монографии К.Л. Сыроежкина раскрывается алгоритм создания мифов о китайской экспансии, выявляются наиболее распространенные из них (внешнеполитический, приграничный и т.д.). Отдельные главы посвящены китайской миграции в Казахстан: приводятся статистические данные о реальной численности присутствующих в республике китайцев в постсоветской динамике². Монография Е.Ю. Садовской раскрывает особенности китайской миграции в контексте экономического развития. Автор приходит к выводу, что проблемы миграции и китайского присутствия в Казахстане во многом мифологизированы и не несут приписываемых им рисков и угроз³.

Некоторые аспекты демографической безопасности Казахстана освещались в публикациях Э.О. Кырыкбаевой⁴, А. Королева, М. Мамаева⁵, К.В. Григоричева, Е.П. Зимовиной⁶. В них обозначены такие проблемы, как неконтролируемая трудовая миграция, нелегальная внешняя миграция, стихийная миграция из села в город, беженцы и вынужденные мигранты, рождаемость и репродуктивное здоровье мужчин и женщин, взаимосвязь демографической и религиозной ситуации и т.д.

Основные демографические риски, несущие угрозу безопасности государства, комплексно обозначила Ж.С. Аубакирова: старение населения, гендерный дисбаланс возрастной структуры, высокая смертность трудоспособного населения и т.д. При этом автор фиксирует региональную дифференциацию кризисных вариантов: депопуляционная модель Северного Казахстана и юго-западная модель состояния демографического взрыва⁷.

Таким образом, вопрос демографических проблем для Казахстана большинством авторов рассматривается через изучение миграций населения, в основном международных, способных дестабилизировать межэтническую и социально-экономическую ситуацию. Несколько в тени обозначенных сюжетов остались социально-демографические вопросы, актуальные в казахстанском

Этнические меньшинства в истории России

социуме. Суть их в том, что динамика социально-экономического развития все сильнее отстает от темпов роста численности населения, что в перспективе способно привести к росту безработицы, кризису социальной сферы. Именно этому противоречию посвящена настоящая статья.

В статье использованы общеметодологические принципы: историзм, объективность, анализ и синтез, демографические, статистические, социологические методы исследования. Источниковой основой статьи служат нормативно-правовые акты и статистические данные. Нормативно-правовая база включает следующие документы: Постановление Правительства РК от 17 августа 2000 г. № 1272 «О концепции государственно-демографической политики Республики Казахстан»; «Об утверждении Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 года»; указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 г. № 118; Постановление о проекте указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2030 года»; Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2019 г. № 652. Статистической основой послужили данные Всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг., Национальных переписей населения Казахстана 1999 и 2009 гг. Данные текущей статистики, в том числе в региональном разрезе, можно найти на сайте Статистического комитета РК: www.stat.gov.kz. Немало статистической информации представлено и в Демографических ежегодниках Казахстана 1996, 1998, 2017, 2019 гг. (численность и состав населения, показатели рождаемости, смертности, естественного прироста и др.). Следует отметить, что после переписи населения 2009 г. из открытого доступа фактически исчезла демографическая информация в этническом разрезе, что затрудняет исследования по этнодемографической тематике. Тем не менее имеющийся статистический ряд позволяет выявить суть исследуемой проблемы.

Вторая половина XX в. (1950-е – 1980-е гг.) – особая страница в демографической истории Казахстана, связанная с большим миграционным притоком населения из других советских республик. В 1950–1968 гг. положительное сальдо межреспубликанской миграции составило для Казахстана 1 597,6 тыс. чел.⁸ Миграционный поток в первую очередь был направлен в города, особенно в 1960-е гг. Значительная часть казахского населения оказалась вне индустриально-промышленного вектора развития республики и была сконцентрирована в аграрном секторе экономики. По данным переписи населения 1959 г., удельный вес казахов в городах составлял 16,7 %, переписи 1970 г. – 17,0 %⁹. Демографическая подсистема этноса оказалась в условиях, максимально способствующих быстрому росту численности населения. С одной стороны, вследствие наличия бесплатной медицины, роста ее качества значительно сократилась смертность, в первую очередь младенческая и детская. Так, если в 1939 г. в целом по Казахстану смертность в возрастной группе 0–4 года равнялась 85,9 промилле, то в 1959 г. – 15,6 промилле¹⁰. В то же время сохранились высокие показатели рождаемости, особенно в сельской местности, тем более

что государство взяло на себя многие материальные проблемы семьи (бесплатное образование, поддержка многодетных семей и т.д.). Коэффициент суммарной рождаемости в целом по Казахстану составлял в конце 1950-х гг. 4,5¹¹. При этом наибольшая репродуктивная активность в 1950-е – 1960-е гг. была присуща женщинам-казахам. В различных группах репродуктивного возраста среднее количество детей у них было в 2,2–2,8 раза выше, чем, например, у русских женщин. Таким образом, концентрация этноса в сельской местности способствовала усилению традиционных демографических установок.

В 1970-е – 1980-е гг. в демографическом развитии Казахстана наступает новый период. Теперь, когда сельские жители страны стали получать паспорта, началась активная миграция сельской казахской молодежи в города. Численность городского казахского населения быстро увеличивалась. По данным переписи 1979 г., удельный вес казахского населения в городах составлял 20,8 %, 1989 г. – 26,7 %¹². В 1980-е (1979–1989 гг.) темпы роста численности городских казахов в 5,8 раза превышали темпы роста в сельской местности¹³. Особенность «советской» урбанизации заключалась в том, что покидавшая сельскую местность молодежь довольно быстро адаптировалась к новым условиям. Увеличение удельного веса городского казахского населения и изменение социально-экономической среды вскоре начинают сказываться на процессах воспроизводства, в первую очередь рождаемости. В конце 1970-х гг. коэффициент суммарной рождаемости казахов равнялся 4,8, в конце 1980-х – 3,6¹⁴. Намечился переход к современному типу рождаемости. Происходившие процессы свидетельствуют о том, что «традиционность» казахов в значительной мере была не чертой национального сознания, а особенностью существования в определенной социально-экономической среде.

Эволюционное развитие намечившейся тенденции было прервано в 1990-е гг. Распад СССР и становление государственного суверенитета привели к новым вариантам демографического развития, ставших следствием не только социально-экономических, но и политических преобразований. Именно политические потрясения начала 1990-х гг. стали причиной этнически выраженных миграционных перемещений населения. Данные переписи населения 1999 г. показали, что по сравнению с переписью 1989 г. численность населения Казахстана сократилась на 9,2 % за счет неказахских этносов. Русских стало меньше на 27,6 %, украинцев – на 42,8 %, немцев – на 63,1 %. Уменьшилось представительство и других этнических групп (табл. 1)¹⁵.

Этнические меньшинства в истории России

Таблица 1

Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989 и 1999 гг. (тыс. чел.)

Состав населения	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	16 464,5	100	14 953,1	100	90,8
Казахи	6 534,6	39,7	7 985,0	53,4	122,2
Русские	6 227,5	37,8	4 509,6	30,2	72,4
Украинцы	956,2	5,8	547,1	3,7	57,2
Немцы	957,5	5,8	353,4	2,3	36,9
Другие этносы	1 788,7	10,9	1 558,0	10,4	87,1

Этнодемографическая структура населения, сформировавшаяся в советское время, принципиально изменилась. Теперь наибольшее влияние на демографические процессы (воспроизводство, эволюцию численности, миграции и пр.) стали оказывать казахи.

В результате традиционные репродуктивные установки значительной части титульного этноса стали определять государственную демографическую стратегию. Высокая рождаемость, многодетные семьи все более воспринимались как культурное наследие, как традиция, связывающая поколения.

Падение рождаемости у казахов в 1990-е гг. (в 1999 г. по сравнению с 1989 г. общий коэффициент рождаемости уменьшился у них на 40,9 %) ¹⁶ в основном было связано с социально-экономическими проблемами и не свидетельствовало о кризисе традиционных демографических отношений.

Социокультурная основа демографических установок, имеющая многовековую историю, не могла исчезнуть мгновенно, в результате сиюминутных политических или социально-экономических потрясений. Возобновление поддержки семьи со стороны государства должно было реанимировать прежние демографические параметры, тем более что одной из важнейших задач государственного развития Казахстана стало преодоление демографического провала 1990-х гг. Решение проблемы было отражено в принятой в 2000 г. Концепции демографической политики Казахстана ¹⁷. Задачи по улучшению демографической ситуации, предложенные этой концепцией, сводились к усилению традиционных репродуктивных установок, достижению режима расширенного воспроизводства.

Предусматривались меры морального и материального стимулирования рождаемости, многодетных семей. Основное внимание было обращено на сельское население, сохранившее традиционно высокую рождаемость ¹⁸.

Одним из важных и имеющих долговременное демографическое влияние процессов стала реализация принятой в 1991 г. программы этнической репатриации, направленной на регулирование организованного переселения в республику казахов, проживающих в других странах.

Задачи демографического развития, поставленные Концепцией, на сегодня решены. Общая численность населения в 2009–2019 гг. увеличилась на 23 %, благодаря высоким темпам роста количества казахов, компенсировавших убыль эмигрировавших представителей европейских этнических групп.

К началу 2021 г. Казахстан принял 1 057 343 этнических мигранта¹⁹. Удельный вес казахов в составе населения приближается к 70%-й отметке (табл. 2)²⁰.

Таблица 2

Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1999 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. чел.)

Состав населения	1999		2019		2019 к 1999 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	14 953,1	100	18 395,6	100	123,0
Казахи	7 985,0	53,4	12 587,5	68,4	157,6
Русские	4 509,3	30,2	3 471,0	18,9	77,0
Украинцы	547,1	3,7	270,9	1,5	49,5
Немцы	353,4	2,3	178,6	1,0	50,5
Другие этносы	1 558,0	10,4	1 887,5	10,2	121,1

Важнейшим государственным приоритетом Казахстана является вхождение в число 30 наиболее развитых стран мира²¹. Произойти это должно благодаря ускоренной модернизации, индустриально-инновационному развитию, повышению качества человеческого капитала и т.д. Алгоритм решения данной задачи отражен в действующей с 2011 г. стратегии территориально-пространственного развития Казахстана до 2030 г.²² Согласно выбранной стратегии, территориально-пространственное развитие направлено на повышение экономической и демографической плотности путем концентрации населения, трудовых, финансовых и производственных ресурсов в «точках роста» – агломерациях и крупных городах²³. Предполагается стимулирование трудовой мобильности населения, прежде всего сельского, перемещение его в перспективные «точки роста».

Исходя из тенденций мирового развития, обозначенная стратегия предполагает, что показатели рождаемости должны постепенно снижаться. Во всяком случае, это происходит в странах, чьи репродуктивные традиции, отчасти определяемые общностью религии (ислам), близки традиционному казахскому обществу. Так, в ОАЭ коэффициент суммарной рождаемости снизился в период с 1990 по 2019 г. с 4,41 до 1,42, в Саудовской Аравии – с 5,88 до 2,34, в Азербайджане – с 3,06 до 2,08 и т.д.²⁴ В Казахстане же коэффициент суммарной рождаемости увеличился с 1,86 в 1999 г. до 2,55 в 2009 г. и 3,13 в 2020 г.²⁵ Рождаемость растет все более быстрыми темпами. Если в 2000–2009 гг. в республике родилось 2 807,3 тыс. детей, то в 2010–2020 гг. – в 1,5 раза больше (4 321,0 тыс.)²⁶ Модернизационные декларации не отразились на демографических установках, все в большей мере определяемых представителями казахского этноса.

Особенность современной демографической структуры заключается в том, что значительная часть казахов сегодня – городские жители. В 2019 г. удельный вес казахов в городах с количеством жителей более 100 тыс. составил 64,1 %, причем в самых крупных мегаполисах, Алматы и Нур-Султане – 60,4 и 79,0 % соответственно²⁷. Большинство рождений происходит уже в городах: в 2019 г. 59,5 % детей родились в городской местности²⁸. Государственные программы «ускоренной урбанизации»

Этнические меньшинства в истории России

еще более интенсифицируют движение в города населения с сельским менталитетом. Традиционные демографические установки переносятся на новое место жительства и активно в них реализуются. Так, в течение пяти лет (с 2015 по 2019 г.) коэффициент суммарной рождаемости в городах увеличился на 7,4 % (с 2,56 до 2,75); в селах – на 4,2 % (с 3,05 до 3,18) ²⁹.

Более всего рождаемость растет в регионах с высоким удельным весом казахского населения, в первую очередь в Южном и Западном Казахстане. Так, в городской местности Мангистауской области коэффициент суммарной рождаемости в 2019 г. составил 4,02, Туркестанской – 7,29 ³⁰. Судя по всему, ждать скорой перестройки репродуктивных установок согласно «городским стандартам» не приходится. Для такого вывода есть ряд оснований. Мы предполагаем, что идет процесс формирования «новой гомеостатичности», способной результативно функционировать в городской среде. В частности, все большее значение приобретают семейно-родственные связи, на основе которых формируются горизонтальные и вертикальные «социальные сети», определяющие вполне самостоятельную демографическую политику. Важно, что значительная часть переместившихся в города семей проживает в частном секторе и имеет подсобное хозяйство, которое представляет собой важный источник дохода. При этом «новые горожане» активно контактируют не только с соседями, но и с сельскими родственниками, и эти контакты выгодны и тем, и другим. В результате сельско-городской миграции в городах постепенно формируется традиционная многопоколенная семья, в которой воспитанием детей занимаются представители старшего поколения, позволяя женщинам работать. Многие работающие женщины являются индивидуальными предпринимателями и совмещают трудовую деятельность с воспитанием детей, домашней работой. Статус главы многодетной семьи по-прежнему имеет большое значение, особенно для мужчин. Женщинам, в свою очередь, в городе рожать безопаснее в силу более развитой инфраструктуры. Большое значение для семейного бюджета имеют льготы и пособия, выплачиваемые многодетным семьям ³¹. Таким образом, можно предположить, что «городской статус» пока не повлиял на репродуктивные установки, тенденция высокой рождаемости может сохраняться длительное время.

Вследствие этого возникает вопрос: достаточно ли у государства ресурсов, чтобы превратить нарастающий демографический потенциал в человеческий капитал – движущую силу экономического, интеллектуального развития? Данные социально-экономической статистики свидетельствуют, что проблемы существуют. Вследствие того, что достоверность официальной социальной статистики была подвергнута сомнению и резкой критике со стороны президента РК, в статье приводятся материалы, используемые депутатами Мажилиса РК, независимыми экспертами ³².

Одним из следствий роста рождаемости становится увеличение материнской смертности. В 2010 г. этот показатель составлял 22,7 на 100 тыс. родившихся. Была поставлена задача снизить его до 14,5 на 100 тыс., но в 2020 г. он составил уже 36,5 на 100 тыс. родившихся. В регионах этот показатель доходит до 70 и даже 95.

По мнению депутатов Мажилиса РК, по качеству медицинского сопровождения материнства Казахстан опустился на уровень беднейших стран мира³³. Одной из основных причин подобного положения является архаизация семейно-брачных отношений. Женщины, которым по состоянию здоровья рожать запрещено (около 20 % рожениц), рожают под давлением родственников, мужей³⁴. Попытки медицинских работников вести речь о гигиене, здоровье матери, планировании семьи наталкиваются на обвинения в том, что они хотят уменьшить количество казахов в государстве³⁵.

Высокая рождаемость обнажила проблемы не только системы здравоохранения, но и образования. Эволюция возрастной структуры быстро меняет соотношение возрастных статусов населения. Растет количество детей школьного возраста (5–19 лет). В 2020 г. по сравнению с 2015 г. их стало больше на 17 % (3 917,5 тыс. в 2015 г. и 4 586,8 тыс. в 2020 г.)³⁶ Динамика процесса нарастает: в 2020 г. в Казахстане родилось рекордное количество детей – почти 427 тыс.³⁷ В 2021 г. рекорд обновился: на свет появилось более 450 тыс. детей³⁸. В 2020 г. в школах учились 3,4 млн чел., а когда в школу пойдут рожденные в начале 2020-х гг., контингент учащихся возрастет до 4,325 млн чел. Дополнительно к имеющейся 7 471 школе понадобится еще не менее 6 тыс. школ. С учетом того, что в 2020 г. в республике было построено 43 школы, достижение такого результата вызывает сомнения³⁹. В 2020 г. дефицит учебных мест составил 168 тыс., в 2021 г. – 264,8 тыс. Казахстан, по мнению Т. Жусупбековой, рискует столкнуться с коллапсом в системе образования⁴⁰.

Ситуация может стать еще более серьезной после окончания детьми школы. Проблема поиска работы актуальна уже сейчас, хотя в 2020 г. по сравнению с 2015 г. количество лиц, претендующих на рабочие места (20–29 лет), сократилось на 15,3 % (с 3 119,1 до 2 642,2 тыс. чел.)⁴¹. Это представители малочисленного поколения 1990-х. Учитывая, что с начала XXI в. наблюдается высокий рост рождаемости, сегодня количество жителей РК, вступающих в трудоспособный возраст, быстро увеличивается. Так, согласно прогнозу Министерства труда и социальной защиты, к 2025 г. приток молодежи на рынок труда возрастет до 256 тыс. чел. в год, а численность трудоспособного населения увеличится к этому времени до 12,1 млн чел.⁴² При этом курс на цифровизацию экономики подразумевает сокращение десятков тысяч рабочих мест. По мнению казахстанских экономистов, в рамках действующей экономической модели, делающей ставку на рабочие места в городах, половина населения не нужна⁴³. С учетом того, что самые низкие в Казахстане номинальные доходы на душу населения приходятся на сельские регионы с традиционно молодой возрастной структурой, перемещение молодежи в города станет еще более массовым. Концентрация населения в крупных городах уже вызывает вопросы. По мнению президента Республики Казахстан К. Токаева, большая численность населения городов сегодня стала не гордостью, а проблемой. В стране требуется строго контролировать внутреннюю миграцию⁴⁴.

В поисках работы активизируется миграция и в другие государства. Так, только с января по июнь 2021 г. из Казахстана выбыло 14,2 тыс. чел., что на 29,3 % больше, чем за аналогичный период 2020 г.⁴⁵ Меняется и качественный состав эмигрантов. При этом, по мнению депутата Мажилиса РК Д. Милютина, динамика процесса

Этнические меньшинства в истории России

нарастает. Согласно представленным им данным, если в 2019 г. доля высококвалифицированных специалистов в общей статистике эмиграции составила 50,6 %, то в 2020 г. – 54,3 %. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. Казахстан покинуло втрое больше медиков, в четыре раза больше педагогов, в пять раз больше технических специалистов. Масштаб оттока молодежи, в основном в российские вузы, выглядит критическим, при этом все более явное участие в процессе принимают казахи. Налицо обостряющаяся проблема «утечки мозгов»⁴⁶.

Ставшая более актуальной в последние годы задача этнического укрепления североказахстанского приграничья не решается. Увеличение численности казахского населения в северном регионе в 2009–2019 гг. на 82 % происходило за счет столицы – г. Астана. Рост количества казахов в приграничных северных областях без учета столицы не смог компенсировать убыль других этносов. Общая численность населения сократилась здесь на 1,5 %⁴⁷. Данная тенденция присуща практически всем регионам Казахстана – население концентрируется в областных центрах, отдаленные территории пустеют.

Таким образом, программа ликвидации малых сельских населенных пунктов, растущая урбанизация и концентрация населения в немногочисленных городах, тенденция увеличения международной трудовой миграции нейтрализуют тезис о необходимости роста численности населения, рождаемости с целью заполнения слабозаселенных территорий. Проблема потери контроля над территорией, в том числе и в приграничных регионах, проявляется все более явно.

К середине второго десятилетия XXI в. отношение к демографическим процессам со стороны государства становится неоднозначным. С одной стороны, срок действия демографической концепции, принятой в 2000 г., истек в 2011 г.⁴⁸ Новой концепции, отражающей реалии сегодняшнего дня, до сих пор не существует. В то же время приходит понимание того, что демографическая политика, основанная на призывах к росту рождаемости, многодетности, имеет социально-экономическое следствие. В результате при сохраняющейся риторике поддержки рождаемости, роста численности населения четко проявляется тенденция обвинения населения Казахстана в иждивенчестве, потребительстве⁴⁹. Во многом это объясняется тем, что растущая рождаемость актуализировала задачу выплаты пособий многодетным матерям. Но сегодня объем пособий уже превышает бюджет многих отраслей. На непensionные пособия приходится 561 млрд тенге (1 млрд 320 млн долл.). Это больше, чем все сельское, водное, речное, лесное хозяйство⁵⁰. Расходы госбюджета, в том числе за счет дефицита, выросли с 3,1 % ВВП в 2020 г. до 3,5 % в 2021 г.⁵¹ В итоге в 2021 г. правительство отклонило очередное предложение депутатов Мажилиса о введении материнского капитала под предлогом того, что рождаемость в Казахстане повышать не надо, она и так высокая, а количество многодетных семей растет быстрыми темпами. В настоящее время 48 % казахстанских семей имеют более трех детей⁵². По мнению сенатора А. Бектаева, у населения стремительно развивается психология потребительства⁵³. В результате по всей стране начались митинги многодетных матерей, обвиняющих государство в том, что призывы к росту рождаемости не сопровождаются повышением размера пособий.

Таким образом, демографическая составляющая недостаточно включена в программы государственного развития. С одной стороны, она часто рассматривается вне социально-экономического контекста, а лишь как социокультурное достояние. Выражается это в призывах к высокой рождаемости, многодетности. С другой стороны, вектор экономического развития предельно прагматичен и не учитывает этнодемографические тенденции, социокультурные предпочтения жителей страны. Такое несоответствие все более обнажает проблемы системы здравоохранения, образования, социально-экономической сферы и других областей национальной безопасности Казахстана. Становится все более очевидным, что основные социально-демографические риски формируются внутри государства, именно их нейтрализация является сегодня наиболее актуальной задачей.

Примечания

Статья подготовлена в рамках реализации грантового научного проекта «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан» (AP08856205), финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

The article was carried out within the framework of the grant scientific project «Assessment of the level of demographic security of the Republic of Kazakhstan» (AR08856205), funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

1. КОЖИРОВА С.Б. Китайская миграция в Казахстане: реальность и проблемы. — Вестник Евразийского гуманитарного института. 2006. № 3, с. 25–32; ЕЕ ЖЕ. Китайская миграция и проблемы безопасности Республики Казахстан. В кн.: *Материалы Международной конференции «Модернизация системы государственного управления в РК: основные приоритеты и механизмы реализации»*. Астана. 2006, с. 29–38; ЕЕ ЖЕ. Китайская миграция как фактор национальной безопасности Республики Казахстан. В кн.: *Материалы республиканской научно-практической конференции «Непрерывное профессиональное образование в условиях дистанционной и кредитной технологии обучения»*. Т. 1. Караганда. 2008, с. 124–128.
2. СЫРОЕЖКИН К.А. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Астана—Алматы. 2014.
3. САДОВСКАЯ Е.Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. Алматы. 2014.
4. URL: http://конференция.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf
5. URL: <https://www.zakon.kz/4454358-kazakhstanu-udalos-spravitsja-s.html>
6. ГРИГОРИЧЕВ К.В., ЗИМОВИНА Е.П. Беженцы и вынужденные мигранты: международные правовые документы и законодательство Республики Казахстан. Караганда. 2004.
7. АУБАКИРОВА Ж.С. Демографическое развитие и безопасность Казахстана (2000–2015 гг.): SWOT-анализ. — Вестник НАН РК. 2016. № 3, с. 79–88; ЕЕ ЖЕ. Анализ демографической безопасности Казахстана: потенциал, риски и угрозы. — *Отан тарихы*. 2016. № 2 (74), с. 80–88.
8. АУБАКИРОВА Ж.С., АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан. 2020, с. 258.
9. Статистический сборник по отдельным показателям ВВП 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата. 1991, с. 51, 60.
10. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г.: Статистический ежегодник. Алма-Ата. 1988, с. 189.
11. Там же, с. 190.
12. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения..., с. 9.
13. Там же, с. 11.
14. СУЛТАНМУРАТОВ Н. Процесс урбанизации в вопросе демографического перехода в казахском обществе. — *Социальный портрет современного казахстанского общества: Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. С.М. Акимбекова*. Астана—Алматы. 2016, с. 88.
15. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения..., с. 9; Национальный состав населения РК: Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Т. 1. Алматы. 2000, с. 6–8.
16. Демографический ежегодник Казахстана. Алматы. 1996, с. 56–58; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Алматы. 2006, с. 153.
17. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272>

Этнические меньшинства в истории России

18. Программа демографического развития РК на 2001–2005 годы. — Казахстанская правда. 2001. 8 ноября.
19. URL: <https://qmonitor.kz/politics/800>
20. Национальный состав населения РК..., с. 6–8; Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Нур-Султан. 2019.
21. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732>
22. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118>; URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000625>
23. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118>; URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000625>
24. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php
25. Демографический ежегодник Казахстана 1998. Алматы. 1998, с. 43; Демографический ежегодник Казахстана 2017. Астана. 2017, с. 175–181, 189–190.
26. Демографический ежегодник Казахстана. 2019. Нур-Султан. 2020, с. 93.
27. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2019 г..., с. 15.
28. Демографический ежегодник Казахстана 2019..., с. 94–95.
29. Там же, с. 143, 145.
30. URL: <http://www.stat.gov.kz>
31. ЕСИМОВА А.Б. Семейно-родственные связи как социальный капитал в реализации репродуктивного поведения. — Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. Павлодар. 2010. № 2, с. 8–14; ЕЕ ЖЕ. Социальный капитал и генеративное / репродуктивное поведение женщин: поиск взаимосвязи. В кн.: Сборник докладов апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Кн. 2. М. 2012, с. 327–336.
32. Глава Бюро нацстатистики освобожден от должности. — Kazakhstan today. 2022. 24 января.
33. АХМАТ О. Новый рекорд рождаемости в Казахстане будет установлен по итогам 2021 года. — NURKZ. 2022. 3 февраля.
34. ИВАНОВ Р. Почему материнская смертность зашкаливает? — 365 инфо. 2021. 29 июня.
35. МУСТАФИНА А. «Родим ребенка, родим сына!» — в Казахстане рождают вопреки запретам. — Там же. 2019. 7 ноября.
36. СЕЙДАХМЕТОВА Б. «Беременная стоит одной ногой в могиле»: факты о материнской смертности в Казахстане. — Там же. 2020. 20 февраля.
37. Демографический ежегодник Казахстана 2019..., с. 20.
38. ЖАНУЗАКОВ А. Рекордная рождаемость зафиксирована в Казахстане в 2020 г. — 365 инфо. 2021. 21 февраля.
39. САРБАСОВА А. На пять мечетей приходится шесть школ. Какое будущее мы строим нашим детям? — Qmonitor. 2021. 30 июня.
40. ЖУСУПБЕКОВА Т. Дефицит школ грозит Казахстану после рекорда по рождаемости. — Казахстанская правда. 2021. 15 апреля.
41. Демографический ежегодник Казахстана 2019..., с. 20.
42. КАЙСАР А. Безработицу среди молодежи нельзя назвать низкой, и она будет только расти. Насколько высока безработица среди молодежи, каковы ее особенности и почему она вырастет в ближайшие 10 лет. — Власть. 2021. 3 марта.
43. Индустриализация по-казахстански: минус 28 процентов за двадцать лет. — Exclusive.kz. 2021. 9 февраля; ИВАНОВ Р. Половине населения в нынешней экономической модели нет места. — 365 инфо. 2020. 19 ноября.
44. ВААЛЬ Т. Большая численность населения городов не гордость, а проблема. — Власть. 2019. 8 октября.
45. 365 инфо. 2021. 25 августа.
46. Депутат назвал «критическим» масштаб оттока молодых специалистов из Казахстана. — Exclusive.kz. 2021.
47. АУБАКИРОВА Ж.С., АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Ук. соч., с. 336.
48. URL: https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-Правительство/type-Постановление/293-30.03.2011.htm
49. URL: <https://www.zakon.kz/4984647-tokaev-ne-dopuskat-izhdivenstva-i.html>; НАУХАНОВ Д. Народ стал иждивенцем. — 365 инфо. 2021. 28 июня.
50. НАУХАНОВ Д. Ук. соч.
51. РЫСМАМБЕТОВ Р. «Седые премьеры, лыбые акимы». О нищете близ Алматы, Нур-Султана и Туркестана высказался эксперт. — 365 инфо. 2021. 6 июня.
52. ТАСТАНОВА Л. Все лучшее – семьям. — Время. 2021. 9 июля.
53. НАУХАНОВ Д. Ук. соч.

Интегрированные системы цифрового управления проектами как инструмент реализации стратегий компании: история и современность

М.У. БАЙСАЕВА, А.М. ГАЧАЕВ, Е.В. КРАСАВИНА, Ю.В. ЗАБАЙКИН

Integrated digital project management systems as a tool for implementing company strategies: history and modernity

M.U. BAYSAYEVA, A.M. GACHAEV, E.V. KRASAVINA, YU.V. ZABAYKIN

Аннотация. Возможности управления проектами затрагивают не только сам процесс формирования стратегии развития, но и методы управления инновационным и стратегическим развитием. Новизна исследования заключается в структурировании путей повышения эффективности управления проектами предприятия с учетом ограничений. Для достижения поставленной цели авторы считают необходимым проанализировать особенности управления проектами предприятия.

Ключевые слова: проект, развитие, ограничение, управление, информационные технологии.

Abstract. Project management capabilities affect not only the process of forming a development strategy, but also the methods of managing innovative and strategic development. The novelty of the research lies in structuring ways to improve the efficiency of enterprise project management, taking into account project constraints. To achieve this goal, the authors consider it necessary to analyze the features of project management of the enterprise.

Key words: project, development, limitation, management, information technology.

Функционирование современного предприятия связано с осуществлением проектной деятельности, поскольку любой его шаг, решение или результат работы представляют собой либо самостоятельный проект, либо элемент более сложного проекта. Как следствие происходящих сегодня экономических преобразований, создаются новые модели и механизмы экономических отношений. Соответственно, для дальнейшей прибыльной деятельности предприятия необходимо выработать новые подходы к управлению проектами. Повышение их сложности, рост требований к срокам, качеству выполнения работ обуславливают необходимость эффективного управления проектами с помощью современных информационных технологий.

При создании и управлении проектами необходимо помнить о том, что, во-первых, они имеют ресурсные ограничения; во-вторых, нуждаются в постоянном контроле; в-третьих, важным фактором выступает время.

Информационные технологии и Data Science

Существуют разнообразные подходы к классификации проектов. Наиболее важным классификационным признаком для этого исследования выступает степень сложности (класс) проекта. Проекты подразделяют следующим образом:

- монопроекты – простые проекты определенного вида;
- мультипроекты – сложные проекты, которые состоят из нескольких монопроектов и требуют одновременного управления с учетом организационных, технических, ресурсных ограничений;
- мегапроекты – целевые программы развития регионов, отраслей; выделяют моно- и мультипроекты. Стоимость мегапроектов составляет более 1 млрд долл., а продолжительность – 5–7 лет.

Наиболее интересными можно считать мультипроекты, ведь именно они чаще всего используются в проектном менеджменте.

Понятие «проектный менеджмент» имеет несколько толкований. В широком смысле это подготовка проекта от планирования до принятия решения о его начале и реализации проектной организацией (проектной командой)¹. В этом смысле понятие «проектный менеджмент» используется при организации больших и самостоятельных проектов в фазе реализации².

Принято выдвигать требования к проектному менеджменту: знание предмета проекта, экономичность действия и личные качества³. Знание предмета включает специальные знания и системность их применения. Экономичность действия означает, что все методы управления и контроля, используемые в проекте, эффективны⁴. Среди личных качеств приветствуются коммуникабельность, умение работать в коллективе⁵.

Управление проектами (проектный менеджмент) делится на четыре ключевые задачи: 1) формирование задач проекта, 2) планирование, 3) управление и 4) контроль⁶. Выполняя ключевые задачи, управление проектами проходит несколько этапов⁷:

Байсаева Малика Усамовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и антимонопольного регулирования ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». E-mail: baysaeva@mail.ru; Гачаев Ахмед Магомедович – заведующий кафедрой «Высшая и прикладная математика», доцент, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М.Д. Миллионщикова; Красавина Екатерина Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». E-mail: Krasavina.EV@rea.ru; Забайкин Юрий Васильевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного и финансового менеджмента, ФГБОУ ВО «Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе» (МГРИ). E-mail: 79264154444@yandex.com.

Baysaeva Malika U. – PhD (Economics), associate professor of Finance, credit and antimonopoly regulation department, Chechen State University. E-mail: baysaeva@mail.ru; Gachaev Ahmed M. – associate professor, head of the department of Higher and applied mathematics, Grozny State Oil Technical University named after M.D. Millionshchikov; Krasavina Ekaterina V. – doctor of social sciences, professor of academic department of Political science and sociology, Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: Krasavina.EV@rea.ru; Zabaykin Yuri V. – PhD (Economics), associate professor, department of Production and financial management, Sergo Ordzhonikidze Russian State University of Geological Prospecting. E-mail: 79264154444@yandex.com.

1. Анализ рынка, рисков, потребностей, проблем, вероятности успеха проекта.
2. Планирование общих принципов осуществления проекта, определение исходных данных для планирования проектной деятельности.
3. Планирование функций в проекте.
4. Планирование и определение экономичности и эффективности проекта. Осуществление проекта.
5. Передача результатов заказчику проекта или клиенту, отчет о проекте.
6. Поддержка при внедрении результатов.

Высокая конкуренция на рынке требует от компаний оперативного выполнения проектов, минимизации затрат и высокого качества⁸. Ориентация компании на ее стратегические цели добавляет еще одно ограничение – соответствие стратегии компании⁹. Компания имеет две группы целей: направленные на внутреннее (повышение стоимости бизнеса и эффективности бизнес-процессов) и на внешнее развитие (повышение продаж, выход на новые рынки)¹⁰. Необходимо четко понимать цели компании и подбирать те проекты, которые позволят их достичь¹¹. При этом возникает необходимость управлять несколькими различными проектами, эффективно используя ограниченные ресурсы¹².

Информационные технологии управления проектами развивались в несколько этапов¹³. С увеличением мощности компьютеров возросла функциональность систем. С введением стандартов обмена данными между системами, развитием web-технологий открылись новые перспективы для совершенствования информационных систем управления проектами¹⁴. Надо отметить, что параллельно повышается сложность проектов, при этом возникают дополнительные требования к информационным технологиям (ИТ)¹⁵.

Современные тенденции управления проектами предполагают увеличение роли ИТ¹⁶. Информационные системы управления проектами (ИСУП) призваны повысить эффективность управления и сократить процент незавершенности проектов, они позволяют управлять изменениями, ресурсами, ограничениями, коммуникацией, рабочей командой и другими факторами, влияющими на проект¹⁷. Информационные системы позволяют автоматизировать одну или несколько составляющих управления проектами: составление календарного плана работ, управление ресурсами, затратами, рисками, качеством и т.п.¹⁸ Системы автоматизации управления проектами включают следующие структурные элементы: средства для календарно-сетевого планирования, способы решения отдельных задач (среди них следует выделить допроектный анализ, разработку бизнес-планов, анализ рисков, управление сроками, управление затратами), средства для организации коммуникаций между исполнителями проекта¹⁹.

Информационные технологии позволяют успешно управлять проектами, налаживать устойчивую коммуникацию между участниками, выявлять и своевременно реагировать на отклонения, документировать все этапы проекта, оперативно осуществлять контроль. Названные системы выполняют

Информационные технологии и Data Science

следующие задачи: организация дискуссионных групп и чат-каналов, удаленное хранение файлов и принятых решений, а также информирование заинтересованных сторон ²⁰.

Новейшие тенденции свидетельствуют, что достаточно широкое распространение получают IT упрощенного доступа к информации о проекте и обеспечении эффективных коммуникаций между членами команды. Они не содержат собственных инструментов для календарно-сетевое планирования, а поддерживают функцию интегрирования с системами автоматизации управления проектами. Одна группа IT предоставляет инструменты для анализа проектных решений, OLAP-обработки (*англ.* online analytical processing (OLAP) – аналитическая обработка в реальном времени) и Data mining (совокупность различных методов получения знаний), другая группа предназначена для упрощенной коммуникации между участниками и предлагает использование интернет-средств.

В последнее время все большее распространение приобретает одновременное управление несколькими проектами. В таких условиях больше внимания должно уделяться контролю за выполнением всех этапов проектов. IT дают возможность реализовать мультипроектное управление, при котором управление несколькими проектами выполняется параллельно, независимо друг от друга, но использует общие ресурсы. В мультипроектном управлении IT позволяют описывать состав и характеристику работ, ресурсов, доходов и расходов проектов, создавать расписание проведения работ с учетом проектных ограничений, выявлять критические операции и резервы времени для выполнения других операций, рассчитывать бюджет проектов, их потребности в материалах и ресурсах, планировать загрузку ресурсов проектов, анализировать риски и резервы, учитывать успешность выполнения проектов, вести учет и анализ их исполнителей, получать необходимую отчетность по проектам ²¹. Мультипроектное управление выполняет дополнительные функции: ведение архива и документооборота, аналитика сетевого мультипроектного планирования, контрольно-ревизионные работы.

ИСУП используются для решения следующих задач:

- разработка расписания выполнения работ проекта;
- определение критического пути и резервов времени выполнения работ проекта;
- определение потребности проекта в финансировании, ресурсах;
- определение уровня загруженности ресурсов;
- анализ рисков;
- ведение проекта;
- анализ отклонений хода работ от запланированного и прогнозирование основных параметров.

Целесообразно привести несколько известных информационных систем управления проектами. Пакет MS Project используют около 3 млн чел. Простой интерфейс позволяет работать с системой пользователям разных уровней.

Ранние версии не впечатляли функциональностью, однако MS Project 2000 может быть интегрирован с другими программными продуктами Microsoft. Преимуществом системы является поддержка обмена информацией с Microsoft Outlook. Руководитель проекта имеет возможность передать рабочей команде данные о задачах, которые необходимо выполнить, и в обратном направлении рабочая команда может информировать руководителя обо всех изменениях в рабочем календаре.

Для построения интегрированной системы управления проектами компания Primavera inc. предлагает несколько продуктов: для использования на нижних уровнях управления – SureTrak Project Manager, профессиональный пакет управления проектами – Primavera Project Planner (P3f), для работы со сложными многоуровневыми иерархическими проектами – Primavera Project Planner for the Enterprise (P3e). Интерфейс системы – стандартный. Для управления проектом доступен набор инструментов, содержащий до 20 уровней. Реализованы девять типов работ, все зависимости между работами и 10 типов ограничений. В качестве средства анализа рисков предлагается метод Monte Carlo, который позволяет оценить вероятность невыполнения проекта в заданные сроки.

Эффективность систем управления проектами определяется совокупностью затрат и прибылей, которые может принести система. Три основных параметра, позволяющих оптимизировать использование проектного менеджмента, – это время, стоимость и качество работы. При неэффективном управлении проектом компания может понести убытки в связи с затягиванием сроков внедрения инноваций, превышением бюджета проекта, некачественным выполнением работ.

Неэффективное управление бюджетами работ и качеством их выполнения связано с недооценкой будущих расходов и прямыми расходами вследствие ошибочных действий. Средняя стоимость подобных ошибок составляет 10–20 % бюджета проекта.

К основным качественным преимуществам использования ИСУП относятся:

- повышение контроля над проектами;
- классификация проектов по степени значимости, поставленным целям, ожидаемым результатом, что позволяет предоставлять приоритет стратегически важным проектам по ресурсам, финансированию;
- оптимизация расписания проекта дает возможность наиболее эффективно распределить ресурсы компании. При этом учитывается доступность ресурсов, приоритетность проектов, графики поставки ресурсов, ограничения в финансировании;
- передача опыта. Опыт, полученный в ходе реализации проектов, может использоваться для предотвращения ошибок в будущем, сокращения времени для планирования проектов;
- четкое планирование работ.

К сожалению, эффективность использования систем управления проектами в компаниях не оценивалась. В США и странах Европы такие исследования

Информационные технологии и Data Science

проводятся регулярно. Внедряя ИСУП, стоит помнить, что применение информационных систем требует определенных изменений процессов управления организации.

Для внедрения необходим системный подход, предусматривающий планирование комплекса работ и контроль за их выполнением. Необходимо начинать с составления плана внедрения, содержащего перечень задач – от формализации процедур сбора, хранения информации до осуществления изменений в организационной структуре предприятия. От успеха внедрения зависит деятельность организации в целом или отдельных ее подразделений. Следовательно, особое значение приобретают планирование и контроль за техническими, человеческими аспектами внедрения технологии. При планировании внедрения информационных систем чаще всего допускают следующие ошибки: цели и ожидаемые результаты не определены; планируется ввод в эксплуатацию всех функций системы управления проектами, а также перевод всей организации на новую систему.

Развитие экономических отношений и информационной сферы приводит к увеличению объемов информации, количества информационных объектов и в конечном итоге – к усилению конкурентной борьбы и увеличению частоты нападений. При этом условия противостояния постоянно меняются, и процесс противоборства необходимо рассматривать в динамическом режиме. Причинами изменений являются нападения соперников, а также старение информации, введение новой информации и дополнительных ресурсов, перераспределение их между объектами²².

Анализ противостояния в информационной сфере имеет обычно однонаправленный характер и нацелен на разработку мер по защите собственной информации. Вместе с тем в условиях конкурентной борьбы противостояние происходит в обоих направлениях: каждая сторона стремится защитить свою информацию и получить информацию соперника. Переход к двунаправленному противостоянию существенно расширяет круг проблем, возникающих при проектировании систем информационной безопасности. Каждая из сторон решает ряд задач, направленных на оптимизацию важных показателей, связанных с выделением и распределением ресурсов. К таким показателям относятся:

- общее количество ресурсов, выделенных на защиту собственной информации и получение информации соперника;
- соотношение между количеством ресурсов, выделенных на защиту и на получение информации;
- распределение ресурсов между отдельными объектами.

Решение этих задач зависит от стоимости информации, которой владеет каждая из сторон, ее размещения на объектах, их уязвимости, вероятности выделения определенного количества ресурсов противоположной стороной и их распределения между объектами.

Критерием оптимальности является достижение максимальной эффективности инвестиции в информационную безопасность, то есть максимальной суммарной стоимости защищенной и добытой информации.

Рассмотрим однородную систему из двух конкурирующих сторон, каждая из которых содержит два одинаковых объекта.

Через X и Y обозначены ресурсы соперников, g_k^m – стоимость информации на объекте. Верхний индекс – номер информационной системы, нижний – номер объекта. В силу однородности системы $g_1^{(1)} = g_2^{(1)} = g^{(1)}$, $g_1^{(2)} = g_2^{(2)} = g^{(2)}$. Верхний индекс характеризует отношение к соответствующей информационной системе, а нижний – номер объекта.

Целевая функция $F(x, y)$ определяет суммарный информационный багаж, который включает уменьшение величины причиненного ущерба от реализации угроз информации $j(x, y)$ благодаря внесению инвестиций в объекты защиты и стоимость информации $i(x, y)$, полученной из объектов соперника (эти величины относительны). Целевые функции для первой стороны $F_1(x, y)$ и для второй $F_2(x, y)$ имеют вид:

$$F_1(x, y) = \sum_{k=1}^2 [j_k^{(1)}(x, y) + i_k^{(2)}(x, y)],$$

$$F_2(x, y) = \sum_{k=1}^2 [i_k^{(1)}(x, y) + j_k^{(2)}(x, y)].$$

Используя целевую функцию, величина ущерба от реализации угроз информации на k -м объекте, представлена в виде:

$$i_k(x, y) = g_k p_k f_k(x_k, y_k) \quad (1),$$

где x и y – ресурсы двух сторон, выделенные на объект; g_k – относительная стоимость информации на объекте; p_k – вероятность нападения на объект; $f_k(x_k, y_k)$ – уязвимость объекта.

Большинство величин, которые входят в (1) – относительные: x, y и $f_k(x, y)$ отнесены к стоимости информации на объекте; g_k и $i_k(x, y)$ – к стоимости информации всей системы. Согласно разработанной модели, считается, что переменные x и y входят в приведенные выражения в виде отношения, то есть величина причиненного ущерба от реализации угроз информации зависит от соотношения ресурсов нападения и защиты: для первой информационной системы это x/y , для второй – y/x . Кроме того, принято, что при отсутствии инвестиций в защиту нападение получает доступ ко всей информации объекта, стоимость которой равна единице. Вероятностные показатели установлены на уровне $p_k = 1$ (нападение произошло). Распределение ресурсов по объектам противоположной стороной также считается равномерным, количество ресурсов на каждом объекте равно единице: таким образом, происходит переход от x/y к x , а от y/x к y .

При использовании указанных условий целевые функции принимают вид:

$$i_k(i_k) = \sum_{k=1}^2 \left[1 - \binom{(1)}{k} \binom{(1)}{k} () + \binom{(2)}{k} \binom{(2)}{k} () \right] \quad (2),$$

$$F_2(x, y) = \sum_{k=1}^2 \left[1 - g_k^{(1)} f_k^{(1)}(x) - g_k^{(2)} f_k^{(2)}(y) \right] \quad (3).$$

Для упрощения записи в функциональных зависимостях $f(x), f(y)$ индексы при независимой переменной не указываются, однако под x, y необходимо понимать относительные ресурсы на объектах соответствующих систем.

Основное влияние на результаты расчетов имеет форма зависимостей $f(x), f(y)$. Они заданы в виде дробно-степенных функций:

$$f(x) = \frac{x^n}{x^n + c}; f(y) = \frac{1}{1 + cy^n},$$

где параметры n и c выражают производительность затрат, то есть уменьшение динамической уязвимости $f(y)$ или соответствующее увеличение $f(x)$. В дальнейших расчетах используются следующие формы функций (выражаем их через ресурсы нападения, поскольку ресурсы защиты распределены равномерно):

1) первая система

$$f_1^{(1)}(x) = \frac{x}{x+8}; f_2^{(1)}(x) = \frac{x}{x+16.4},$$

2) вторая система

$$f_1^{(2)}(y) = \frac{x}{1+16y^2}; f_2^{(2)}(y) = \frac{x}{1+32y^3} \quad (5).$$

В выражениях (2) и (3) используются независимые переменные соответствующих функций: в функциях $f_k^{(1)}(x) - x_k^1$, в функциях $f_k^{(2)}(x) - y_k^2$. Параметры n и c (4), (5) выбраны произвольно – в целях максимально выразительного представления результатов. Распределение информации по объектам в каждой системе принимаем равномерным:

$$g_1^{(1)} = g_2^{(1)} = 0,5, \quad g_1^{(2)} = g_2^{(2)} = 0,5, \quad \sum_{k=1}^2 g_k^{(s)} = 1, s = 1, 2.$$

Целесообразность затрат определяется их эффективностью для каждого из объектов. Этот показатель численно выражается производительностью расходов, а графически – крутизной соответствующей характеристики: $f^{(1)}(x)$ – для получения информации и $f^{(2)}(y)$ – для защиты. Поскольку эти характеристики имеют подобные формы, то зоны целесообразности расположены идентично: при дробно-линейных зависимостях $f(x, y)$ это интервалы ОА в начальных областях значений x и, соответственно, y , при дробно-нелинейных интервалах – ВС в области средних значений x и y .

Увеличение x и y за пределами этих интервалов не дает существенного роста значений $f^{(1)}(x)$ и $f^{(2)}(y)$.

Информационное противостояние происходит чаще всего в условиях неопределенности, когда действия соперника неизвестны и могут быть предсказаны лишь с некоторой вероятностью. Это затрудняет оптимизацию распределения ресурсов между объектами защиты и управления ресурсами в динамическом режиме (объекты могут иметь как физическую, так и электронную формы). Однако возможна ситуация, когда изменять распределение ресурсов не выгодно ни одной из сторон. В терминологии теории игр такая ситуация отражает седловую точку матричной игры. Определение условий существования седловой точки является важной задачей экономического менеджмента информационной безопасности. Поиск решения осложняется его зависимостью от значительного количества параметров и характеристик информационной системы. Существование седловой точки возможно лишь в определенном интервале значений указанных параметров.

В ряде работ рассмотрены некоторые аспекты сформулированной проблемы для простейшей формы противостояния, когда действия одной из сторон направлены на получение информации, а второй – на ее защиту. Подобная задача рассматривалась в случае, когда поиск оптимального набора механизмов защиты, который обеспечивает минимум риска потерь информации, проводится на примере системы районных отделений банка. Объем информации в каждом отделении пропорционален потенциальному количеству клиентов, то есть численности жителей района. Вероятность реализации отдельных угроз, а также стоимость и эффективность каждого из механизмов защиты определяется методом экспертной оценки. При этом предполагается, что вероятность реализации угрозы против каждого объекта одинакова и зависит только от вида угрозы. Рассматривая различные комбинации элементов защиты для каждого из отделений, надо рассчитать суммарный ущерб для всей системы (который и характеризует степень риска) и оптимальный набор элементов защиты для каждого отделения при условии введения ограничения на общую стоимость системы защиты. При расчете полного риска остается открытым вопрос о величине перекрестных членов, выражающих величину причиненного ущерба от реализации угроз информации (эти события являются совместимыми).

В условиях конкурентной борьбы каждая из сторон стремится защитить свою информацию и получить информацию соперника. В этом случае рассматривается разнонаправленное, или комплексное, противостояние.

На возможность существования седловой точки влияют следующие факторы:

- форма противостояния – однонаправленная или разнонаправленная;
- количество объектов l ;
- степень уязвимости объектов, то есть форма функций $f_k(x, y)$;
- относительная стоимость $\{g_k\}$ информации на объектах.

Информационные технологии и Data Science

С учетом этих факторов седловая точка может существовать при определенных значениях $Z = X/Y, X = \sum_{k=1}^l x_k, Y = \sum_{k=1}^l y_k$ – общее количество ресурсов каждой из сторон. Интервал VZ существования седловой точки определяется указанными факторами. Используя математическую модель, в соответствии с которой целевая функция $i(x, y)$ определяет величину причиненного ущерба от реализации угроз информации $i(x, y) = \sum_{k=1}^l i_k(x, y) = \sum_{k=1}^l g_k p_k q_k(x, y) f_k(x, y)$, основное внимание уделено влиянию величин $\{g_k\}$ и зависимостей $f_k(x, y)$ на интервал VZ . С этой

целью положено $p_k = 1$ и получено $i(x, y) = \sum_{k=1}^l g_k f_k(x, y)$.

Согласно модели, в зависимости $f_k(x, y)$ уточнено в форме дробно-степенных функций

$$f_k(x, y) = \frac{\left(\frac{x}{y}\right)^n}{\left(\frac{x}{y}\right)^n + c} \quad (6),$$

где параметр n определяет кривизну зависимостей, а c – высоту подъема над осью абсцисс. По физической сути величины n и c выражают производительность затрат.

Часто устанавливают влияние отдельных факторов на VZ при однонаправленном противостоянии. На данном этапе исследований необходимо определить, как выявленные закономерности изменяются при переходе к разнонаправленному противостоянию. Сторона X стремится получить информацию, сторона Y ее защищает. Каждая из сторон имеет один объект защиты: $g^{(1)}$ – для стороны Y , $g^{(2)}$ – для X стороны и стремится получить информацию с объекта соперника. В обозначениях нижний индекс – номер объекта в системе, верхний – номер системы.

При однонаправленном противостоянии и дробно-линейной форме функций уязвимости (6) (то есть при $n_1 = n_2 = n = 1$) седловая точка в системе, содержащей два объекта, существует при всех значениях Z . При возрастании количества l по объектам интервал VZ становится ограниченным и его ширина уменьшается с увеличением l . Если в системе хоть одна из зависимостей $f_k(x, y)$ становится дробно-нелинейной, то интервал VZ также становится ограниченным. При увеличении уязвимости роста за счет показателя n или уменьшения параметра c этот интервал сужается и смещается в сторону меньших Z .

При переходе к разнонаправленному противостоянию даже в системе из двух объектов с дробно-линейными функциями уязвимости интервал VZ становится с ограниченным. Зависимость $VZ(n)$ качественно сохраняет свой характер: при росте n величина c уменьшается.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Результаты получены при одинаковой стоимости информации на объектах: $g_1/g_2 = g^{(1)}/g^{(2)} = 0,5/0,5$. Другие расчетные параметры имели следующие значения: $c_1 = c^{(1)} = 8, c_2 = c^{(2)} = 32$. Зависимости $VZ(n_1), Z(n_1)$ рассчитаны при $n_2 = 1, VZ(n_2), Z(n_2)$ – при $n_1 = 1$, зависимости $VZ(n)$ – при $n^{(1)} = n^{(2)} = n = 1$.

Результаты получены для однонаправленного противостояния и позволяют найти ширину интервала $VZ = Z_{max} - Z_{min}$. Для системы аналогичные зависимости не приводятся, поскольку $Z_{min}(n^{(1)}) = Z_{min}(n^{(2)}) = 0$, и верхняя граница, где Z_{max} , определяет ширину интервала.

Зависимость $VZ(c)$ получается при кривых при $n_1 = n_2 = 2$, поскольку в системе при $n_1 = n_2 = 1$ $VZ \rightarrow \infty$, кривые – при $n_1 = n_2 = 1$, из-за того, что в системе при $n_1 = n_2 > 1$ $VZ \rightarrow 0$.

В функциях $VZ(c)$ существенно проявляются различия двух форм противостояния. Зависимости $VZ(c^{(1)}), VZ(c^{(2)})$ имеют качественно противоположный характер: величина $VZ(c^{(1)})$ возрастает (кривая 3), также как $VZ(c)$ для системы (кривые 1 и 2), в то время как $VZ(c^{(2)})$ спадает (кривая 4). Это можно объяснить тем, что внесение ресурсов в защиту и нападение имеет разный эффект: система защиты должна быть более эффективна, чем система нападения, то есть во взлом системы необходимо вложить больше ресурсов, чем в защиту. Формально это обусловлено тем, что в выражении уязвимости (3) x входит в числители дробей, а y – в знаменатели и изменение этих величин на Vx и, соответственно, Vy приводит к различной смене Vf уязвимости.

Нижний предел интервала $VZ(c)$ для системы, как и в зависимости $VZ(n)$, совпадает с осью абсцисс. Таким образом, верхний предел зависимости $Z(c)$ определяет одновременно ширину интервала $VZ(c)$.

Кроме ширины интервала VZ , важным показателем является значение $i(Z)$ в пределах этого интервала. При увеличении c , что отражает уменьшение уязвимости объектов, кривые $i(Z)$ смещаются в сторону меньших значений i (переход от 1 кривой к кривым 2, 3). При увеличении n , то есть при росте уязвимости, i значения в системе увеличиваются. В системе зависимость $i(Z)$ при $n > 1$ не существует, поскольку $VZ = 0$.

Зависимость ширины интервала VZ от относительной стоимости информации на объектах показывает, что с увеличением отношения g_1/g_2 величина VZ в системе растет или сужается.

Для обеих форм противостояния изменение параметров системы $(n, c, g_1/g_2)$ приводит к изменению основных показателей – i и VZ , причем эти изменения имеют противоположный характер: лучшие показатели по $i(Z)$ достигаются при худших показателях VZ . Для системы наименьшая величина причиненного ущерба от реализации угроз информации, но при самой узкой

Информационные технологии и Data Science

ширине интервала существования седловой точки соответствует размещению информации, обратно пропорциональной разностям объектов: для кривой $g_1/g_2 = 0,7/0,3$ при $n_1=1, n_2=2$. Широкая полоса VZ (при наибольших значениях i) имеет место при «неправильном» размещении информации, когда ее большая часть размещена на более уязвимых объектах: для кривой $g_1/g_2 = 0,6/0,4$ при $n_1=1, n_2=2$.

При однонаправленном противостоянии усложнение информационной структуры за счет увеличения количества объектов и роста степени нелинейности зависимостей, описывающих динамическую уязвимость объектов, приводит к сужению интервала VZ существования седловой точки. Размещение информации по объектам обратно пропорционально их уязвимостям и позволяет уменьшить убытки, однако при одновременном уменьшении VZ .

Переход от однонаправленного к разнонаправленному противостоянию подтверждает указанные тенденции, однако выявляет некоторые новые закономерности. Различия двух форм противостояния наглядно проявляются при исследовании зависимостей интервалов VZ существования седловой точки от параметра c , что входит в функции уязвимости как производительность затрат.

Проведенные расчеты позволяют установить влияние отдельных факторов на оптимальное решение и разработать рекомендации по достижению режима седловой точки в условиях конкурентной борьбы.

При динамичном противостоянии важным показателем является временная зависимость состояния информационной системы. Динамика изменения состояния рассмотрена на примере системы государственного учреждения. Попытки получения информации соперника образуют пуассоновский поток событий, или непрерывную марковскую цепь. Введены следующие обозначения:

λ_1, λ_2 – количество попыток несанкционированного доступа, которые осуществляют соперники за единицу времени (в дальнейшем первой стороной будем считать сторону с ресурсами Y , которая защищает два объекта первой информационной системы); p_1, p_2 – вероятности того, что соответствующие попытки будут успешными.

$\dot{E}_1 = p_1 \lambda_1, \dot{E}_2 = p_2 \lambda_2$ – частоты успешных попыток соперников;

$\dot{E} = \dot{E}_1 + \dot{E}_2$ – суммарная частота успешных попыток;

S_{ij} – состояние системы, в котором невредимыми остаются i объектов первого соперника и j объектов второго соперника ($i = \overline{1, 2}, j = \overline{1, 2}$); p_{ij} – вероятность того, что система находится в ij -м состоянии.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Система дифференциальных уравнений Колмогорова, согласно графу системы, имеет вид:

$$\begin{aligned} \frac{dp_{22}}{dt} &= -\ddot{E} p_{22} & \frac{dp_{11}}{dt} &= \ddot{E}_1 p_{12} + \ddot{E}_2 p_{21} - \ddot{E} p_{11} \\ \frac{dp_{21}}{dt} &= -\ddot{E}_1 p_{22} - \ddot{E} p_{21} & \frac{dp_{10}}{dt} &= \ddot{E}_1 p_{11} + \ddot{E}_2 p_{20} - \ddot{E}_2 p_{10} \\ \frac{dp_{12}}{dt} &= -\ddot{E}_2 p_{22} - \ddot{E} p_{12} & \frac{dp_{01}}{dt} &= \ddot{E}_1 p_{02} + \ddot{E}_2 p_{11} - \ddot{E}_1 p_{01} \\ \frac{dp_{20}}{dt} &= -\ddot{E}_1 p_{21} - \ddot{E}_2 p_{20} & \frac{dp_{00}}{dt} &= -\ddot{E}_1 p_{01} + \ddot{E}_2 p_{10} \end{aligned}$$

Последовательно интегрируя дифференциальные уравнения, удается получить выражения для $p_{ij}(t)$:

$$\begin{aligned} p_{22}(t) &= e^{-\ddot{E}t} & p_{12}(t) &= \ddot{E}_2 e^{-\ddot{E}t} & p_{21}(t) &= \ddot{E}_1 e^{-\ddot{E}t} \\ p_{10}(t) &= \ddot{E}_2 t e^{-\ddot{E}t} - (\ddot{E}_1 \ddot{E}_2 t^{\ddot{E}} + \ddot{E}_2 t) e^{-t} & p_{20}(t) &= e^{-\ddot{E}t} - (\ddot{E}_1 + \ddot{E}_1 t) e^{-t} & p_{01}(t) &= \ddot{E}_1 t e^{-\ddot{E}t} - (\ddot{E}_1^2 t + \ddot{E}_1 \ddot{E}_2 t) e^{-t} \\ p_{11}(t) &= \ddot{E}_1 \ddot{E}_2 t^{\ddot{E}} e^{-t} & p_{02}(t) &= e^{-\ddot{E}t} - (1 + \ddot{E}_2 t) e^{-t} & p_{00}(t) &= \ddot{E}_1 t e^{-\ddot{E}t} - [\ddot{E}_1 t + \ddot{E}_1 \ddot{E}_2 t] e^{-t} \end{aligned}$$

Эти зависимости – для различных значений \ddot{E}_1, \ddot{E}_2 . Величины $p_{ij}(t)$ определяются вероятностями предыдущих состояний, с которых происходят переходы, и случаями переходных вероятностей, которые определяются величинами \ddot{E}_1, \ddot{E}_2 . Ход зависимостей $p_{ij}(t)$, в частности положение максимумов, показан на примере состояния S_{20} . Скорость изменения $p_{20}(t)$ выражается уравнением:

$$\frac{dp_{20}}{dt} = \ddot{E}_1 p_{21} - \ddot{E}_2 p_{20}$$

На начальной стадии $p_{20} \geq 0, p_{20} \approx 0, p_{21} > p_{20}, \frac{dp_{20}}{dt} > 0$. Со временем поток попыток p_{21} уменьшается, а p_{20} возрастает и в конечном итоге достигает максимума в точке, определяемой равенством:

$$\frac{p_{20}^0(t_{20}^0)}{p_{21}^0(t_{20}^0)} = \frac{\ddot{E}_1}{\ddot{E}_2} \quad (6).$$

Определить моменты t_{ij}^0 , в которые вероятности состояний достигают своих максимальных значений, можно из выражений для производных $\frac{dp_{ij}^0}{dt}$. Приравняв производные до нуля, находят значения t_{ij}^0 []. Для начальных состояний получены аналитические выражения:

$$t_{22}^0 = 0; t_{12}^0 = \frac{1}{\ddot{E}}$$

Для нахождения t_{20}^0 необходимо решить трансцендентное уравнение:

$$t_{20}^0 = \frac{1}{\ddot{E}} \left(1 + \frac{\ddot{E}_2}{\ddot{E}_1} e^{\ddot{E}_1 t_{20}^0} \right)$$

Информационные технологии и Data Science

Максимальные значения p_{ij}^0 можно найти, подставляя в выражения $p_{ij}(t)$ значение t_{ij}^0 . Другой путь – выразить p_{ij}^0 через вероятности предыдущих состояний, например, из (6):

$$p_{20}^0 = \frac{\ddot{E}_1}{\ddot{E}_2} p_{21}(t_{20}^0)$$

Значения t_{ij}^0 и p_{ij}^0 зависят от обеих величин – \ddot{E}_1 и \ddot{E}_2 , так как каждое из состояний, за исключением конечных, находится в динамическом двунаправленном процессе: в состоянии S_{21} возможно перейти из предыдущего состояния S_{22} с вероятностью, пропорциональной значению \ddot{E}_1 , а также перейти из этого состояния в последующие в состояние S_{20} с вероятностью \ddot{E}_1 и в состояние S_{11} с вероятностью \ddot{E}_2 .

Поскольку $\ddot{E} = p\lambda$, задача сводится к определению величин p, λ . Эти величины для различных информационных систем можно оценить на основе статистических данных. Вероятность успешных попыток нападения p можно определить также теоретически, используя определенную математическую модель. Динамическая уязвимость выражается степенными функциями:

$$f(x, y) = \frac{\left(\frac{x}{y}\right)^n}{\left(\frac{x}{y}\right)^n + c} \quad (7),$$

где n и c – параметры, выражающие меру производительности затрат. Величину $f(x, y)$ можно рассматривать как вероятность успешного нападения соперника. Специфика ее использования в качестве параметра p_k для каждого из объектов связана с тем, что она не является постоянной величиной, а зависит от соотношения ресурсов x_k, y_k . Степень роста величины p с увеличением $\frac{x}{y}$ зависит от степени нелинейности функции $f(x, y)$, то есть от параметров n и c .

При изменении $\frac{x_k}{y_k}$ соотношение между значениями p_k может измениться качественно. Так, в точке А наибольшее значение $p(x, y)$ имеет первый объект (с дробно-линейной зависимостью $f_1(x, y)$), а в точке В через дробно-нелинейный характер зависимости $f_3(x, y)$ – третий объект.

Для первого из соперников наиболее желательным является состояние S_{20} , в которое можно попасть из состояния S_{21} . При этом приоритетной задачей является достижение наибольшего значения p_{20}^0 при малейшем t_{20}^0 . При увеличении отношения $\frac{\ddot{E}_1}{\ddot{E}_2}$ величина p_{20}^0 растет. Влияние \ddot{E}_1, \ddot{E}_2 на t_{20}^0 имеет более сложный характер. Увеличить отношение $\frac{\ddot{E}_1}{\ddot{E}_2}$ можно за счет увеличения ресурсов первого из соперников, при этом \ddot{E}_1 увеличивается,

а \ddot{E}_2 уменьшается. Если для второго соперника вероятность успешных попыток задается выражением (7), то для первого – следующим выражением:

$$f^{(1)}(x, y) = \frac{\left(\frac{y}{x}\right)^n}{\left(\frac{y}{x}\right)^n + c}$$

Рассматриваемую информационную систему можно сопоставить с гидравлической структурой, содержащей набор резервуаров, к каждому из которых подходят две системы труб: одна наполняет резервуар, вторая одновременно высвобождает его.

Величина p_{ij} имеет значение скорости течения с ij -го резервуара, которая определяется давлением воды в нем, Λ_1 и Λ_2 – площади поперечных сечений труб. Утечка из резервуара S_{ij} в $S_{i,j-1}$ осуществляется через трубу с поперечным сечением Λ , а с S_{ij} в $S_{i,j-1}$ – с поперечным сечением Λ_2 . Скорость наполнения, а затем высвобождение резервуара при заданных Λ_1 , Λ_2 определяется временной зависимостью значений $p_{ij}(t)$. Для резервуара S_{20} это $p_{21}(t)$ и $p_{20}(t)$. Обе функции сначала возрастают, достигая своих максимумов в определенные моменты времени, а затем спадают. Время, за которое достигается максимальное значение p_{20}^0 , зависит как от функций $p_{21}(t)$, $p_{20}(t)$, так и от значений Λ_1 , Λ_2 . Для резервуара S_{20} разница $\Lambda_1 p_{21} - \Lambda_2 p_{20}$ определяет объем воды, который прибывает (или выбывает) за единицу времени. Таким образом, дифференциальные уравнения Колмогорова описывают водный баланс соответствующих резервуаров.

Использование эквивалентной структуры упрощает понимание полученных закономерностей. Далее рассмотрены варианты усложнения схемы противостояния. Увеличение количества объектов в однородной системе, где все объекты каждой из сторон одинаковы, не вызывает принципиальных изменений, лишь более громоздкой становится схема противостояния, поскольку растет количество возможных состояний, и, соответственно, процедура расчетов. Переход к неоднородной схеме может вестись в нескольких направлениях, определяемых параметрами, которыми отличаются отдельные объекты. К этим параметрам относятся g_k – относительная стоимость информации на объекте; p_k – вероятность успешного нападения на объект, которая зависит от уязвимости объекта; λ_k – частота нападений на объект, которая зависит от конъюнктуры рынка.

Поскольку величины p_k и λ_k входят в расчет в виде произведения $p_k \lambda_k = \Lambda_k$, то задача сводится к выявлению влияния двух расчетных параметров g_k и Λ_k .

Верхние индексы в обозначении состояний выражают номера неповрежденных объектов, а в обозначении частоты успешных нападений – номер объекта, на который направлена попытка. Так, $S_{21}^{(2)}$ обозначает состояние, в котором невредимыми остались два объекта первой стороны и один объект второй стороны, причем неповрежденным объектом второй стороны является второй объект. Величина $\Lambda_1^{(1)}$ определяет частоту

Информационные технологии и Data Science

успешных попыток первой стороны, направленных на первый объект второй стороны.

При неравномерном распределении информации по объектам, когда объекты отличаются не только обидчивостью (то есть параметрами p_k), но и относительной стоимостью информации g_k , граф системы остается неизменным, однако состояния теперь будут отличаться не только номерами невредимых объектов, но и долей защищенной и полученной информации.

Приведенную методику можно распространить на большее количество объектов, которые отличаются относительной стоимостью информации, частотой нападений и вероятностью достижения успеха. Расчетные выражения становятся при этом громоздкими, однако задача поддается решению с помощью программных средств. Проведенный анализ можно рассматривать как шаг к созданию метода динамического адаптивного управления ресурсами в условиях многостороннего противостояния.

Для примера рассмотрен случай, когда соотношение $\frac{\ddot{E}_1}{\ddot{E}_2} = 2$. При этом $\ddot{E}_1 = 0,1$, а $\ddot{E}_2 = 0,05$. Если $\lambda_1 = \lambda_2$, то $p_1 = 2p_2$. Выполнив некоторые расчеты, найдено $\frac{y}{x}$ на первом и втором объектах: $\left(\frac{y}{x}\right)_1 = 0,125$, $\left(\frac{y}{x}\right)_2 = 0,255$. Тогда $Y = y_1 + y_2 = \frac{x_2}{0,255} + 0,125x_1$ если $x_1 = x_2$, то можно подсчитать отношение общих ресурсов первой стороны ко второй: $\frac{Y}{X} = 0,129$.

Достижению целей проекта в полном объеме могут помешать временные ограничения, непоследовательность действий руководства и др. В таком случае следует четко зафиксировать ожидаемые результаты внедрения.

Чтобы предотвратить негативные последствия, нужно последовательно спланировать внедрение функций управления. Рекомендуется начинать внедрение с планирования и контроля временных параметров, затем освоить ресурсное планирование и завершить планированием и контролем затрат.

Реализация различных функций ИСУП может влиять на работу отдельных подразделений организации. Стоит подключать пользователей к новой системе отдел за отделом.

В управлении проектами необходимы теоретические исследования в направлении внедрения информационных технологий для автоматизации эффективного управления несколькими проектами и контроля выполнения проектов.

Примечания

1. HEINDEL L.E., & KASTEN V.A. Next Generation PC-Based Project Management Systems: The Path Forward. — *International Journal of Project Management*. 1996. No. 14 (4), p. 249–253.
2. ZHOU S., FENG D., CHEN L., & XU Y. The Application of the Campus Experimental Project Management System Based on Intranet Technology. In: *Procedia Engineering*. 2012. Vol. 29, p. 504–508.
3. KARAYAZ G., KEATING C.B., & HENRIE M. Designing Project Management Systems. In: *Proceedings of the Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 2011. URL: <https://doi.org/10.1109/HICSS.2011.151>
4. USPENSKIY M.B., SMIRNOV S.V., LOGINOVA A.V., & SHIROKOVA S.V. Modelling of Complex Project Management System in the Field of Information Technologies. In: *Proceedings of 2019 3rd International Conference on Control in Technical Systems (CTS 2019)*, p. 11–14. URL: <https://doi.org/10.1109/CTS48763.2019.8973245>
5. ZHONG H.B. & HAO P.W. Visible Project Management System for Highway Construction Based on 3d Virtual Reality and Information Technology. — *Advanced Materials Research*. 2014. Vol. 1030–1032, p. 2170–2177.
6. HEINDEL L.E., KASTEN V.A., & SCHLIEBER K.J. Next Generation Project Management Systems. P. 2: Prototyping. In: *Conference Proceedings – International Phoenix Conference on Computers and Communications*. 1994, p. 184–187.
7. ZHAO W. The Building of Harmony Project Management Theoretical System. In: *International Conference on E-Health Networking, Digital Ecosystems and Technologies (EDT 2010)*. Vol. 1, p. 353–356. URL: <https://doi.org/10.1109/EDT.2010.5496562>
8. AHLEMANN F. Towards a Conceptual Reference Model for Project Management Information Systems. — *International Journal of Project Management*. 2009. No. 27 (1), p. 19–30.
9. SHCHETYNINA O., HORBATIUK L., ALIEKSIEIEVA H., & KRAVCHENKO N. Project Management Systems as Means of Development Students Time Management Skills. In: *CEUR Workshop Proceedings*. 2019. Vol. 2387, p. 370–384.
10. HEINDEL L.E., & KASTEN V.A. Next Generation PC-Based Project Management Systems: The Path Forward. — *International Journal of Project Management*. 1996. No. 14 (4), p. 249–253.
11. ZHANG J., ZHU M., & ZHANG L. Applied Research on the Enterprise-Level Project Management System and Information Construction of Project General Contractor Enterprise. — *Applied Mechanics and Materials*. 2011. Vol. 94–96, p. 2337–2340.
12. HAN J.-J., & CHENG Y. Research into Metro Project Management System Based on 4G Network. — *Applied Mechanics and Materials*. 2014. Vol. 530–531, p. 690–695.
13. BERZIŠA S., & GRABIS J. An Approach for Implementation of Project Management Information Systems. In: *Information Systems Development: Towards a Service Provision Society*. 2009, p. 423–431. URL: https://doi.org/10.1007/b137171_44
14. YU J., ZHANG H., & YANG N. Study on Application of Component-Based Project Management System. — *Applied Mechanics and Materials*. 2014. Vol. 644–650, p. 6238–6241.
15. SHAIKH T.H., KHAN F.L., SHAIKH N.A., SHAH H.N., & PIRANI Z. Survey of Web-Based Project Management System. In: *Proceedings of the International Conference on Smart Systems and Inventive Technology (ICSSIT)*. 2018, p. 438–441. URL: <https://doi.org/10.1109/ICSSIT.2018.8748784>
16. HUANG R., PU H., ZOU L., & SHI W. Design of Multi-Project Collaborative Management System. — *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1017, p. 780–790.

Информационные технологии и Data Science

17. WU Y., LI J., WANG J., & HUANG Y. Project Portfolio Management Applied to Building Energy Projects Management System. — *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2012. No. 16 (1), p. 718–724.
18. Ibidem.
19. XING S., HUA Z., HONGZHI L., ZHIHONG L., & JUNHUI L. Study on Integration Methods for Project Management System Based on Ontology. In: *International Conference on Wireless Communications, Networking and Mobile Computing (WiCOM)*. 2008. URL: <https://doi.org/10.1109/WiCom.2008.1306>
20. WU Y.N., WANG J.L., & LI J.S. Energy Project Portfolio Management System Construction. — *Advanced Materials Research*. 2011. Vol. 211–212, p. 72–77.
21. GACHAEV A.M., SOLOVYOVA N.A., BALYCHEV S.Y., & RODERMEL T.A. Econometric Forms of Using Historical Paradigms. — *Voprosy Istorii*. 2021. No. 6 (2), p. 95–100.
22. TASHAMIROV M.R., GACHAEV A.M., LAPSHOV V.A., & KOKODEY T.A. Formation of the Method of Comprehensive and Interdisciplinary Theoretical and Methodological Approach in Economic Theory. — *Voprosy Istorii*. 2022. No. 3 (2), p. 180–187.

Исторические особенности сотрудничества России и Египта в сфере гидроэкологии

Е.А. БАБИНЦЕВА, Г.О. ЛУКЬЯНОВА

Historical features of cooperation between Russia and Egypt in the field of hydroecology

E.A. BABINTSEVA, G.O. LUKYANOVA

Аннотация. Статья посвящена истории экологического сотрудничества России и Египта. Авторы поднимают вопрос поиска перспективных направлений международного взаимодействия на базе сложившегося исторического опыта на примере охраны водных ресурсов и строительства крупных промышленных объектов при участии России на территории Египта. Рассмотрен показательный пример строительства Асуанского гидроузла в XX в.

Ключевые слова: Асуанская плотина, Асуанский гидроузел, российско-египетские отношения, гидроэкология, экология, охрана окружающей среды, Россия, Египет.

Abstract. The article is devoted to the history of ecological cooperation between Russia and Egypt. The authors raise the issue of searching for promising areas of international cooperation on the basis of established historical experience on the example of the protection of water resources and the construction of large industrial facilities with the participation of Russia in Egypt. An illustrative example of the construction of the Aswan hydroelectric complex in the 20th century is considered.

Key words: Aswan dam, Aswan hydroelectric complex, Russian-Egyptian relations, hydroecology, ecology, environmental protection, Russia, Egypt.

Начало российско-египетских отношений принято ассоциировать с 26 августа 1943 г. в рамках установления ряда дипломатических миссий между государствами. Несколько последующих десятилетий Египет оставался важным торгово-экономическим партнером СССР в поставках продовольствия и вооружения. В результате смены политического курса при Анваре Садате в 1970-е гг. российско-египетские связи стагнировали и пришли к возрождению лишь в 1980-е гг. при поддержке Хосни Мубарака. На сегодняшний день продолжается укрепление двустороннего взаимодействия в торгово-экономической, энергетической и военно-технической сферах. Безусловно, работа в таких приоритетных областях, как энергетика и туризм, неразрывно связана с необходимостью соблюдения санитарно-эпидемиологических и международных экологических норм как российской, так и египетской стороной.

— Международное научное сотрудничество

В 2014 г. отмечается значительное усиление взаимной инвестиционной привлекательности обоих государств¹.

Сегодня на фоне всестороннего взаимодействия ведущих государств мира неизбежно возрастает взаимная экологическая зависимость и заинтересованность стран-партнеров в сохранении естественной окружающей среды. Во второй половине XX в. в контексте устойчивого развития по результатам ряда съездов с участием экологических организаций, межгосударственных природоохранных и климатических конференций были установлены меры международных экологических норм, принятые в том числе российской и египетской сторонами. Вместо господствовавшей долгое время парадигмы безвозмездного потребления природных ресурсов отныне международное сообщество стало руководствоваться триадой «развитие – мир – защита окружающей среды», которая строилась на целостном рассмотрении динамики экономики и экологии².

В качестве одного из преобладающих интересов России на международной арене было установлено грамотное определение приоритетов в области дальнейшего международного экологического сотрудничества и защиты окружающей среды³. Продолжение тенденции стратегического партнерства цивилизованных сообществ стало возможным исключительно в условиях многоуровневого подхода в вопросах минимизации экологических рисков энергетической промышленности, ВПК, обмена опытом и обеспечения стабильной возобновляемости природоресурсной базы. Несмотря на разные климатические условия, особенности абиотических факторов и, как следствие, экологические проблемы, как Россия, так и Египет заинтересованы во взаимном освоении научно-технического потенциала, дальнейшем укреплении торговых связей, обращении в области туризма и иных гуманитарных сферах. Продуктивное сотрудничество в упомянутых областях неизбежно касается состояния природной среды, что создает дополнительное поле взаимодействия для обеих стран практически по всем возможным аспектам совместной деятельности.

С 2004 г. Каир находится на лидирующих позициях в списке самых загрязненных городов мира. Согласно данным Института Ближнего Востока и ВОЗ, на примере Каира можно обозначить ряд проблем, с которыми сталкивается

Бабинцева Екатерина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: babintseva-ea@rudn.ru; Лукьянова Галина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: lukianova-go@rudn.ru.

Babintseva Ekaterina A. – PhD (Historical Sciences), associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: babintseva-ea@rudn.ru; Lukyanova Galina O. – PhD (Philology), associate professor, head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: lukianova-go@rudn.ru.

Египет в области экологического регулирования. Отмечаются концентрация около 12 тыс. промышленных предприятий в черте столицы, неудовлетворительное состояние автопарка и высокое содержание вредоносных выбросов в атмосфере, нерегулируемая работа свалок, проблема управления утилизацией мусора, загрязнение черты города бытовыми и промышленными отходами. Помимо перечисленного, отмечаются сезонное задымление города в связи с сельскохозяйственными работами, неконтролируемый выпас скота, перенаселение социально привлекательных зон, а также катастрофическое состояние гидрологических ресурсов, в том числе питьевой воды, признанной в ряде случаев опасной для употребления. В дополнение к антропогенному вмешательству негативное воздействие оказывает климатический фактор. Засушливый климат, песчаные бури и отсутствие достаточного количества влаги несет не только опасность для флоры и фауны, но и санитарно-эпидемиологическую угрозу для людей, занимающихся хозяйствованием на этих территориях. Непростые естественные условия проживания в Египте, включая урбанизированную среду, требуют большего контроля и стабилизации, чем другие регионы, что, безусловно, связано с увеличением процента инвестиционной поддержки заданных направлений.

Как и многие государства мира, Египет оказался в затруднительном положении в результате рестриктивного режима в период глобальной пандемии COVID-19 и после нее. Прежде всего, это связано с ограничениями на перемещение людей, что неизбежно повлекло за собой стагнацию рынка туризма. Реализация проекта 2016 г., посвященного стабилизации экономического роста в Египте, была прервана в 2020 г.⁴ Внутренняя экономическая дестабилизация, кризисные состояния и потрясения экономики неизбежно оказываются в центре внимания любого государства, в результате чего отодвигаются на второй план вопросы охраны окружающей среды. Иными словами, приоритет в любом секторе экономики отдается результативности и прибыльности, даже если это наносит ущерб природной среде.

В 2020 г. Министерство международного сотрудничества Египта договорилось с Европейским банком реконструкции и развития о получении кредита в размере 200 млн долл. в целях укрепления агробизнеса и оказания помощи местным фермерам по внедрению экологически безопасных методов ведения сельского хозяйства⁵. Также была разработана специальная система внутригосударственных экономических реформ для борьбы с результатами пандемии. Можно прогнозировать, что результаты внедрения новаций в агрокомплекс и инвестиционная поддержка в перспективе приведут к благоприятным результатам экологизации сельского хозяйства в Египте.

В контексте проблем соблюдения санитарно-эпидемиологических норм и функционирования сельского хозяйства особое значение приобретает состояние гидрологических ресурсов Египта, включенных в судоходные, транспортные, ирригационные и промышленные процессы. Ряд проблем связан

— Международное научное сотрудничество

с зависимостью состояния Египта от стран, территории которых расположены выше по течению Нила. Помимо проблем естественного стока по руслу реки, попадающей под нормы экологического гидрорегулирования состояния внутренних вод разных стран, в условиях континента остро встал вопрос распределения водных ресурсов. По инициативе Каира был сформирован блок стран при содействии Судана и Эфиопии, занимающийся, помимо экономического сотрудничества, экологическим контролем состояния Нила⁶. В 1959 г., по окончании строительства Асуанской плотины, в продолжение соглашения об объемах использования р. Нил в 1929 г. между Египтом и Суданом было подписано соглашение о рационализации использования гидроресурсов р. Нил⁷. На основании данных соглашений Египет и Судан, как активные пользователи внутренних вод для сельского хозяйства и промышленности, конкретизировали потребляемые для экономических нужд объемы и затраты воды. В сложившихся обстоятельствах едва ли не единственной возможностью защиты состояния территориальных вод Нила от пагубного хозяйствования и недостаточности мер защиты государствами, расположенными выше по течению, стала установка очистных сооружений и фильтрующих дамб.

В октябре 2009 г. Египет инициировал проведение Международной конференции по охране озонового слоя в Порт-Галибе, а в 2022 г. президент Абдель Фаттах ас-Сиси в ходе онлайн-встречи по климату в Нью-Йорке в рамках Генеральной Ассамблеи ООН предложил принять в Египте конференцию сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата⁸. Прежде всего, выбор места проведения подобных мероприятий является гарантией привлечения внимания международной общественности к экологическим проблемам региона, с учетом того что Каир ежегодно признается одной из самых неблагоприятных в экологическом плане столиц мира.

При технической поддержке и с помощью СССР в 1950-е – 1970-е гг. на территории Египта было построено больше 100 заводов, предприятий и других промышленных объектов, таких как химико-фармацевтический завод и завод антибиотиков в Абу-Заабале в 1962 г., Асуанская плотина в 1960-х – 1970-х гг., Хелуанский металлургический комбинат в 1970-е гг. и др.⁹ Эти объекты и сегодня играют важную роль для производственной сферы и гидрорегулирования государства.

Соглашение между СССР и Египтом о совместном строительстве Асуанской плотины и организации Асуанской ГЭС на первом пороге р. Нил было подписано 27 декабря 1958 г. Создание данного объекта стало прямым продолжением подписания в 1955 г. торгового соглашения, ставшего основой для укрепления отношений между Россией и Египтом.

Основной целью строительства дамбы было предотвращение естественных разливов и последующих затоплений в нижнем течении Нила, оказывавших пагубное воздействие на сложившуюся в то время систему сельского полевого хозяйства, а также устранение последствий наводнений и засух, обрушившихся

на Египет в XX в. В рамках подписанного между СССР и Египтом соглашения оказывалась не только поддержка при непосредственном строительстве плотины. В ходе сотрудничества осуществлялась крупная инвестиционная помощь; строительно-монтажным работам и инженерному делу по российской образовательной модели обучалось около 100 тыс. египтян.

Несомненно, что вмешательство в естественный ход функционирования природных объектов не может позитивно сказываться на устоявшемся балансе биосферы. Антропогенное воздействие – это вынужденная мера по организации комфортной среды для хозяйствования проживающего на соответствующей территории общества. Несмотря на то что рядом ученых отмечается вымывание плодородного ила в результате строительства плотины, противники этого заключения считают, что сокращение его количества вследствие переноса течением реки в море случилось заблаговременно. Более того, значение этого ресурса для плодородия почв было переоценено, так как калий, фосфор, азот и другие ценные элементы присутствовали в нильском иле в крайне незначительном количестве. Более того, благодаря строительству Асуанской плотины, стал орошаться ряд ранее не получавших питательных веществ земель, что оказало благотворное влияние на их плодородие¹⁰. Также вызывает беспокойство строительство на р. Нил других гидросооружений, таких как плотина великого возрождения Эфиопии. В случае неверного проектирования и расчета водозабора новыми гидросооружениями, в особенности стоящими по течению выше, чем Асуанская плотина, возможны перебои в выработке электроэнергии Асуанской ГЭС и последующие стихийные бедствия¹¹.

На сегодняшний день Асуанская плотина имеет культурно-историческое значение и, помимо выполнения целевых функций, является объектом культурной и туристической ценности Египта.

Среди мер повышения уровня культуры охраны окружающей среды в Египте и на прилегающих территориях следует выделить уже показавшие свою эффективность в России и мире мероприятия по информированию населения. Например, в контексте рационализации применения особо ценных в стране гидроресурсов и вод Нила эффективность могут продемонстрировать информационные порталы и программы по информированию населения о новых водоохраных технологиях, ирригационных системах, особенностях бытового потребления воды. В этом контексте особое внимание должно быть уделено экономному потреблению воды при извлечении максимальной пользы для населения. Решение проблем загрязнения гидроресурсов Египта можно обеспечить путем реорганизации образа мышления жителей Египта и непосредственно Каира, начиная с углубления экологического школьного образования¹². Опыт подготовки квалифицированных кадров в Египте для строительства Асуанской плотины показал, что поддержку во внедрении экологизации промышленных объектов и развития экологического образования граждан могут оказывать другие государства, уже имеющие позитивные результаты в данной сфере, включая Россию.

— Международное научное сотрудничество

Экологическое сотрудничество России и Египта развивалось в основном в последние десятилетия XX в., начавшись со строительства Асуанского гидрокомплекса и продолжившись в области создания других энергетических и промышленных объектов, таких, например, как АЭС «Эд-Дабья» при участии «Росатома». Исторический опыт показывает, что природоохранный опыт взаимодействия в области гидроресурсов между Россией и Египтом приносит позитивные результаты и сегодня, и его следует расценивать как основу для дальнейшего плодотворного сотрудничества.

Примечания

1. БЕЗРУКОВА Т.Л., ШАНИН И.И., КРУГЛОВА К.В. Перспективы развития российско-египетских отношений. — Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10–2, с. 315–318.
2. ГУРЬЕВА М.А. Международное экологическое сотрудничество. — Теория и практика общественного развития. 2015. № 14, с. 43–46.
3. ПИРОГОВ А.А. Роль международного сотрудничества в области охраны окружающей среды в Российской Федерации. — Молодой ученый. 2019. № 46 (284), с. 79.
4. РУДЕНКО Л.Н. Экономические последствия пандемии COVID-19 в Египте. — Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 6, с. 105–117.
5. URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2021/12/ОбзорВЭД_Египет_13.12.21.pdf
6. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9405>
7. ABDELHALEEM F., HELAL E. Impacts of Grand Ethiopian Renaissance Dam on Different Water Usages in Upper Egypt. — British Journal of Applied Science & Technology. 2015. No. 8 (5), p. 461–483.
8. URL: <https://iz.ru/1224673/2021-09-21/egipet-predlozhit-priniat-u-sebia-konferentciiu-oon-po-klimatu-v-2022-godu>
9. МАМЕД-ЗАДЕ П.Н. Российско-египетские отношения: история и современность. — Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2006. № 1, с. 62–67.
10. ABU ZEID M.A. Environmental impacts of the High Dam. — Water Resources Development. 1989. No. 5 (3), p. 156.
11. МОСТАФА ЕЗЗЕЛДИН. Управление водными ресурсами Египта: проблемы и способы решения. — Строительство: наука и образование. 2021. Т. 11. Вып. 1, с. 1–14.
12. URL: <https://www.ukm.my/muwarec/ProceedingMuwarec08/1-Wagdy-Egypt%2011%20nov08.pdf>

Распространение моды с точки зрения маркетинга: история и современность

Юньсян Гэ, Хао Цинь, Чэн Лу (автор, ответственный за переписку)

Distribution of fashion in terms of marketing: history and actuality

YUNXIANG GE, HAO QIN, CHENG LU (CORRESPONDING AUTHOR)

Аннотация. В статье анализируется современная научная литература в области истории и современности маркетинга и моды. Приведены данные о направлениях этих исследований, определена роль моды в современном обществе и ее социальные функции, рассмотрены факторы, которые оказывают влияние на развитие маркетинга в распространении моды.

Ключевые слова: маркетинг, модные тенденции, мода.

Abstract. The article analyzes the modern scientific literature in the field of marketing and fashion research. It provides data on the directions of these studies, identifies the role of fashion in modern society and defines its social functions, and analyzes the factors that influence the development of marketing in the dissemination of fashion.

Key words: marketing, fashion trends, fashion.

Fashion is an indispensable attribute of everyday life in society. Being something concrete (an item of clothing, a feature of behaviour, a technical device, etc.), fashion reflects the most current socio-cultural and trends in society, its interests, habits, social and psychological attitudes, etc. Modern society, due to globalization and digitalization, is much more diverse than ever before, and the speed of information dissemination through the media and social networks contributes to an increasingly shorter life cycle of trends. Conventionally, what is trendy today is not trendy tomorrow (a prime example is internet memes or gaming computer models). As G. Simmel wrote, fashion is nothing but one of many forms of life, through which the tendency to social alignment connects with the tendency to individual distinction and change in a single activity, whereby each further spread of fashion leads to its end, as it destroys distinction¹.

Indeed, the modern world is almost unimaginable without the development of information technology, including social media. Today, you can order your favorite items in a few minutes (or even seconds!) on a website or mobile app. The modern fashion industry is full of thousands of brands offering their unique products all over the world. For instance, fashion shops fill the space of metropolitan cities, international exhibitions, fashion weeks, etc. With the help of online media giants like YouTube, Facebook (banned in Russia), Twitter (banned in Russia),

Instagram (banned in Russia), etc., manufacturers are able to maintain constant feedback from the consumer as billions of people are able to go online from anywhere at any time.

The fashion industry has always been a highly competitive market sector². In this environment, fashion organizations face the challenge of standing out or dying³. Note that no item will become part of fashion if it is, say, in a shop window with a constantly changing price tag. Marketing is necessary for a product to be known and perhaps become part of a general trend in the fashion world. But marketing, in spite of its classic elements, has a way of changing.

Therefore, in view of the societal changes that have taken place and are taking place, it becomes relevant to identify current trends in the distribution of fashion from a marketing perspective.

The methodological basis of the present study is the analysis of scientific literature in the field of marketing and fashion studies in recent years, as well as a comparative analysis of some works of social theorists who studied the nature of fashion (G. Simmel, G. Blumer, P. Bourdieu, J. Baudrillard, A.B. Hoffmann).

The main sources of the study were statistical materials of international organizations and consulting agencies, media materials relevant to the manifestation of fashion, as well as marketing cases of transnational companies related to the experience of integration of technologies affecting the spread of fashion.

As noted in many journals and publications on trends, fashion reflects society's changes and initiates them itself⁴. Fashion is one of the defining phenomena of consumer society⁵, the object of numerous cultural, socio-philosophical, sociological, linguistic and marketing studies. This cannot but resonate with those who are seriously engaged in the study of society – academics.

Issues related to the theoretical and empirical study of various trends in the spread of fashion in marketing are actively translated in the current scientific literature. For example, an analysis of the bibliographic and abstract database Scopus shows that attention to this topic has only increased during the 21st century, with a particular increase characteristic of the last four years; search in the title of a publication using the keywords “fashion” and “marketing” (operator AND, Fig.).

We think that this can be explained by two main trends.

Юньсян Гэ – Колледж моды и дизайна, Лаборатория дизайна и технологии одежды. Министерство образования КНР, Университет Дунхуа. Шанхай. Китай. E-mail: geyunxiang@mail.dhu.edu.cn; Хао Цинь – ООО «Современные средства массовой информации». Шанхай. Китай. E-mail: 709485550@qq.com; Чэн Лу (автор, ответственный за переписку) – Колледж моды и дизайна. Лаборатория дизайна и технологии одежды. Министерство образования КНР, Университет Дунхуа. Шанхай. Китай. E-mail: lc@dhu.edu.cn.

Yunxiang Ge – College of Fashion and Design, Donghua University. Shanghai. China. E-mail: geyunxiang@mail.dhu.edu.cn; Hao Qin – Modern Media Co. Ltd. Shanghai. China. E-mail: 709485550@qq.com; Cheng Lu (corresponding author) – College of Fashion and Design, Key Laboratory of Clothing Design & Technology, Ministry of Education, Donghua University. Shanghai. China. E-mail: lc@dhu.edu.cn.

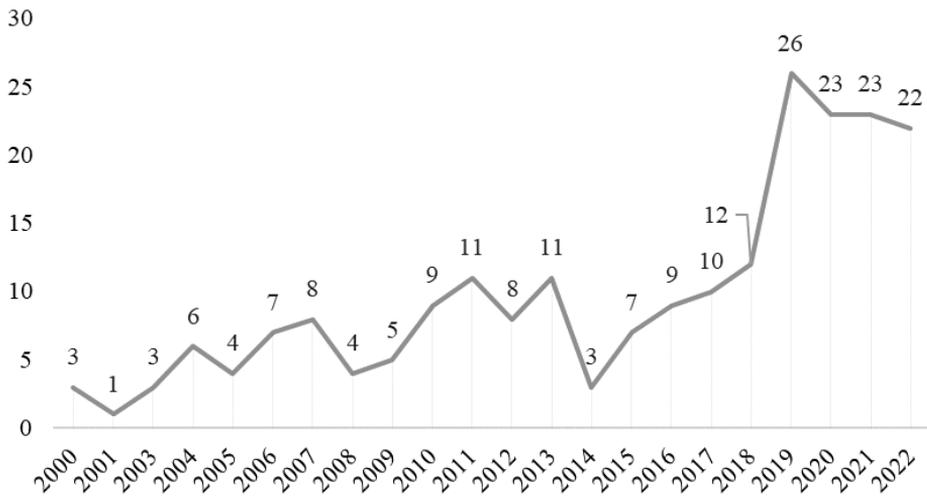

Figure. Dynamics of scientific publications dedicated to the analysis of fashion in the context of marketing in Scopus, 2000–2022

First, the increased role of social media and the Internet in general as channels for promotion in modern marketing. Indeed, according to the World Bank, in 2020 the number of people using the Internet reached already 60 % of the planet's population, while in 2000 it was 7 % ⁶. According to a DataReporta survey, in 2022, the number of Internet users will reach 4.95 billion people (62.5 % of the total population), 93.3 % of them will be active users of social networks ⁷. In the context of general digitalization, the digitalization of fashion has also occurred, especially following the COVID-19 pandemic, which has had a significant impact on the sustainability of online communications. Today, shoppers use social media and user-generated content to make key purchasing decisions ⁸.

Secondly, the global trend of sustainable development set by the UN in 2015. The international community's call for solutions to humanity's social problems is echoed in the collective actions of both individual and corporate actors. For example, individual regions are developing a green economy, private companies are actively implementing ESG strategies, and "ordinary" citizens are changing their social behaviour in favour of sustainability. Naturally, the marketing of fashion as a historically sustainable social phenomenon cannot but reflect the "agenda". For example, H. Bennett-Heim writes about an emerging alternative way of developing marketing today, where, as opposed to purely commercial goals, issues of supporting brand viability, raising awareness of social issues in the fashion industry and positively changing consumer behaviour are at the forefront ⁹. It is interesting to note that in 2019, i.e., before the COVID-19 pandemic, as S. Portway, the fashion industry was unusually slow to embrace the world-saving spirit of the times ¹⁰. Today, however, the sustainability trend has managed to revive ¹¹.

These trends are reflected in the academic literature. For example, most publications focus on fashion trends in terms of social media or mobile marketing,

as well as in terms of sustainability. In addition, scholarly contributions focus on celebrity influence¹² and private labels¹³, climate change¹⁴, perception and buying intentions¹⁵, retailer strategies¹⁶, green marketing¹⁷, the modest fashion industry¹⁸ and other areas of marketing implementation in the fashion industry.

In order to understand why fashion marketing is so relevant, it is useful to look at what the process of fashion diffusion represents. The semantic pillars of fashion diffusion, or the process of fashion diffusion, are the mental conclusions of members of society about a particular fashion object. This process is directly related to people's opinions and their desires for a fashionable object. It is worth mentioning here that the area of diffusion of fashion objects and their rate of diffusion are directly dependent on a number of reasons:

- the influence of opinion leaders on consumers;
- the media;
- interpersonal interaction between those who have already adopted the fashion object and their potential followers;
- the intensity of fashion information transmission from one social system to another¹⁹.

Also, when positioning the goods of the fashion industry, it is necessary to take into account a number of features, as indicated by O.N. Ryabova²⁰:

- the main motives for the purchase of fashion industry goods are emotional or social in nature. When analyzing motives, it is important to understand what emotions people experience when buying and using goods. These emotions should be reflected both in the visual range and in any advertising messages.

- fashion products have a structure and are divided into classes. In general, these classes are divided into luxury goods and mass goods. The reasons for purchasing goods in these categories correspond to different motives.

- the fashion industry has an implicit advertising mechanism – promotion – through which, for example, seasonal shows or seasonal sales are used.

It should be noted that any fashion products that come onto the market create a specific system of impressions for the consumer, either positively or negatively. The first impression is usually the strongest. In this sense, well-known brands are more reliable: they have been created over a long period of time, and it would be quite difficult to change consumers' opinions about a product of a particular fashion brand. However, given the speed of development and availability of modern information technology, fashion giants have to withstand the competition in the fashion market.

In this sense, the functioning of the modern fashion industry is still based on satisfying consumer demand for fashion products, as well as on shaping this demand, in order to obtain maximum commercial benefits for the industry entities – producers of this fashion product²¹. It is also worth noting that, in general, marketing in the fashion industry does not differ from any other sphere, but has a number of distinctive features.

Thus, today, in the era of the rapidly gaining momentum of the fourth industrial revolution, fashion marketing is transforming and, above all, in the fact that the fashion industry is now increasingly accessible to both the producer and the consumer²².

For example, one of the leading current trends in the diffusion of fashion in terms of marketing in a broad sense is the active use of digital marketing, which has lower costs, enables personalization and the opening up of new markets, and is far more cost-effective than traditional marketing. Today, major multinational fashion companies (ZARA, H&M, Fast Retailing, Nike, etc.) are actively using customer-centric technologies such as virtual (VR) and augmented (AR) reality applications, virtual assistant and chatbots based on artificial intelligence - in order to stay in the race of digital-savvy fashion industry leaders²³. This marketing reversal is also noted by the marketing classic, F. Kotler, who highlights an approach that takes into account the clash of offline business interests and online promotion opportunities – Marketing 4.0²⁴. It should be noted that, based on the position of marketing gurus, in this way marketing 3.0, which appeared in 2010 and was focused on human needs, exhausts itself²⁵.

The increased role of neuromarketing can also be noted. Today, advances in neuroscience enable marketers to compete effectively in a global marketplace where rival brands compete for consumers' hearts, minds and wallets²⁶, and neuromarketing itself is designed to develop point-of-sale strategies that fall into the focus of customers' selective perception and are highly appealing²⁷.

At the same time, the 4P (product, promotion, price, place) concept, known since the 1960s, proposed by E.J. McCarthy²⁸, is still most commonly used to build the marketing strategy of a company in the fashion industry. McCarthy²⁹, which was later popularized by the classicist F. Kotler. This model is considered classic and time-tested. Nevertheless, it should be noted that today a wide variety of marketing mix variations are used in marketing practice, including 4C (Lauterborn, Shimizu), 7P, 8P, 12P, etc.

Note that recently, using the fashion industry as an example, L. Fuxman, et al. proposed a sustainability marketing model, which they called the new 3Ps of sustainability marketing, which complement the traditional 4Ps: conservation (environment), public (society) and performance (economy). The authors proposed a unique integrated framework for developing marketing strategies in the fashion industry in line with sustainability marketing, which aims to promote, communicate and educate existing or potential consumers of sustainable fashion brands³⁰.

Also today, mass-produced and relatively affordable in price, design and style fashion items, which are more oriented towards the middle class, are particularly popular³¹. For example, in the field of fashion clothing, a clear trend in this sense is the production and offer of a basic wardrobe. Basic clothing, or the basic wardrobe, is a relative new trend in the sentiment of the target audience of the e-commerce clothing market, noted by many experts around the world. Its essence is that against the backdrop of global events such as the global financial crises

(2008, 2014 and to some extent even 2022), pandemic COVID-19 (2020–2021), and also in general, on the one hand, in the context of general tense geopolitical situation and ambiguous development of world economy, and on the other hand - increasing public interest in ecology and healthy lifestyle, consumers begin to treat clothes as a product of human activity differently, trying to make informed choice while buying and further using clothes (upcycling fashion is a vivid example). At the same time, preferences are becoming basic, i.e., not new clothes for every day or the latest fashions, but rather practical, comfortable and at the same time fashionable clothes without any particular frills, which can be worn both at home and out to work, for example.

In addition, the following trends in fashion dissemination from a marketing perspective can be highlighted today:

- defining the target audience and analyzing customer data;
- balancing business processes and brand identity;
- market forecasting;
- customer incentives;
- brand knowledge;
- using a multi-platform approach.

It is important to emphasize that all the trends listed are not necessarily characterized by a digital transition, as many fashion manufacturers do not yet fully trust digital tools, nevertheless recognizing their relevance as a means of communication. On the other hand, the previously prevailing business model of “fast” fashion has been widely criticized for being contrary to the principles of sustainable development³², so in our view, fashion marketing is unthinkable in the near future without “digital” as digitalization itself sets the trend - using the Internet and social media is fashionable. Naturally, it should be borne in mind that the consumer masses are still not just “on the wave” of any fashion trend, as if it were clothes, objects, cars or news, but sometimes plunged into the modern ocean of emotions - the society of abundance, of which J. Baudrillard wrote. The scholar noted: fashion is arbitrary, mobile, cyclical and adds nothing to the inner qualities of the individual. However, it has a character of profound coercion and as a sanction provides success or social oblivion³³.

Indeed, fashion today is even more inclusive. Obviously, the Internet offers virtually limitless possibilities for advertising one’s products, and especially fashion products, as they themselves have the property of spreading. However, no matter how trendy a product is, as a rule, not all customers buy it only “by will” of the trend. Of course, until recently there were some really surprising phenomena, like queues and fights for new iPhones or crazy social networking events, but recently these have been on the decline. One can’t help but notice that the COVID-19 pandemic has played no small part in the fashion transformation, as it has “stolen” social space from people for a long time, replacing it with virtual space. We believe this was enough time for many people to reassess certain values, ranging from taste preferences (also due to the impact of the coronavirus infection) to family life

(e.g. the divorce boom in China). Although the pandemic caused severe damage to the fashion industry, the latter has recovered fairly quickly, but consumer preferences have changed in many ways. Thus, while the need for social distance persisted, fashion and self-expression retreated further and further into a virtual environment where it was easy to form the desired identity and individual style reached a wider audience. Social media, video conferencing and virtual spaces still allow for the creation of multiple identities today³⁴. However, digital identity also has a downside: modern man literally dissolves in his desire to follow fashion, because it means an endless race for the possession of various fashion elements, which leads to a disconnection with his own desires and loss of his own identity³⁵.

In general, we can agree that existing judgments about fashion often contradict each other and assessments of this phenomenon are diametrically opposed: according to some assessments, fashion is evil, and according to others – good. Some argue that fashion is a product and source of social inequality and elitism, while others, on the contrary, argue that it is a result and a factor in the development of social equality and democracy³⁶.

What is the position of modern marketing? In our opinion, there cannot be an unambiguous answer here, as fashion is a temporal phenomenon, and as long as there is a commodity-money system of relations on the one hand, and human emotions on the other hand, marketing will be dependent on fashion as such. Modern fashion has, in a sense, become a “hostage” of the information and communication environment in which it is born in a split second and lives for a comparatively short time. It is in this environment that marketing operates, using channels to promote those goods and services that are fashionable. This is close to the fact that, as Bourdieu wrote, the mastered world tends to be taken for granted, which goes without saying³⁷.

Marketing uses people’s consciousness and tries to scan their needs. In this sense, fashion is a reliable assistant to it, because as a social phenomenon it performs social functions. Thus, as far back as H. Bloomer singled out key possibilities of fashion:

- harmless play of fantasy and caprice;
- a painless and justified rejection of the tyranny of custom;
- a socially sanctioned invasion of novelty;
- the demonstration and display of the self;
- the disguised expression of sexual interests;
- the jealous demarcation of elite classes;
- the external and fake identification of low-status people with high-status groups³⁸.

Indeed, fashion is, in a sense, a game that implies competition, with the main rule in this “game” being the game itself. One big and visible rule for all. Both Simmel and Bourdieu were in agreement that fashion represents imitation and is based on class differences. In our opinion, today, despite the undoubtedly existing manifestations of class (take, for example, the division of goods and services into “economy class” and “business class” segments), it is still a more independent phenomenon, increasingly set from “below” rather than from “above”. For example, Kong, Witmaier & Ko conclude that the results show that sustainable communication is

more effective for non-luxury brands in a cultural environment characterized by a high level of awareness of sustainability needs ³⁹.

Renowned Russian sociologist A.B. Goffman also proposed a new theory of fashion and fashion behavior, in which he proposed his vision of the social functions of fashion:

- function of creating and maintaining uniformity and diversity in cultural patterns;
- innovative function;
- communicative function;
- social differentiation and leveling function;
- socialization function;
- prestige function;
- function of psycho-physiological discharge.

The theorist in his reasoning comes to the conclusion that fashion corresponds to the deep needs of the social organism as a whole and its individual subsystems, including economy and culture ⁴⁰.

In our opinion, this is true, and fashion represents an integral element of social interaction. Nevertheless, there is a certain duality in the marketing of fashion that manifests itself in the fact that marketing itself can create fashion trends. This could be seen as an argument about whether it was the fashion trend or the marketing policy that created it first, but we are more inclined to believe that marketing is, of course, “artificial” in nature, whereas only what people like can become fashionable. Say, if a new TV series based on a universally beloved universe is about to be released, it is not certain that it (or the characters it broadcasts) will become fashionable – it all depends on the reaction of the viewer.

In this sense, modern trends in the dissemination of fashion from a marketing perspective are manifested in the fact that they are the product of a response to emerging trends of collective sympathy for this or that thing (object), this or that event, phenomenon, person, etc. This product today is created instantly, but the oversaturated consumption “viewer” is more selective and demanding, which generates competition among producers of fashionable objects.

In summary, having examined contemporary trends in fashion distribution from a marketing perspective, we conclude that contemporary fashion marketing is a relevant way of creating, promoting and delivering products and services. Fashion marketing is actively discussed in academic discourse and is reflected in regular social practices.

Recently, fashion itself as a social phenomenon has been transformed by negative events (COVID-19 pandemic, local military conflicts, economic crises, etc.), due to which people’s needs and demands have changed, but the modern arsenal of marketing tools is powerful enough to timely adjust to emerging trends. The spread of fashion in marketing terms is like chasing a butterfly with a net, where the caterpillar used to be routine. If it happens in the right place and at the right time, it will lead to an increased image of the “hunter”, more profits and the attraction of new “caterpillars”.

References

The authors would like to acknowledge the financial support from the Fundamental Research Funds for the Central Universities (Grant No. 2232022G-08 & 2232021E-03).

1. SIMMEL G. Fashion. — *American Journal of Sociology*. 1957. Vol. 62. No. 6, p. 541–558.
2. KAMAROL ZAMAN N., et al. Database Marketing as a Tool for Tracing Customer's Loyalty in Malaysia Fashion Industry. — *International Conference on Business and Technology*. Cham. 2023, p. 375–382.
3. NÚÑEZ-BARRIOPEDRO E., LLOMBART TÁRREGA M.D. New Trends in Marketing Aimed at the Fourth Sector in the Fashion Industry. — *Entrepreneurship in the Fourth Sector*. Cham. 2021, p. 245–261.
4. SIBIL K.N., SHUKLINA Z.N. Features of Marketing Management of Customer's Behavior in the Fashion Industry. — *Bulletin of Science and Practice*. 2016. No. 6 (7), p. 274–280.
5. SHUMSKY A.V. Fashion Industry in the Digital Era: Trends and Technologies. — *Medi@lmanah*. 2021. No. 4 (105), p. 60–69.
6. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS>
7. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>
8. CHEEMA T. Fast-Fashion Meets Social Networking Users: Implications for International Marketing Strategy. — *Research Anthology on Strategies for Using Social Media as a Service and Tool in Business*. IGI Global. 2021, p. 1580–1606.
9. BENNETT-HEIM H. Change of Mind: Marketing Social Justice to the Fashion Consumer. — *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2022. Vol. 11. No. 2, p. 102–115.
10. PORTWAY S. Climate Justice Isn't Sexy: The Double Failure of Sustainable Fashion Marketing and Activism. — *Fashion, Style & Popular Culture*. 2019. Vol. 6. No. 1, p. 49–67.
11. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/somalia-china-designers-embrace-sustainable-fashion>; URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/441789-ludi-snova-tratat-den-gi-kak-moda-vozroздаetsa-posle-pandemii>
12. LE K., AYDIN G. Impact of the Pandemic on Social Media Influencer Marketing in Fashion: A Qualitative Study. — *Qualitative Market Research: An International Journal*. 2022; LIU M. Determining the Role of Influencers' Marketing Initiatives on Fast Fashion Industry Sustainability: The Mediating Role of Purchase Intention. In: *Frontiers in Psychology*. 2022.
13. CHAUDHARY P., SHARMA S. Private Label Fashion Brands: Through the Lens of Masstige Marketing Theory. — *Indian Journal of Marketing*. 2022. Vol. 52. No. 6, p. 8–23.
14. RASHIDI-SABET S., MADHAVARAM S. A Strategic Marketing Framework for Emerging out of the Climate Change Social Trap: The Case of the Fashion Industry. — *Journal of Macromarketing*. 2022. Vol. 42. No. 2, p. 267–291.
15. DEWI D., HERLINA M., BOETAR A. The Effect of Social Media Marketing on Purchase Intention in Fashion Industry. — *International Journal of Data and Network Science*. 2022. Vol. 6. No. 2, p. 355–362; YU F., WENHAO Q., JINGHONG Z. Nexus between Consumer's Motivations and Online Purchase Intentions of Fashion Products: A Perspective of Social Media Marketing. — *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.
16. GUERCINI S., et al. Surfing the Waves of New Marketing in Luxury Fashion: The Case of Online Multi-Brand Retailers. In: *Advances in Digital Marketing and eCommerce*. Cham. 2020, p. 203–210; BAI H., MCCOLL J., MOORE C. Luxury Fashion Retailers' Localised Marketing Strategies in Practice – Evidence from China. — *International Marketing Review*. 2021.
17. SAILER A., WILFING H., STRAUS E. Greenwashing and Bluewashing in Black Friday-Related Sustainable Fashion Marketing on Instagram. — *Sustainability*. 2022. Vol. 14. No. 3, p. 1494.

18. AJAIB N., ALTUNIŞIK R. Emerging Modest Fashion Industry: What Plays a Greater Role in Modest Dressing, Religion or Culture? Implications for Strategic Marketing. In: Strategic Islamic Marketing. Cham. 2022, p. 251–267.
19. ALEKSEENKO L.V. Theories and Strategies of Fashion Distribution. — Word to Young Scientists; State and Municipal Management. Scientific Notes of SKAGS. 2015. No. 1, p. 202.
20. RYABOVA O.N. To the Question of Brand Formation in the Fashion Industry. — Scientific Search. 2015. No. 4, p. 70.
21. CHUPRINA N.V. Formirovanie Designer's Offer of a Fashion Product in the Fashion Industry. — In a World of Science and Art: Questions of Philology, Art Criticism and Culturology. 2015. No. 45, p. 64.
22. KOROTAYEVA E.D. Instruments of Marketing in Fashion. — Scientist's Tribune. 2020. No. 7, p. 285–287.
23. KOTLER F., KARTADZHAYJA H., SETIAVAN A. Marketing 4.0. Turning from Traditional to Digital. — Technologies of Promotion on the Internet. 2019.
24. IBID. Marketing 3.0: From Products to Customers to the Human Spirit. — Marketing Wisdom. Singapore. 2019, p. 139–156.
25. LEWIS D. Neuromarketing in Action. How to Get Inside the Buyer's Brain / Trans. by Maria Matzkovskaya. Moscow. 2015.
26. TRIINDL A. Neuromarketing: Visualization of emotions / Trans. from German. Moscow. 2007.
27. MARSCHNER C. Hafnium: Stepping into the Limelight! — Angewandte Chemie International Edition. 2007. Vol. 46, p. 6770–6771.
28. IBID. Book Review: Basic Marketing: A Managerial Approach. — Journal of Marketing. 1972. No. 36 (1), p. 106.
29. Ibidem.
30. FUXMAN L. et al. The New 3Ps of Sustainability Marketing: The Case of Fashion. — Sustainable Production and Consumption. 2022.
31. KHUDASHOVA A.Z., GRIGORIEVA Z.R. Role of Marketing in Fashion Industry. — Electronic Scientific Journal. 2017. No. 3–2 (18), p. 246–249.
32. POHLMANN A., MUÑOZ-VALENCIA R. Stumbling into Sustainability: The Effectual Marketing Approach of Ecuadorian Entrepreneurs to Reframe Masculinity and Accelerate the Adoption of Slow Fashion. — Critical Studies in Men's Fashion. 2021. Vol. 8. No. 1–2, p. 223–243.
33. BAUDRILLARD J. Consumer Society. Its Myths and Structures / Trans., afterword and preface by E.A. Samarskaya. Moscow. 2006.
34. BOURGEOIS E. Virtual Life: Fashion, Self-Expression, Identity in the Digital Environment. — Fashion Theory: Clothes, Body, Culture. 2022. No. 1 (63), p. 33–52.
35. PETROVA P.I., KARGAPOLOVA E.V., DAVYDOVA Y.A. Fashion in Population: The Problem of Review. — CITESE. 2022. No. 1 (31), p. 242–253.
36. MELIKHOVA Y.Y. Fashion as Social Phenomenon of Society. — Problems of Sustainable Development of Society. 2022. No. 4, p. 481–484.
37. BOURDIEU P. Sociology of Social Space / Trans.; ed. by N.A. Shmatko. Moscow. 2007.
38. BLUMER H. Fashion: From Class Differentiation to Collective Selection. — The Sociological Quarterly. 1969. Vol. 10. No. 3, p. 275–291.
39. KONG H.M., WITMAIER A., KO E. Sustainability and Social Media Communication: How Consumers Respond to Marketing Efforts of Luxury and Non-Luxury Fashion Brands. — Journal of Business Research. 2021. Vol. 131, p. 640–651.
40. HOFFMAN A.B. Fashion and People: A New Theory of Fashion and Fashion Behavior. 3rd ed. Saint Petersburg. 2004.

История распространения русской переводоведческой мысли в Китае

Ян Шичжан

The history of transmission of Russian translatology in China

YANG SHIZHANG

Аннотация. В статье анализируется история распространения русской переводоведческой мысли в Китае. Первый этап этого процесса охватывает 1950-е гг., когда многие монографии и статьи по теории перевода были переведены на китайский язык. На втором этапе, в 1980-х и 1990-х гг., наряду с собственно переводами, велась обширная рецензионная работа. Третий этап, начавшийся в 2000 г., характеризуется появлением как обзоров, так и большого массива результатов исследований.

Ключевые слова: Россия, переводоведение, Китай, перевод.

Abstract. This paper provides a historical analysis of the transmission of Russian translation thought in China. The first stage of dissemination was in the 1950s, when many monographs and articles on translation theory were translated into Chinese. In the second stage, in the 1980s and 1990s, along with the translation itself, a great deal of review work was done. The third stage, beginning in 2000, is characterized by the appearance of a large number of research findings along with reviews.

Key words: Russia, translatology, history of transmission, China, translation.

Современная российская теория перевода уникальна и имеет большое значение в мировом переводоведении. Она составляет основную часть российского переводоведения. Вехой на пути становления современной российской теории перевода является монография А.В. Федорова «Введение в теорию перевода»¹, впервые изданная в 1953 г., которая также имеет эпохальное значение в истории развития теории перевода в мире. Она как впервые изучающая теорию перевода с лингвистической точки зрения стала пионерской работой по общей теории перевода и выдержала пять изданий (1953, 1958, 1968, 1983, 2002). В настоящей статье мы рассмотрим историю распространения современной российской теории перевода в Китае и таким образом отметим особое значение 70-летия со дня выпуска монографии «Введение в теорию перевода».

В 1951 г. в первом номере китайского журнала «Русский язык»² был опубликован сокращенный перевод статьи Л.Н. Соболева «О мере точности в переводе» (1950), что, по мнению Чжао Яньцю, послужило началом распространения русской теории перевода в Китае³. Более чем 70-летнюю историю распространения можно разделить на три этапа: первый – 1950-е гг., второй – 1980–1990-е гг., третий – с 2000 г. Следует отметить, что по причине ухудшения китайско-советских отношений и «культурной революции» в Китае (1966–1976 гг.) деятельность по распространению русской теории перевода серьезно пострадала и была почти прервана в 1960-х и 1970-х гг.

На первом этапе видом распространения был полный или сокращенный перевод русских монографий и статей на китайский язык. КНР была образована в 1949 г., и в стране предполагалось развитие всех отраслей, включая переводоведение. В этом контексте пять монографий по теории перевода были переведены на китайский язык.

В 1955 г. монография «Введение в теорию перевода» А.В. Федорова была переведена на китайский Ли Лю и др. В оригинале есть восемь глав. Первые шесть глав из них были отобраны для перевода на китайский язык. Их перевод оказал большое влияние на переводоведение в Китае. «Среди зарубежных теорий перевода первой была представлена теория эквивалентности советского теоретика перевода А.В. Федорова»⁴. «Монография А.В. Федорова “Введение в теорию перевода” оказала большое влияние на методiku преподавания перевода иностранных языков в Китае. Доктрины теоретика практически стали конспектом преподавания русского перевода в Китае»⁵.

В 1958 г. Чжэн Чанжун перевел первую из семи глав труда Л.Н. Соболева «Пособие по переводу с русского языка на французский» (1952) на китайский язык и переименовал ее в «Основы перевода», выделив общие принципы перевода в оригинале.

В 1959 г. были переведены на китайский язык три статьи из сборника под редакцией Вл. Россельса «Вопросы художественного перевода» (1955): 1) «Традиции реализма (Русские писатели XIX века о художественном переводе)» П. Топера (перевод Цюнь Ли); 2) «В борьбе за реалистический перевод» И. Кашкина (перевод Ли Шиминя); 3) «О переводе образа образом» Л.Н. Соболева (перевод Ван Пина).

В 1959 г. «Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык» М.М. Морозова (1956) было переведено на китайский переводческой кафедрой факультета русского языка Пекинского института иностранных языков.

В 1950-е гг., помимо общей теории перевода и теории художественного перевода, китайские теоретики также обратили внимание на достижения Советского Союза в изучении машинного перевода. В 1957 г. научно-популярная книга Д.Ю. Панова «Автоматический перевод» (1956) была переведена на китайский язык, что позволило китайцам своевременно ознакомиться с достижениями машинного перевода в СССР.

Помимо перевода вышеупомянутых работ, в этот период в журналах было опубликовано множество переводных статей, некоторые из них являлись переводами отдельных глав монографий русских теоретиков. Так, чтобы как можно скорее ознакомиться с теоретическими идеями, изложенными в книге «Введение в теорию перевода» (1953), в журнале «Русский язык» (№ 6, 7, 9 за 1954 г.) были опубликованы китайские переводы первой главы «Теория перевода как научная дисциплина», пятой главы «Насущные вопросы теории перевода в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию» и шестой главы «Уточнение вопроса о переводимости и принцип

Ян Шичжан – доктор филологических наук, профессор, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии, Центр исследований России, Шанхайский университет иностранных языков. КНР. E-mail: yangshizhang@shisu.edu.cn.

Yang Shizhang – doctor of philology, professor, School of Russian and Eurasian Studies, Center for Russian Studies, Shanghai International Studies University. China. E-mail: yangshizhang@shisu.edu.cn.

полноценного («адекватного») перевода». Согласно предисловию к китайскоязычному переводу монографии «Введение в теорию перевода», третья глава оригинала «Маркс, Энгельс, Ленин о переводе» также была отдельно переведена на китайский язык и опубликована в журнале «Бюллетень переводов». Седьмая глава, не переведенная в 1955 г., позже тоже была переведена и опубликована в журнале «Русский язык» (№ 1, 2, 4, 5 за 1956 г.). К тому же статья «Основные вопросы теории перевода» А.В. Федорова, опубликованная в журнале «Вопросы языкознания» (№ 5, 1952), была переведена Ма Хуа и опубликована в журнале «Обучение и исследование» (№ 4, 1954).

На первом этапе, помимо большого количества переводов принципов А.В. Федорова, китайские ученые также перевели идеи ряда других теоретиков перевода. В качестве примера можно привести статью «Большая школа» И. Брагинского в «Литературной газете» (№ 143, 1951), которая была переведена с сокращениями Фэн Вэйцином. Перевод был переименован в «Изучение методов перевода В.И. Ленина» и опубликован в журнале «Бюллетень переводов» (№ 1, 1952). А в журнале «Русский язык» (№ 6, 1952; № 2–4, 1953; № 2, 1955) были опубликованы несколько переводов статей, посвященных обучению искусству перевода.

Можно заметить, что на первом этапе распространения российской переводоведческой мысли в Китае были представлены практически одни переводы русскоязычных книг и статей (полные или сокращенные). Однако примечательно, что были и отдельные ученые, которые придерживались синтетического подхода к распространению русской переводческой мысли. Жу Пу, например, более подробно изложил идеи известного русского теоретика перевода К.И. Чуковского, автора книги «Высокое искусство» (1941), в китайском журнале «Бюллетень переводов» (№ 1, 1952). В этом же номере журнала также был пересказ Сян Мина (1952) о главных точках зрения, выраженных И. Кашкиным в статье «О языке перевода», опубликованной в «Литературной газете» (№ 142, 1951).

Важное изменение, произошедшее на втором этапе (1980-е – 1990-е гг.) распространения российской переводоведческой мысли в Китае, состояло в том, что вместе со множеством переводов китайские ученые начали синтезировать и комментировать русскую переводческую мысль.

В 1980-х гг. на китайский язык были переведены две чрезвычайно важные советские монографии по переводу: «Язык и перевод» (1975) Л.С. Бархударова (перевод Цай И, Юй Цзе и Дуань Цзинхуа, 1985) и «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» (1972) Г.Р. Гачечиладзе (перевод Цай И и Юй Цзе, 1987). Два перевода оказали большое влияние на китайских теоретиков перевода. Они широко цитируются и используются в литературе, посвященной зарубежным исследованиям в области теории перевода. Например, в «Сборник статей по рецензии зарубежной теории перевода» (1983) как один из важнейших источников по теории перевода в первые годы реформ и открытости в Китае вошло две рецензии, составленные теоретиком перевода Цай И, на работы Л.С. Бархударова и Г.Р. Гачечиладзе. Шесть уровней единицы перевода, выдвинутых Л.С. Бархударовым в работе «Язык и перевод», широко цитируются в последующей исследовательской литературе по единице перевода и переводческой эквивалентности.

По сравнению с первым этапом на втором наблюдалось значительное снижение количества переводных статей. Они в основном представлены статьей «Реалистический перевод и задачи его теории» Г.Р. Гачечиладзе в сборнике «Мастерство перевода» (1965; перевод Ван Чэнши, 1984), статьей Н.К. Чуковского

о художественном переводе (перевод Чжоу Юня, 1984), статьей Н.А. Шадрина «Сопоставительная стилистика и теория перевода» из журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» (№ 1, 1982; перевод Ли Вэйци, 1984), рецензией Ю. Левина на монографию А.В. Федорова «Искусство перевода и жизнь литературы: очерки» (1983) в журнале «Иностранная литература» (№ 2, 1985; перевод Ян Яньлу) и др.

Отличительной чертой второго этапа является то, что в Китае ученые не просто переводили работы русских авторов, но и сами начали писать статьи и рецензии, комментируя советско-российскую переводоведческую мысль.

С 1950-х гг. в российском переводе начались дискуссии о подходе к исследованиям перевода между лингвистической и литературоведческой школами, которые завершились в 1980-е гг. В 1982–1983 гг. известный китайский переводчик и теоретик перевода Цай И представил работу «Язык и перевод» (1975) Л.С. Бархударова, реалистическую теорию перевода И.А. Кашкина и монографию «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» (1972) Г.Р. Гачечиладзе, а также проанализировал лингвистическую и литературоведческую школы советской теории перевода. В этом отношении Се Цзунцзюнь (1984) обобщил дискуссии о художественном переводе, которые велись в журнале «Литературное обозрение» с марта 1983 г. И Юнь (1984) также рассказал о Г.Р. Гачечиладзе как о представителе литературоведческой школы теории перевода и его переводческой концепции. Се Тяньчжэнь (1997) представил обзор исследований художественного перевода в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Эти исследования помогли китайским ученым понять истоки лингвистической и литературоведческой школ советской теории перевода, познакомиться с их представителями и работами, а также содержанием их дискуссий.

В этот же период появился целый ряд рецензий на книги. Помимо вышеупомянутых рецензий Цай И (1982, 1983), У Сюэшань (1984) представил книгу В.Н. Комиссарова «Лингвистика перевода» (1980). Ху Чжэнь (1987) кратко изложил основную идею монографии З.Д. Львовской «Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка)» (1985). Цай И (1987) представил сборник статей В.Н. Комиссарова «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике» (1978), уделяя особое внимание взглядам на перевод 12 западных лингвистов. Ван Жосун (1989) проанализировал переводческую мысль Н.И. Любимова на основе его книги «Перевод – искусство» (1982). Представляя книгу Л.С. Бархударова «Язык и перевод» (1975), Дин Синьшань (1990) рассмотрел лингвистическую теорию перевода как новый подход к изучению теории перевода.

В области исследования истории теории перевода к 70-летию победы Октябрьской революции в журнале «Вопросы языкознания» (№ 5, 1987) теоретик перевода А.Д. Швейцер опубликовал статью «Советская теория перевода за 70 лет», которая была представлена китайскими учеными Цай Цзянем (1988) и Ван Лэем (1989). Ли Чэнцзы и Лю Минь (1990) рассматривают историю развития советской теории перевода и делят ее на три этапа: 1) этап становления (1919–1950), 2) этап развития (1950–1970) и 3) этап углубления (1970–1990). Ван Юйлунь и Цзянь Ваньчжу (1989) изучили взгляды В.Г. Белинского на художественный перевод.

Цай И (1988) обобщил основное содержание лекции по методике обучения переводу, прочитанной В.Н. Комиссаровым в МГПИИЯ (прежнее название – МГЛУ) на рубеже 1970-х – 1980-х гг.

В 1990-х гг. китайские ученые стали исследовать конкретные темы в российской теории перевода, совершенствуя соответствующую теоретическую базу. Чэнь Цзе (1993),

основываясь на анализе шести уровней единицы перевода А.С. Бархударова, предложил добавить уровень группы предложений как единицу перевода между уровнем предложения и уровнем текста. Чэнь Цянь и Чэнь Цзе (1999) исследовали причины становления прагматической нормы перевода первой из пяти норм перевода, выдвинутых В.Н. Комиссаровым, и раскрыли значение прагматической нормы перевода в переводческой практике.

Стоит отметить, что на втором этапе огромный вклад в распространение идей русских переводоведов внес известный китайский переводчик и теоретик перевода Цай И. Он не только перевел книги «Язык и перевод» (1975) А.С. Бархударова и «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» (1972) Г.Р. Гачечиладзе, но и написал множество статей и рецензий с целью познакомить своих соотечественников со школами советской теории перевода, работами русских теоретиков перевода и обучения переводу в России.

Особенностью третьего этапа (с 2000 г.) является то, что в Китае стали издаваться книги по исследованию советско-российской переводоведческой мысли. Это доказывает, что ее распространение получило глубокое развитие в Китае. Вехой, положившей начало этому этапу, стал выпуск книги «Теория перевода в Советском Союзе» (2000) Цай И и Дуань Цзинхуа. Данная работа посвящена исследованию лингвистической и литературоведческой школ теории перевода в Советском Союзе. Шесть лет спустя, в 2006 г., в свет вышла книга «Обзор советско-российских школ теории перевода» под редакцией У Кэли, в которой собраны основные идеи советско-российской теории перевода. Монография служит важнейшим источником по исследованию российской переводоведческой мысли и состоит из двух частей. Первая часть посвящается изложению краткой истории российской и советской теории перевода и эволюции переводческой мысли, а также анализу статуса советско-российской теории перевода в мире. Во второй части рассматриваются взгляды важнейших 13 советско-российских теоретиков перевода: А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Г.Р. Гачечиладзе, А.С. Бархударов, Л.А. Черняховская, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, П.М. Топер, В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров, В.В. Сдобников и Н.К. Гарбовский. Некоторые из этих теоретиков, такие как В.С. Виноградов, В.В. Сдобников и Н.К. Гарбовский, тогда были впервые представлены в Китае. Книга значительно расширила знания китайских ученых о российской переводоведческой мысли.

«Лингвистическое переводоведение» (2006) Ян Шичжана, в отличие от книги «Лингвистическое переводоведение в России» (2002) под редакцией В.Н. Комиссарова, посвящена восьми общим темам, изучаемым лингвистической школой советско-российской теории перевода: 1) перевод и переводоведение; 2) теоретические основы лингвистического переводоведения; 3) основные теории лингвистического переводоведения; 4) процесс перевода; 5) единица перевода; 6) адекватность, соответствие и эквивалентность; 7) норма перевода; 8) технология перевода. «Лингвистическое переводоведение» – это «единственная в Китае работа, посвященная исследованию лингвистической теории перевода в России. Книга знаменует собой большое развитие в изучении советско-российской лингвистической теории перевода в Китае»⁶.

В книге «Руководство к изучению советской и современной российской теории перевода» (2016) под редакцией Ху Гумина изложены основные положения советской и российской теории перевода, представлены 14 российских теоретиков перевода (помимо 13 теоретиков, упомянутых выше в книге

под редакцией У Кэли, есть И.С. Алексеева), а также проанализированы опыт устного перевода и способы подготовки по данному направлению. Книга представляет собой обзор достижений России в области переводоведения и является лучшим учебным пособием для подготовки аспирантов по направлению переводоведения по специальности «русский язык и литература».

В области исследования теории специального перевода уникальной работой является «Компьютерная лингвистика и машинный перевод в России» (2009) под редакцией Фу Синшана и др., где девятая глава посвящена истории и нынешнему состоянию машинного перевода в России.

На третьем этапе в китайских академических журналах уже опубликовано большое количество статей о российской переводоведческой мысли, включающих не только традиционные рецензии, но и, что более важно, научные статьи.

Во-первых, продолжают публиковаться рецензии на книги. На данном этапе написаны рецензии на такие работы, как «Теория и методы перевода» (1996) Р.К. Миньяр-Белоручева (Ян Шичжан, Чжэн Миньюй, 2000), «Перевод и смысловая структура» (1976) Л.А. Черняховской (Лю Сяоянь, 2000), «Современное переводоведение» (1999) В.Н. Комиссарова (Чжэн Миньюй, Ян Шичжан, 2001; Чжу Дацю, 2002), «Перевод в системе сравнительного литературоведения» (2000) П.М. Топера (Ху Гумин, 2002), «Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания» (1988) Л.К. Латышева (Фу Чанпин, 2002), Translation and Society: An Introduction (2014) С.В. Тюленева (Лю Лишэн, 2015) и его же «Теория перевода» (2004; Син Цзе, Хуан Цзинь, 2020).

Во-вторых, китайские ученые продолжают исследовать две основные школы российской теории перевода и их историческое развитие.

Чэнь Цзе (2000) проанализировал идеи лингвистической школы. Се Юньцай (2002) и Фу Цзяо (2012) изучили и сравнили теории перевода лингвистической и литературоведческой школ. Ян Шичжан (2005) рассмотрел идеи русского лингвистического переводоведения. Мао Чживэнь (2013) раскрыл эволюцию мысли литературоведческой школы. Цзинь Фан (2018) исследовала три основных направления советско-русского переводоведения с точки зрения сравнительной литературы.

Что касается истории русского переводоведения, то Ян Шичжан (2002) исследовал процесс развития современной русской теории перевода, Се Юньцай (2002) рассмотрел почти столетнюю историю развития советско-русской теории перевода, Тао Юань (2012) представила развитие российской теории перевода в XXI в., Чжао Яньцю (2014) сделала обзор и обозначила перспективы изучения советско-русской теории перевода в Китае, а Мао Чживэнь (2015) раскрыл три основных прорыва в истории русского переводоведения и произошедший культурный поворот в нем.

В-третьих, подробно изучены доктрины и взгляды известных российских теоретиков перевода.

На третьем этапе наибольшее внимание в Китае приобрели переводческие идеи В.Н. Комиссарова. Чэнь Цзе и Чжао Лицзюнь (2001) представили западные теории перевода, обобщенные В.Н. Комиссаровым. Хань Чжэньюй (2003) проанализировал методы описания процесса перевода, рассматриваемые В.Н. Комиссаровым. Чжао Лицзюнь (2003) представила его взгляды на переводоведение в XX в. Ян Шичжан (2003, 2004) обобщил переводческую мысль В.Н. Комиссарова и рассмотрел его прагматику перевода. Пяо Чжэхао (2005) изложил переводческую мысль В.Н. Комиссарова для развития переводоведения

в Китае. Сунь Синьчжэн (2007) рассмотрел культурологические и социологические аспекты переводоведения, предложенные В.Н. Комиссаровым. Цянь Цинь и Чэнь Цзе (2014) изложили его взгляды на преподавание перевода, а Мао Чживэнь (2016) обобщил и прокомментировал основные переводческие идеи.

В лингвистической школе теории перевода, помимо В.Н. Комиссарова, изучались взгляды и других теоретиков. Лю Юнхун (2002) проанализировал факторы литературоведческого перевода в теории перевода Л.С. Бархударова. Си Цзин, Ян Цзыцзянь (2003) и Чэнь Цзе (2008) рассмотрели модель эквивалентности перевода А.Д. Швейцера и его основные идеи перевода.

Литературоведческие взгляды на перевод Г.Р. Гачечиладзе как представителя литературоведческой школы анализировались и обсуждались Чжао Бо (2011) и Лу Чи (2018). Ли Сяочжуань и Чжоу Яли (2016) сопоставили взгляды Г.Р. Гачечиладзе и П.М. Топера на художественный перевод.

Китайские теоретики также представили идеи современных российских переводоведов. Мао Чживэнь (2012) и Хуан Цюфэн (2013) проанализировали и оценили теорию единицы перевода и теорию переводческой репрезентации С.В. Тюленева. Мао Чживэнь (2018) оценил психосемиотическую модель перевода Т.А. Казаковой. Цзи Чуньпин (2020) представила междисциплинарность переводоведения у Н.К. Гарбовского.

Кроме того, обсуждались взгляды на перевод и некоторых из наиболее значимых литературных критиков и литературоведов в истории. Пэн Чжэнь (2010) рассмотрел идею В.Г. Белинского о связи между литературным переводом и художественным творчеством. Хуан Цюфэн (2011) проанализировала взгляды литературоведа А.А. Смирнова на перевод.

В-четвертых, в Китае углубилась исследовательская работа по ряду тем, связанных с переводом.

На третьем этапе некоторые китайские теоретики перевода провели специальные исследования по отдельным темам российского переводоведения (переводческой эквивалентности, модели перевода и т.д.). Ян Шичжан (2001, 2006, 2020) делает обзор современной российской теории перевода, разбирает историю развития идеи эквивалентности в советско-российской теории перевода, выделяет восемь тем исследований в русскоязычном переводоведении, отмечает эволюцию коннотации термина «адекватность» и его соответствующие переводы на китайский язык. Что касается идеи переводческой эквивалентности в российском переводоведении, то Пяо Чжэхао (2006) и Се Юньцай (2014) также сделали их обзор и дали комментарии. Бай Сюэ (2015) кратко сравнивает теории переводческой эквивалентности В.Н. Комиссарова и американского теоретика перевода Ю. Найды. Ху Гумин (2019) исследует эквивалентность, адекватность и репрезентативность перевода.

Наряду с другими теоретическими темами, модель перевода также является важным вопросом в российском переводоведении. Се Юньцай и Чжан Цзе (2004) рассмотрели теорию о модели перевода в России. Чэнь Цзе (2007) проанализировал обсуждения о единице перевода в кругах русистов, а Лю Бо (2011) исследовал коммуникативно-функциональные средства перевода в российском переводоведении.

Хотя собственно перевод идей российских переводоведов не был широко распространен на третьем этапе, две соответствующие переводные работы все же были опубликованы. Первая – это перевод первой и второй частей книги В.Н. Комиссарова «Современное переводоведение» (2004), сделанный Ван Цзяфэем и др. (2006), вторая – книга С.В. Тюленева «Теория перевода» (2004), переведенная Ху Гумином и Чэнь Чжу (2019). Что касается переводных статей, то они в целом отсутствуют в академических журналах. Однако в книге под редакцией Се Тяньчжэня «Введение в современную зарубежную теорию перевода» (2008) есть два перевода: второй раздел первой главы «Задачи теории перевода» из книги А.В. Федорова «Основы общей теории перевода» (1983; перевод Чжэн Миньюй) и «За творческое начало в искусстве перевода» из книги Г.Р. Гачечиладзе «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» (1980; перевод Се Тяньчжэня).

В целом третий этап распространения российской переводоведческой мысли в Китае разнообразен и плодотворен. Стоит отметить, что авторами большинства научных работ на третьем этапе были докторанты под руководством профессора Шанхайского университета иностранных языков (SISU) У Кэли. За последние два с лишним десятилетия его исследовательская группа внесла большой вклад в распространение российской переводоведческой мысли.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении 70 с лишним лет китайские теоретики непрерывно следили за развитием советско-российского переводоведения, активно занимались их переводом, рецензированием, обобщением и исследованием, способствуя широкому распространению идей российского переводоведения в Китае. Китайские ученые сосредоточили свое внимание на общей теории перевода, в которой доминирует лингвистическая школа, и на теории художественного перевода, тогда как в области специального перевода, например научно-технического, военного, делового, устного и машинного, пока еще нет достаточной осведомленности.

Также примечательно, что в последние годы не только китайские ученые популяризируют российскую теорию перевода. Многие российские теоретики перевода приглашаются в Китай, чтобы читать лекции, давать интервью или участвовать в научных конференциях, то есть непосредственным образом выражать и распространять свои научные взгляды.

Примечания

Статья выполнена при поддержке Chinese Fund for the Humanities and Social Sciences: «Путь развития китайских городов» (№ 19WSHB004).

1. ФЕДОРОВ А.В. Введение в теорию перевода. М. 1953.
2. Дословным переводом названия журнала было бы «Обучение русскому языку». В настоящей статье используется русскоязычное название «Русский язык», напечатанное на обложке журнала.
3. ZHAO YANQIU. The Study of Soviet-Russian Translation Theories in China: A Retrospect and Prospect. — Shanghai Journal of Translators. 2014. No. 4, p. 16.
4. FANG MENGZHI. Stylistic Research and Sci-Tech Translation. — Chinese Science & Technology Translators Journal. 1989. No. 1, p. 2.
5. ЧЖАН ЮНЦЮАНЬ. Обзор и перспективы преподавания перевода на русский язык в китайских вузах. — Русский язык в Китае. 2002. № 4, с. 34.
6. ZHAO YANQIU. Op. cit., p. 19.

Фрески России и Китая: сравнительный анализ

Вэйхуа Чжоу

Frescoes of Russia and China: a comparative analysis

WEIHUA ZHOU

Аннотация. В статье проводится сравнительный ретроспективный анализ русских и китайских фресок. Приводятся сведения об эволюции фресковой живописи, сюжетах и темах фресок, архитектуре как предопределении фрески, эстетической и художественной основе создания фресок, художественных особенностях этого процесса.

Ключевые слова: Россия, Китай, фрески, ретроспективный сравнительный анализ, фресковое искусство.

Abstract. The article provides a comparative retrospective analysis of Russian and Chinese frescoes. Information is given about the evolution of fresco painting, subjects and themes of frescoes, architecture as a predetermination of the fresco, the aesthetic and artistic basis for the creation of frescoes, artistic features of the creation of frescoes.

Key words: Russia, China, fresco, comparative retrospective analysis, fresco painting.

Perhaps one of the most common misconceptions of our contemporaries is the notion that Leonardo Da Vinci's painting *The Last Supper*, located in the Monastery of Santa Maria delle Grazie in Milan, is a fresco. However, a fresco, or *alfresco*, is a wall-painting technique that is applied to freshly wet lime plaster, whereas Leonardo created his masterpiece on a dry wall, i.e. in *tequina al secco*. Da Vinci understood that he could not get the *alfresco* work right ¹, so he created his masterpiece on a dry wall.

Frescoes are an ancient form of art. The first frescoes appeared thousands of years before Christ in ancient Egypt, the Ancient Near East, ancient India, the Aegean and Etruscan civilizations and antiquity. Thus, some of the earliest examples of fresco paintings belong to the period of the Creto-Minoan culture of the 17th – 15th centuries BC ².

Throughout history, the frescoes have reflected the identity of cultures and traditions of peoples. Russia and China are no exception. In these two powerful civilizations, each of which has a rich history, frescoes also reflected the course of history, being one of the first ways of aesthetic expression ³, in connection with which are of great value for study.

In the context of today's active cultural exchange between Russia and China, a comparative analysis of Chinese and Russian frescoes becomes relevant. Let us note that nowadays the term «fresco» is often a generalizing term for all kinds of techniques, nowadays a fresco has come to be called almost any wall painting made with oil, acrylic, tempera paints on various bases ⁴. Therefore, within

the framework of this study we will pay attention to the most expressive features of fresco painting.

In our opinion, the question of the study of frescoes seems unusually relevant these days, since modern types of art, design or street art (such as graffiti or murals) are in many ways heirs to such monumental art as frescoes. Unfortunately, however, rapidly changing cultural contexts, including, for example, such art as “digital fresco”, erase the memory of the achievements of our ancestors, who, through frescoes, sought to preserve them. Thus, sometimes the preservation of ancient frescoes is able to surprise modern experts, despite the very harsh conditions of exploitation – dampness, variable temperatures, biotoxins, wars, earthquakes⁵. Here we note that on the one hand, say, spray-painting is much easier than applying a fresco to a cave wall; on the other hand, there is nothing wrong with the art of painting continuing to live in the era of the fourth industrial revolution. Nevertheless, we cannot deny the role of ancient fresco painting, because in many respects it is thanks to frescoes that the modern cultures of Russia and China were formed, in addition, frescoes continue to have a tremendous aesthetic impact on the contemporaries.

At first glance, in Russian and Chinese cultures, in the processes of their formation and development there are many differences, but a comparative analysis of the frescoes may reveal the opposite. In order to verify this assertion, let us conduct a comparative analysis of Russian and Chinese frescoes.

The methodological basis of the study is the analysis of the literature in the field of studying the history of fresco painting, the method of analogy, as well as iconographic and cultural-historical methods in conjunction with an aesthetic evaluation.

The main sources of information for the study were preserved Russian and Chinese frescoes, official Russian and Chinese galleries and databases containing information about the frescoes, as well as literary sources and media materials on the topic of research.

Italy leads the UNESCO World Heritage List by the number of World Heritage sites (58 sites), followed by China (56 sites). Russia ranks ninth on the list with 30 sites (Fig. 1)⁶.

As we can see, both China and Russia are among the top 10 countries in terms of cultural heritage sites. However, among all the cultural heritage sites (1 251 in 2021) only one directly refers to frescoes, namely Padua's fourteenth-century fresco cycles. Nevertheless, among them there are many objects inside which frescoes “hide”, such as the Magao Caves in China or the ensemble of the Ferapontov Monastery in Russia.

Вэйхуа Чжоу – лектор и старший преподаватель Института изящных искусств Педагогического университета Чжэцзян по направлению «Создание картин и теоретические исследования». Китай. E-mail: zhou171510304@163.com.

Weihua Zhou – lecturer and master tutor of School of fine arts, Zhejiang Normal University. Research direction: painting creation and theoretical research. China. E-mail: zhou171510304@163.com.

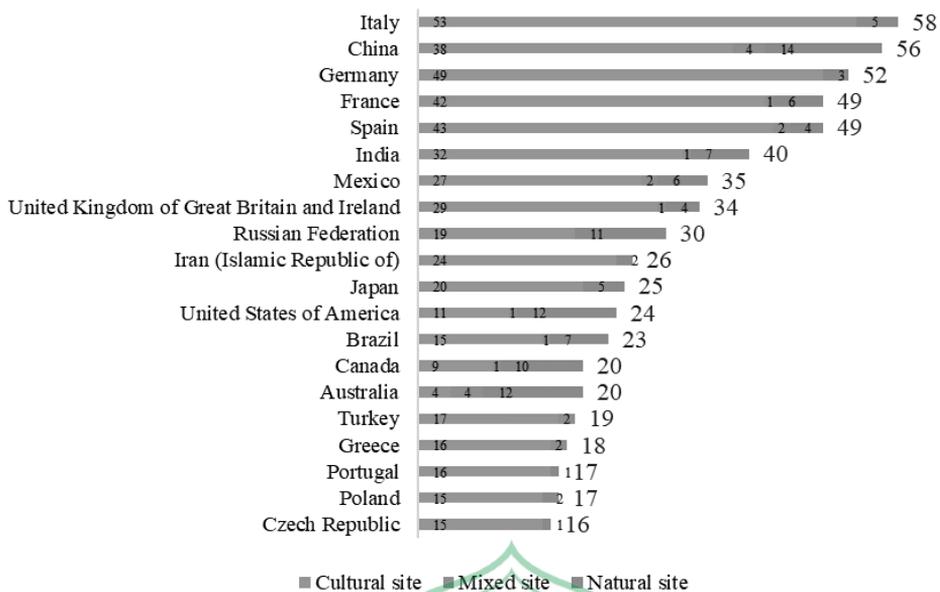

Figure 1. Top 20 countries with the greatest number of World Heritage sites

Obviously, the Chinese civilization is much older than the Russian, in connection with what and the first fresco painting begins to form in China before our era in the caves, while in ancient Russia the practice of fresco painting begins after the adoption of Christianity in the late 10th century. Here we note at once that the majority of Russian frescoes at the beginning of their distribution were exclusively of religious nature. In order to ensure the objectivity of comparison, in the same aspect, let us consider the ancient Chinese frescoes. This is also true because it is the religious paradigm (Orthodoxy in ancient Russia, Buddhism and Taoism in ancient China), replacing the mythological, is the basis for the formation of art.

In Russia, after the famous baptism in 988, an entirely new culture based on Christianity, or rather Orthodoxy, as the basis of the world order, was actively developing. The pagan cults were replaced by a new symbolism of faith, which immediately began to find its reflection in the frescoes. It is worth noting that the initial Russian fresco painting in many respects was not original, as many of the stylistic practices were introduced from the Byzantine Empire. Over time, however, national names (Russian masters) began to appear in Ancient Russia, as well as the formation of individual fresco styles associated with a particular city (e.g., Kiev, Novgorod, Moscow). In general, following the works of the Soviet art historian M.V. Alpatov ⁷, we can distinguish three stages in the development of fresco painting in pre-Tsarist Russia (Table 1 ⁸).

Table 1

Evolution of fresco painting in pre-Christian Russia

Period	Brief description
11 th – 13 th cc.	The Baptism of Russia and the subsequent decoration of temples, churches and monasteries by Byzantine masters. Gradually the Kiev and Novgorod style of fresco painting was formed
Late 14 th c. – early 16 th c.	The flowering of Old Russian art (F. Grek, Dionysius, etc.), which occurred due to the transition from the old Byzantine-Roman techniques of preparing plaster bases of painting to the new pure lime white painting bases The formation of the Moscow school of painting (A. Rublev)
Second half 16 th c. – late 17 th c.	Formation of Realism, Development of Genre Painting (S. Ushakov)

It is especially noteworthy that Old Russian masters (usually icon painters) were able to create, although based on Greek works, but still their own unique technique of painting frescoes, which was based on levkas – a special ground for tempera, one of the techniques of fresco painting. Subsequently, by the fifteenth and seventeenth centuries. Russia inherited and developed the unique technology of monumental painting, which had its roots in the ancient Cretan-Minoan culture, where this technique of painting and originated. This allows outstanding Russian painters, such as A. Rublev, D. Cherny, Dionysius and others, to create unsurpassed works, both in monumental and easel icon painting⁹.

The coming to power of the first emperor, Peter the Great, radically transformed Russian culture, as a consequence of which completely new styles began to appear in fresco painting as well, which became more secular than purely religious.

In China fresco (religious) painting began in the same way as in Ancient Russia, simultaneously with the development of a new religious belief – Buddhism. The active spread of Buddhism at the turn of our era contributed to the flourishing of fresco painting, which played the role of a “guide” for all those who arrived in or crossed the territory of China. Buddhist teachings at this time represented a cultural phenomenon that attracted people¹⁰. Subsequently, the flowering of Chinese civilization, the spread of Taoism and Lamaism only contributed to the development of fresco painting, which reflected Chinese culture in all its manifestations (customs, traditions, social processes and phenomena). After the seventeenth century, when fresco styles mingled so much that the old practices were forgotten, Chinese religious fresco painting fell into decline.

The role of Dunhuang (Gansu Province), which was a geographically important transit point in the spread of Buddhist thinking from the Western lands to the Central Plains along the Great Silk Road, is particularly noteworthy¹¹. As a result, the city quickly became a cultural center, including a focal point for fresco paintings. Frescoes were created at this site over the following millennium, and today it is a cultural heritage site, the Mogao Caves include 492 sanctuaries¹².

Similarly to the evolution of fresco painting in Russia, let us present the development of Chinese fresco painting, and here we also distinguish three stages (Table 2¹³).

Table 2

Evolution of Fresco Painting in China

Period	Brief description
3 rd BC – 3 rd cc.	The appearance of the first frescoes in Buddhist caves as well as in palaces, temples, cult buildings and tombs during the Qin and Han dynasties. Nature, civil and military dignitaries, and gods were depicted
3 rd c. – 16 th c.	Frescoes in the cave temple of Keqi'er, frescoes of Mogao ("Cave of a Thousand Buddhas"). Many Buddhist temples appear and are painted with frescoes dedicated to nature and social processes. Rapid development during the Tang dynasty (Wu Taozi, Zhou Fang, etc.). Spread of Taoism (Wu Zongyuan, Wang Zho, etc.) and Lamaism. There is a mixing of styles
After 17 th c.	Period of decadence of fresco painting. Spread of Lamaism, mixing of trends (European, palace and folk)

So, we see that both in Russia and China the frescoes emphasized the formation of a new religious culture in the context of the rapid development of civilization. In Russia the frescoes to a greater extent reflected orthodox attributes and symbolism, in China – the surrounding world and everyday life. Note that this is not surprising, since every art was created under the influence of the spreading religion as well as in the interests of the circles ruling at the time (Russian princes and Chinese emperors), who, however, were well aware of the importance of expressing and demonstrating the new culture and religious order to both their populations and the world at large.

Bearing in mind the historical context of the development of frescoes, we will further conduct a comparative analysis of frescoes in Russia and China, based on their various components.

Plots and themes. In Russian fresco painting, deeply religious subjects and themes prevailed. Following the Byzantine tradition, Russian frescoes depicted the New Testament, the Virgin Mary, the faces of saints, and the life of Christ. By the beginning of the 12th century, depictions of the twelve church feasts: Annunciation of the Holy Virgin Mary, Nativity of Christ, Presentation to the Temple, Baptism, Resurrection of Lazarus, Transfiguration, Entry into Jerusalem, Crucifixion, The Descent of Christ into Hell, Ascension of Christ, Descent of the Holy Spirit and Assumption of the Blessed Virgin Mary were mandatory elements. It is worth noting that in general the fresco paintings of Russian domed churches symbolized the idea of the Eternal Church, and the fresco images embodying this idea were arranged in the order of a complex, but clear and easy to see hierarchy¹⁴. The subjects of the Orthodox frescoes are mainly derived from the text of the Bible. The composition of the image is also subordinate to Orthodox doctrine. The dome symbolizes the universe, the heavenly kingdom. Only the image of Jesus Christ can be in this highest place of the temple, which speaks of the special position of God in Orthodoxy.

Nevertheless, in the 13th – 15th centuries the themes begin to change, there appears more earthly life-descriptions of religious characters (for example,

the frescoes of the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin), there appear images of real people (for example, the frescoes of the Cathedral of the Nativity of the Virgin of the Ferapontov Monastery). In particular, more realistic subjects can be seen in the works of F. Greek (e.g., frescoes of the Church of the Transfiguration or frescoes of the Church of Feodor Stratilat).

It is important to note that over time the subjects and themes of Russian frescoes move from strictly Byzantine (canonical) to Orthodox frescoes with elements of the Russian folk spirit, indicating a manifestation of identity.

In Chinese fresco painting, along with mythological and religious subjects and themes (for example, the Yonglegun Monastery frescoes that cover the Wuji Gate, or Qinglong Monastery frescoes depicting spirits), there were many others that were related: to nature; to the biography of ruling people and religious teachers; to the depiction of lower class people (such as the frescos of the Ji'i Temple), etc.

We should especially note that since at a certain time in China there was a syncretism of Confucianism, Buddhism and Taoism, and Taoism, in turn, had close links with folk beliefs and the cult of ancestor worship, the fresco painting of the 14th and 15th centuries coexisted in the same temples. In general, Chinese frescoes often depict "places of paradise", the transformation of an ordinary person into a saint.

It is also worth noting that, unlike Russian frescoes, the subjects of Chinese frescoes can be called much more three-dimensional. This is not surprising, because they were largely created not in closed churches, but in open caves, so in terms of area occupy much more space. Naturally, in such spaces Chinese masters had "where to turn", and they created integral subjects, in which they could overlap many themes.

Architecture as the predestination of the fresco. In Byzantium on the basis of the ancient Roman architectural heritage and the experience of the rich Eastern culture was founded its own architectural system, distinguished by straight and majestic, massive and solemn forms. Subsequently the Byzantine style combined with traditional Russian wooden church architecture. The architectural construction of the Orthodox Church is characterized by strict symmetry. The outlines of the temple are slender and graceful, the shape of the dome is flat and full, the outlines are formed by a wooden frame and upholstered with copper cladding.

If we talk about the interior decoration of a typical Russian church, it should be noted that the domes of the cross-shaped church are symmetrical in mutual arrangement and laconic in appearance. The main dome is in the center, which makes the communication of people with the saints in an environment of mystery and silence, turning this contact into another form of existence, and the cross-shaped space provides for the painting of the wall area with a large flat surface.

In turn, ancient Chinese architecture is temple architecture. Stone cave temples and pagodas were built in which monks made sacrifices to the gods who were the patrons of mountains, rivers, earth and the city. In general, ancient Chinese architecture embodies the model of the ancient Chinese traditional palace, implementing the principle of axial symmetry along the central line. The structure of the temple building consists of three parts: the base, the body, and the roof. Note that the classical ancient buildings in China are usually one-story. Temple buildings have long been associated with traditional palaces and civil buildings. Chinese philosophy valued the natural harmony and unity of heaven and man, so the criterion for the construction of a Chinese temple was man. Within Chinese temple ensembles, there is often a contrast between the reality of existence and the ghostliness of the beyond.

The aesthetic and artistic basis for the creation of Russian and Chinese frescoes. Christian doctrine interprets the image of Christ as the God-man, the Saviour of the world, the Messiah, the Son of God and the Son of Man. However, unlike Russian Orthodoxy, Chinese religion (Buddhism, Taoism, etc.) does not have a clear and independent theological system, but is a mixture of elements of the religious system characteristic of ancient China, philosophical currents, folk beliefs and traditional culture.

In accordance with the religious picture of the world, the artistic features of the creation of Russian and Chinese frescoes differed, of course (Table 3¹⁵).

Thus, we can see that in spite of the common religious ground (in the sense of the influence of religious teachings on the development of painting), Russian and Chinese frescoes have significant differences. However, they also have a lot in common.

Table 3
Artistic features of Russian and Chinese frescoes

Sign	Russia	China
The shape and color of the frescos	They are only means for the human eye not just to dwell on the surface of a work of art, but through the signs, riddles, indications and symbols depicted it can touch the deeper divine meaning, just as through the words of Jesus in the Bible	Directly or indirectly reflects Chinese folk beliefs and ideological and aesthetic ideas of a certain period
Samples	Exhaustive prescriptions on how to paint a saint, from his hairstyle, face shape, beard, and clothing, to the subjects associated with him	Depend on two things: religious teachings and fanben sketches
Masters (painters)	They had to be Orthodox and baptized, but not necessarily monks, but as a rule most of the iconographers were, sometimes even had a high rank	They did not necessarily have to practice a particular religion. So from the twelfth century onwards, culture and the arts flourished in China, and many great artists appeared

For example, in the work of Yu Cao ¹⁶ performed a wonderful comparative analysis: the scholar compared the fresco paintings of Taoism and Orthodoxy at the turn of 14th – 15th centuries according to the following criteria: flatness and ornamentation; expressive means of the colour palette; religious images and their artistic and plastic characteristics; «female» images; the depiction of the background in the frescoes; perspective in the frescoes; images recreating the temporal difference of events; and the dependence of the size of the figures of the characters in the frescoes on their hierarchical status. As a result of his research, Cao came to certain conclusions about the similarities between the Russian and Chinese frescoes:

- in a certain historical period the ways of development of Russian orthodox and Chinese Taoist frescoes were similar;
- religious-philosophical and spiritual-moral components of Taoist and Orthodox frescoes also have similar features;
- the pictorial principles of Taoist and orthodox frescoes are marked by a known similarity.

As a result of his research Cao also drew conclusions about the differences between Russian and Chinese frescoes:

- Chinese frescoes differ primarily in their artistic and aesthetic qualities, the subjects of the frescoes are close to reality, and people and «representatives of the sky» are similar in a compositional and internal sense;
- orthodox frescoes are first and foremost characterized by a particular monumentality, solemnity and loftiness of images with an emphasis on their spiritual content;
- the difference of the Chinese fresco lies in its ability to unify the environment, freedom and secularism, whereas the Russian orthodox fresco completely embodied the orthodox orthodoxy and purity of the orthodox church.

In general, it is worth agreeing with these findings. In our opinion, when analyzing Russian and Chinese frescoes, it is worth paying attention to the role that frescoes played in the formation of culture and worldview in both countries. If in China the frescoes were a kind of “gateway” to the world of the country, in Russia they were the “protectors” of the heavenly gates. It is also important to note that in both Russia and China the frescoes were created by people (artists and masters) who tried to depict the events that took place and reflect the spirit of the time when the great worldview was formed.

It is worth noting that it is largely thanks to frescoes that such worldviews in both countries have managed to pass through the centuries and today, despite the difficult geopolitical and economic situation, an active cultural exchange between Russia and China continues.

And in this sense, the comparative analysis of Russian and Chinese frescoes that we present aims not so much to highlight the sometimes obvious differences between cultures, as to invite representatives of both civilizations to a mutual acquaintance with the cultural historical heritage, which through available frescoes, we hope, continues to have a tremendous influence on the Russian and Chinese peoples. All the more so today, more than ever, people have every opportunity to study the history and artistic features of the frescoes and to observe them directly, both in Russia and in China.

Frescoes are one of the oldest forms of aesthetic expression. In the two modern centres of the world, Russia and China, there is abundant evidence of this art form, including those that have survived to this day in virtually pristine condition.

The history of Russian and Chinese civilizations is very different, but it is safe to say that in both countries frescoes have played a major role in the formation and development of moral perception of the world.

In this article a comparative analysis of Russian and Chinese frescoes was carried out, which led to the following main conclusions.

Both Russian and Chinese frescoes represent the legacy of religious teaching, rapidly developing in the country during a particular historical period, and reflect the culture of the time in which they were created.

Russian frescoes are characterized by enclosed spaces (churches), for the Chinese – more open and three-dimensional (ensembles). The ways of depicting Russian and Chinese frescoes differ in composition, but in general they have much in common in terms of ideology.

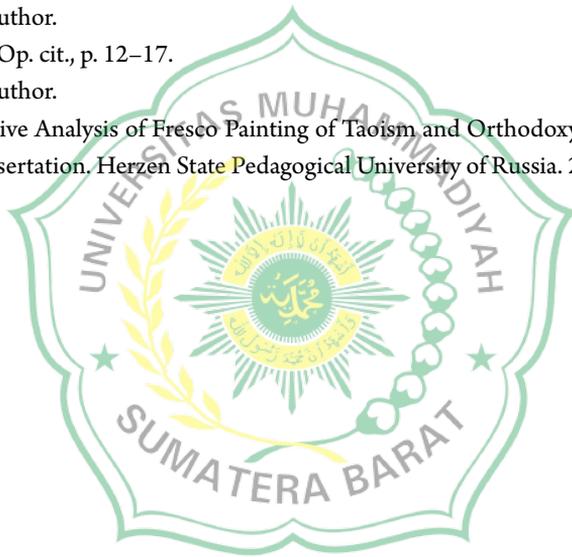
Russian frescoes are more orthodox than Chinese, since the focus of Russian masters was the Orthodox teaching and its dogmas, whereas for Chinese artists the search for harmony between gods and men was paramount.

In general, it can be argued that both Russian and Chinese frescoes have left a significant mark in the history of civilizational development. Comparative analysis, in our view, also reveals the key idea that, even despite the cultural and historical differences formed over the centuries, in the twenty-first century ancient art helps countries unite and help each other.

References

1. VASILENKO E.V., VASILENKO P.G., SICHKAR T.V. Fresco in Modern Monumental Art and Design. — Bulletin of the Institute of World Civilizations. 2019. Vol. 10. No. 4 (25), p. 5–10.
2. KUKS J.M., LUKYANOVA T.A. History of the Development of Frescoes. Part 2. Origins of Pure Lime Plaster Fresco Bases Technology. — Perspectives of Science and Education. 2014. No. 5 (11), p. 127–136.
3. MAHDI A.S.M. Fresco as a Means of Aesthetic Education of Design Students. — Proceedings of Voronezh State Pedagogical University. 2018. No. 2 (279), p. 40–42.

4. ANDREEVA A.V. Study of Fresco and Wall-Painting Technology: Theoretical Excursus. — Discussion. 2012. Vol. 8, p. 12–17.
5. KUKS Y.M., LUKYANOVA T.A. History of Fresco Development. Part 1: Ancient Russian Fresco. Two transformations. — Perspectives of Science and Education. 2014. No. № 4 (10), p. 127–135.
6. Compiled by the author from the World Heritage List. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/>
7. ALPATOV M.V. Introductory Article. In: The Artistic Heritage of Ancient Rus'. Moscow. 1969, p. 15–24.
8. Compiled by the author.
9. LUKYANOVA T.A., KUKS J.M. History of Fresco Development. Part 4: The Flowering of Fresco Technology. — Perspectives of Science and Education. 2015. No. 1 (13), c. 121–130.
10. GUANGYU Y. Dunhuang Frescoes: Historical and Cultural Roots. — University Scientific Journal. 2017. No. 31, p. 50–56.
11. JIA V. The Relationship between the Content Texts of the Sutras of the Northern Dynasties Era and the Wall Frescoes in the Caves of Dunhuang. — Art and Culture. 2019. No. 1 (33), p. 57–64.
12. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/440>
13. Compiled by the author.
14. ANDREEVA A.V. Op. cit., p. 12–17.
15. Compiled by the author.
16. CAO Y. Comparative Analysis of Fresco Painting of Taoism and Orthodoxy XIV–XV Centuries in China and Russia: Dissertation. Herzen State Pedagogical University of Russia. 2008.

Диалог между этничностью и симфонией. О композиции и развитии китайской этнической оркестровой музыки в Новую эпоху

МИНЮЙ СУНЬ, ЯН ЛИНЬ (АВТОР, ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ПЕРЕПИСКУ)

The dialogue between ethnicity and symphony. On the composition and development of Chinese ethnic orchestral music in the New Era

MINGYU SUN, YAN LIN (CORRESPONDING AUTHOR)

Аннотация. Китайская народная оркестровая музыка – продукт сочетания тысячелетней культуры китайских инструментальных ансамблей и богатого оркестрового опыта Запада. За последние 100 лет китайский народный оркестр дважды прошел через процесс «от обучения и подражания к интеграции и инновациям». С началом Новой эпохи китайские народные оркестры быстро развивались, количество выдающихся композиторов росло, композиционный стиль становился более разнообразным, а творческое пространство – активным. В статье проанализирована эволюция китайских народных оркестров и сформулированы предложения по их развитию.

Ключевые слова: Китай, народная оркестровая музыка, творчество, развитие, социализм.

Abstract. Chinese folk orchestral music is the product of the combination of thousands of years of Chinese instrumental ensemble culture and the excellent orchestral experience of the West. In the past hundred years, Chinese folk orchestra has gone through the process of “from learning and imitation to integration and innovation” twice. Since the New Era, Chinese folk orchestras have been developing rapidly, the number of outstanding composers has been increasing, the compositional style has been diversified, and the creative space has been active. This paper analyzes the creation of folk orchestras in the New era, and then gives the path and suggestions to promote the development of folk orchestras.

Key words: China, folk orchestral music, creation, development, Socialism.

Folk orchestral music is a larger-scale form of orchestra performance that gradually formed and developed in China in the second half of the 20th century. Although it does not have a long history, it has become an important part of Chinese folk music. By studying the creation and development of Chinese folk orchestra in the new era, it can not only help orchestra seek a more rational and rationalized development in today’s culturally diverse world, but also explore the future development path from the past development.

The development of national orchestra largely determines the development process of Chinese national orchestral music. The folk orchestra is a large ensemble

orchestra organized by referring folk instruments to the basic structure of western orchestras, which is different from the traditional Chinese silk and bamboo music and blowing music, it is an emerging form of ensemble.

Since the founding of New China, Chinese folk orchestra has made great achievements and accumulated a lot of lessons in its development for more than 70 years. This paper combs the development history of folk orchestral music and the creation of folk orchestral music in the new era in order to explore the path to promote the development of folk orchestral music.

The development history of national orchestra. Initial development (1919–1956). Chinese instrumental ensemble culture can be traced back to the Zhou Dynasty's Yayue Band, and percussion music had a deep influence on Chinese folk instrumental ensembles, Chinese folk orchestral music was also influenced by the folk percussion music of the Han Dynasty during its development. The earliest appearance of Western orchestras in China was in the forty-third year of the Qianlong reign. The real development of the orchestra in China was in the late Qing Dynasty and early Republican period, when the second peak of “Western learning” occurred. During the 30 years from 1919 to 1949, some musicians who were determined to reform the traditional folk music formed some new folk music societies or bands of amateur nature, such as “Da Tong Le Guild” (1920), “Chinese Orchestra” (1941) and so on. They reformed the traditional Chinese instrumental ensembles by borrowing the ideas of Western orchestras and actively explored the development of new Chinese folk music bands.

The founding of New China ushered in a new chapter in the construction and development of Chinese music culture. In the process of accepting new ideas and concepts, people's minds were gradually opened up, and with the introduction of Western musical ideas, Chinese folk orchestral music also developed rapidly. The “National Conference of Literary and Artistic Troupe” held in Beijing in 1951 marked a new path for the development of professional literary and art troupe in China. This led to the gradual development of China's musical culture, including national orchestral music, in the direction of specialization, formalization and theatricalization. With the support of the relevant national policies, a number of national orchestras were established in several major cities, marking a new stage in the development of China's national orchestral music ¹.

Zigzag upward development (1957–1986). The development of Chinese folk orchestral music has not been smooth, and is closely related to the background of the times, government policies, regional culture and the degree of importance

Минью Сунь – магистр, доцент Института музыки Университета Янчжоу. Китай. E-mail: 1370234325@qq.com; Ян Линь (автор, ответственный за переписку) – магистр, доцент Института музыки Университета Янчжоу. Китай. E-mail: 79071522@qq.com.

Mingyu Sun – M.A., associate professor, Conservatory of Music, Yangzhou University. China. E-mail: 1370234325@qq.com; Yan Lin (corresponding author) – M.A., associate professor, Conservatory of Music, Yangzhou University. China. E-mail: 79071522@qq.com.

attached to it. Nearly thirty years after 1957, Chinese folk orchestral music can be roughly divided into three stages.

The first stage (1957–1965). This was the period when the Chinese Communist Party was leading the nation in large-scale socialist construction. Under the tightening literary and artistic policy, the subject matter of folk instrumental music was relatively homogeneous and the style was relatively hard, most of the works in this period were a combination of revolutionary and artistic, such as “Fisherman’s Song of the East China Sea” and “Thousands of Miles of Cotton Fields for a Good Harvest”. The works of the period of relaxed literary and artistic policies are characterized by lightness and liveliness. Although the development of orchestral works in this period was limited by the influence of cultural policies, the orchestra developed rapidly under the promotion of major professional teams, and the art of national orchestra gradually matured by actively exploring the instrumentation suitable for the development of national orchestra and constantly modifying the instruments.

The second stage (1966–1976). During this period, almost all national orchestras were abolished, orchestra members were forced to switch to other professions, and a series of work, including composition and instrument reform, came to a halt. In particular, from 1966–1974, there were almost no national orchestral activities until after 1974, when there were a few national orchestral activities, but the content and form of these activities had to be closely related to the spirit of the literary and art Policy.

The third stage (1976–1985). With the recovery of various undertakings, national orchestral music also rapidly resumed its development and regained its vitality, ushering in the second climax of development in the past thirty years.

Diversification (1986 – present). After the reform and opening up, the spread of songs from Hong Kong and Taiwan in mainland China had a great impact on the serious national music, and the audience of national orchestral music was getting smaller and smaller, and there were limitations in its development. On August 8, 1986, Peng Xiuwen, Qin Pengzhang, and Park Dongsheng, three leading figures in the folk music field, founded the China National Orchestral Society, which gave a great impetus to the development of folk orchestral music.

The deepening of reform and opening up increased the connection between the East and the West, and a large number of young musicians and composers took the lead in accepting the modern composition concepts of the West, which were criticized by some traditional artists, but undeniably opened up a new path for the development of folk orchestral music at that time. For example, in April 1985, a concert of Tan Dun’s folk instrumental works held at the Central Conservatory of Music caused a huge reaction in the folk instrumental music world, opening a new era of folk orchestral music development – the era of diversity.

The creation of national orchestral music in the new era. Band building. Only an increasingly professional orchestra can better create folk orchestral music in line with current styles and concepts, and a professional orchestra is the main body and driving force for the development of folk orchestral music².

In the new era, China's economy and various undertakings are in a stage of rapid and high-quality development, and folk orchestras have also entered the fast track of development with the support of various relevant national policies. The orchestras at this stage have two main characteristics: firstly, they are numerous in number and expanding in size, with national and local orchestras being built, and the number of some national orchestras can even reach hundreds; secondly, they are diversified in style and improving in various instrument playing techniques, with composers of different composing styles joining the orchestras, creating new works of various musical styles and improving in. As composers of different composing styles join the orchestra, new works of various musical styles and increasing instrumental techniques are constantly injecting fresh blood into the folk orchestra.

Overview of creations. The new era marked a period of mature development and diversification of Chinese folk orchestral music, forming a more solid composition team with an increasing number of composers, performers and conductors. By experimenting with different ways of putting folk instruments into the orchestra composition list, it also led foreign composers to create works inspired by folk music, resulting in a dual diversification of composing subjects and composing styles.

Zhang Meng³ summarized the large-scale folk orchestral works since entering the new era of socialism with Chinese characteristics into three types: folk orchestral compositions in Shanghai and Beijing, folk orchestral compositions by composers from other places and folk orchestral compositions by folk music performers.

Gu Guanren, Zhu Xiaogu and Liu Xizin are some of the more representative orchestral composers in Beijing and Shanghai. Gu Guanren has been composing folk orchestral music for more than 60 years, and his works are known for their fresh and timeless Jiangnan style and pure folk orchestral vocabulary, including "Blue Fantasy" and "Peony Pavilion". Among them, The Peony Pavilion has been described as a "cross-border symphony" between Chinese music and kunqu, an organic fusion of traditional kunqu opera rhythms and the symphonic nature of a large ethnic orchestra. In Zhu Xiaogu's more than 20 years of composing, he summarized and explored the "new path" of folk music composition. He believes that folk music is to be understood by the common people, and the foundation of composition is to be rooted in traditional music and folk traditions, and at the same time, to learn and borrow the modern western composing techniques to create folk music seating screens with the atmosphere of the times and form his own unique folk music composing style. For example, a representative piece is "The Spirit of the Tree" for double suona and orchestra, which is based on the tradition of the Miao villagers in southwest Guizhou who regard the tree as a "God", with a structure of song, dance and sacrifice, showing the cultural landscape of the Miao people singing and dancing around the sacred tree during festivals and rituals. Liu Xizin, as the president of the New Age Chinese Folk Orchestral Society,

has composed works that focus on folk orchestral music, which is rich and diverse and crosses many fields. For example, “Spring Sunshine”, which praises the simple and great mother’s love, and “Snowy Broken Bridge”, which celebrates the poignant love of mankind.

Composers from other parts of the world have likewise made great contributions to the development of Chinese folk orchestral music, composing many famous pieces in the new era. Some of the more representative ones include Zhao Jiping from Gansu and Tang Jianping from Jilin. After years of exploration and practice, composers in the new era have become more mature in composition techniques, have a deeper understanding of the use of modern Western composition techniques, and have achieved a higher level of symphonicity and expressiveness in their works for national orchestra. Zhao Jiping’s “Ode to Peace” is a national symphony composed in memory of the compatriots who died in the Nanjing Massacre. The work uses a lot of national materials, and the national flavor is very strong, giving people artistic enjoyment while provoking contemplation on history and the call for peace. The Jiangsu folk song “Jasmine Flower” is the theme of the work and is presented throughout the piece in different tonal modulations, making the work reflect a unified national style. Its various aspects of harmony, polyphony and orchestration are characterized by a successful exploration of the symphonic nature of the folk band. After years of trial and error, composers of the new era have figured out what western orchestral composing techniques are suitable for national orchestras, and the flexible western modern composing concepts provide new ideas and new paths for the creation of national orchestras, adding national traditional composing concepts on the basis of integrating western modern composing techniques to create works with the unique symphonic character of national orchestras. “Houtu” is a representative work of Tang Jianping’s many works, which inherits Chinese culture and writes the color of life. The pure and natural female voices of the ethnic minorities in the southwestern borderlands are recorded and performed live with a large folk orchestra, and the majestic sound of the orchestra overlaps with the original folk songs.

Performers and conductors have always been a force to be reckoned with in national orchestral music composition. Especially at the early stage of career development, folk orchestral compositions received less attention from professional composers, and a large number of performers and conductors were actively involved in creating adaptations and releasing a large number of numerous popular classical works. For example, the first large-scale work composed for bent pipe flute, “Reverie of Leifeng Pagoda” (Jiang Guoji, 2013), the work for flute and national orchestra, “The Return of the Swallow” (Wang Jiheng, 2014), and the pipa concerto, “Flying on the Silk Road” (Zhao Cong, 2014). Although contemporary folk orchestral compositions are becoming more and more specialized, the performers have a deep accumulation of folk music and cultural material and many years of rich stage performance experience, and their works are sometimes more

conducive to expanding the artistic expression of the instrument and finding appropriate performance techniques.

Through the above analysis of the new era works, it can be seen that after years of precipitation and development, Chinese folk orchestral works have largely escaped the rawness of their beginnings and have revealed a mature flavor. This shows that composers have accumulated rich compositional experience and mastered the unique language of national orchestra, and national orchestral music is developing steadily and benignly in a very good creative environment.

Characteristics of creation. Music creation is always combined with the current era background, and also reflects the characteristics of the times from the side. For example, most of the musical works of the “Cultural Revolution” period were in line with the spirit of the “Cultural Revolution”. The influence of the times on music composition is not only in the composition techniques and styles, but also in the development of creative bands.

Oriented by socialist culture construction. In the new era of socialism with Chinese characteristics, the country’s construction emphasizes the comprehensive construction of political, economic, cultural, social and ecological civilizations, of which cultural construction is the soul of the “five-in-one” construction. The new era of national orchestral music has a large number of works oriented to glorify the motherland and the people. “My Motherland” was composed in 2009 to welcome the 60th anniversary of the National Day, based on the song of the same name and Hebei folk music, and performed by the China Youth National Orchestra. “The Silk Road Grassland”, composed and performed by the Inner Mongolia National Art Theatre, tells the story of the Grassland Silk Road, pays tribute to the integrity of the trade route, sings of national unity, promotes the Silk Road spirit of peace and cooperation, openness and tolerance, mutual learning and learning, mutual benefit and win-win, and highlights the theme of the times of the “community of human destiny”.

Diversified cross-border creation. Diversified crossover composition refers to the addition of opera, drama and other elements to traditional folk orchestral compositions in order to enrich folk orchestral music in terms of composition mode, performance style and narrative structure. The world’s first folk music drama, “Impression Guole” is considered to be one of the largest crossover works in the history of folk orchestral music, combining folk music and drama, and linking drama to the whole performance process, breaking the traditional “paragraph” mode of concert composition⁴. This combination also brings the performers from “behind the scenes” to “in front of the stage”, integrating people and music, and changing the tradition of listening to music but not hearing people in folk music. The diversified cross-border creation is based on traditional culture, and draws on artistic expressions that are different from traditional ones to create a new dimension of audiovisual appreciation.

The fusion of nationalization and symphonization. Folk orchestral music has taken root in China relatively late, only a hundred years ago. Looking back at its

development process, it has been following the footsteps of Western orchestral music and constantly borrowing from Western modern orchestral composing techniques. However, if Chinese national orchestra wants to have a foothold in the international music scene, it must create orchestral music with our national characteristics, and the nationalization and symphonization of orchestral music is the top priority of Chinese national orchestra creation and reform.

The symphonization of national orchestra is the reform of national orchestra and instruments. On the one hand, China has attempted many reforms of ethnic orchestras, such as adding western instruments like cello and double bass to the organization of orchestra, and dividing the erhu into high, second, middle, large and low beards. On the other hand, traditional Chinese musical instruments are mostly taken in nature, which usually makes it very difficult to make the instruments precise and standardized because of the difference of materials. By changing the materials and shapes of the instruments, the timbres converge and facilitate the integration of acoustics, while adding some western instruments of western orchestras and strengthening the middle and bass voices of national orchestras.

The nationalization of symphony orchestra is mainly to explore the use of national melodies, tones and phrases in the works from the perspective of composition, that is, to reflect the national style in the works. How to reflect “ethnicity” in a work is an important aspect of the fit between ethnic orchestras and modern music creation concepts, and Chinese composers have indeed actively explored this aspect. For example, Tang Jianping’s “Xuanhuang” and Huang Yijun’s “Good Moon”, which was composed by Huang Yijun and adapted by Peng Xiuwen.

Suggestions for promoting the development of national orchestral music. In the new era, the development of folk orchestral music faces new opportunities and challenges, and it is of certain practical significance to explore how to better promote the development of Chinese folk orchestral music. Combining the existing research results and development status, we try to give some suggestions.

First, to increase the financial support for the creation of folk orchestral music. Financial support has proven to be a gas pedal for the development of Chinese folk orchestral music, and from 2014 to 2018, the National Arts Foundation has established 54 projects in the direction of funding folk orchestral music, with funding of 63,97 million yuan. A total of 33 works of collective compositions of ethnic orchestral music have been funded up to 2020. In the future, the state and local governments should increase financial support for the development of folk orchestral music, such as the creation of foundations and associations, and moreover, the power of folk music organizations should be brought into play to create more performance opportunities for folk orchestral music and increase its commercial value.

Second, to pay attention to the cultivation of young composers. The young generation composers have gradually become the main force of folk orchestral music creation in the new era, such as Wang Danhong, the composer-in-residence of the Central National Orchestra⁵, and Wang Yunfei, a young teacher of Zhejiang

Conservatory of Music. Most of the young generation composers are concentrated in schools or orchestras, and in order to strengthen their cultivation, on the one hand, they can be given enough creative space and teaching freedom to stimulate their creative nature; on the other hand, a standardized publication mechanism and reward mechanism can be established to protect their creative achievements and motivate their continuous creation.

Ethnic orchestra began to take root in China in the 1930s and is a very symbolic cultural presence of the times in Chinese music culture. The performance of folk orchestras has become an important part of Chinese folk music life ⁶. After nearly a century of development, folk orchestras have undergone profound changes in terms of presentation, musical vocabulary, and ideas expressed, but they have always represented the pursuit of the Chinese people on a spiritual level.

In the new era of socialism with Chinese characteristics, cultural development is an important part of a country's development strategy, and the strength and prosperity of a nation cannot be separated from cultural prosperity, and the development of Chinese folk orchestral music has entered a new round of integration and sedimentation ⁷. In the future, folk orchestral music should be led by China's cultural development strategy to create folk music that meets the theme of the times, and also to explore more actively the diversified cross-border development of folk orchestral music.

References

1. WANG ZHIWEI. Commonly Used Instruments of Folk Bands and Their Compilation Issues. — Chinese Music. 1984. Vol. 04.
2. LI JUN. How to Form an Ethnic orchestra. — Music Life. 2008. Vol. 11, p. 44–45.
3. ZHANG MENG. Composition of Chinese Traditional Orchestral Music. — Art of Music. Journal of the Shanghai Conservatory of Music. 2020. Vol. 01, p. 34–48+4.
4. QIAO JIANZHONG. "Impressions": New Exploration of National Music "New Language Style" – Large-Scale National Music Drama "Impressions". National Music: Scattered Discussions. — People's Music. 2014. Vol. 04.
5. LIU ZAISHENG. Traveling in Music with Talent-Impressions of "Wang Danhong Concerto Concert". — People's Music. 2016. Vol. 11.
6. LIU WENJIN. The Development of China Nationalities Orchestra: Creation and Establishment. — Entertainment Technology. 2010. Vol. 11.
7. LI XIANGHAI. The Great Rejuvenation of the Chinese Nation Requires the Development and Prosperity of Chinese Culture. Study the Spirit of Comrade Xi Jinping's Important Speech during His Visit to Shandong. — Seeking the Truth. 2013. Vol. 24, p. 48–49.

Исследование композиции и исполнения современных фортепианных произведений в Китае

ЛЭ ЧЖАНЬ

Research on the composition and modern piano performance in China

LE ZHAN

Аннотация. Фортепиано является важной частью современной музыки в Китае. Фортепианная музыка – один из способов показать стремление людей к духовным ценностям. Статья посвящена исследованию исторических характеристик современного китайского фортепиано и техник исполнения, а также анализу национальных особенностей исполнения китайской фортепианной музыки.

Ключевые слова: Китай, фортепиано, изучение исполнения, композиционная техника.

Abstract. Piano is an important part of modern music in China. It is also one of the ways of people's needs to spiritual pursuit. This article is devoted to the study of the historical characteristics of modern Chinese piano and performance techniques, as well as the analysis of the national characteristics of the performance of Chinese piano music.

Key words: China, piano, performance study, composition technique.

The piano has been called the “king of musical instruments” by many musicologists and is a very elegant instrument. Although the piano did not originate in China, and it has only been developed in China for a hundred years or so, it has already shown a prosperous scene. Especially since the 1980s, the Chinese piano art has taken a very important place in the world piano music garden.

In the course of its development in China, piano music has been constantly fused with the times, humanities and traditional culture, gradually forming a piano music culture with Chinese characteristics. Since the reform and opening up, piano music in China has flourished, from the composition of music to the maturity of performance techniques and the gradual attention to piano education, which has not only cultivated a large number of young piano talents, but also brought China's piano music career to a higher level with a lot of fruits. Compared with other countries, China's piano works have a strong national character and are more sincere because of the influence of traditional Chinese culture. Due to the constant borrowing of Western techniques, to some extent, the performance of Chinese piano works is a combination of East and West, integrating multiple elements of style.

A study on the development of Chinese piano music, introduction of the ancient piano. The origin of the piano in China is not conclusive due to the different

information and perspectives of different scholars, but we all agree that Matteo Ricci had a milestone impact on the origin and initial development of the piano in China, and the time of his dedication of the ancient piano (January 1601) is the origin of the piano in China.

The Opium War of 1840 brought a heavy blow to China and “opened” the country's doors, and the signing of the Treaty of Nanjing in 1842 broke the closed state of China and changed the cultural exchange between China and the West, and the modern piano was gradually introduced to China. At the turn of the nineteenth and twentieth centuries, the piano really took root in China, and the “school music song” became the beginning of modern music. New tones and materials, new forms of music were created, which were constantly colliding with traditional music, intertwining and fusing in practice, and gradually showing their sprouts.

Early exploration of Chinese piano creation in the early 20th century. Traditional Chinese music, which has continued for thousands of years, has been influenced by Western musical culture under the influence of Western musical and cultural thinking. The earliest officially published piano piece in China is Li Rongshou's “Sawing Vat”, which is an example of the combination of Chinese opera tunes and traditional European harmonies. The period from the beginning of the twentieth century to the thirties, when the piano accompaniment for songs was composed, was a time of exploration in the creation of “Chinese” piano music. In the decade after the 1930s, Russian pianists and piano educators came to China, which greatly contributed to the development of piano music in China, trained a number of piano music talents and influenced the development of piano music in China.

The period from 1937 to the founding of New China was a time when war and salvation were more closely related to art. The Chinese piano music of the 1930s and 1940s, despite its different compositional approaches, reflected a common characteristic in its composition: (1) In terms of melodic writing, most of them were based on the traditional Chinese musical scales and modes; (2) In terms of the structure of the piece, it is based on the structure of western music, and adopts the techniques of “adding flower variation”, “head” and “tail” in Chinese folk music; (3) In the aspect of harmony writing, inheriting and carrying forward the achievements of the exploration of harmony nationalization, using some subtle and exquisite harmony processing, forming a unique harmony style with both European classical harmony elegance and Chinese national color; (4)

Лэ Чжань – доктор музыкального искусства (DMA), лектор, Университет искусств Гуанси. Наньнин. Китай. E-mail: 170021213@qq.com.

Le Zhan – doctor of musical art (DMA), lecturer, Guangxi Arts University. Nanning. China. E-mail: 170021213@qq.com.

In polyphonic writing, good at in the creation of free preparation of simple, beautiful polyphonic texture.

Artistic creation stage of Chinese piano works in the middle of the 20th century, flourishing period of artistic creation. In the more than 20 years from the founding of New China to the Cultural Revolution, the artistic policy of “using the ancient for the present and the foreign for the Chinese” was adopted to express the Chinese national style and characteristics on the piano. Most of the works use traditional Chinese instrumental titles as titles, which express the psychological and emotional aspects of human beings and are abstract and foreshadowing, and are another reflection of the characteristics of Chinese piano music style in this period.

After the establishment of New China, on the one hand, the state attached great importance to music education and established conservatories in Shenyang, Chengdu, Wuhan, Xi'an, Guangzhou and other cities, piano teaching has been widely spread throughout the country, and the quality of piano teaching has improved significantly. On the other hand, the country also paid great attention to the international exchange and performance of piano art, and Soviet pianists helped to train a large number of excellent young pianists, including Zhou Guangren and Fu Cong.

Adaptation of artistic creations during the “Cultural Revolution” period. During the Cultural Revolution, many pianists and composers were targeted, but they still managed to preserve and develop their piano music with courage and wisdom. The piano piece “The Red Lantern” was created to accompany the Peking Opera, and the concerto “Yellow River” was adapted from the original music with appropriate compositions.

There are three main types of piano adaptations: Yin Chengzong's “The North Wind Blowing” and Cui Shiguang's “On Songhua River”, which are based on folk songs and are of great help in developing the national style of our piano music; there are also adaptations based on folk instrumental music, such as Wang Jianzhong's Suona “All Birds Pay Court to The Phoenix” and Guqin “The Plum Flower Three Lane”, which maintain the principles of folk music composition, dig deeper into folk music ideas and pianize traditional music; finally, there are piano adaptations based on “model operas”, such as Du Mingxin's steel “The Red Detachment of Women”.

The pluralistic stage of piano composition after the Cultural Revolution. In 1976, a new ideology led to the development of musical concepts in this period from the “monolithic” direction during the Cultural Revolution to the “pluralistic” direction, which led to an unprecedentedly active situation in Chinese piano music composition during this period ¹. The piano music creation in this period

has distinctive characteristics: (1) “Chinese style” is the main direction of piano music creation; (2) “Seeking new” and “diversification” is the main way of thinking; (3) The subject matter of the diversification of themes was emphasized; (4) The use of modern piano performance and notation methods; (5) The audibility of works needed to be improved; (6) The nationalization of piano education developed slowly.

Composition of modern Chinese piano works: piano music adaptations. Piano music adaptation refers to the adaptation of existing songs and instrumental pieces into piano pieces while keeping the original piece relatively intact, and adaptation means to change it to piano performance, and adaptation means to rearrange it to make it a music piece in line with the characteristics of piano. The adaptation of songs to piano is a reflection of Chinese Confucianism’s idea of “seeking common ground while preserving differences” and “harmony while being different”, which not only allows Chinese traditional music to spread around the world, but also brings out the characteristics of Chinese music.

After a century of precipitation and development, the content of Chinese piano music has developed in the direction of diversification, and the composition style has gradually diversified. Piano music works adapted from ancient pieces, folk instruments and folk songs have enriched the library of Chinese piano music works: (1) Piano music adapted from ancient pieces has a very strong national style, inheriting the linear melody of Chinese ancient pieces, the complex and rich modern sound of the piano focuses on the beauty of the melodic lines in the polyphonic weaving and the changes of the polyphonic combination in the flow of the melody, for example, Xie Geng’s “Ni Chang Yu Yi Qu” adapted from ancient pieces; (2) Chinese traditional folk music is played by Chinese people with their own folk instruments. In order to make the piano music vocabulary closer to the language and thinking characteristics of Chinese instrumental music, composers usually simplify the parts that can be handled more freely on the basis of maintaining the structure of the original instrumental works, thus making the structure of the adaptations more compact than the original works; (3) Folk songs are a very important part of traditional Chinese music, and can best show the face of different ethnic groups in China. The use of variations and group compositions to recreate the music accurately reflects the content expressed in the music, another more common adaptation is to use the song in its entirety, or only slightly adapted and pianistic composition, to maximize the preservation of the characteristics of minority music, and more strengthen the local ethnic characteristics, this adaptation has greatly improved the dissemination of minority music.

Piano music: original works. There are three main creative elements of original Chinese piano works. The first one is based on traditional musical elements, using

linear melody and traditional tuning are the two most common composing techniques, the former deeply explores and expresses the content and style of the music, further strengthens the distinctive oriental musical characteristics and makes the flavor of national music more intense and rich, the latter combines the western contrasting polyphony technique with the elements of Chinese folk branching polyphony to create The second is to create piano works based on local musical elements, in which it is common to extract national folk tones and extract characteristic rhythms. Composers extract national folk music based on their own observation angles, aesthetic habits and artistic interests, and integrate them into piano music creation, creating piano works that uphold tradition but are not bound to it. The third kind of composition is based on original and new music elements. The common techniques of this kind of composition are using the toneless technique to compose and using the original technique to compose, for example, Sangtong's "In That Faraway Place" and Peng Zhimin's "Landscape Series" are both original piano works that combine both original and new music elements.

The combination of Chinese and western piano music composition techniques. The piano was introduced to China around the end of the Ming dynasty and dedicated to the Ming court, but it was a very valuable instrument and had just been introduced to China, so few people learned it. In the 1930s, Chinese composers such as Jia Luting composed piano pieces in pentatonic style with distinctive Chinese melodies, such as "Pastoral Music" and "Pastoral Piccolo", which laid the foundation for the development of piano music with Chinese style in China.

In the 1980s, Chinese composers began to experiment with combining and borrowing from 20th century Western modern musical ideas and techniques for piano music. There are many composers in China who experimented with Western modern compositional techniques in traditional musical modes at an early stage, such as Ding Shande's "Tocatta – Joyful News" during the Great Leap Forward period, which experimented with some non-traditional harmonies. In 1979, Luo Zhongrong composed "Wading River Picking Hibiscus" using the twelve-tone composition technique, which was published in the third issue of Music Composition in 1980, pioneering the formal performance and publication of piano music in China. Tan Dun used modern music composition techniques to compose the string quartet "Feng-Ya-Ode", which set off a wave of modern music composition using traditional Chinese musical ideas and themes to combine the spirit of Chinese culture with modern music techniques from various Western genres. In the 20th century, the use of oriental musical materials in compositions began to be practiced in the West. The use of musical instruments with oriental characteristics, such as traditional ethnic instruments from India, Japan and Tibet, China, by Western composers in their works could bring about a more oriental and rhythmic

musicianship, allowing musicians to use the ancient instruments and sounds of various Chinese ethnic groups more freely in their compositions.

Standing in a different musical perspective, dialectically looking at the combination of Chinese and Western piano music composition techniques and discovering new relationships between them are new ideas for Chinese composers to create better works². On the one hand, we do not have to rely on Western music composition techniques and have to squeeze into the functional and harmonic system, not necessarily to take advantage of our own strengths. On the other hand, China's ancient and profound musical culture has led musicians to look at music composition anew and think about how to create contemporary Chinese music with the unique style and ideas found in Chinese music.

Analysis of the performance of modern piano works. The piano really took root in China at the end of the 19th century, and the piano developed in a different context of development, the style and the way of playing piano works is the epitome of the times. The modern piano performance style in China has been influenced by the Western piano performance style, especially in the 1980s, when new forms of Chinese piano works appeared, and through the introduction of Western composition techniques, the creation of piano music works in China has reached a new level³.

The use of Western techniques to perform piano works with elements of Chinese folk songs has certain limitations, which not only have an impact on the listener, but also place higher demands on the performer's performance level. Multi-tonal piano works combine both Chinese and Western compositional elements to better express the distinctive folk music characteristics. For example, Wang Sanli composed "Ta Shan Ji" with the five pentatonic modes of Gong, Shang, Horn, Hui and Fe as the tonal basis, and chose five tones between F and A as the main tones of each key, constituting five sets of sequences and fugues, using western modern compositional techniques, which perfectly combine the two compositional techniques of Chinese and Western. In the performance, we use various touches of keys to express the different emotional ups and downs in the work. In "Folk Toys", for example, the composer uses a large repetition of the G note as the rhythmic level in the prelude section, reflecting the simplicity and liveliness of children's character. In the fugue section, the theme is designed in a new and interesting way, with individual tones expressing the joy and playfulness of childhood through rhythmic changes. The use of polytonality makes the climax of the piece very prominent. Multi-technique compositions have become a common approach to modern piano works, and one of the more representative ones is Kwon Gil-ho's "Long Short Combination" composed in 1985, which reproduces the gestures of traditional Korean music with the harmonic character of the piano. Although the themes

of the three pieces are the same, the harmonic application is very different, and it is a kind of harmony with strong contrasts. The rhythms are flexible, such as the first five bars before entering the theme and the two bars when entering the theme, and the rhythmic combination changes in each bar without the same accent. In the first piece, for example, the pentatonic chords at the beginning contain various types of intervals: triple whole, major third, pure fourth, minor third, augmented fourth, and minor second. The chord is so rich in connotation that almost all intervals and chords attached to the second and third movements can be interpreted as shifts or partial to this chord. This chord highlights the addition of a minor second within the third whole tone, and the unfolding part uses imitation several times.

The national characteristics of modern Chinese piano works: roots of national characteristics. The nationalized characteristics of Chinese piano works are influenced by literature and art, painting and calligraphy, traditional songs and dances, and opera.

First of all, Chinese literature and art are profound and profound, pursuing the beauty of mood, which has a subtle effect on piano composition and piano performance. For example, Xiao Youmei's piano piece "New Ni-Chang-Yu-Yi Dance" was a secondary composition by analyzing the structure of the "Neishang Yuyi Song" of the Tang Dynasty and combining it with the compositional skills of piano music. In the 1920s and 1930s, art songs based on classical poems occupied a large proportion.

Secondly, the beauty of the calligraphic line is very active and fundamental, the chapter and layout have a special status and an important formal beauty, and the art of calligraphy is shown in music, as in the example of the combination of calligraphy and guqin in Wang Sanli's "Calligraphy and the Rhythm of the Piano". Chinese painting attaches importance to conception and to the unity of artistic images, as exemplified by "Piccolo of the Shepherd Boy" which shows the mutual influence and connection between Chinese painting and piano music composition.

Thirdly, China's folk songs, with their diverse genres and rich forms, are an important part of folk music. Folk song compositions are rooted in national culture and reflect our history, folklore, character and cultural traditions. The piano works such as "Variations on a Chinese Folk Song Theme" and "Flower Drum" are all tunes selected and transplanted from folk songs, fishing for strong nationalized characteristics.

Finally, China's opera culture has a very long history, and Beijing opera is known as the "national essence", with various forms of opera music and a rich singing voice. Our national musical instruments can be divided into four categories: blowing, plucking, pulling and percussion, and many of them are used to imitate national instruments in piano compositions. For example, Wang Jianzhong's "Flowers are

Red” imitates the sound creation of wind instruments in its introduction, “Piano Symphony Rhapsody” expresses the war scene of beacon fire with the help of lute, and “Wedding Scene Dance” imitates the lively scene of gongs and drums by playing chords in unison with both hands on the piano.

Expression of nationalized characteristics. The nationalization of our modern piano works is mainly characterized by melodic nationalization, rhythmic nationalization, harmonic nationalization and timbre nationalization ⁴. The melodies of China’s modern piano music are mainly taken from traditional music melodies of high artistry, and the compositional techniques are all based on folk melodies to complete the compositions or extract the compositions. Rhythm plays a very important role in music, and Chinese music has a flexible rhythm, which varies in different environments and moods, such as “Three Variations of the Yangguan Pass Theme”. Chinese piano works incorporate national elements in harmony, showing list, calmness and simplicity, increasing the colorfulness and ethnicity of harmony, such as “Banna Customs” according to different movements, the composer used each characteristic harmonic technique. To create piano music with Chinese meaning, ornamental tones, waves, trills, up-slides and down-slides are often used in the composition as a way to imitate and express the national characteristics.

References

Guangxi Arts University 2020 High-level Talents Research Project: Research on Performance Art of William Gillock Piano Work. Project number: GCRC202009.

1. ZHANG MIN. A Brief History of Piano Art. Kaifeng. 2008.
2. LI QIN. A Study of the Development of Chinese and Western Piano Music Culture. Beijing. 2013.
3. WANG QIAN. Performance Style of Piano Works in Different Periods. — Art Review. 2018. Vol. 06, p. 168–171; CHEN TING. Performance Analysis of Chinese Piano Works in Different Styles. — Drama House. 2021. Vol. 01, p. 72–73.
4. NIE ZHUO. Characteristics and Performance of Chinese Modern Piano Composition. China Textile Press. 2016; ZHANG YANLING. The National Artistic Characteristics of Modern Chinese Piano Works. — Art Review. 2021. Vol. 05, p. 5–7.

Искусство поклонения образам в Китае XVII в.

Юй Фучэнь

The art of image worship in China of the 17th century

YU-FU CHEN

Аннотация. Поклонение изображениям – важная тема в китайской культуре, носящая религиозный характер. Во времена китайской династии Цин поклонение изображениям использовалось как политическое средство воздействия, а также служило психологическим и духовным утешением для людей. В статье исследуется ряд культурных феноменов, связанных с поклонением изображениям в эпоху династии Цин, а именно «слепое поклонение образу», «смысл церемонии в поклонении образу» и «обобщение поклонения образу».

Ключевые слова: Китай, поклонение образу, культура и искусство, мышление, вера, династия Цин.

Abstract. Image worship, an important thought in Chinese culture and art, is similar to religious belief in some respects. In the Qing Dynasty of China, image worship was employed as a political means to shackle people's thoughts and divide them into different classes, but it also served as a psychological and spiritual consolation for people. This article investigates a series of cultural phenomena related to image worship in the Qing Dynasty. These include "blind image worship", the "sense of ceremony in image worship", and the "generalization of image worship".

Key words: China, image worship, culture and art, thought, belief, Qing Dynasty.

Image worship in China's Qing Dynasty. Image worship has been a very important cultural and artistic phenomenon in China for the last five thousand years. It is one of the most profound forms of thought in its system of visual culture. Image worship in China can be traced back to the Stone Age. Visual symbols were used in the Stone Age to distinguish between ethnic groups, serving the role of an identity system. Image worship during the Stone Age originated with the idea that animals, plants, and non-living things are all associated with mankind. This association was thought to come from ancestors, guardian angels and other invisible mysterious powers. This association can be extended to the "subject-object relationship" in philosophy. According to the philosophical concept of the "subject-object relationship", proposed by the ancient Greek philosophers Socrates and Plato, subjects, by understanding the essence of objects, make use of objects, thereby achieving a unity between subjects and objects and establishing relationships with things in the world¹. Philosophically speaking, people consider themselves the subjects of their life, and they consider other things in the world as objects. They develop profound ideas about objects and develop relationships with them. They maintain these relationships and pass them on to their successors. People are in awe of, and place high spiritual trust in, invisible powers. When invisible spiritual objects are portrayed using visible images and worshipped as symbols, people feel a sense of dependence, satisfaction and spiritual consolation.

The practice of image worship in China is a product of the expectations that Chinese people have about life. They tend to put their faith in invisible powers represented through material media. According to the German philosopher G.W.F. Hegel, the core idea behind this is that the material is the result of self-denial by “the absolute idea”, and that the world and people are the products of the logical development of “the absolute idea” for the sake of self-fulfillment. In the idealist system, ideas are internal while the material world is external, and the transformation from ideas to the material world is known as “externalization”². The externalization of image worship offers spiritual sustenance to people, and the “visual feedback” provided by externalization further enriches their mind and satisfies their desires.

From the seventeenth century B.C. to the eleventh century B.C. in China (during the Shang and Zhou Dynasties), there was a gradual transition from the worship of nature to the worship of images (as embodied in clothes). People during this time believed that natural landscapes and elements were representative of gods. People worshipped these gods to receive blessings and rewards in return. To enhance their “divine affinity”, they were even willing to take these natural creations as symbols or beliefs. They exhibited these symbols on appliances or clothes in the form of images. With the development of human civilization and the founding of dynasties in China, rulers began to externalize political thoughts (such as their ideas of social classes and power) in all kinds of visual images. As a result, these images changed from being devoted to the worship of nature to being devoted to the worship of power.

In the sixth century B.C. in China, the Chinese educator Confucius created Confucianism. Confucianism is a traditional academic philosophy that advocates etiquette and promotes education, culture, and morality. As a dominant part of the Han culture, Confucianism was employed by the rulers of many Han dynasties in ancient China as a form of political thought. They believed that Confucianism could help them govern people and improve people’s quality of life. A study by Eric M. Greene has explicitly demonstrated the relationship between image worship and religion³. Confucianism takes “etiquette”⁴ as one of its core values. It stresses the importance of etiquette in behaviors, thoughts, and appearances. It also believes that images (as embodied in clothes) are extremely important when it comes to etiquette. It emphasizes pedagogy and is responsible for having disseminated the idea of image worship in China.

China was once under the rule of several non-Han dynasties, which did not advocate Confucianism. In these dynasties, image worship was on the brink of extinction. In the fourteenth century, the Han nationality founded the Ming Dynasty, which

Юй Фучэнь – доктор дизайна, Институт дизайна Цзяннаньского университета. Уси. Провинция Цзянсу. Китай. E-mail: yufu0419@163.com.

Yu-Fu Chen – doctor of design, a postdoctoral scholar at the School of Design of Jiangnan University. Wuxi City. Jiangsu Province. China. E-mail: yufu0419@163.com.

once again embraced Confucianism as a core part of its doctrine. Accompanied by the dissemination of Confucianism, image worship was again rooted in the mind of the Han people and became a profound form of human thought. A study by Baoshan Sun has pinpointed the inheritance of Confucianism in the late Ming Dynasty and the early Qing Dynasty, covering the institutions developed from the inheritance of Confucian culture⁵. The Ming Dynasty was the predecessor of the Qing Dynasty, and many of its cultural elements were retained by the Qing rulers, including the practice of image worship that had been disseminated by Confucianism. Due to the enormous influence of Confucianism on the Qing rulers, the Qing Dynasty was the only non-Han dynasty in Chinese history that practiced image worship.

In the mid seventeenth century, the Manchu nationality occupied the land of the Han nationality and founded the Qing Dynasty. In the early years of the Qing Dynasty, signs of Hanization were already visible in the life and thoughts of the Manchu royal families and aristocrats⁶. Hanization refers to the continuation and adjustment of the Manchu ideology and material culture under the influence of the Han culture. It involved the fusion of social, religious, political, and humanistic ideas. This social status was manifested by the Qing rulers' organization of different nationalities into the military force of the state. This military force was then employed by the state to defend the regime. Finally, the regime was used to protect the rights and interests of different nationalities, thereby establishing an interdependent and interactive system of nationality, military force, and regime. The system was designed to sustain the regime of the Qing Dynasty, ensure its survival, and endow it with an autonomous historical structure.

On the one hand, in the early years, the Qing rulers vehemently upheld the traditional Manchu culture and language, as well as its clothes and its practice of archery. On the other hand, the rulers pushed Hanization, imitated the Han political system, and advocated the image worship disseminated by Confucianism⁷. They absorbed Confucianism and institutionalized the Han culture of image worship in people's lives. This was reflected in the contemporary style of dress and etiquette. As Wang Huei-Chung argues: "The period from the late Ming Dynasty to the early Qing Dynasty witnessed the transformation of Confucianism into a pragmatic Confucian value system in terms of ontology⁸, mind, and nature"⁹.

As far as the ethnic fusion of Manchu and Han was concerned, the Qing rulers focused on establishing a system of etiquette for clothes. Initially, they were reluctant to support Hanization, but they later thought about how to leverage the philosophy of image worship to strengthen their autocratic rule and distinguish between classes, identities, and status based on clothes. They felt that this would make people more willing to submit to their power as rulers. To achieve this, the Qing rulers placed modified Han images on Manchu clothes. They also modified the original symbolic meaning of image worship among the Han people, restructuring it based on class, status, and power. The clothing images took the symbolic form of appliances, animals, and characters. This behavioral process turned images into visual art.

The Qing rulers believed that clothes were the most basic and essential elements of material culture, a direct reflection of social status and popular thinking. They saw clothes as an important material carrier of image worship. French historian Fernand Braudel once proposed that “any slight rise in social status will be reflected in clothes”¹⁰. Clothes signal the degree of social civilization and reflect human culture. They correspond to the psychological needs of people and the practical needs of society. As an important material object in life, clothes also promote the development of social intercourse and interpersonal relationships, helping people improve their social status. In ancient China, clothes also worked as a powerful form of “non-verbal” propaganda. Images on clothes could be used to symbolize personal identities, declare ethnic affiliations, reflect inner activities and exert social, psychological, and economic influence. Under the “identity system” of the Qing Dynasty¹¹, clothes explicitly served as a sign of status and became a political and cultural phenomenon in public consciousness.

Image worship as a political instrument. When it came to image worship, the Qing rulers mainly took the following two ideological measures: (1) They integrated Han-style images into the design of Manchu clothes while maintaining the characteristics of the Manchu nationality. This measure was mainly taken to accelerate the ethnic fusion of Manchu and Han and stabilize the society. Also, by exploiting the practice of image worship, they tried to create clothing image signals for exclusive use by the Manchu royal families and aristocrats and establish a social system based on the division of families. (2) The clothes of the Qing rulers used 12 designated images that implied their spiritual beliefs and were not allowed to be used by anyone other than the rulers. This measure aimed at conveying the message that the Qing rulers had accepted the image worship of the Han nationality and adopted these 12 images as symbols of their rule. Seen from the perspective of social governance, these measures served as a political means of consolidating the authority of the Qing rulers. This made the Han people more willing to yield to the rule of the Qing Dynasty. According to Ralph Dekoninck, image worship can be employed for any kind of ideological rule, such as dictatorship and terrorism¹².

The 12 images designated by the Qing rulers for use on their clothes were originated in 202 B.C. (during the Han Dynasty). As a form of image worship inherited by the Han rulers through the change of dynasties, these images were employed by many rulers to cover up the realities of their rule through “image suggestion”. These suggestive images were intended to tell the people that the rulers were perfect and holy, thereby elevating the status of the rulers in people’s minds. Thus, people were encouraged to buy into the narrative that the rulers were the messengers of the gods. This would make them more willing to surrender themselves to the rulers, which would in turn help the rulers to govern the people in the way they desired. Depending on the goals of the rulers, the specific images on their clothes varied from one dynasty to another.

In the Qing Dynasty, the 12 images were Sun (日[rì]), Moon (月[yuè]), Stars (星[xīng]), Mountain (山[shān]), Chinese Dragon (龙[lóng]), Chinese Insect (华虫[huá chóng]), Drinking Vessel (宗彝[zōng yí]), Algae (藻[zǎo]), Fire (火[huǒ]), Rice (粉米[fěnmǐ]), Axe (黼[fǔ]), and Alphabetic Symbol (黻[fú]), as shown in Fig. 1. The images of the Sun (日[rì]), Moon (月[yuè]), and Stars (星[xīng]) constitute one series, symbolizing that the rulers bestow grace upon the people like these planets. The image of the Mountain (山[shān]) represents the power of the rulers to manage the land of the country. The image of the Chinese Dragon (龙[lóng])¹³ is the chief image in the Chinese system of worship, as Chinese people traditionally believe that the dragon is a mysterious creature sent by the gods and the founder of the Chinese nation. This also explains why the dragon is the most traditional image worshipped by the Han people. In fact, the rulers of almost every dynasty in ancient China took the dragon as their symbol, usually with the implied meanings of auspice and power.

The image of the Chinese Insect (华虫[huá chóng]), a bird similar to a pheasant, was adopted to symbolize the rulers' high levels of literacy. Within the philosophy of image worship in ancient China, birds were thought to be very wise as they could fly. The image of the Drinking Vessel (宗彝[zōng yí]), modeled after a cup, stood for the morality of the rulers. The image of Algae (藻[zǎo]), an aquatic plant, represented the character and conduct of the rulers. The image of Fire (火[huǒ]) implied that the rulers were upright, magnanimous, impartial, and unselfish. The image of Rice (粉米[fěnmǐ]), which is a staple crop in China, was used to suggest that the rulers attached great importance to agricultural production and were capable of offering sufficient food to the people. The act of worshipping the image of Rice (粉米[fěnmǐ]) is rooted in people's need for food. In ancient China, the rulers of each dynasty paid serious attention to agricultural production, treating agriculture as the most essential condition of survival. By taking the image of food as one of their symbols, the ancient rulers attempted to communicate that they alone had the power to provide people with food and help them survive.

The image of the Axe (黼[fǔ]), a square patch on official costumes embroidered with white and black axes, symbolized the firmness of the rulers in conducting their official businesses. The image of the Alphabetic Symbol (黻[fú]), an embroidered square pattern on official gowns, meant that the rulers could distinguish between right and wrong and that they possessed the virtue of self-examination. The design of this image has its roots in the Chinese character “己”, which means “self”. Furthermore, the mirrored, symmetrical arrangement of two “己” characters in Confucianism is a symbol of the noble nature of self-reflection.

Figure 1. Twelve patterns of Qing Dynasty Rulers' costume

While each of these images was meaningful as a spiritual symbol of the rulers, the objects portrayed by some of them may have essentially lost association with the meanings of the images. This may have made it impossible to produce direct “symbolic association”. This was a state of “blind image worship,” which was inseparable from the essential change in the forms of human thought and the influence of social and environmental structures. However, the primary cause was the “image suggestion” created by the clothes the rulers wore and the laws they passed.

“Blind image worship” is a process in which people become more interested in purely worshipping and using certain images, rather than caring about those images’ “symbolic associations”. In a psychological sense, people depend on image worship, as is reflected in daily life. By exploiting people’s emotional need for image worship, rulers can employ images to show their lofty status, encouraging people to worship the images through political governance. In this manner, people’s psychological dependence is projected onto the rulers, thereby strengthening the importance of the rulers in people’s minds. What the rulers need are not necessarily images that are associated

with them but objects that can be worshipped by people. By compulsorily defining images through certain laws and conditions, rulers can shape people's conception and cognition of images, producing their emotional need to worship images. The ideal way to achieve this is through the robes worn by the rulers.

Image worship in itself is a form of human thought that is not limited to any material medium. However, in the Qing Dynasty, it was believed that using images on clothes could produce the largest social effect. Thus, clothes ended up being the main bearers meaning and the focus of compulsory image worship. By designating clothes as a carrier of meaning, the Qing rulers set some legal restrictions on which images should be worshipped. Thus, the Qing rulers distorted the essence of image worship in certain aspects, helping to align it with their primary goals.

Class differentiation through image worship. If "blind image worship" is a political strategy concerning people, then the "sense of ceremony in image worship" can be characterized as a legal strategy with regard to society. The pursuit of the sense of ceremony is valued highly by Chinese people. The sense of ceremony can be an established cultural tradition, a behavioral pattern, or a legal provision. Most importantly, it produces a psychological contract which, when fulfilled, meets the needs of the people who have established the ceremony and creates a sense of security for those who comply with the ceremony.

Relying on the legal strategy of the "sense of ceremony in image worship", the Qing rulers established the use of images on clothes through legal provisions. They compiled a legal code entitled "The Collected Statutes of Great Qing" (大清汉典). The core of the legal code lies in constraining the rulers, the officials, and the people through legal provisions based on image worship. This creates a "social echo of the sense of ceremony". The birth of the legal code was not only an extremely important part of the etiquette system in the Qing Dynasty; it also signaled the arrival of the era in which China's image worship was institutionalized and constrained.

The legal code records in detail the settings of the quantities, types, positions, colors, and styles of the images to be used on the clothes. This is shown in Fig. 2. Specifically, these settings can be divided into the following major categories: (1) the rights to use images for the ruling class and the ruled class; (2) images are allowed to be used by officials of various levels; (3) the occasions for the use of clothing images; (4) activities for wearing clothes with images; (5) clothes matched with images; (6) the division of images based on styles; (7) the division of images based on genders; (8) the division of images based on occupations; and (9) the division of images based on class. To create laws about images, the Qing rulers established an etiquette management authority, which was composed of rulers, officials, aristocrats, and civilians. It was responsible for regulating and managing the use of images.

Figure 2. Patterns worship on costume

The legal institutions established by the “sense of ceremony in image worship” might have produced a sense of accomplishment for the Qing rulers, but the social reality was that these legal institutions were leveraged to control and distinguish people based on the practice of image worship. After the establishment of the monarchy in the Qing Dynasty, image worship was gradually used to distinguish identities and statuses based on clothes. This led to discrimination based on “class” and “occupation”. People with certain identities, such as Servants, Actors (优伶 [yōu líng])¹⁴, and Yamen runners (皂隶 [zào lì])¹⁵, were not allowed to wear clothes with images. Aristocrats, by contrast, could wear “styled” clothes, meaning that they could use decorative images not prohibited by laws.

In the hierarchy of image worship established by the Qing rulers, people were divided into the following classes based on the use of images: (1) The ruling class was the only class that was allowed to use the 12 designated images; they were given an extremely high degree of freedom in the use of images. (2) The official class was further divided into two categories: officials undertaking government affairs (who could use bird images) and officials undertaking military affairs (who could use beast images). Each category was ranked across nine levels, corresponding to different clothing images. In the official rank of the Qing Dynasty, the first level was the highest level, while the eighth level was the lowest. From the highest to the lowest level, the bird images used by the first category of officials were crane, golden pheasant, peacock, lark, silver pheasant, egret, purple mandarin duck,

and long-tailed flycatcher, respectively. The beast images used by the second category of officials were unicorn, lion, leopard, tiger, bear, tiger cub, rhinoceros, and seahorse, respectively. (3) The aristocratic class could use some basic images of animals, plants, and other natural elements. (4) The civilian class was not allowed to use images, unless on special occasions such as a wedding.

If the sense of ceremony is a behavioral pattern of psychological feelings, visual art can be characterized as a physiological perception. Influenced by the “sense of ceremony in image worship”, the Qing rulers began to value the experience of images on clothes as a visual art. They believed that image worship was the worship of rulers themselves. However, image worship was more than just a form of spiritual support for the general public or a political means employed by the rulers. It was supposed to embody the values and aesthetics of the rulers and improve people’s “willingness to participate in” the “sense of ceremony in image worship”. In this regard, “concrete” “image suggestion” was more effective at satisfying these needs than characters and language. With this in mind, the Qing rulers established a specialized agency Ruyi Pavilion (如意馆), which was mainly responsible for drawing images. It used to recruit painters and craftsmen to do the work. The establishment of Ruyi Pavilion (如意馆) improved image worship in the Qing Dynasty to some extent. However, as it was established to serve the rulers, the agency was essentially aligned with their thoughts. It focused on winning the approval of the rulers by elevating the aesthetic value of their works.

If the Abstract Art produced by image worship is a process, the “materialization of image worship” in the real world can be depicted as the result of Figurative Art. The process of moving from image worship to using images on clothes for worship is the same as moving from Abstract Art to Figurative Art. It contains both the aggregation of a variety of religious, political, social, and other factors, as well as the spiritual and emotional needs of people. In terms of art ontology, Abstract Art and Figurative Art both fall within the category of image art, except that Figurative Art is conditioned by the natural forms of physical images and reflects aesthetic values with universal practical significance and wide associations¹⁶. In terms of representative thinking, Figurative Art strives to align images with real life, that is, to reflect objective events with universal significance through individual images and material objects in typical environments. If image worship is embodied as an art, there will be a partial absence of the invisible thoughts that underlie image worship. This is because image worship is reflected in concrete arts through different materials and is presented as a visible, objective reality in people’s vision. This presentation must conform to the principle of the authenticity of objective things. This may cause the loss of abstract images, but it nevertheless produces practical aesthetic values.

The Renaissance of image worship. In the early eighteenth century (the middle Qing Dynasty), the development of the social system reached its peak, and people led peaceful and prosperous lives. American social psychologist Abraham Harold Maslow concluded that “when people’s lower-level needs are met, they will turn to higher-level needs, among which self-actualization is transcendental¹⁷. When people’s lower-level needs are met, they will turn to higher-level needs, in which self-actualization is tran-

scendental. The pursuit of the true, the good, and the beautiful will ultimately shape the ideal personality. Peak experience represents this ideal state. This was an important period in which image worship in the Qing Dynasty broke free from the restriction of clothes and transitioned from the “spiritualization of image worship” to the “materialization of image worship”.

Driven by the smooth development of the social structure, trade contacts began to appear at treaty ports. Goods and material mediums directly or indirectly entered the Qing Dynasty from Western countries and East Asian countries through the channels of trade, tribute, etc. New clothing materials and image forms became available, broadening people’s horizons. The pursuit of new materials also came into fashion.

Thus, the spiritual pursuit of image worship could no longer produce a sense of satisfaction for people, who then shifted to the pursuit of new materials as carriers of image worship. They aimed to raise their status in the hierarchy of image worship. The source of this psychological phenomenon was related to the “sense of ceremony in image worship”.

Image worship originated in people’s spiritual pursuits and beliefs. It was a “spontaneous” behavioral pattern starting from the psychological level, as people felt depressed from the restrictions and divisions imposed on them by the legal institutions established by the “sense of ceremony in image worship”. This produces a form of “reverse psychology”¹⁸. As the source of information, the rulers also caused negative tendencies through their personalities, presence, language, and other traits. This caused people to doubt the credibility of the information and induce reverse credibility. The research by E. Aronso has explained this phenomenon¹⁹.

If image worship is spiritual, the constraints imposed by the “sense of ceremony in image worship” can be described as a spiritual depression. People believed that, if there were differential treatments and restrictions in the use of images, then, in the context of new materials being introduced into the Qing Dynasty, they should pursue novel and special materials more energetically so as to embody the values of their image worship. The development of this social thinking led to changes in people’s thinking about the “spiritualization of image worship”. People came to believe that the pursuit of the material carriers of image worship surpassed the pursuit of the spiritual significance of image worship. It was believed that, in confined thinking spaces, all kinds of new materials could be adopted as carriers of image worship. Thus, image worship could free itself from the material restrictions imposed by clothes and once again become a free form of human thought. Guided by this development trend, image worship attached greater importance to the “materialization of image worship”, as only valuable and advanced materials reflected the significance and value of images. In other words, using images on ordinary materials would not produce any spiritual significance.

Meanwhile, under the profound influence of Western aesthetics and Western culture, the Qing rulers started to promote the image styles and drawing skills of Western paintings. The introduction of Western culture into the Qing Dynasty affected the people and the rulers in different ways. It offered more possibilities for the people to pursue the “materialization of image worship” and fulfill their psychological needs.

For the rulers, it promoted the development and perfection of the image worship system. As a result of the cultural exchanges between China and Western countries and the introduction of Western painters, the Qing rulers came into contact with different types of images, including the Western painter Giuseppe Castiglione²⁰.

The Western painter Giuseppe Castiglione refreshed the Qing rulers' understanding of drawing skills. The practical employment of drawing skills on images for clothes improved the aesthetic value (the beauty and texture) of images. Such skills were also widely applied on other visible materials. Thus, the "perspective" theory of Western aesthetics was also introduced into China's image worship. The "perspective" theory is an aesthetic theory that stresses the viewer's perspective in the creation of paintings to increase the authenticity of paintings. It is unclear when scenography emerged, but it is generally agreed that it was born during the Renaissance. As regards the scenography in modern aesthetics, it is widely held that well-known Renaissance architect Filippo Brunelleschi perfected scenography in 1414²¹. Initially, this drawing technique was mainly applied to architectural paintings. However, after being introduced by Giuseppe Castiglione, it was gradually used by the Qing rulers on clothing images to enhance the practical presentation of image worship.

The adoption of Western aesthetics by the Qing rulers led to a "qualitative change" in image worship in China, which further raised the skill level of Chinese paintings. Besides, the Renaissance also influenced the thought system regarding image worship in China. Eugene Y. Wang, professor at the Department of History of Art & Architecture at Harvard University, stated the following: "Comparing the development trajectories of the Renaissance and Chinese art under the framework of the history of world culture reveals huge differences between China and Western countries"²² There were differences in cultural and historical backgrounds behind the image worship in the Qing Dynasty of China. While historical chances made it possible for the aesthetic forms of image worship to be shared by China and Western countries, these aesthetic forms also varied from one country to another. This was mainly due to differences in the specific cultural needs and historical motivations of the different countries. The shared forms of arts, whether words or pictures, acquired a substantially different significance as they moved between cultures²³. Notwithstanding the huge differences between China and Western countries, the Renaissance, with its diverse connotations, was still able to meet the needs of China for promoting traditions, awakening national awareness, emancipating the mind, and developing arts in different historical periods.

Freedom of belief in image worship. The end of the nineteenth century (the late Qing Dynasty) was a period in which the necessity of survival was more urgent than the spiritual needs of Chinese people. It was also a decline period of image worship and a period when image worship was free from the material restriction of clothes. If the "materialization of image worship" meant that people were trying to challenge the barriers to image worship, the decline period of image worship could be said to have offered an opportunity for image worship to march toward freedom of belief. With the decline of the Qing Dynasty and the outbreak of wars, people who were secluded from the outside world for a long time were further exposed to social unrest and chaos. Thus,

spiritual belief was almost extravagant, and people had to find a way to survive in an unstable world. As a result of the collapse of image worship, images lost their implications, and became no more than ordinary visual objects. They were more frequently used as decorations to increase material values, or treated as objects of visual perception.

The collapse of the thought system of image worship in the Qing Dynasty, in the final analysis, was due to the chaos caused by wars. However, the more direct cause was the “self-interestedness” of the Qing rulers when it came to image worship. This can be properly characterized by the Machiavellianism presented by the Italian political thinker Nicholas Bernardo Machiavelli. Machiavelli stated that the behavioral tendency of individuals is to try and achieve their personal goals by taking advantage of others²⁴. It was claimed that “according to the theories of biological evolution and natural selection, adaptive social behaviors always favor those individuals who manipulate the behaviors of others. This ability to adapt to social interactions through continuous evolution pays no regard to whether such interactions are cooperative or exploitive”²⁵.

Due to the Machiavellianism of the Qing rulers on the issue of image worship, the emotions in interpersonal relationships were missing from the thought system of image worship. For people, this image worship was not moral but utilitarian. When the thought system of image worship was employed by the rulers as a political instrument to consolidate their regime, rational thinking was also absent. To further promote social stability and governance, the Qing rulers were mainly concerned with the political effect produced by the worship of images on clothes, and ignored people’s spiritual belief in image worship. Under this pattern of thought, the worship of images on clothes by people involved submitting to institutional authority, instead of providing a truthful reflection of their inner feelings.

The decline period of image worship, which involved the collapse of the belief system, could also liberate people’s minds. G.W.F. Hegel proposed that “particular objects are finite, while universal concepts are infinite.” Image worship was leveraged as a special instrument of governance by the Qing rulers. This was possible mainly due to the principle of particularity and the establishment of values. However, when the environment that influenced people’s survival changed, image worship could no longer live up to the principle of particularity. It ended up becoming a universal concept. This universality was infinite, and even reduced the importance attached by people to the meanings of images, it also broke the feudal system that had governed image worship during the Qing Dynasty, weakening its legal divisions and class system. In the Qing Dynasty, image worship served as a political means for the rulers to beautify their image, control public thinking, and conduct social governance. When image worship lost its significance and became a universal concept, the thought system of image worship also lost its core. This process, as a development of the “generalization of image worship”, was of vital importance.

After the fall of the Qing Dynasty in the twentieth century, China entered a new stage and its social system changed from a feudal system to an open system. As a result of the transformation of the social structure and economic system, people tended to satisfy the needs of real life first, but the thought of image worship had already been deeply ingrained in their minds. The large-scale development of commerce and trade in China once again produced

the need for image worship. However, this image worship differed from the image worship in ancient China, which depended on natural belief. In the new stage, image worship became the worship of representative images by collectives and individuals. Efforts were made to propagandize and shape the spirit, culture, and significance of images and the stories and backgrounds behind images. Various political and commercial actors spent the subsequent four decades trying to develop, enhance, or exploit these images²⁶. The “generalization of image worship” was an important part of the development of image worship in China. Although the settings of images in ancient China had been lost, people nevertheless acquired the “freedom of shaping image worship” and the “freedom of belief in image worship”. The “freedom of shaping image worship” was the freedom to freely shape images. That is, in the behavioral process of shaping images, people could endow image worship with richer spiritual contents and increase the recognition of images by society and the world. This increased recognition further improved people’s senses of satisfaction and pleasure, raised their standards of living, and promoted their self-pursuit and self-fulfillment.

The “freedom of belief in image worship” was the freedom to choose certain existing or emerging images as the object of belief. This meant that image worship was no longer constrained or controlled in any manner. People could freely select the images with which they identified ideologically and on which they spiritually depended. In the process of image worship, people also established a “sense of ceremony in image worship”. This process involves projecting emotions or following ideas, and people could make use of the process to embody their values.

The topic of image worship in the Qing Dynasty is rarely explored in modern China. Images are generally considered to be universal visual objects or parts of normal life. They appear in different forms to different people who view them, depending on their feelings, emotions, preferences, and other personality factors. On account of the universality of images, people have gotten used to enjoying the visual experiences created by images on clothes. However, when dissociated from clothes as carriers, image worship depends on more than just aesthetic values or visual culture.

At the spiritual level, image worship supports people’s beliefs, cultures, and feelings, and produces psychological dependence and consolation. This depends on the visualization of beliefs based on the effects of aesthetics. At the behavioral level, image worship is a self-efficacy by which people practice and perfect their thoughts. In this process, people seek to embody their values, acquire approval for their thoughts, and gain a sense of satisfaction.

Image worship may vary from one country to another, mainly due to differences in the cultures and arts of different countries. However, seen from a purely abstract angle, image worship shows no differences in religion, society, life, or politics. The only difference perceived by people comes from their self-orientation on this issue. The worship of images on clothes in the Qing Dynasty represented a past stage of cultural development. It failed because it restricted people’s spiritual freedom in this regard, but it nevertheless created an era of institutionalized image worship. It should be understood that image worship is a milestone in the development of the social system. It has profound cultural values, rather than being purely instrumental or blind.

References

The project was supported by the 2019 National Social Science and Arts Fund (grant number 19BG130) and the Fundamental Research Funds for the Central Universities (grant number JUSRP121105).

1. RUSSELL B. *The History of Western Philosophy*. Translated by Zhang Zuocheng. Beijing. 2007.
2. HEGEL G.W.F. *The Philosophy of Fine Arts* / Trans. by Zhu Guangqian. Shanghai. 1979.
3. GREENE ERIC M. "The 'Religion of Images?' Buddhist Image Worship in the Early Medieval Chinese Imagination. — *Journal of the American Oriental Society*. 2018. Vol. 138. No. 3, p. 455–484. In this research, it is proposed that the image worship thought is related to Chinese Buddhism. However, in the Qing Dynasty of China, Confucianism was the main focus. Although the belief in Buddhism also emerged during the development of the dynasties, in politics and society, Confucianism was still the main belief system in the Qing Dynasty.
4. In a Chinese context, "etiquette" is a broad concept that refers to people's respect and awe for invisible powers. As a widely accepted social construct, it incorporates people's social etiquette, their internal cultivation, and their external bearing.
5. SUN BAO-SHAN. *The Confucian Classics, Historiography and Practical Confucianism in Late Ming and Early Qing Dynasty*. — *Korean Silhak Review*. 2017. Vol. 34, p. 169–193.
6. JUNG WOO-JIN, KIM II RIM. *The Religious Imagery and Secularization from the Hanization Process of Chinese Buddhist Temples in Han Areas*. — *Journal of Cultural and Historical Geography*. 2019. No. 31 (3), p. 79–110.
7. KIM L.E. *Bannerman Tales (Zidishu): Manchu Storytelling and Cultural Hybridity in the Qing Dynasty*. — *Chinese Historical Review*. 2020. Vol. 27, p. 167–169. Although the Qing Dynasty is one of China's dynasties, the origin of the ethnic group that is good at horse riding and archery is the steppe peoples in the border areas of China. Without the spread of Confucian thinking among this ethnic group, image worship did not emerge until the group was influenced by the Han.
8. Ontology holds that truth is in external existence, since it enjoys absolute universality and cannot be empirically acquired from feelings. Feelings are opinions that inevitably fall into the categories of existence and non-existence.
9. WANG HUI-CHUNG. *The Transformation in the Value System of Confucianism in the Qing Dynasty*. — *Universitas: Monthly Review of Philosophy and Culture*. 2016. No. 43 (6), p. 77–92.
10. KUO YUNG-HUA, CHEN PO-LIANG. *Identity Laws and Privacy Protection in a Modern State: The Legal History Concerning Personal Information in Taiwan (1895–2015)*. — *Washington International Law Journal*. 2016. No. 25 (2), p. 223–266.
11. BRAUDEL F. *Material Civilization Economy and Capitalism: the 15th–18th Century* / Trans. by Gu Liang and Shi Kangqiang. Shanghai. 2017.
12. DEKONINCK R. *Cosmoclasm: The Images of the Destruction of the System of Objects of Worship to 16th and 17th Centuries*. — *Perspective: Actualite en Histoire de L'art*. 2018. Vol. 2, p. 189–208.
13. The worship of dragon totems is widespread in Asian countries and still exists in China today. But the English word used in China for dragon is "Loong" or "Chinese dragon." It is completely different from the term "dragon" in western countries and does not refer to the same object.
14. TAN FAN, YOU LING. *The Joys and Sorrows of Performers in Ancient China*. Shanghai. 2002. Musical performers, dancers, or theatre performers in ancient China (also known as "Ling Ren" [伶人] in ancient China).
15. ZUO QIUMIN, ZUO ZHUAN. *Название работы?* / Trans. by Guo Dan. Shanghai. 2015. The runner or bailiff in a feudal yamen (the official court of law in ancient China).
16. MCCLINTIC M. *Modernism & Abstraction* / Trans. by Zhou Guangshang. Guangxi. 2003.
17. MASLOW A.H. *The Farther Reaches of Human Nature* / Trans. by Cao Xiaohui, Zhang Xiangjun. Beijing. 2014.
18. PLATONOV A. *Interest Psychology* / Trans. by Zhao Biru. Beijing. 1985. Former Soviet writer Andrei Platonov once argued: "Reverse Psychology, a social psychological phenomenon, refers to a rebellious mentality produced in a subject whose needs contradict with objective environmental requirements. When people of ordinary social classes present a psychological tendency of rebelling against authority or reality, this tendency is clear-cut and deliberate, and characterized by pertinence, resistance, extremity, spontaneity, and blindness".
19. ARONSON E. *Social Psychology* / Trans. by Zheng Richang. Beijing. 1985.
20. Giuseppe Castiglione (1688–1766) was a Catholic Jesuit and painter who came from Milan Italy. As one of the ten top court painters in the Qing dynasty, he taught in China from 1715 onwards and engaged in painting in China for more than 50 years.
21. ALBERTI L.B. *Della Pittura* / Trans. by Hu Jun, Xin Chen. Jiangu. 2012.
22. WANG EUGENE Y. *Shaping the Lotus Sutra*. Washington. 2007.
23. LIU YU-JEN. *Stealing Words, Transplanting Images* Stephen Bushell and the Intercultural Articulation of "Chinese Art" in the Early Twentieth Century. — *Archives of Asian Art*. 2018. No. 68 (2), p. 191–214.
24. MACHIAVELLI N.B. *Il Principe* / Trans. by Pan Handian. Shanghai. 1985.
25. CHRISTIE R., GEIS F. *Studies in Machiavellianism*. NY. 1970.
26. DUBOIS. *China's Old Brands: Commercial Heritage and Creative Nostalgia*. — *International Journal of Asian Studies*. 2021. No. 18 (1). TD, p. 45–59.

Религиозная умеренность с точки зрения А.Д. Айера

РИКИ САПУТРА, АРРАСИЙИД, МАХУДИН РИТОНГА, АХМАД ЛАХМИ, ШОФВАН КАРИМ, РИДО ПУТРА

Moderation of religion in A.J. Ayer's perspective

RIKI SAPUTRA, ARRASYID, MAHYUDIN RITONGA, AHMAD LAHMI, SHOFWAN KARIM, RIDO PUTRA

Аннотация. Радикализм и насилие во имя религии можно минимизировать, обогатив литературу по религиозной умеренности. До сих пор многие выводы, касающиеся литературы о религиозной умеренности, исходили из внутренней религиозной точки зрения. Исследование всегда богаче, интереснее и глубже, если оно осуществляется через философский подход, поэтому представленная статья раскрывает концепцию религиозной умеренности в работах английского философа XX в. Алфреда Джулса Айера. Исследование проведено с применением контент-анализа, раскрывающего смысл религиозной умеренности, характерной для Индонезии.

Ключевые слова: мультикультурализм, социально-религиозный, эпистемология, религиозная умеренность.

Abstract. Radicalism and violence in the name of religion can be minimized by enriching the literature on religious moderation. Until now, many findings related to the literature on religious moderation have emerged from an internal religious perspective. The study will be richer, more interesting, and deeper if it is carried out through a philosophical approach, therefore this research will reveal the concept of religious moderation according to A.J. Ayer. The research was conducted with a content analysis approach, which reveals the meaning of religious moderation which is juxtaposed with A.J. Ayer's thoughts, and even Ayer's epistemology is used as an analytical knife in considering religious moderation that occurs in Indonesia.

Key words: multicultural, socio-religious, epistemology, religious moderation.

Indonesia as plural and multicultural country in the concept of a state certainly can not abandon the concept of moderation. As multicultural and nationalistic country, of course, there is a tension between the religion and racism¹. This concept of moderation is the foundation of Indonesian society's harmony. Through the Ministry of Religion, moderation is encouraged to achieve a moderate state, respecting differences in beliefs, ethnicities, and cultures. The purpose of religious moderation is to create the atmosphere of tolerance, peace, and harmony in religion and nation, as well as to support multicultural life². This framing must be supported by the government so that each religion and culture respect the beliefs of others³.

This moderation movement does not only exist in Islam, but all religions have their own understanding of moderation. Islam by using the wasathiyah concept develops the concept of moderation. The current global challenges in the Islamic

world, both relating to social stability, culture, and political structures in various countries, can be overcome through wasathiyah, namely by promoting moderation. Wasathiyah is essential to support the fight against violent Islamic extremism⁴. Christian religious moderation is used as a perspective to mediate the extremes of Christian teachings interpretation. Catholics use the word “open” to reject fundamentalist and traditionalist views that reject renewal in the sense of the Catholic Church. The Hindu roots of moderation spirit can be traced back during thousands of years. Buddha also taught religious moderation in the teachings of Siddhartha Gautama. Even Confucianism, they have their own concept of religious moderation⁵.

The Ministry of Religion of the Republic of Indonesia take various steps to anticipate the occurrence of barriers and discrimination in the name of religion. The Indonesian government must have its own way of thinking and knowledge not to be trapped in the barriers of social spaces⁶. At this point, religious moderation as the integration of core religious teachings and the state of the multicultural society in Indonesia can be combined with social policies taken by the government. That way, through new knowledge, will raise awareness in every child of the nation that Indonesia does not only belong to one group but belongs to all of them⁷.

The problems described above require a new formula in the form of a new epistemology that must be supported by the state not to overlap with the existing moderation in their respective religions. This is because religious moderation is a shared commitment of maintaining a perfect balance, where every society in Indonesia, regardless of ethnicity, has ethical beliefs and must listen to one another. With religious moderation and a new epistemology, the community is expected to be able to live together in the conditions of tolerance and togetherness⁸.

Some studies of A. J. Ayer related to epistemology. Mauliansyah explains Ayer's idea of Language, Truth, and Logic and considers this epistemology critically⁹. This study assesses Ayer's idea in the positivistic perspective that he does not want to consider deeper. The difference between this and Mauliansyah's study lies in the application of Ayer's epistemology, which is used as an analytical tool in viewing religious moderation in Indonesia.

Mun'minatus in his research describes the connection between facts and the idea of Ayer's epistemological papa. This research only focuses on the idea of elaborating

Рики Сапутра – Университет Мухаммадия. Суматра Барат. Индонезия. E-mail: rikisaputra.rs87@gmail.com; Арасийид – Исламский университет Негери Имам Бонжол. Паданг. Индонезия. E-mail: arrasyid350@gmail.com; Махудин Ритонга – Университет Мухаммадия. Суматра Барат. Индонезия. E-mail: mahyudinritonga@gmail.com; Ахмад Лахми – Университет Мухаммадия. Суматра Барат. Индонезия. E-mail: damhaimhal@yahoo.co.id; Шофван Карим – Университет Мухаммадия. Суматра Барат. Индонезия. E-mail: shofwan.karim@gmail.com; Ридо Путра – Университет Негери. Паданг. Индонезия. E-mail: ridhosipoetrakampai@gmail.com.

Riki Saputra – Universitas Muhammadiyah Sumatera Barat. Indonesia. E-mail: rikisaputra.rs87@gmail.com; Arrasyid – Universitas Islam Negeri Imam Bonjol Padang. Indonesia. E-mail: arrasyid350@gmail.com; Mahyudin Ritonga – Universitas Muhammadiyah Sumatera Barat. Indonesia. E-mail: mahyudinritonga@gmail.com; Ahmad Lahmi – Universitas Muhammadiyah Sumatera Barat. Indonesia. E-mail: damhaimhal@yahoo.co.id; Shofwan Karim – Universitas Muhammadiyah Sumatera Barat. Indonesia. E-mail: shofwan.karim@gmail.com; Rido Putra – Universitas Negeri Padang. Indonesia. E-mail: ridhosipoetrakampai@gmail.com.

facts and meanings that can be verified by Ayer's ideas, even in science there must be a deep explanation and meaning that can be verified by knowledge¹⁰. The object of this research is focused on dissecting the notion of religious moderation from Ayer's perspective, which is rarely discussed by previous researchers.

No previous research has been included in cross-epistemological studies such as this one. The reason is that it becomes ambiguous when western epistemology is used to consider discourses of religious moderation. Those case studies are in Indonesia where the majority of the population is Muslim. This is a novelty in religious moderation research from a western perspective.

In connection with the above facts, this study discusses one of the contemporary idea of a philosopher A.J. Ayer regarding the knowledge of truth and its relevance to the idea of religious moderation. This research is included in library research or library research with a descriptive analysis method¹¹. Ayer considers new knowledge in formulating approaches related to religious moderation. For the author, moderation will not be realized, especially if there is no new knowledge in considering problems that exist in a plural country like Indonesia.

The research data was obtained from the literature containing Ayer's thoughts. These sources include Ayer's work and the work of others who have studied Ayer's ideas. The type of source used is a combination of journals and books related to research content. Data was collected from these sources by reading and observing and taking the meaning contained therein related to the research theme. The analysis of the research data was based on comparative approach between the opinions to find the position of the researcher among the existing ideas.

Intellectual Career of A.J. Ayer. Alfred Jules Ayer was born on October 29, 1910, in London. He married a descendant of a Jew who was in the same family as the Citroen family, the founders of a rugged car factory in France. His involvement with the world of philosophy and philology began at Oxford where he studied in the period from 1932 to 1935¹². Ayer is known as a philosopher of radical positivism. His career skyrocketed after he returned from Vienna and was appointed a lecturer at Oxford. Due to the Second World War, he was assigned by the British government to serve as a soldier in military intelligence.

After the Second World War, Ayer received an extraordinary award. He was appointed a professor at the University of London (1946–1959) and the University of Oxford¹³. As an academic, Ayer certainly received the ideas contained in the book "Language, Truth and Logic" which became a phenomenal work and was admired by the English philosophers of the XX c. The idea expressed in this book seems radical¹⁴. Ayer became a philosopher of radical positivism because of the studying in Vienna.

His second masterpiece "The Problem of Knowledge" contains the aspects of philosophical skepticism. The ideas put forward by Ayer in his book "Language, Truth, and Logic" are not new but they have been deeply embedded in Viennese circles. During the Second World War, Ayer worked mostly in intelligence that made his way of thinking positivistic, empirical and useful for the development of religious moderation knowledge.

A.J. Ayer's Epistemology. A.J. Ayer developed the concept of logical positivism in a radical way¹⁵. According to logical positivism, the pure philosophy of science may simply be a logical analysis of the language of science. The function of this

analysis, on the one hand, reduces metaphysics and, on the other hand, examines the logical structure of scientific knowledge and aims to determine the content of empirically diversified scientific concepts and statements. The pattern developed in logical positivism seeks to avoid the prolonged turmoil associated with science.

At the stage of its development, logical positivism views philosophers as investigating human nature. For the representatives of Viennese group, especially Ayer, the framework developed in Greek philosophy was pointless¹⁶.

Through language analysis A.J. Ayer reveals that philosophical problems can only be solved if the words do not contain ambiguity, or multiple meanings. According to logical positivism, knowledge is the impression stimulated by an object to the senses and the truth is the sensory response to the stimulus from the object. For Ayer, the concept of logical positivism can not be separated from the principle of verification: "We say that a sentence is factually significant to any person, if he knows what observations would lead him, under certain conditions, to accept the proposition as being true, or reject it as being false. If, on the other hand, the putative proposition such is, that assumption concerning the nature of his future experience is if not a tautology, a mere pseudo-proposition. The sentence expressing it may be emotionally significant, but not factually significant"¹⁷.

From the explanation by Ayer, the verification principle intends to determine the meaning and not to determine a criterion of truth. An expression can sometimes be right or interpreted wrong, but it can be meaningful. For Ayer, the expression comes from observations concerning sensory reality. In other words, it is meaningful if it is done by observation or verification. This case must require empirical facts and data.

To verify means to test, to prove empirically. Every science and philosophy always has a statement in the form of axioms, theories, etc., that are considered to have a principled meaning that can be verified by empirical experience. This verification principle does not require having a true statement. Consequently, if every statement has no true meaning statement will have no real meaning¹⁸.

In this way, Ayer rejects metaphysics, because, on the principle of verification as a measure of the truth of speech, statements that are not verified and analyzed logically are meaningless, especially statements related to metaphysics that can not be proven with a framework empirical¹⁹. Unconsciously, the epistemology developed by Ayer rejects can not be proven with a rational and empirical framework, moreover he is one of representatives of the Viennese schools with the paradigm of "Logical Positivism".

One more thing that distinguishes Ayer's ideas from other positivist ideas is the analytic proposition. This means that truth or untruth is not based on experience, but the testing of propositions²⁰. Analytical propositions consist of four main discussions: first, propositions that are true through limitations, solely based on their symbol arrangement. Second, propositions that are not based on experience, but a priori. Third, propositions that contain certainty and necessity. Fourth, propositions that contain meaning as they contain definite terms. All of this contains the possibility to be validated or not in the sense of experience²¹.

What Ayer has promoted, can be used as knowledge in assessing the framework of religious moderation in Indonesia. The reason is, as explained above, that the meaning contained in religious moderation must be following the empirical frame-

work that factually exists. On the contrary, the religious moderation movement is only a metaphysical movement that does not understand the root cause of the problem and its solution. In this way, it would be better if we looked more deeply into the meaning and context of religious moderation in a pluralistic and multicultural country.

Religious Moderation. Indonesia through the Ministry of Religion has been aggressively promoting religious moderation. This was made to provide understanding to the community and invite them to practice religious teachings without violence. Moderation comes from the word “moderatio” which means “medium”²² or can be understood as “no more and no less”²³.

In Islam moderation is known as “wasathiyah”. This term comes from the word “wasat”, extracted from the Qur’an, and contains a deep meaning of a combination of advantages and disadvantages²⁴. Wasathiyah is an attitude to life and a way how to behave, and maintain balance in every dimension of life. Moderation is the result of a collaborative attitude of Islam itself which is then based on the attitude of the diversity of a Muslim both from the dimensions of worship and muamalah coupled with the attitude to the world²⁵. Thus, Muslims should look to a more glorious future without fear or arrogance towards other religions.

Even in the Qur’an surah al-Baqarah verse 143 the word “wasathiyah” contains the most perfect meaning. The Hadith also mentions that the best of affairs is the middle. Or, in other words, Islam views the resolution of a problem through a deliberation approach, and always consider the middle point and the problem. Likewise facing the differences both between religions and within Islam itself. Moderate Islam always prioritizes the *tasamuh* attitude by not eroding trust in each other’s beliefs²⁶. The aim is that all parties should accept the decision that do not cause anarchism.

Humans who have high loyalty to moderation can be characterized by the attitude of the extent to which they cultivate loyalty and justice²⁷. If the individual is more moderate and balanced, then he will be more open to his potential to act with full justice that manifests the benefit of others. Likewise, if someone is not moderate and tends to be one-sided in making decisions, it indicates that he is not being fair. As explained above, the Prophet always taught his people to take the middle way in every decision.

For Nasir, the position of the moderates in Indonesia with plural and multicultural country must have a strong attitude so that all citizens of the nation stay away from all forms of radicalism that carry absolute understanding and contain extremism, intolerance, and violence regarding all matters relating to human life and nation²⁸. With the firmness of religious people who have a moderate attitude, of course, extremist understanding is not easy to enter into Indonesian society, which is already plural and multicultural²⁹.

Thus, religious moderation is a middle way amid religious diversity of Indonesia. Moderation can be called an archipelago culture that goes hand in hand and does not negate each other between religion and local wisdom. The principle is not questioning each other but looking for solutions together tolerantly³⁰. Thus, it is time for the Ministry of Religion to promote a religious moderation movement to create a society that is more moderate and tolerant for other understandings. This is because a democratic country must manifest tolerant attitude towards other beliefs.

Moderate in Islamic thought is promoting tolerance and respect for other different ideas. Openness accepts diversity – whether religious in madzhab or religious in religion. Differences will not prevent cooperation, based on the principle of humanity. Believe that Islam is the most correct religion for Muslims, without harassing other people's religions. So, that there will be unity between religions, as it was in the time of the Prophet. Thus, there must be new knowledge regarding religious moderation so that the Indonesian people understand the true meaning of moderation (Table).

Table

Knowledge of Religious Moderation in AJ. Ayer's Epistemology

Moderation in Religion	Ayer's Concept
<ul style="list-style-type: none"> • Wasathiyah • Moderate in religion • Religious beliefs must be verified so that religious radicalism does not occur • The truth of religious people tawasuth, tawazun, i'tidal, and tasamuh • The method in Islam is the teaching that is justified in the Qur'an, Sunnah, Ijma', and Qiyas 	<ul style="list-style-type: none"> • Language • Meaning • Verification • Truth • Method

Ayer's verification concept reminds the concept of religious moderation which is often known as tabayyun in Islamic teachings. As explained above, being moderate means always doing tabayyun, so, that there are no misunderstandings between religious people or Muslims themselves. Tabayyun is a command that is important for human life. One of the morals is to persevere in everything, especially in different cultures and beliefs.

Ayer's concept should not be confused with traditional subjectivist teachings. The difference is clearly shown when people point the difference between expressing feelings and affirming that people have certain feelings³¹. The reference between affirmation and the expression of certain feelings is because people have certain feelings often accompanied by the expression of those feelings. Similarly, in religious moderation of a plural and multicultural country, one must have self-affirmation before talking about the idea of religious moderation. Muslim can be called moderate when he still has the nature and attitude of hatred towards other religions³².

This means that there are still radical groups. Radicals are often associated with tough attitudes, which in the context of moderate religious moderation is understood as an ideology that seeks to make changes to the social and political order by using violent or extreme means in the name of religion³³. Thus, Ayer mentions that there must be knowledge of religious moderation regarding affirmation with its disclosure.

We all understand that wasathiyah is the best attitude to apply, not only in life as individual beings but also as social beings³⁴. For Ayer, people like to make ethical or value judgments merely to express, not affirm a certain feeling³⁵. So, the problem of moderation should be accompanied by feelings, not just disclosure. The concept described above is important in a plural and multicultural country. Speaking heart to heart is more effective than mere speech. This is as we discussed above regarding the concept of tabayyun.

This is because a moderate attitude will have an impact on two aspects of life, namely the aspect of oneself and the social aspect. They will assert and disclose to resolve the conflicts that exist within themselves. Whereas in social life, moderation

makes it easier to interact with other different communities, especially in the context of a society that has a diverse religious composition³⁶. Moderate attitude will be one of the right solutions of religious radicalization. Ayer said that moderation can provide a principle of verification of the existing truth³⁷.

For Ayer, humans never argue about values, but rather only argue about facts³⁸. By looking at the development of the religious moderation movement highlighted by groups or the government, it is only debating the facts, not looking at the axiological studies related to the emergence of the religious moderation movement³⁹. So, what will emerge is only limited the nursery facts that can be obtained in the field, not the essence of moderation itself. In this way, the values of moderation must also be stated, not only in the data obtained in the field⁴⁰.

Thus, Ayer mentions that there must be new knowledge related to religious moderation, especially when talking about moderation in a plural and multicultural country. For Ayer, it should not only talk about facts but should also prioritize the values that exist in the religious moderation movement. In addition, for Ayer when talking about religious moderation, he must prioritize tabayyun's actions, not just talking about affirmations and disclosures related to religious moderation.

Religious moderation lately has become a massive movement. The reason is to stem radical and extremist movements, the government through the Ministry of Religion seeks to carry out a religious moderation movement to fight with new ideologies that tend to bring division. Religious moderation is not a new concept – it has existed since the time of the Prophet. However, because some Muslims were infiltrated by an understanding that was not following Islamic teachings, finally the religious moderation movement was brought back to the surface to fight this ideology.

Ayer is a radical positivist philosopher who made a breakthrough in positive philosophical discourse. For Ayer, when talking about religious moderation, there must be a new formula in the form of new knowledge. This new knowledge is in the form of a value concept and is not based on real facts. For Ayer, this value is important because the essential part of religious moderation is the value, not the fact. Ayer mentions that feeling, not just expression as stated in the tabayyun concept in Islam, is essential in religious moderation.

References

1. SAYYID S. The Antinomies of a Secular Moderate Multiculturalism. — Pluto Journal. 2021. No. 6 (2), p. 228–229.
2. PAJARIANTO H., SARI P. Tolerance between Religions Through the Role of Local Wisdom and Religious Moderation. — HTS: Theological Studies. 2022. No. 78 (4), p. 2.
3. SUTRISNO E.. Actualization of Religion Moderation in Education Institutions. — Jurnal Bimas Islam. 2019. No. 12(2), p. 323–348.
4. IQBAL M.A., MABUD S.A. Challenge of Globalisation to the Muslim Ummah: Religious Extremism and the Need for Middle Path (Wasat). — Strategic Studies. 2019. No. 39 (3), p. 87.
5. PENYUSUN T., RI K.A. Moderasi Beragama. Jakarta. 2019, p. 29.
6. FAHRI M., ZAINURI A. Religious Moderation in Indonesia. — Intizar. 2019. No. 25 (2), p. 95–100.
7. HEFNI W. Moderasi Beragama dalam Ruang Digital: Studi Pengarusutamaan Moderasi Beragama di Perguruan Tinggi Keagamaan Islam Negeri Religious Moderation. — The Digital Space: Case Study

- of Mainstreaming Religious Moderation among Islamic Higher Education Institut. Bimas Islam. 2020. No. 13 (1), p. 1–22.
8. FARHAN I. Anarkisme Epistemologis Paul Karl Feyerabend dan Relevansinya dalam Membentuk Pandangan Moderasi Beragama. — Analisis: Jurnal Studi Keislaman. 2020. No. 20 (2), p. 109–130.
 9. MAULIANSYAH F. Positivisme Logis Dalam “Language, Truth, and Logic” by K.A.J. Ayer: Sebuah Pandangan Kritis. — Source: Jurnal Ilmu Komunikasi. 2018. No. 3 (2), p. 231–242.
 10. FIRDAUS M. Hubungan Fakta Dan Makna Pada Prinsip Verifikasi Perspektif A.J. Ayer. — Arete. 2017. No. 6 (1), p. 46–57.
 11. HASSAN M.I. Pokok-Pokok Materi Metodologi Penelitian Dan Aplikasinya. Jakarta. 2002, p. 25.
 12. MUSTANSYIR R. Filsafat Analitik: Sejarah, Perkembangan, Dan Peranan Para Tokohnya. Yogyakarta. 1987, p. 69.
 13. BERTENS K. Filsafat Barat Abad XX Inggris-Jerman. Jakarta. 1983, p. 32.
 14. SHOLIHAH A. Paradigma Prinsip Verifikasi A.J. Ayer dan Relevansinya dalam Kajian Keislaman. — Aqlania: Jurnal Filsafat dan Teologi Islam. 2021. No. 12 (1), p. 1–24.
 15. MAULIANSYAH F. Positivisme Logis Dalam “Language, Truth, and Logic”. Karya Alfred Jules Ayer: Sebuah Pandangan Kritis. — Jurnal Ilmu Komunikasi. 2018. No. 3 (2), p. 231–242.
 16. FIRDAUS M. Op. cit., p. 46–57.
 17. AYER A.J. Language, Truth and Logi. London. 1952, p. 48.
 18. MAULIANSYAH F. Op. cit., p. 231–242.
 19. FIRDAUS M. Op. cit., p. 46–57.
 20. AMIN H. Ayer Dan Kritik Logical-Positivism: Studi Metafisika Ketuhanan. — Substantia: Jurnal Ilmu-Ilmu Ushuluddin. 2015. Vol. 17 (April), p. 121–138.
 21. MUSTANSYIR R. Op. cit., p. 72–73.
 22. ALLAN K. Moderate. — The Choral Journal. 2020. No. 60 (11), p. 69.
 23. PENYUSUN T., RI K.A. Moderasi Beragama. Jakarta. 2019, p. 15.
 24. BAHRI T. bin R.N. Understanding Islamic Moderation: The Wasatiyya Imperative. — Counter Terrorist Trends and Analyses. 4 (9). 2012, p. 18.
 25. WAHYUDI D, KURNIASIH N. Religious Moderation Literacy as a Realization. — Jurnal Moderasi Beragama. 2021. No. 1 (1), pp. 1–20.
 26. NURHIDAYAH. Moderasi Beragama Perspektif Pluralisme Abdurahman Wahid (Gus Dur). — Jurnal Penelitian Ilmu Ushuluddin. 2022. No. 2 (2), p. 360–369.
 27. DKK A. Moderasi Beragama Dalam Islam Dan Barat. — JSA. 2021. No. 5 (2), p. 85–102.
 28. NASHIR H. Moderasi Indonesia dan Keindonesiaan Perspektif Sosiologi. — Pidato Guru Besar. 2019. No. 2 (2), p. 1–84.
 29. AKHMADI A. Moderasi Beragama Dalam Keragaman Indonesia Religious Moderation in Indonesia's Diversity. — Jurnal Diklat Keagamaan. 2019. No. 13 (2), p. 45–55.
 30. RAHAYU L.R., LESMANA P.S.W. Potensi Peran Perempuan dalam Mewujudkan Moderasi Beragama di Indonesia. — Pustaka: Jurnal Ilmu-Ilmu Budaya. 2020. No. 20 (1), p. 31.
 31. FRONDIZI R., NILAI P.F., ed. Wijaya C.A. 3rd ed. Yogyakarta. 2011, p. 77.
 32. SOLOMON H. Turkey's AKP and Myth of Islamist Moderation. — Jewish Political Studies Review. 2019. No. 30 (3), p. 133.
 33. ZAKKI M. Moderasi Beragama dalam Kitab Tasawuf Al-Muntakhabāt karya KH. Ahmad Asrori Al-Ishaqi. — Jurnal Lektur Keagamaan. 2021. No. 19 (1), p. 269–306.
 34. ARIF K.M. Konsep Moderasi Islam dalam Pemikiran. — Millah. 2020. No. 19 (2), p. 307–344.
 35. AYER A.J. The Problem of Knowledge, Macmillan and Company Limited. London. n/d., p. 34.
 36. IRAWAN M.D. Islam Wasatiyyah, Refleksi Antara Islam Modern Dan Upaya Moderasi Islam. — TAJDID: Jurnal Ilmu Ushuluddin. 2017. No. 16 (2), p. 111–28.
 37. AYER A.J. Language, Truth and Logi. London. 1952, p. 24.
 38. Ibid., p. 110.
 39. ISLAM K.N. Moderasi Beragama di Tengah Pluralitas Bangsa: Tinjauan Revolusi Mental Perspektif Al-Qur'an. — KURIOSITAS: Media Komunikasi Sosial dan Keagamaan. 2020. No. 13 (1).
 40. HEFNI W. Moderasi Beragama dalam Ruang Digital: Studi Pengarusutamaan Moderasi Beragama di Perguruan Tinggi Keagamaan Islam Negeri Religious Moderation. — The Digital Space: Case Study of Mainstreaming Religious Moderation among Islamic Higher Education Institut. Bimas Islam. 2020. No. 13 (1), p. 1–22.

Contents

Articles: **S.V. Vorobyov.** Fall of the “tank king” I.M. Salzmann: historical myths and facts. *People. Events. Facts:* **V.S. Pikalova, D.V. Pikalov.** Commemorative practices in the system of Soviet ideology in the 1920s (based on the materials of the Isparts of the North Caucasus); **E.E. Krasnozhenova.** “I know what war means”. Nazi occupation policy against childhood (based on the materials of the North-West of the RSFSR); **G.B. Tuskayeva, U.Sh. Tedeeva, L.Ch. Khablieva.** Evacuation from the frontline to North Ossetia during the Great Patriotic War. *Ethnic minorities in Russian history:* **I.S. Karabulatova, A.G. Shabambayeva, M.Yu. Nikitin, G.K. Rezuanova, G.K. Syzdykova.** Bukharian Jews and Tobolsk Bukharians on the territory of the south of Western Siberia and the Kazakh steppe in the 17th – 19th centuries: adaptive practices of avoiding conflicts in the merchant environment; **A.E. Zhukova, O.A. Semenova, V.Yu. Shevelev.** Issues of the school hygiene in the second half of the 19th – early 20th centuries in St. Petersburg (on the example of Jewish educational institutions); **T.A. Kattsina, L.E. Mezit, K.A. Tishkina.** Social assistance to the Jewish evicted to Siberia during World War I; **M.V. Sinityn, I.S. Karabulatova, T.A. Kattsina, F.B. Sautieva, K.K. Karimova.** Conflictogenicity of the topic of Armenian and Greek refugees in the media discourse of the World War I period at the pre-revolutionary stage; **P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva.** State regulation of the position of the Muslim clergy in the Yenisei province in the second half 19th – early 20th centuries; **P.K. Dashkovskiy, N.P. Zibert.** The situation of religious communities in Western Siberia in the context of changes in the vector of Soviet confessional policy in the 1920s; **T.G. Nedzelyuk.** “Stairway to Heaven”: Siberian period in life of Lev Svyatopolk-Mirsky; **P.K. Dashkovskiy, N.S. Goncharova.** Activity of authorized representatives of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the national autonomies of Siberia (on the example of the Khakass Autonomous Region); **P.K. Dashkovskiy, N.S. Dvoryanchikova.** The influence of the new state-confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Western Siberia in 1985-1991; **N.K. Baigabatova, A.Zh. Toibayev, G.M. Iskakova.** Migration processes in Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries and their impact on the ethnic structure of the population (on the case of Semirechensk region); **Zh.S. Aubakirova, E.O. Stolyarova, N.L. Krasnobaeva, A.N. Alekseyenko, T.Y. Omyrzak, S.K. Ualiev.** Population of the KASSR in 1920–1926; **G.A. Sarsembayeva, N.L. Krasnobaeva, N.A. Makhmetova, E.O. Stolyarova, Zh.S. Aubakirova, A.N. Alekseyenko.** Historical prerequisites for the formation of the Kazakhstan “model” of fertility: mid-20th – early 21st centuries; **Zh.S. Aubakirova, T.Y. Omyrzak, E.O. Stolyarova, G.A. Sarsembayeva, A.N. Alekseyenko, G.K. Kenzhebayev.** Demographic development of Kazakhstan in the second half of the 20th – early 21st centuries: contradictions and risks. *History of Information Technologies and Data Science:* **M.U. Baysayeva, A.M. Gachaev, E.V. Krasavina, Yu.V. Zabaykin.** Integrated digital project management systems as a tool for implementing company strategies: history and modernity. *Contributions:* **E.A. Babintseva, G.O. Lukyanova.** Historical features of cooperation between Russia and Egypt in the field of hydroecology; **Yunxiang Ge, Hao Qin, Cheng Lu** (corresponding author). Distribution of fashion in terms of marketing: history and actuality. *International Scientific Cooperation:* **Yang Shizhang.** The history of transmission of Russian translatology in China. *Cultural news:* **Weihua Zhou.** Frescoes of Russia and China: a comparative analysis; **Mingyu Sun, Yan Lin** (corresponding author). The dialogue between ethnicity and symphony. On the composition and development of Chinese ethnic orchestral music in the New Era; **Le Zhan.** Research on the composition and modern piano performance in China. *From the History of Religions:* **Yu-Fu Chen.** The art of image worship in China of the 17th century; **Riki Saputra, Arrasyid, Mahyudin Ritonga, Ahmad Lahmi, Shofwan Karim, Rido Putra.** Moderation of religion in A.J. Ayer’s perspective.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, А.Н. Цамутали Перепечатка

допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

Редакция не несет ответственности за достоверность публикуемых авторами сведений

«Вопросы истории» № 10(2), 2022

Адрес: Журнал «Вопросы истории»

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Сайт: <https://voprosy-istorii.ru>

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 21.10.2022. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Арно. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 550. Заказ 3227-2022. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»